

БИБЛИОТЕКА ПОЭТОВ

ПОЭТЫ
1860-х ГОДОВ

€

ПОЭТЫ
1860-х ГОДОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА МГОРЬКИМ

МААААЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский*

с о в е т е к и й
п и с а т е л ь

ПОЭТЫ 1860-х ГОДОВ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. Г. Ямпольского*

ленинградское отделение

1 9 6 8

В сборник входят избранные стихотворения поэтов 1860-х годов. Это поэты, группировавшиеся вокруг сатирического журнала «Искра» (автор «Дубинушки» В. Богданов, переводчик П. Вейнберг, пародист Н. Ломан, автор песни «Не плачьте над трупами павших бойцов...» Л. Пальмин, Н. Курочкин, Г. Жулев), поэт-революционер И. Гольц-Миллер, а также Вс. Крестовский, автор романа «Петербургские трущобы», П. Кусков, Б. Алмазов и некоторые другие.

Стихотворения разнообразны в жанровом отношении: политическая и бытовая сатира, пародии, лирика, стихотворения, ставшие революционными песнями.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ 1860-х ГОДОВ

1

В эту книгу включены стихотворения второстепенных, малоизвестных широкой читающей публике поэтов 1860-х годов, творчество которых не представлено в отдельных, персональных сборниках Малой серии «Библиотеки поэта». Однако чтобы понять их место в истории русской поэзии, необходимо уяснить себе общие тенденции и узловые проблемы ее развития, которое определялось наиболее значительными именами и явлениями.

Под шестидесятью годами прошлого века историки русской общественной мысли и литературы подразумевают обычно период с середины 50-х годов, когда в русской жизни и литературе стали явственно обозначаться существенные изменения. Смерть Николая I и поражение в Крымской войне оценивались современниками как важный рубеж в истории России. Происходит — правда, ненадолго — некоторая либерализация

правительственной политики, которая вскоре сменяется новым приливом реакции; угроза крестьянской революции вынуждает, для сохранения политического и экономического господства дворянства, предпринять ряд реформ и прежде всего крестьянскую реформу. Революционная ситуация, при которой «верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» становятся все активнее, не привела к революции, но наложила отпечаток на всю общественную жизнь, вызвала более резкую социальную дифференциацию. Уже не отдельными одиночками входят в политическую жизнь, культуру и литературу представители демократической, разночинной интеллигенции; начинается второй, разночинский этап русского освободительного движения.

Обычное представление о двух основных направлениях русской поэзии 60-х годов — так называемой «чистой поэзии» и «гражданской» — сложилось очень давно, едва ли не в самом разгаре борьбы между ними. К первому направлению современники причисляли Фета, Майкова, А. К. Толстого, Полонского, Тютчева, Щербину, Мея, Случевского, Кускова; ко второму принадлежали Некрасов, Михайлов, Добролюбов, В. Курочкин, Минаев, Никитин, Огарев, Плещеев, Трендов, Жулев, Щиглев. В каждом направлении было еще много других имен.

Разумеется, говоря о любом литературном направлении, мы должны иметь в виду, что примыкающие к нему писатели далеко не всегда покрываются признаками этого направления и некото-

рыми особенностями своего творчества как бы выходят за его пределы (так, например, поэзия А. К. Толстого и Полонского, не говоря уже о Тютчеве, отнюдь не исчерпывается характерными чертами «чистой поэзии»). Но в мировоззрении и эстетических принципах есть у них много общего — того, что сближает их и составляет сущность направления. Именно это общее, основные тенденции, проблемы, направления русской поэзии 60-х годов, а не отдельные ее представители и являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Истоки обоих направлений находятся еще в 40-х годах, когда начали свою литературную деятельность главные их представители. Но тогда, при всех принципиальных разногласиях по вопросам искусства и общего мировоззрения, размежевание между ними не получило еще той определенности и остроты, которой отмечены 60-е годы. Если в 40-е годы «чистая поэзия» могла еще отчасти оцениваться как результат стремления уйти от гнусной российской действительности и пассивной оппозиционности по отношению к николаевской монархии, то после революционных событий 1848 года (а тем более в 60-е годы) теория «искусства для искусства» направлена непосредственно против демократического, революционного искусства, получившего свое теоретическое обоснование в материалистической эстетике Чернышевского и приобретавшего все большее влияние в читательской массе.

Борьба «гоголевского» и «пушкинского» на-

правлений, то есть критического реализма и теорий «искусства для искусства», с наибольшей резкостью и отчетливостью сказала именно в области поэзии. Знаменем «искусства для искусства» его сторонники пытались сделать соответствующим образом истолкованные творчество и самую личность Пушкина.

А. В. Дружинин и В. П. Боткин, равно как и поэты «чистого искусства», считали «гражданскую поэзию» ненастоящим искусством или вовсе не искусством, поскольку гражданских поэтов привлекали в первую очередь не «вечные» темы, а явления, связанные с «злостью дня», иначе говоря явления социально-исторические, поскольку основным стимулом их творчества было активное, в высшей степени заинтересованное отношение к самым острым вопросам социальной действительности.

Боткин в программной статье о Фете иронизировал над образом поэта — «карателя общественных пороков», «проводника так называемых современных идей». Такой взгляд на поэта противоречит, по его мнению, основным началам поэтического творчества. «Поэт, под одеждою временного, имеет в виду только вечные свойства души человеческой... Тем всегда глубже и прочнее действие поэтического произведения, чем независимее оно от временных и, следовательно, скоропреходящих интересов». Теперь, писал Дружинин, «всякий ребенок знает, что мир поэзии и мир гражданской деятельности вполне независимы один от другого, что поэзия во время застоя об-

ественного может быть общественным побудителем и двигателем, но что никакой закон не удержит ее в области одних насущных интересов житейских, чуть для этих интересов будет открыто широкое поле в государстве». Именно так, пишет он, обстоит дело «в наше благотворное время», и потому «нельзя раздавать поэтических лавров за изображение исправника, берущего взятки, или помещика, во зло употребляющего свое помещицье право». В обществе, вступившем на «широкую стезю плодотворных реформ» (в этих словах ярко проявились политические симпатии Дружинина, вполне удовлетворенного правительственной политикой тех лет), должен быть положен «естественный предел сатире» и возвращена поэзии «вся ее независимость от интересов случайных... Общество настолько созрело, что от беллетристики и поэзии ждет одних умственных наслаждений». Открыто призывая к борьбе с «современным направлением словесности и реализмом, в ней укореняющимся», сетуя на «дух политической партии и литературных несогласий», мешающих якобы нормальному развитию литературы, на подчинение «художественной стороны дела» элементу политическому и общественному, Дружинин неоднократно противопоставлял всему этому идеал «чистого искусства», «не подчиненного никаким временным, преходящим целям», служащего «само себе целью».

Теоретики и поэты «чистого искусства» возражали против всякого «дидактизма» и нередко заимствовали примеры его будто бы пагубного влия-

ния из литературы самых разных времен. Однако острее их высказываний, иногда завуалированных, было всегда направлено против русской демократической литературы и критики 60-х годов, как своего наиболее опасного врага — врага не только литературного, но и политического.

Критикам, поэтам, да и просто читателям демократического лагеря были чужды взгляды на литературу представителей «чистого искусства». Им был во многом чужд и поэтический мир этих поэтов. Они считали его чрезмерно узким, замкнутым в пределах личных переживаний. Им было враждебно «созерцательное направление» литературы (слова Боткина), уводившее общественное сознание от насущных проблем современности и способствовавшее примирению с окружающей социальной действительностью.

Выдвигая в качестве одного из основных критериев оценки произведений искусства значительность и общезначимость темы, Добролюбов писал: «Здесь мы расходимся с приверженцами так называемого *искусства для искусства*, которые полагают, что превосходное изображение древесного листочка столь же важно, как, например, превосходное изображение характера человека. Может быть, субъективно это будет и справедливо: собственно сила таланта может быть одинакова у двух художников, и только сфера их деятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэт, тратящий свой талант на образцовые описания листочков и ручейков, мог иметь одинаковое значение с тем, кто с равною

силою таланта умеет воспроизводить, например, явления общественной жизни» («Что такое обломовщина?»). И именно исходя из этого, считая основным мерилом достоинства писателя степень его проникновения «в самую сущность явлений» и то, «как широко захватывает он в своих изображениях различные стороны жизни», Добролюбов ставил Тютчева намного выше Фета, творчество которого, при всем его несомненном таланте, было наиболее последовательным выражением теории «чистого искусства» («Темное царство»).

Руководствуясь теми же принципиальными требованиями, оценивал современную поэзию и Писарев. Современные поэты ничем не обогатили сознания молодого поколения, не заронили в него «искры негодования против грязных и диких сторон нашей жизни», не разбили ни одного «господствующего заблуждения» и лишь «баюкали нас своими тихими мелодиями» и «воспевали на тысячу ладов мелкие оттенки мелких чувств». Наши лирики, утверждал он, «не настолько развиты, чтобы стоять в уровень с идеями века; они не настолько умны, чтобы собственными силами здравого смысла выхватить эти идеи из воздуха эпохи; они не настолько впечатлительны, чтобы, смотря на окружающие их явления обыденной жизни, отражать в своих произведениях физиономию этой жизни с ее бедностью и печалью. Им доступны только маленькие тревожения их собственного узенького психического мира; как дрогнуло сердце при взгляде на такую-то женщину, как сделалось грустно при такой-то разлуке, что

шевелинулось в груди при воспоминании о такой-то минуте — все это описано, может быть, и верно, все это выходит иногда очень мило, только уж больно мелко; кому до этого дело и кому охота вооружаться терпением и микроскопом, чтобы через несколько десятков стихотворений следить за тем, каким манером любит свою возлюбленную г. Фет, или г. Мей, или г. Полонский?..» («Писемский, Тургенев и Гончаров»).

Полемизируя со сторонниками «чистого искусства», Огарев в предисловии к известному сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» писал: «И кто же может верить, чтобы живое стремление к общественному благу, лирическая перестройка общественных отношений и сопряженные с ними политические ненависти и восторги — были недоступны для художественной формы?»

Таким образом, не только самый факт существования двух антагонистических направлений, но и центральное место, которое занимала борьба между ними в поэзии этого времени, не могут быть оспариваемы. Однако признаки этих направлений и особенности этой борьбы нуждаются в пояснении и уточнении.

Прежде всего следует отметить, что речь идет не о монополии на тот или иной круг тем и мотивов. Поэтому прямолинейная подстановка вместо «чистой поэзии» — лирика природы и любви, а вместо «гражданской» — стихотворения на общественно-политические темы неверна. Можно говорить лишь о преобладании той или иной те-

матики. К тому же физиономия поэтического направления характеризуется не только кругом тем и мотивов, а в первую очередь социально-философскими и эстетическими взглядами, определяющими их трактовку.

Представители «чистой поэзии» откликались на политические события и явления общественной жизни, и политические стихи у некоторых из них занимают немалое место. С другой стороны, лирика природы и любовная лирика вовсе не игнорировалась «гражданскими» поэтами, и прежде всего самим Некрасовым. Но это обстоятельство еще более подчеркивает их коренные отличия. Наличие политических стихотворений у А. К. Толстого и Тютчева не делает их близкими Некрасову, поскольку их конкретные социальные оценки и политическое мировоззрение в целом чужды ему, а лирика Некрасова несколько не приближает его к Фету, потому что она не только носит особый индивидуальный отпечаток, как у каждого крупного поэта, но опирается на иные, враждебные Фету эстетические принципы. Интимная лирика теснейшим образом связана со всем мировосприятием и миропониманием поэта и не может быть понята изолированно.

Конечно, понятия «чистая поэзия», «чистое искусство» иллюзорны. «Последователи теории чистого искусства, выдаваемого нам за нечто должностное быть чуждым житейских дел, — писал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», — обманываются или притворяются: слова «искусство должно быть

независимо от жизни» всегда служили только прикрытием для борьбы против не нравившихся этим людям направлений литературы, с целью сделать ее служительницей другого направления, которое более приходилось этим людям по вкусу». Однако, сознавая условный характер этого исторически сложившегося обозначения, мы все же можем им пользоваться, поскольку оно охватывает и в некоторой степени характеризует известный круг родственных явлений и имен.

Иначе обстоит дело с термином «гражданская поэзия», который очень неудобен вследствие своей неопределенности. Неудобен он прежде всего потому, что недостаточно точно разграничивает данную школу с другими поэтическими явлениями. В поэзии 60-х годов есть течения, для которых «гражданская» направленность является основной, но которые тем не менее весьма далеко отстоят от Некрасова. Таких течений два: во-первых, поэзия славянофилов и, во-вторых, так называемая «обличительная» поэзия (Розенгейм и др.) с ее куцыми умеренно либеральными тенденциями. Поэтому применительно к Некрасову, Добролюбову, Курочкину и многим другим правильнее говорить не о «гражданской» поэзии вообще, а о поэзии демократического лагеря; ее по праву можно называть и «некрасовским направлением», «некрасовской школой», тем более что такое обозначение встречается уже в 60-е годы.

Характеризуя поэтические направления 60-х годов, истории литературы иногда слишком доверчиво относились к программным высказываниям критиков. «Чистая поэзия» нередко противопоставлялась в связи с этим «гражданской» как поэзия, лишенная каких бы то ни было предвзятых тенденций, поэзии откровенно тенденциозной.

Не только критики, боровшиеся за идеи «искусства для искусства», но и поэты, примыкавшие к этому лагерю, считали гибельной для литературы всякую «дидактику». И Фет, и А. К. Толстой, и Майков не раз заявляли о том, что тенденция — смерть для искусства. «Мы принадлежим к царству, которое не от мира сего, — писал Майков. — Царство толпы меняется, подчиненное моде и времени, а наше — вечное». Однако их поэтическая практика нередко расходилась с этими утверждениями, нарушая принципы «созерцательного направления» литературы. Отстаивая свои представления о творчестве, стремясь опровергнуть мысли об искусстве, активно вмешивающемся в жизнь, они писали резко тенденциозные стихи против тенденциозности, против связи искусства с «злойбой дня».

Достаточно вспомнить, например, злобное стихотворение Фета «Псевдопоэту». Фет обвиняет в нем Некрасова в том, что он не понимает якобы подлинной свободы, низкопоклонничает перед толпой и тащит свой «малеванный хлам» на рынок,

на площадь. «Безумной прихоти певца», которой руководится, по Фету, настоящий художник, противопоставляется «прихоть народа», которой угождает «псевдопоэт». Алексей Толстой пишет «Против течения» — стихотворение программное и неприкрыто тенденциозное, в котором он, привлекая ряд исторических аналогий, ополчается на противников «чистого искусства». С не меньшей резкостью обрушивается он на мнимых разрушителей искусства в «Пантелее-целителе», призывая былинного героя попотчевать их дубиной.

Когда говорят о сатире 60-х годов, чаще всего имеют в виду сатиру демократического и революционного лагеря. И это естественно: наиболее яркие ее образцы действительно связаны с ним. Такое представление подкрепляется тем обстоятельством, что представители «чистого искусства» считали сатиру — именно потому, что она достигла расцвета во враждебном им стане и разрушала как их социальные и эстетические идеалы, так и ту социальную почву, на которой они возникли, — ненастоящим искусством. Негодование на «сви-стунов», «шутов», «гаеров» является одним из постоянных рефренов критических статей и рецензий целого ряда журналов.

И тем не менее в творчестве некоторых сторонников «чистого искусства» сатира занимает существенное место. Сатира А. К. Толстого — одна из значительных линий его литературной деятельности. Сатира и эпиграмма являются, наряду с антологическими стихотворениями, одним

из центральных моментов поэзии Н. Ф. Щербины. Из второстепенных поэтов следует назвать Б. Н. Алмазова, юмористические произведения которого пользовались в свое время успехом.

Хотя политика была для теоретиков «искусства для искусства» той областью человеческой деятельности, которая лежала за пределами подлинного искусства, имеющего будто бы дело лишь с вечными, непреходящими ценностями, их тенденциозность не ограничивалась борьбой с тем неприемлемым для них пониманием литературы, которое было присуще революционной демократии. Разумеется, уже самый отказ от политики был особой политической позицией. В основном это было проявление враждебного отношения к тому направлению политической мысли и деятельности, которое написало на своем знамени революционное преобразование России. Лишь в отдельных случаях тут имели место оппозиционные настроения и несогласие с правительственной политической линией. Однако отказ от политики, от откликов на злободневные явления в теории опять-таки далеко не соответствовал творческой практике.

Стихотворение Тютчева «Гуманный внук воинственного деда...» — своеобразный «выговор» петербургскому военному губернатору Суворову, отказавшемуся подписать приветственный адрес Муравьеву-Вешателю; «Современное» — отклик на открытие Суэцкого канала; в нем поэт обличает Западную Европу, предавшую интересы христиан

и из чисто корыстных соображений завязавшую отношения с мусульманским Востоком; целый цикл стихов, написанных на протяжении почти всего его творческого пути, развивает панславистские идеи, — все эти и многие другие стихотворения занимают в поэзии Тютчева количественно немалое место. Майков во время Крымской войны напечатал ряд шовинистических стихотворений, в которых прославлял не только русское войско, но и Николая I, этого не понятого будто бы толпой великого человека, развенчивал революционные перевороты как некую арлекинаду и т. д.; идеальным поэтом являлся теперь для него певец русской славы Державин. Отклики на реформу 1861 года («Картинка» и др.) — это тоже политика, и не в меньшей степени, чем то, что теоретики «искусства для искусства» считали политикой у поэтов революционной демократии. Есть политические стихи даже у наиболее последовательного представителя «чистой поэзии» Фета. Писали политические стихи Алексей Толстой и Полонский; при этом у каждого из них они имеют свой особый характер и определяются социальной позицией этих поэтов. Стихотворные отклики Полонского на реформу 1861 года «Беглый» и «Признаться сказать, я забыл, господа. . .» резко отличаются от славословия ее в «Картинке» Майкова; сатиры Толстого направлены не только против «нигилистов», но и против правительственных кругов и официозных идеологов, высмеянных поэтом в «Сне Попова», «Песне о Каткове. . .» и пр.

Таким образом, отличие от демократической поэзии состоит не в полном изгнании из поэзии тенденциозности и политики, а в характере политических стихотворений — на что именно откликались и как оценивали поэты современные им политические события, то есть в политическом мировоззрении, в системе политических взглядов.

Некоторая часть политических стихотворений поэтов «чистого искусства» характеризуется специфическими семантическими и жанровыми признаками. Политическая тема стихотворения, политическая злободневность иногда завуалированы и облечены в поэтически-философскую оболочку, лишены конкретности. Наиболее ярким примером является стихотворение Фета «Нетленностью божественной одеты...». Речь идет в нем об Элизии, Аиде, Олимпе, Геркулесе, о героях, царях, поэтах, и в частности об одном поэте, который протянул руку герою, задушившему гидру. Поэт не назван, но стихотворение обращено к Тютчеву, одобрявшему жестокое подавление Муравьевым польского восстания 1863 года. Не всегда эта форма социальных и политических высказываний имеет столь подчеркнутый характер, но и в тех случаях, когда политическая тема явна, она трактуется часто так, что на первый план выдвигается не ее конкретное социально-историческое содержание, а некие предвечные законы, ныне осуществляющиеся, таинственные судьбы, роковые предопределения. Такая окраска характерна для многих политических стихотворений Тютчева, и

именно потому его политические стихотворения хотя и стоят несколько особняком, хотя по своим художественным достоинствам не принадлежат к лучшим его достижениям, но принципиально все же не отличаются от основной, магистральной линии его творчества. Политические события, потрясающие мир и беспокоящие сознание поэта, рассматриваются не одним Тютчевым, так сказать, с точки зрения вечности, *sub specie aeternitatis*. Политические интересы сливаются, таким образом, с областью метафизики, а собственно политика превращается представителями «чистой поэзии» в мелкую злобу дня, не связанную с судьбами мира.

Отвечая на упреки в равнодушии литературы к явлениям текущей жизни, Боткин в той же статье о Фете говорит о двух сторонах современности. Одна «состоит из фанатизма, исключительности, партий, полных взаимной ненависти, быстро сменяющихся требований и стремлений, из которых каждое силится дать этой современности название, соответствующее его целям». Другая, «истинная» сторона современности «перерабатывает всю эту вражду партий и интересов и производит над ними свой высший, неотразимый суд». Боткин, как и другие его единомышленники, считает Гете великим поэтом именно потому, что он «не увлекся своею современностью, а устремлял взоры свои только в вечные свойства природы, в вечные начала души человеческой». Люди же, поглощенные преходящей стороной современности, неизменно испытывают горькие разочарования.

Этим и объясняет Боткин «нерасположение Гете к истории» и сочувственно цитирует его слова о круговороте истории, о все тех же тревогах, мучениях, заботах, которые волнуют человечество на протяжении долгих веков его существования и которые мешают ему наслаждаться красотой мира и сладостью бытия. «Разве мелодия, которая усладила наше сердце, менее дорога нам оттого, что она ничего не говорит нам о современности? — возражает Боткин «поклонникам современности». — Разве природа с ее вечною красотою совершенно утратила все свое очарование, потому что наше сердце измельчало и иссохло в житейских волнениях? Разве внутренние, таинственные движения души, выраженные во всей их поэтической глубине, потеряли уже для нас значение, потому что в них высказываются не общие, отвлеченные мысли, а личные, самобытные движения человеческой души — как природа, вечно одинаковой и вечно новой в своих внутренних явлениях?»¹ Разные варианты этой идеалистиче-

¹ Через тридцать с лишним лет, как бы протягивая нити от «чистой поэзии» к символизму, Вл. Соловьев еще более отчетливо сформулировал высказанные Боткиным мысли в своей статье «О лирической поэзии» (1890), написанной по поводу последних сборников Фета и Полонского. «Существенная особенность лирической поэзии, — писал он, — состоит в том, что она относится к основной постоянной стороне явлений, чуждаясь всего, что связано с процессом, с историей... Для чистого лирика вся история человечества есть только случайность, ряд анекдотов, а патриотические и гражданские задачи он считает столь же чуждыми поэзии, как и суету будничной жизни».

ской теории, согласно которой наиболее существенное и глубокое в человеческой природе и жизни неизменно, а меняется лишь незначительное и второстепенное, лишь внешняя оболочка, теории, являющейся по существу отрицанием истории и исторического взгляда на мир, лежат в основе мировоззрения и поэтического творчества сторонников «чистого искусства».

Социально-политические и эстетико-философские представления определяли характер лирического «я», которое объединяет стихи того или иного поэта в восприятии читателя. У поэтов рассматриваемого направления одной из самых существенных черт этого лирического «я» являются неизменно подчеркивающиеся ими соотношения последнего с вселенной, с космосом. Исконные и непреодолимые противоречия между человеческой личностью и вселенной, сиротство отдельного человека, стремление к слиянию со стихийной жизнью природы, «жизнью божески всемирной» (Тютчев), порыв в «миры иные» и т. д. — эти мотивы, по-разному окрашенные — то в безысходно трагические, то в идиллические тона, — проходят сквозь всю лирику Фета, Тютчева, Толстого, Щербины и многих других. При этом большей частью тема «я и космос» противопоставлена другой теме — «я и люди», «я и общество». Природа, внушают они читателю, — вот где подлинная правда и благо, и потому человека естественно тянет к ее постижению и приобщению к ней, независимо от реальной его возможности. Все наиболее ценное, глубокое и доброе в человеке свя-

зано с человеком как явлением природы. Все это находится за пределами общественных связей и отношений, которые культивируют по преимуществу злые начала. И следует подчеркнуть, что речь идет у них не только о современном обществе, конкретном социальном организме (хотя, конечно, все это является непосредственным отражением социального самочувствия поэта в современности), а вообще о человеческом обществе.

Для многих поэтов и критиков этого направления характерно стремление к «художественному спокойствию» (Дружинин), к «гармоническому» мировосприятию или, как язвительно выразился М. Е. Салтыков, к «олимпийскому безмятежию», устранившему из их сознания острые противоречия окружающей действительности. В высшей степени свойственно это поэзии Майкова, Щербины и — в иной, более утонченной форме — поэзии Фета. Сам Фет считал отличительной чертой своей поэзии «невозмутимость», которая, по его словам, казалась возмутительной сторонникам «гражданской скорби» (предисловие к 3-му выпуску «Вечерних огней»). «Суровая поэзия Некрасова, — утверждал Дружинин в статье о Майкове, — ...не удовлетворяет лиц, мало знакомых с грустной стороной жизни, не дает никакого отрыва на врожденную во всяком человеке потребность ясности и счастья, ощущений блаженства и радости жизни. Для женщин, с их весьма разумным и совершенно понятным стремлением к миру симпатических явлений нашего

мира, эта поэзия или непонятна, или даже возмутительна». ¹

Игнорируя социально-историческое содержание жестоких социальных противоречий, поэты уходили в мир «вечных» ценностей — мир природы и личных душевных переживаний, примиряясь с якобы неизбежным злом. Щербина в стихотворении «Мир» писал:

Слейся с широкой природой,
Слейся душою и телом...
Смертный!

Пойми и прими
Жизнь горячо, но разумно,
Страсти больные уйми, —
И перестанешь...
Плакать о мнимом страдании,
Плакать, как плакал ты вечно
О преходящем, ничтожном,
Ложно блестящем конечном,
Иль на земле невозможном.

Мотив этот неоднократно повторялся и варьировался и у самого Щербины, и у других поэтов.

Борясь с идеалистическими системами эстетики и романтическим искусством за реабилитацию действительности, отстаивая взгляд, согласно ко-

¹ За несколько лет до этого Б. Н. Алмазов с осуждением писал, что в стихотворениях Некрасова «выражаются ненормальные, уродливые явления жизни, которых должно избегать в поэзии».

тому именно «действительность» является предметом искусства, Чернышевский, а в поэтической практике Некрасов и его школа менее всего были склонны к реабилитации данной социальной действительности; привлекая внимание к темным ее сторонам, они звали на борьбу с нею. Напротив, Дружинин, Фет, Майков и другие близкие им поэты и критики особенно ценили такое искусство, такую поэзию, которые заставляли человека забывать о «вседневной жизни», о «торжищах житейских».

Как сладко, позабыв житейское волнение,
От чистых помыслов пылать и потухать, —

писал Фет в программном стихотворении «Музе». «Мы... постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских», — вспоминал он в предисловии к сборнику «Вечерние огни». «Искусство и прекрасное, — заявлял он в другом месте, — выводит нас из томительного мира бесконечных желаний в безвольный мир чистого созерцания». Но, уводя сознание своих читателей от «вседневной жизни» (а в это понятие входил для них очень широкий круг явлений), они вместе с тем способствовали примирению с данной социальной действительностью.

Жизнь скучна, жестока, нужно уметь видеть действительно ценное, находить подлинную красоту и наслаждаться ею. Эти мысли то и дело звучат и в статьях, и в стихах сторонников

«искусства для искусства». В связи с этим центр тяжести поэтического творчества переносится на интимные переживания человека и даже на поэтизацию «предметов самых обыкновенных», на поиски красоты в как будто бы начисто отвергаемой повседневности. «Проза жизни кажется прозой лишь для очей, не просветленных поэзией» — такими словами характеризовал Дружинин одну из важных особенностей Фета как подлинного поэта. Но речь здесь идет не о «суровой» прозе Некрасова, а о том, что лежит вне общественной жизни, что связано лишь с субъективным сознанием человека, наконец, о тех будничных предметах и явлениях, в которых поэты «чистого искусства» нередко склонны были видеть самое существенное, «вечное», проявления стихийной жизни природы.

Жанровое поэтическое сознание давно отошло в прошлое. Писали стихи, проникнутые элегическими настроениями, но не было уже элегии как таковой; появлялись одические интонации и темы, но оды не существовало; дружеское послание и мадригал как поэтические жанры также воспринимались лишь в историко-литературном отдалении. Даже антологическое стихотворение, вновь расцветшее в 40-х — начале 50-х годов в творчестве Майкова, Щербины, Фета и др., отжило свой век, хотя отдельные его образцы появлялись время от времени и пользовались, как, например, «Диана» Фета или «Камеи» Мея, успехом. Очень распространен был наименее отчетливый в жанровом отношении романс. Связанный отчасти с

традициями предшествующих десятилетий, принимавший весьма разнообразные формы (салонный, мещанский, цыганский романс), он определял одну из основных тенденций поэзии Полонского и Фета, Толстого и Ап. Григорьева.¹ Но все же та психологическая и пейзажная лирика, те философские размышления, которые, при всем их отличии у разных поэтов рассматриваемого направления, представляют основную линию их творчества, не имеют твердых жанровых признаков, характерных для русской поэзии XVIII и первой трети XIX века. Это не элегии, не идиллии, не оды, не послания, а просто стихи о природе, о любви, о разнообразных душевных переживаниях.

Замкнутость поэтов школы «чистого искусства» в рамках индивидуалистического сознания, их антиисторизм даже тогда, когда они, подобно Тютчеву, остро чувствовали историческую значительность и размах происходивших событий и социальных сдвигов, сосредоточенность на «вечном» и неизменном привели к тому, что поэма занимала в их творчестве второстепенное, а иногда просто ничтожное место. Поэма требовала преодоления безраздельного господства лирической стихии и обращения к объективной действительности. Тяжесть этого господства ощущалась под-

¹ Хотя эстетические теории Григорьева некоторыми своими чертами существенно отличаются от дружининских, его лирика в основном находится в русле «чистой поэзии».

час поэтами, и попытки его преодоления во многих отношениях показательны.

Как известно, Тютчев вовсе не обращался к поэме, а в творчестве Фета поэмы занимают совсем несущественное место и вряд ли отвечали каким-нибудь глубоким поэтическим исканиям. Мучительно переживавший свою погруженность в лирическую стихию Ап. Григорьев в поэмах «Venezia la bella», «Вверх по Волге» и др. стремился объективировать метания и противоречия своего сознания, исторически их осмыслив и создав образ героя своего времени, но герой оставался насквозь субъективным и автобиографическим; поэмы или не заканчивались, или если и завершались, то по существу мало чем отличались от цикла лирических стихотворений. У Григорьева этот субъективизм был совершенно обнажен, но в более скрытых формах он имеет место и у других поэтов. Иногда мы имеем дело с перенесением личных переживаний в произведение на историческую или историко-религиозную тему, как, например, в «Иоанне Дамаскине» Толстого. Лирическая окраска героя поэмы, лирический тон его речей находят свое объяснение в сходстве ситуации, сходных переживаниях Толстого при дворе Александра II, засвидетельствованных самим поэтом и его современниками. Столь же субъективной является поэма Полонского «Кузнецик-музыкант», где социальное самочувствие поэта, чувство неустроенности и растерянности облечено в изящное аллегорическое повествование. Таким же рассказом о себе и только о себе, о

пути своего внутреннего и обособленного развития является поэма Майкова «Сны». Не разрешало, конечно, проблемы широкого объективного повествования и обращение к стилизации; пример ее — поэма Толстого «Дракон» (1875), в которой поэт обратился к итальянскому средневековью и к дантовским терцинам, создав, нужно отметить, превосходные образцы их.

Интересна творческая история произведений Полонского 60-х годов «Свежее предание» и «Братья». Это широкие по своему замыслу и значительные по своим темам поэмы или даже романы в стихах, совершенно необычные для «чистой поэзии». Обращение Полонского к подобным замыслам было, по-видимому, связано с его особой позицией в этой группе, с его постоянными колебаниями и тяготением к «Современнику», а затем к «Отечественным запискам» Некрасова. Темы, которые привлекли творческое воображение Полонского, относились к очень недалекому прошлому и были весьма актуальны. «Свежее предание» должно было воспроизвести идейную атмосферу 40-х годов, идейные искания интеллигенции этого времени. Вероятно, самое возникновение замысла связано со спорами о «лишних людях», причем Полонский хотел исторически оправдать психологически близкий ему историко-культурный тип и в то же время вскрыть причины его слабостей — и все это на широком историческом фоне. «Братья» — поэма об итальянской революции 1848 года и итальянском национально-освободительном движении. Однако обе остались неза-

вершенными. Анализ поэм приводит к мысли, что непреодолимые трудности возникали у Полонского при переходе от личной судьбы его героев к ее историческому осмыслению; центральные персонажи и историческое движение эпохи изображены параллельно, но между ними нет органической и неразрывной связи. Здесь дали себя знать слабые стороны мировоззрения Полонского.

Итак, ничего аналогичного русскому социально-психологическому роману поэты этого направления не создали. Было бы, однако, неверно утверждать, что все попытки выхода за пределы индивидуалистического сознания и преодоления лирической стихии оказывались безрезультатными. Драматическая поэма Майкова «Два мира» на тему о борьбе язычества и христианства, тема, которая почти всю жизнь глубоко волновала его, драматическая трилогия Толстого, «Псковитянка» Мея — несомненные достижения на этом пути. Но эти произведения по своей тематике относятся к временам очень далеким, а эпическое повествование о современной или близкой к ней действительности касалось мелких, случайных событий или кончалось неудачей.

В 1880 году А. Н. Островский произнес речь о Пушкине, в которой так определял его роль в истории русской литературы и культуры. «До Пушкина, — говорил он, — ...отношения писателей к действительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный угол зрения. Каждый из них, вместо того чтоб быть самим собой, должен

был настроиться на какой-нибудь лад... Высвобождение мысли из-под гнета условных приемов — дело не легкое, оно требует громадных сил... Прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным, — он первый стал относиться к темам своих произведений прямо, непосредственно, он захотел быть оригинальным и был — был самим собой».

Эта борьба с «условным углом зрения», с миром условных поэтических понятий и переживаний проходит через всю историю русской литературы XIX века, и одним из самых существенных ее этапов является поэзия Некрасова. В русле этой борьбы протекало и творчество тех поэтов середины XIX века, которые могут быть отнесены к некрасовской школе. И наоборот, весь ход общественно-литературного развития привел к тому, что многие представители так называемого «пушкинского» направления 50—60-х годов, критики и поэты, стремились сохранить этот «условный угол зрения», разумеется не в том виде, в каком он существовал в допушкинские времена, а в новой, более усложненной форме.

При всем их индивидуальном своеобразии всем им, независимо от степени таланта, было присуще противопоставление скучного и тесного мира реальной действительности свободному миру поэтической мечты. Для них существовала большая категория предметов и явлений, недостойных якобы поэтического изображения. Конечно, каждый художник производит известный отбор в пестрой массе фактов действительности. Но речь

идет здесь не об отсеивании мелочного и случайного, а, как указывалось выше, совсем об ином. . . «Поэзия или вообще художество, — утверждал Фет в статье о Тютчеве, — есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала. . . У всякого предмета тысячи сторон — и не только одно, данное искусство, с своими строго ограниченными средствами, но и все они в совокупности не в силах воссоздать всего предмета. . . Но в том-то и дело, что художнику дорога только одна сторона предметов: *их красота*». «Я никогда не мог понять, — писал он впоследствии в своих воспоминаниях, — чтобы искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты». Словом, поэт отнюдь не воспроизводит все многообразие жизни, а исключает из поля своего зрения целую категорию явлений, вникая лишь в «высокое» и «поэтическое». Мнению Чернышевского, что «сфера искусства не ограничивается одним прекрасным. . . а обнимает собою все, что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека», Фет противопоставляет именно это ограничительное понимание искусства и в том числе поэзии. Через год Добролюбов, характеризуя «величайшую литературную заслугу Пушкина» и словно полемизируя с Фетом, заметил: «Пушкин долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть».

Возможно, разумеется, и другое понимание у поэтов того же лагеря; так, Тютчев, без сомнения, не мог бы согласиться с высказываниями на эту

тему Фета. Наконец, и понимание прекрасного у разных поэтов не было тождественным: одни были склонны видеть в искусстве просвет в «миры иные», для других мир искусства не связан был ни с какой мистикой, но являлся своеобразным чисто эстетическим миром, отгороженным от действительности. Но особого рода иерархия тем, предметов, переживаний, разрыв между «низким» и «поэтическим» (и, соответственно, жизнью и искусством) сближает и роднит их друг с другом.

Оторванность современной лирики от жизни, погружение поэтов в мир «условных поэтических мотивов» отмечали и критики, близкие к славянофилам. Именно в этом видел Е. Н. Эдельсон (в статье 1864 года) причину утраты поэзией влияния на общество. Признаком оторванности от жизни Эдельсон считал «раздвоение существа почти каждого из наших поэтов», отделение в них «человека практического, жизненного» от «поэтической деятельности», для которой они нарочито «приискивают» сюжеты.

Общее понимание сущности и задач искусства, не имеющего будто бы целей вне самого себя, ориентация на сравнительно узкий круг читателей-«посвященных», образ поэта-жреца, романтического безумца, проникающего в минуты экстаза в тайны вселенной, или поэта, живущего «среди своего возвышенного мира» и сходящего на землю, «как когда-то сходили на нее олимпийцы, твердо помня, что у него есть свой дом на высоком Олимпе» (Дружинин), наконец строгое разграничение «низкого» и «поэтического» в действи-

тельности — определили некоторые особенности языка поэтов школы «искусства для искусства». Общей их чертой было сознательное или подсознательное убеждение в том, что язык поэзии по своим принципиальным основам отличается от практической речи. Фет демонстративно заявил в письме к Н. Н. Страхову: «Стихотворная речь и адвокатская — только у ослов одна и та же». «Когда возбужденная, переполненная глубокими впечатлениями душа ищет высказаться, — читаем в его статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», — и обычное человеческое слово коснеет, она невольно прибегает к языку богов». Резкое отделение поэтической речи, «языка богов», от «ежедневного языка» (А. К. Толстой) подчеркивалось и другими поэтами. Оно характеризует не только их теоретические высказывания, но в большей или меньшей степени и их стихи. Это выражается и в специфическом отборе слов, и в построении фразы, и в самом развитии темы.

Каждый поэт отбирает из различных слоев языка, из разнообразных языковых средств те, которые ему нужны для воплощения его замысла; он стремится найти адекватные своим мыслям и переживаниям слова и формы. Но он не может не опираться при этом на нормы, словарный состав и выразительные средства общенародного языка. Между тем в приведенных выше высказываниях есть явное стремление противопоставить «обычное человеческое слово» и поэтическую речь как некие самостоятельные системы языка. Поэти-

ческий язык как некая замкнутая система является иллюзией. Но эта иллюзия была связана с реальными тенденциями «чистой поэзии». На практике она нередко приводила к сужению возможностей общенародного языка, рождала у поэтов стремление к изысканному салонному жаргону и пренебрежение к «грубой», то есть прямой и ясной народной речи, что в той или иной мере присуще Фету и А. К. Толстому, Майкову и Полонскому, Мею и Щербине, сколь они ни различны в других отношениях. У разных представителей «чистой поэзии» эта характеризующая их стиль тенденция приобретает различные формы. Фет, при его тяге в область иррационального, обращается к семантически подвижному слову, не столько к его основному предметному значению, сколько к обертонам и прихотливым ассоциациям; логический смысл слова нередко поглощается у него общей эмоциональной окраской и музыкальностью стиха. Майков, точный и ясный в словоупотреблении, в передаче красок и звуков, сообщает слову известную красоту, эстетизирует его (еще в большей степени это присуще Щербине с его пристрастием к словесной экзотике). Но оба противопоставляют свое поэтическое слово «ежедневному языку» и вместе с тем повседневной будничной жизни.

Не все черты и тенденции рассматриваемого поэтического направления в равной мере свойственны всем его представителям; с другой стороны, как уже отмечалось выше, многие поэты, принадлежавшие к нему, в своей поэтической

практике нередко, каждый по-своему, нарушали его каноны. Но самое направление не перестает быть из-за этого вполне реальным и конкретным историческим явлением, что прекрасно понимали все современники, как сочувственно, так и враждебно относившиеся к нему.

В заключение следует отметить, что в 60-е годы начали свою литературную деятельность представители молодого поколения поэтов школы «чистого искусства», литературная судьба которых во многих отношениях сходна. Наиболее значительными из них были К. К. Случевский и А. Н. Апухтин. В начальном периоде их творчества нетрудно обнаружить либеральные настроения и социальные мотивы — подчас довольно острые, но затем Случевский и Апухтин отошли от них и утвердились на позициях «искусства для искусства». Не встретив сочувствия и убедившись, что в литературе получают преобладание чуждые им тенденции, они надолго замолкли и возобновили активную литературную деятельность лишь в 80-е годы, когда идеи «искусства для искусства» снова получили широкое распространение. По тем же причинам на многие годы прекратил не только печатание, но и писание стихов П. А. Кусков. От отчетливо выраженных радикально-демократических настроений к решительному отказу от них и мотивам религиозного примирения с действительностью пришел Ф. Н. Берг. В недолгом поэтическом творчестве В. В. Крестовского — будущего автора «Петербургских трущоб» — сосуществовали противоположные тенденции, и он не проделал

этой эволюции только потому, что вскоре навсегда оставил поэзию.

Некоторые поэты совершили обратную эволюцию. В конце своего творческого пути, уже совсем не молодым человеком, Н. П. Греков испытал воздействие Некрасова и написал немало стихотворений в его духе — правда, довольно бледных и несамостоятельных. Мало заметный представитель «чистой поэзии» Н. И. Кроль пережил внутренний перелом и органически включился в русло демократической поэзии 60-х годов.

Таким образом, бурные в русской истории и литературе 60-е годы по-своему отразились в сознании и творчестве второстепенных поэтов, заставив многих из них самоопределиваться и занять свое место в литературной борьбе эпохи.

3

Специфическим явлением общественно-литературного движения 60-х годов было так называемое либеральное обличительство. Оно дало о себе знать и в прозе, и в поэзии, и в драматургии, и в публицистике. Собственно либеральным оно может быть названо лишь условно, настолько внешним и поверхностным был этот либерализм. В связи с обличительством вернее говорить не о либерализме как таковом, а об отражении тех «либеральных» веяний, которые характеризуют правительственную политику после Крымской войны.

В поэзии наиболее типичным представителем

обличительства был М. П. Розенгейм, о котором см. на стр. 579. Здесь же мы остановимся на В. Г. Бенедиктове, активная литературная деятельность которого возобновилась после длительного перерыва в 1854—1855 годах.

Из первых стихотворений Бенедиктова этой поры обратили на себя внимание его отклики на события Крымской войны. Очень характерно, что в стихотворении «К отечеству и врагам его», написанном в разгар Севастопольской осады, он, подобно Розенгейму, обличая французов и англичан, воспекает не только русский народ и русскую природу, но и «православный алтарь» и «батюшку-царя». В другом стихотворении этого рода — «К России» Николай I прославляется как воплощение правды и справедливости.

С окончанием войны, в первые годы нового царствования, Бенедиктов становится наряду с Розенгеймом одним из наиболее заметных представителей обличительной поэзии. Некоторые его вещи пользовались успехом в либеральных кругах читающей публики, увидавших в них отражение современных общественных вопросов и политических настроений. Таким образом, во второй период своей литературной деятельности Бенедиктов, не переставая, впрочем, писать в прежнем духе (только гораздо более бледно), выступил в новом и несколько неожиданном для него обличии.

Общий характер и основные мотивы обличительной поэзии Бенедиктова выражены в концентрированном виде уже в стихотворении «Стансы (По случаю мира)». Образ поэта-обличителя, пре-

следующего общественные пороки, характеристика зол, с которыми ему предстоит бороться, наконец, образ царя, вдохновляющего якобы на борьбу со злом и неправдой, — все это получило развитие в ряде произведений Бенедиктова второй половины 50-х — начала 60-х годов.

Бенедиктов угрожает «сынам греха» «бичом карающей сатиры»; он взывает к «новейших дней Аристофану» и «новому Ювеналу» («Да встанет новый Ювенал И сдернет гнусные личины!»). Но новый Ювенал наделяется совершенно несвойственными ему чертами:

Восстань — не духа злобы полн,
Восстань — не буйным демагогом,
Не лютым двигателем волн,
Влекущих к гибельным тревогам, —
Нет, гласом добрым воззови,
И зов твой, где бы ни прошел он,
Пусть духом мира и любви
И в самом громе будет полон!

Предостережение поэту от «духа злобы», призыв к обличению, проникнутому «духом мира и любви», страх перед возможными «гибельными тревогами» имели в те годы совершенно определенный политический смысл и были направлены против «крайних мнений», то есть прежде всего против революционной демократии. И все это не случайно у Бенедиктова. В стихотворении «Рыцарь» речь идет о неудаче, которая постигла его героя в борьбе за истину. Причина неудачи заключается в том, что острый меч рыцаря только

вредил делу: «в движеньи скором наступательных начал» он своим «назойливым напором» лишь раздражал врагов истины. Между тем ей не нужны булатный меч и кровь врага, слуга ее терпелив и кроток. Не непримиримая борьба со злом, а любовь, смирение, спокойное и мирное шествие вперед — вот какими чертами наделен современный общественный деятель, и в том числе поэт-гражданин, в стихах Бенедиктова.

Каковы же объекты обличительного пафоса Бенедиктова, с чем он борется и что обличает? Невежество и неправосудие, воровство и взяточничество, преклонение перед золотым тельцом и погоня за чинами, ложь и лесть, обывательские интересы, сплетни, изменяющие мужьям жены, молодящиеся старухи и ряд других общечеловеческих недостатков и совсем микроскопических зол — вот о чем говорится в его стихотворениях. Никаких более существенных социальных зол Бенедиктов в России не видит, и недаром в его стихах дореформенных лет мы не встречаем упоминаний о крепостном праве.

Положительная программа Бенедиктова весьма смутна и расплывчата. Он то и дело повторяет азбучные истины и банальные фразы о борьбе со злом, просвещении, законности, которые получили столь широкое распространение в эти годы. «Характер его новейшей литературной деятельности можно объяснить в немногих словах, — писал Добролюбов в рецензии на сборник 1857 года, — то зло, которое повержено или по крайней мере заклеяно общественным мнением, он карает; то

добро, которое сделано, — прославляет; пред злом, еще не тронутым, обнаруживает полное бессилие; о добре, еще не сделанном, или вовсе не заводит речи, или говорит общие фразы, давно сделавшиеся ходячими в обществе». Бенедиктов готов довольствоваться очень малым. «Сделал хоть немного, Да нельзя же вдруг» — эти слова из новогоднего стихотворения 1857 года весьма точно характеризуют размеры его обличительства.

Официальный характер либерализма Бенедиктова подтверждается и тем, что стихи его пестрят восхвалениями Александра II, который (как прежде Николай I) являлся для него олицетворением добра и прогресса: «правдолюбья полон царь», «рыцарь божьей правоты», «добрых действий семя сеет добрый царь», «добрый царь — источник теплоты и света», «в нем — русской земли благодать» и т. д. Подобные прославления нередко как раз в обличительных стихах Бенедиктова — иначе говоря, царь являлся в его сознании опорой борьбы за прогресс, борьбы с общественным злом.

Некоторые либеральные органы видели в новых стихах Бенедиктова «правдивую летопись событий последнего времени» и находили в них отклик своим собственным настроениям, противопоставляли его даже жрецам чистой поэзии в качестве настоящего гражданского поэта. Но передовые круги русского общества произнесли над стихами Бенедиктова беспощадный приговор в рецензиях Чернышевского и Добролюбова. Отмечая в первую очередь идейное убожество этих стихов, Чернышевский и Добролюбов подчеркнули

вместе с тем, что в них нет и поэтических достоинств. «Проза, переложенная в стихотворный размер» — таков отзыв Чернышевского. В поэзии Бенедиктова 50—60-х годов появляются некоторые новые черты, однако в основном он не изменился, и новые темы не избавили его от тех особенностей, которые в свое время были сурово осуждены Белинским. Вычурность, риторика по-прежнему характеризуют его поэзию, только все это не имело уже и интереса новизны. Сочетание вульгарности с торжественностью, мнимо народных выражений с славянизмами типично для его «патриотических» стихотворений как на темы современные, так и исторические. Новая слава Бенедиктова была весьма кратковременна. Мода на обличительство прошла, и Бенедиктов скоро снова сошел со сцены — теперь уже окончательно.

Поэзия славянофилов сформировалась и являлась существенным литературным фактом в предшествующий период. В годы 1855—1870 она не играла заметной роли. Из трех ее главных представителей К. С. Аксаков и А. С. Хомяков умерли в 1860 году, а И. С. Аксаков хотя и прожил еще долгую жизнь, но как поэт в пореформенные годы выступал очень редко. Стихотворения этого периода занимают в их литературном наследии количественно очень незначительное место.¹ Уже од-

¹ Правда, в «Русской беседе» и в «Дне» было напечатано довольно много их произведений, но это преимущественно старые, иногда совсем старые (не только начала 50-х, но даже 40-х и 30-х годов) вещи.

но это говорит об исчерпанности путей славянофильской поэзии. Но, кроме того, стихотворения эти, за редкими исключениями, повторяют давние мотивы и мысли. Пагубность Петровской реформы и отрыв образованного общества от народа, «гордыня» разума и науки, отсутствие внешнего блеска, смирение и терпение как признаки подлинного христианства, мессианская роль России и идеи панславизма и пр. — все это было не раз высказано в поэзии славянофилов, причем гораздо более выразительно.

Оппозиционная струя славянофильства отошла на задний план и даже вовсе исчезла с новым царствованием. На смену мрачным настроениям николаевских лет пришел политический оптимизм, вера в близкое осуществление благодетельных реформ, а нередко и прямые славословия Александру II, призванному якобы воплотить в жизнь славянофильские чаяния о слиянии государства и «земства», единении царя и народа.

Очень важны для понимания этих изменений несколько стихотворений И. Аксакова, в поэзии которого 40-х — начала 50-х годов наиболее ярко отразились оппозиционные настроения славянофилов. Стихотворение «На новый 1858 год» начинается такими строками:

День встает, багрян и пышен,
Долгой ночи скрылась тень,
Новой жизни трепет слышен,
Чем-то вещим смотрит день!
С сонных вежд стряхнув дремоту,

Бодрой свежести полна,
Вышла, с богом, на работу
Пробужденная страна.

Под влиянием сегодняшнего дня, возбуждающего радостные надежды, изменяется отношение к прошлому. У поэта «на душе светло и ясно, И не помнится о зле», в его сердце «ни вражды, ни мести нет», и он посылает не только «дню грядущему привет», но и «дню вчерашнему забвенью».

В стихотворении «Ответ», обращенном к Полонскому, И. Аксаков дает характеристику своей «музы» — «бодрой, строгой, гневной», одушевленной борьбой против «общественного зла» и решительно отвергавшей увлечения «праздными мечтаньями». Эта автохарактеристика написана под несомненным влиянием Некрасова. Очень характерно, что, как и в «Поэте и гражданине», Аксаков противопоставляет своему пониманию задач искусства пушкинские слова о «звуках сладких и молитвах», подхваченные критиками и поэтами 50—60-х годов, стоявшими на позициях «искусства для искусства»:

Сурово песнь ее звучала,
Ничто не грело сердца в ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзии своей.
Не прелесть праздного мечтанья,
Не нега сладостных молитв,
Но злой порыв негодованья,
Жестокий суд, призывы битв,

Отвага дерзко-молодая
В ней вдохновляли песен строй...

Однако перед лицом сегодняшнего дня Аксаков признает борьбу ненужной; «порыв, упрек, негодованья» наскучили поэту; он утверждает теперь, что «путь мертвый отрицанья» не принесет живых плодов, и вот —

...с музой гневною моею
Теперь надолго я умолк.

Несколько раньше Аксаков писал родным, что первый период его поэтического творчества завершился: «Выражаясь фигурально, хотя оно немножко и смешно, я перестроиваю лиру; я уже давно не пишу стихов, но еще буду писать — я это знаю, — только аккорды, бог даст, будут не те, а стройнее, полнее, спокойнее. Только пусть потерпят немного и *не мешают* мне вырабатываться, идти свободно и спокойно законным ходом своего развития».

Надежды Аксакова не осуществились. Стихотворение 1860 года под выразительным заглавием «Последнее стихотворение из прежних» свидетельствует о невозможности перестроить лиру на новый лад, о душевной усталости, стремлении к примирению, покою и об обретении мудрости в признании тоски «владычицею мира». Лира Аксакова оказалась непригодной для «стройных, полных, спокойных» аккордов, да и самые эти бодрые настрояния оказались кратковременными, исчезнув

перед лицом новых социальных противоречий и потрясений, новых социальных сил и враждебной славянофильству революционной идеологии, заявивших о себе во весь голос. Та же душевная усталость, несмотря на полное удовлетворение объемом правительственных реформ, имела место и у Хомякова.

Для поэзии славянофилов по-прежнему характерен ораторски-проповеднический стиль речи — с приподнятыми торжественными интонациями, обильными церковнославянизмами и религиозной символикой. Во многом отличаясь по своему характеру от языка поэтов «чистого искусства», он также противостоял в их сознании общенародному языку как некая замкнутая в себе система.

Литературные взгляды славянофилов ярко отразились в стихотворении К. Аксакова «Литераторы-натуралисты», направленном против писателей-реалистов середины XIX века. К. Аксаков голословно приписывает им фотографирование случайных, мелких явлений действительности и говорит об их неспособности проникнуть за «покров бездушный» и «духу мира приобщиться». Однако это стихотворение, весьма существенное для понимания эстетики славянофилов, не исчерпывает их литературной позиции. Славянофилы были в основном поэтами гражданской темы, «дидактиками», по терминологии сторонников «артистической теории», и противниками «искусства для искусства». Отмечая в своем обзоре русской литературы 1857 года, что «отвлеченный (то есть подражательный. — *И. Я.*) стихотворный период» в России

давно кончился, К. Аксаков писал: «В наше время поэтическое произведение, хотя написанное с талантом... , может быть только средством, одним из способов для выражения той или другой мысли. Известен анекдот об математике, который, выслушав изящное произведение, спросил: *что́ этим доказывается?* Как ни странен этот вопрос в приведенном случае, но есть эпохи в жизни народной, когда при всяком, даже поэтическом, произведении является вопрос: *что́ этим доказывается?* Таковы эпохи исканий, исследований, трудовые эпохи постижения и решения общих вопросов. Такова наша эпоха».¹

После встречи с Каролиной Павловой в 1860 году И. Аксаков как о чем-то совершенно чуждом ему писал, что она «отравилась искусством», «вся... ушла в поэзию, в стихи», не желая ничего знать за ее пределами, и что вся жизнь является для нее лишь материалом для ее произведений.

Интересна с этой точки зрения и статья во многом близкого к славянофилам, в прошлом члена «молодой редакции „Москвитянина“» Е. Н. Эдельсона «Два слова правды нашим лирикам» (1863). Отвечая на вопрос о причинах «жалкой современной роли нашей лирической поэзии» и равнодушия к ней читающей публики, Эдельсон склонен винить в этом самих поэтов. Не прислушивающиеся к говору жизни, чуждые «тревогам

¹ Аналогичные высказывания имеются и в речах Хомякова в Обществе любителей российской словесности.

века», все они (за исключением Некрасова, Тютчева и Огарева) бесконечно повторяют и варьируют мотивы, которые не возбуждают уже живых чувств и живого отклика. «Наши современные лирические поэты, — писал он, — просто не представляют достаточного содержания, чтобы сказать нечто новое и достойное внимания среди множества живых и практических вопросов, поднятых историческим течением жизни... Мы требуем... от поэзии серьезного содержания, отражения эпохи, духа времени — одним словом, живого голоса среди других голосов; а нас угощают капризными ощущениями, античными созерцаниями, натянутыми картинками из среднего и древнего мира, поклонениями красотам природы и т. под., да, вдобавок, и этим всем еще в подогретом виде, без живого, по большей части, и цельного вдохновения».

Читая отдельные места статьи, можно принять их за цитаты из «Современника»; однако, чуть дело доходит до раскрытия того, что понимает критик под «духом времени», «тревогами века» и связанными с ними большими вопросами, обнаруживается непроходимая пропасть между Эдельсоном и демократическим лагерем. Соприкасавшиеся в своем отрицании «чистого искусства», они были очень далеки и прямо враждебны по своей положительной социальной и литературной программе. В той же статье Эдельсон, как и многие славянофилы, пренебрежительно отзывается о «погоне за модными и современными сюжетами», о музе поэзии, которая бродит по «торжищам», пре-

достерегает от увлечения «всеми мелкими явлениями времени», «всеми вопросами дня» и пр. При этом в категорию «мелких явлений времени» для него несомненно входили те наиболее значительные вопросы коренного социального переустройства России, которые так волновали демократические круги русского общества. Здесь «почвенники» и славянофилы сходились со сторонниками теории «чистого искусства». И те и другие исходили из убеждения, что стремления человеческой души неизменны, что искусство «есть отражение идеального», а «идеал... не развивается», что в основе искусства лежит «вечная и непременная правда», которая не имеет ничего общего с «идеалом, извлеченным из минутных, жалких или порочных законов действительности» (А. Григорьев). Поэтому искусство, отражающее реальные противоречия жизни и тем самым способствующее изменению последней, вызывало с их стороны постоянное сопротивление. Только в этой связи и может быть понята попытка Боткина и Дружинина заменить в «Современнике» Чернышевского Григорьевым, имевшая место в 1856 году. Те большие вопросы, к которым, по словам Эдельсона, равнодушны современные лирики, — это внесоциальные и внеисторические «вечные» вопросы, и, выполни поэты пожелания Эдельсона, они бы несколько не приблизились к современности, в оторванности от которой он их упрекал.

Таковы же в творческой области глубокие принципиальные противоречия между «суровой музой» Аксакова и поэзией Некрасова, при неко-

торых внешних точках соприкосновения, отмеченных выше. Взгляд на поэзию как на гражданское служение еще не предопределял, конечно, политического содержания этого служения, и менее всего подходит, разумеется, к Аксакову та характеристика — «в произведениях И. Аксакова виден гражданин-демократ с социалистическим оттенком», — которую дал его поэзии официозный историк литературы из министерства внутренних дел.

Положение славянофильства в общественной борьбе 60-х годов, в ходе которой оно утратило свою специфическую физиономию, все более сливаясь с реакционным лагерем, привело к явному оскудению славянофильской поэзии. К. Аксаков и Хомяков умерли. И. Аксаков замолк, а молодое поколение не выдвинуло поэтов этого направления.

4

Поэтам «чистого искусства» противостояли Некрасов и его поэтическая школа. К ней принадлежали поэты разных поколений: и выступившие в печати в 60-х годах, и сверстники Некрасова, начавшие свою литературную деятельность еще в 40-е годы, и даже старший современник его Огарев, вполне сформировавшийся к тому времени, когда Некрасов стал зрелым поэтом, и являющийся в некоторых отношениях его предшественником. С полным основанием можно говорить о не-

красовской школе не только потому, что все примыкавшие к ней поэты испытали в той или иной форме, в той или иной степени влияние Некрасова, что их миропонимание сформировалось под воздействием общих идейных источников, но и потому, что в основе их поэтического творчества лежали аналогичные эстетические принципы. Это были принципы новой реалистической эстетики, заложенные Белинским, развитые Чернышевским, принципы, подспудно зревшие в русской литературе 30—40-х годов. В творчестве Некрасова объединялись разные ручейки и тенденции этого поэтического направления.

В дореволюционной критике существовала точка зрения, согласно которой Некрасов, не говоря уже о поэтах его школы, был человеком без традиций, и с этим связывалось иногда его своеобразие, этим объяснялась его оригинальность. Как некий варвар, пришел он якобы в литературу и все перевернул вверх ногами. Между тем все это — плод предвзятой тенденции. Некрасов прекрасно знал русскую поэзию, о чем свидетельствует хотя бы его юношеский сборник «Мечты и звуки», носящий следы чтения как только что появившихся в журналах произведений, так и поэтов XVIII — начала XIX века. В стихотворениях В. Курочкина обильные «перепевы» и реминисценции свидетельствуют о том, насколько хорошо он был знаком даже, казалось бы, с давно забытыми явлениями русской поэзии. Но вопрос об осведомленности — в конце концов, вопрос второстепенный. Значительно существеннее вопрос о тех

традициях, на которые опирались поэты некрасовской школы. Это были традиции поэтические и идейные одновременно.

В первую очередь необходимо указать поэзию декабристов. Идейную связь с декабристами чувствовали все передовые люди середины XIX века. В творчестве Огарева декабристская тема занимает существенное место; он не раз обращался к ней в разные периоды своей жизни. Столь же видное место занимает она и в поэзии Некрасова. Сильное стихотворение о декабристах, их историческом подвиге и скором времени, когда этот подвиг будет по достоинству оценен, есть у Михайлова. О пяти великих тенях, взывающих к борьбе за лучшее будущее, писал Минаев. Но дело не только в самой теме; есть несомненная преемственность в понимании роли поэта как борца, трибуна, гражданина прежде всего. Формула Рылеева «Я не поэт, а гражданин» («Войнаровский») нашла свой отзвук в некрасовских словах из «Поэта и гражданина»: «Поэтом можешь ты не быть, А гражданином быть обязан». Здесь нет отрицания искусства, а лишь подчеркнута его активность и необходимость для подлинной поэзии участия в перестройке жизни на более разумных и справедливых основаниях. Не менее интересна переключка — опять-таки в «Поэте и гражданине» — с поэтом-декабристом В. Ф. Раевским. В его послании «К друзьям в Кишинев» читаем:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,

Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой. . .

Несущественно в данном случае — знал ли Некрасов стихотворение Раевского или нет (по-видимому, знал), но самый ход поэтической мысли в знаменитых строках:

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать —

близок к приведенным строкам Раевского.

Важное место в традициях, подхваченных демократической поэзией, занимал Лермонтов. Велико было значение Лермонтова для Огарева (как и для большинства поэтов 40-х годов); в мучительных противоречиях лирики Лермонтова находил он выражение своих собственных душевных мук и исканий, и его творчество было окрашено в значительной степени лермонтовскими мотивами и стремлением преодолеть их, найти выход из его противоречий. Сближает Огарева с Лермонтовым и тон личной взволнованной исповеди, характерной для его поэзии. Роль Лермонтова в формировании поэтического мировоззрения и стиля Некрасова неоднократно подчеркивалась в научной литературе. Не чуждый (особенно в 40-е годы) рефлексии и душевных противоречий Лермонтова, противоречия между жадой деятельности и чувством собственного бессилия, Некрасов еще более остро воспринял мотивы социального протеста

публицистической лирики Лермонтова, гневные ораторские интонации которой помогли ему выработать поэтические средства, выражавшие его отношение к действительности. И в зрелой лирике Некрасова чувствуется эта лермонтовская стихия. Эта сторона поэзии Лермонтова была близка и более молодым поэтам. Так, В. Курочкин, более или менее равнодушно относившийся к Пушкину, «обожал» Лермонтова. Лермонтов был для него предшественником той «злобы святой, возвышающей нас», которая «смело прямо из сердца срывается в дело» («Раздумье»), и того скептицизма по отношению ко всему внешнему и показному, в основе которого, как и у Лермонтова, была глубокая вера в жизнь и людей.

Несомненно особое место Кольцова в литературном сознании поэтов некрасовской школы. Основная тема его поэзии — народ и крестьянский труд, подлинный демократизм, хотя и лишенный социально-исторической перспективы,¹ мысли и чувства, волновавшие его, наконец, самая форма стиха, восходящая к фольклору, — все это не могло не импонировать новому поколению поэтов, стремившихся быть голосом народных масс, выразителями их чаяний и стремлений. В какой-то

¹ В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов, высоко ценивший Кольцова, говорил вместе с тем об отсутствии в его поэзии «всесторонности взгляда», вследствие чего «простой класс народа является у него в уединении от общих интересов, только с своими частными житейскими нуждами».

степени существен был и опыт гражданской поэзии 40-х годов, поэтов, связанных с кружком Петрашевского, в первую очередь Плещеева, который на следующем этапе своей литературной деятельности, после возвращения из ссылки, сам стал одним из поэтов некрасовской школы.

Сложен вопрос о Пушкине применительно к революционной демократии и демократической поэзии. Сложен он потому, что вопрос о Пушкине и отношении к нему переплетается с вопросом о так называемом «пушкинском» направлении. Хотя в ряде работ и было указано в общих чертах, какие тенденции пушкинского творчества нашли в поэзии Некрасова продолжение и развитие, а какие вызывали у него сопротивление, вопрос этот еще не может считаться решенным. Ясно тем не менее одно: именно Некрасов был подлинным приемником Пушкина. Не все в мировоззрении и поэзии Пушкина было близко Некрасову, и это вполне естественно — он жил и творил в другую эпоху. Некрасов иногда полемизировал с Пушкиным, в первую очередь с тем, что поднималось на щит сторонниками «чистого искусства» (такова его полемика со стихами «Не для житейского волненья» и т. д. в «Поэте и гражданине»). Но основные черты личности и поэтической деятельности Пушкина — вольнолюбивое направление его творчества, связь с русским освободительным движением, во-первых, и его стремление изгнать из литературы всякого рода условности, сблизить ее с жизнью, его реализм, во-вторых, были глубоко родственны Некрасову, — и в этом отноше-

нии на новом этапе русской литературы он смело продолжал дело Пушкина.

Но вопрос о литературных традициях некрасовской школы не ограничивается рамками поэзии. Большую роль в творчестве Некрасова и многих поэтов его направления сыграли Гоголь и натуральная школа 40-х годов, сформировавшаяся под непосредственным воздействием Белинского. Пристальное внимание к оборотной стороне жизни, к будням, к мелочам, опутывающим человеческое существование и мешающим людям жить, внимание к социальным низам и сочувственное изображение униженных и оскорбленных, методы детальных зарисовок действительности, которые у наиболее талантливых поэтов поднимались над простым «физиологическим очерком» до художественного обобщения, средства речевой характеристики, особое сочетание комического с патетическим, делающее подчас невозможным отделение лирики и сатиры, самые сатирические приемы и многое другое связывает некрасовское направление в поэзии как с самим Гоголем, так, еще более, с натуральной школой, незаурядным представителем которой был в свое время Некрасов. Дело тут не только в одних и тех же жизненных впечатлениях, а в общем угле зрения, определяющем выбор материала, и способах его воплощения, хотя и не тождественных, но во многом сходных и в поэзии и в прозе. Эта ориентация на прозу, которая не раз употреблялась врагами поэзии Некрасова как аргумент в пользу отсутствия в ней подлинного искусства,

сказывается не только в языке, но и в детально-сти изображения действительности, идущей от физиологического очерка.

Таким образом, некрасовское направление вли-тало в себя традиции гражданской поэзии дека-бристов и публицистической лирики Лермонтова, учло творческий опыт Кольцова и Пушкина, со-четав все это с детальностью в изображении «фи-зиологии» современного общества, возникшей на почве натуральной школы с ее преимущественным интересом к «бедным людям», причем самое изо-бражение изнанки жизни давалось или прямо с их точки зрения или, во всяком случае, исходя из их интересов. Все это было не механически объ-единено, но органически воспринято и перерабо-тано на основе нового миропонимания и новых эстетических принципов.

Все отмеченное выше связано с общим пони-манием взаимоотношений искусства и действи-тельности, задач поэзии, самого образа поэта представителями некрасовской школы. Подлинный поэт в их глазах это не жрец, владеющий некой тайной, и не романтический безумец, творящий в состоянии экстаза, не житель Олимпа,¹ а чело-век, живущий интересами своего времени и сво-его народа, радующийся его радостями и горюю-щий его печальями, борющийся за лучшее будущее

¹ Такое представление о поэте наиболее характерно для «чистого искусства», хотя имеются и некоторые отступления. Укажу на колебания в этом отношении Полонского; ср., например, его стихотворения «Для немногих» и «Писатель, если только он...».

оружием своего слова. Строй мыслей и переживаний этого человека новой социальной формации и воплощен в творчестве поэтов некрасовской школы. Они обращались не к узкому кругу «посвященных», а к широкой демократической аудитории. Они, как и сам Некрасов, страдали не от некоего исконного и неизбежного разлада поэта и враждебной ему толпы, о котором неоднократно, вслед за романтиками, писали представители «чистой поэзии», а от того, что не могут, в силу конкретных социально-политических условий, говорить непосредственно с народом. Известно, как ценил, например, Некрасов каждый доходивший до него отзыв людей из народа о его поэзии, придавая им гораздо больше значения, чем отзывам профессиональных литераторов.

То лирическое «я», которое объединяет в нашем сознании творчество поэта, не является тождественным у всех поэтов демократического лагеря. Этот образ поэта имеет у каждого из них свои особенности, свою, так сказать, биографию, но в очень существенном они все же близки. Если для Фета, Тютчева, А. К. Толстого наиболее важным является соотношение этого лирического «я» с космосом и оно противостоит обычно людям, обществу, то для некрасовской школы, напротив, соотношения поэта с другими людьми, с обществом представляются всегда основополагающими, и характер этих взаимоотношений определяет в значительной степени весь тон и колорит, всю проблематику их творчества.

Говоря о том, что «разлад человека со всем

окружающим» издавна является объектом литературного изображения, но что его причины искали «то в таинственных силах природы, то в дуалистическом устройстве человеческого существа», Добролюбов в рецензии на сборник стихотворений Никитина указывает, что теперь утверждается «более простой взгляд... обращено внимание на распределение благ природы между людьми, на организацию общественных отношений». Роман «прямо вытек из нового взгляда на устройство общественных отношений как на причину всеобщего разлада, который тревожит теперь всякого человека, задумавшегося хоть раз о смысле своего существования». Серьезные изменения претерпела в связи с этим и драма. «В лирике нашей мы видели до сих пор только начатки и попытки в этом роде, но отсюда вовсе не следует, чтобы новое содержание поэзии было недоступно для лирики или несовместно с нею». Отчетливо характеризуя этот переворот в литературном сознании, Добролюбов явно преуменьшает его отражение в русской поэзии середины XIX века.

Проблема личного и общего стояла в центре лирики демократического лагеря. Но противоречия между личностью и обществом не были для Некрасова и поэтов его школы некими исконными и непреходящими противоречиями. Это были противоречия передового сознания с отжившей и враждебной народу социально-политической системой. Народное счастье и благополучие было для них не абстрактным идеалом, а существеннейшим вопросом их внутренней жизни, в котором лич-

ное и общественное начала неотделимы. Что же касается взаимоотношений с народом, то о противоречиях как таковых здесь говорить не приходится. Суть этих «противоречий» заключалась, разумеется, не в якобы свойственной народу враждебности по отношению к высокоинтеллектуальной личности. Острые и подчас мучительные переживания были связаны с двумя моментами. Во-первых, поэты иногда болезненно ощущали свою оторванность от народной массы как в силу того, что они, как люди переходной эпохи, не могут до конца избавиться от привычек, предрассудков, свойственных классу, с которым они порвали, так и в силу темноты и непонимания самой народной массой собственных интересов, в силу «недостатка революционности» (В. И. Ленин) в ней. Во-вторых, они бичевали себя за то, что не могут, вследствие душевной слабости, принять участие в непосредственной борьбе за революционное переустройство родины. В этом и заключается смысл «покаянных» мотивов, свидетельствующих о высокой требовательности к себе. Эти мотивы встречали противодействие у вождей революционной демократии. Добролюбов написал, как известно, пародию на одну из «Последних элегий» Некрасова, а в одном из писем 1860 года также призывал его преодолеть в себе эти настроения. Оценивая и анализируя смысл этих настроений, выясняя их специфические особенности, необходимо подчеркнуть следующие обстоятельства. Упрекая себя в недостатке воли и неспособности к практическому действию, Некрасов и

некоторые другие близкие к нему поэты не искали оправдания во влиянии среды, эпохи и пр., но расценивали их как личный грех, обвиняли исключительно самих себя; в этом их существенное отличие от дворянских интеллигентов — «лишних людей». ¹ Чувствуя подчас свою оторванность от народа, видя темные стороны народного сознания, недоверчивое отношение народа к своим подлинным друзьям, они не обвиняли в этом грубую толпу, по самой своей природе не способную якобы оценить высокие стремления и переживания избранных умов, понимали, что оторванность эта вызвана социально-историческими причинами. Словом, антагонизма между «толпой» и личностью, определявшего поэтическое сознание поэтов «чистого искусства», не могло, конечно, быть у представителей некрасовского направления.

¹ Не только самый характер настроений, о которых идет речь, но и их критика приобретала весьма разнообразные формы. О преодолении рефлексии писали Добролюбов и Чернышевский (а в 40-е годы — Белинский), но психология «лишних людей» не устраивала также Дружинина и Дудышкина. Все это, однако, не только не сходные, но диаметрально противоположные по своему смыслу явления. Недаром Чернышевский резко полемизировал с Дудышкиным по этому вопросу, показав истинную природу его критики «лишних людей». Белинский, Чернышевский и Добролюбов, стремясь к выработке действенного мировоззрения и нового типа человека, борца за лучшее будущее, считали, что рефлексия является помехой для этой борьбы; Дружинин и Дудышкин откровенно звали «лишних людей» к «примирению с действительностью», «гармонии» с окружающей их средой, к обретению своего скромного места в рамках самодержавно-бюрократического государства.

Существенное значение в оценке поэтических явлений имел для критиков и читателей демократического лагеря тот человеческий (но не узко-биографический) облик поэта, который вырисовывается из его стихотворений. Интересно в этом отношении одно замечание Писарева. Характеризуя Гейне, он писал, что «чарующая прелесть гейневской поэзии» «заключается в неотразимом обаянии той сильной, богатой, нежной, страстной, знойной, кипучей и пылающей личности, которая смотрит на вас во все глаза из-за каждой строки, как бы ни была эта строка ничтожна или безумна. Что-то дышит, что-то волнуется, что-то смеется и плачет, что-то томится и кипит во всех этих хаотических образах, во всей этой дикой гармонии шальных и разбросанных слов».

Интимная, любовная лирика и лирика природы занимают немалое место у поэтов некрасовского направления. Любовные стихотворения Некрасова, его цикл, посвященный Панаевой, представляют собою одно из замечательных достижений русской лирики XIX века. Любовные стихотворения Огарева, Михайлова, Добролюбова и других также неотделимы от их творчества и составляют органическую его часть.

У поэтов демократического лагеря любовная тема нередко неотделима от темы социальной. Социальная тема как бы вырастает из любовной и в то же время является ее подпочвой («Когда из мрака заблужденья...», «Еду ли ночью по улице темной...» Некрасова и др.). Глубоко интимное переплетено и неразрывными нитями связано с

социальным, общественным.¹ Совсем иная и обшая окраска любовной лирики некрасовской школы. Здесь мы не найдем ни безмятежной идиллии, ни романтической *Sehnsucht*, тяги в потустороннее, ни трагических противоречий любви, связанных с таинственным предопределением, превращающим любовь в «поединок роковой» и «борьбу неравную двух сердец» (Тютчев). В ней много радостного и поднимающего душу человека, но в целом она окрашена в горестные тона. Носитель чувства любви не принадлежит к хозяевам жизни. В отдельных случаях это крестьянин, чаще «бедный человек» большого столичного города, где особенно остро ощущаются социальные противоречия и социальное неравенство. Бытовая обстановка, обрамляющая рассказанное, вводит читателя в совсем особую атмосферу, атмосферу горя, неудач, бедности и притеснений. Иногда лирическое «я» представляет рядового бедного труженика, иногда в нем просвечивает передовой человек своего времени, но в обоих случаях это большей частью раздраженный, измученный жизнью человек. Он зол на социальные условия, которые калечат его жизнь, его чувство; он с желчью говорит обо всем этом, но это та именно «святая злоба», о которой шла речь во время полемики по поводу «гоголевского» и «пушкинского» направлений, о которой писал Не-

¹ Следует подчеркнуть, что уже в творчестве Пушкина и Лермонтова интимная и гражданская лирика иногда тесно переплетались.

красов Л. Толстому в ответ на его нападки на Чернышевского: «Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости, — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, — т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину». Нередко в любовных стихах Некрасова, и не одного Некрасова, этот измученный жизнью человек сливается с автором, в других случаях о нем говорится в третьем лице, но всегда он как бы незримо присутствует, настроения его ощущаются сквозь все радости любви:

Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум;
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.

(«Я посетил твоё кладбище...»)

Очень часто об этом прямо не говорится, но это душевное состояние человека, вызванное его социальным самочувствием, пронизывает все его слова и поступки; оно звучит в любовной лирике

в самих ее подсознательных и произвольных интонациях.

Как и любовная лирика, пейзаж также имеет у поэтов демократического лагеря особый характер. Пейзаж всегда связан у них с человеком — и не с неким отвлеченным человеком, стремящимся к слиянию с космосом или трепещущим перед стихийными, непознаваемыми силами природы, не с человеком вообще, а с конкретным человеком данной эпохи, человеком с определенной социальной характеристикой, человеком в его трудовой деятельности. Пейзажа вне человека нет у этих поэтов. О человеке может прямо не говориться или почти не говориться, но самая природа рисуется в тесной связи с ним, сквозь призму его интересов.

Природа, дающая человеку некоторое успокоение от тяжелых переживаний и испытаний, отдых от непосильного труда, не изымается из социальной жизни как нечто вневременное и неизменное. Пейзаж не есть нечто замкнутое в себе, и нередко как бы непосредственно из него возникает социальная тема, как, например, в «Утре» Некрасова:

С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Так же и в сибирских стихах Михайлова; из сибирского пейзажа органически вырастает тема народа, его страданий и борьбы за его счастье. Вместе с тем ни у Некрасова, ни у других представителей его направления нет (или почти нет)

примитивных аллегорий, природа не является лишь материалом для иносказаний, как, например, у Розенгейма.¹

Особое место занимает в поэзии этого направления городская пейзаж, картины городской жизни. Стихотворения Некрасова о городе — это, на первый взгляд, беглые несвязные зарисовки, сделанные проходящим по городским улицам человеком, простая фиксация того, что бросилось ему в глаза и что он, не мудрствуя лукаво, перенес на бумагу. Но из городского пейзажа, из бытовой сценки — и это характерно для всей городской лирики Некрасова, а в равной степени и для других, близких ему поэтов 60-х годов, — совершенно естественно вырастает глубокая социальная тема; сквозь разрозненные впечатления, бытовые мелочи проступают трагическая сторона будничной действительности, социальные контрасты большого города; случайно попавшиеся на пути люди и мелкие городские происшествия оказываются общими большой художественной силы. Особенности некрасовского восприятия города отчетливо сформулированы им в стихотворении «Ванька» из цикла «На улице». Описав несчастного извозчика, чистящего бляхи на своей ободранной кляче в надежде привлечь богатого седока, и

¹ Нужно решительно отвергнуть примитивное понимание лирики Некрасова и поэтов его школы: якобы и личные, интимные мотивы, и пейзаж (и даже исторические темы поэм Некрасова) являются только заслоном, прикрытием от цензуры.

сопоставив его с наводящей на себя красоту продажной женщиной, поэт восклицает:

Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

Последняя строка, которой завершается цикл, является смысловым ключом ко всем произведениям Некрасова о городе.

Трактовка темы города в творчестве Некрасова оказала большое воздействие на поэтов его школы. Это сказалось в многочисленных произведениях шестидесятников — Минаева, Вейнберга и др. Характерна в этом отношении поэма Минаева «Та или эта?». Передавая в ней тягостные впечатления, охватившие его в темном квартале, где его застала зимняя ночь, поэт пишет, что по случайным уличным впечатлениям, мелькнувшему в окне профилю усталого человека и пр. он воссоздает «незримые драмы». Эти незримые драмы близко соприкасаются с Некрасовым, однако не только с ним. Подобное восприятие города было свойственно не ему одному.

За несколько лет до создания цикла Некрасова «На улице» были написаны «Капризы и раздумье» Герцена. Герцен обронил здесь мысль о необходимости ввести употребление микроскопа при изучении нравственного мира: «Надобно рассмотреть нить за нитью паутину ежедневных отношений, которая опутывает самые сильные

характеры, самые огненные энергии»; нужно подумать «об ежедневных, будничных отношениях, обо всех мелочах, к которым принадлежат семейные тайны, хозяйственные дела, отношения к родным, близким, присным, слугам». И дальше Герцен с огромной лирической силой пишет. «Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером, когда все тихо, мрачно, и только кое-где светится ночник, тухнувшая лампа, догорающая свеча, — на меня находит ужас: за каждой стеной виднеются горячие слезы, — слезы, о которых никто не сведает, слезы обманутых надежд, слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь. Есть, конечно, дома, в которых благоденственно едят и пьют целый день, тучнеют и спят беспробудно целую ночь, да и в таком доме найдется хоть какая-нибудь племянница, притесненная, завленная, хоть горничная или дворник, а уж непременно кому-нибудь да солоно жить».

Совершенно очевидно, что некрасовская строка «Мерещится мне всюду драма» восходит к герценовским словам: «За каждой стеной мне мерещится драма». Слова эти врезались в сознание и через несколько лет — может быть, без каких бы то ни было ассоциаций со статьей Герцена — вошли в стихотворение. Дело не ограничивается, однако, фактом воздействия Герцена на Некрасова. Он имеет более широкое значение, свидетельствуя об общем строе мыслей и переживаний. Речь идет не о нейтральной детали, нейтральном, хотя бы и ярком, образе, а о словах, концентри-

рующих в себе особый тип восприятия большого капиталистического города, в «мелочах» и повседневных проявлениях которого просвечивают острые конфликты и противоречия, того восприятия, которое было свойственно не одному Некрасову, а всей демократической линии русской литературы середины XIX века.

Таким образом, и любовная лирика, и лирика природы, и городской пейзаж поэтов некрасовского направления тесно связаны с их социальным самочувствием, с их социальными идеалами и стремлениями. И если в отдельных любовных и пейзажных стихотворениях и не говорится ничего, непосредственно связывающего их с социальной действительностью, то общий их тон и колорит внушают читателю мысль об этой связи, вызывают в его сознании определенный социально-исторический фон, без которого они не могут быть поняты и прочувствованы. И потому, когда Некрасов устами своего «гражданина» говорит о том, что в «годину горя» стыдно «красу долин, небес и моря И ласку милой воспевать», он борется не только за преобладание гражданской темы, но и против чуждой революционному сознанию, изолированной от социальной действительности трактовки так называемых «вечных» тем и мотивов, то есть в обоих случаях против враждебного ему мировоззрения.

Шестидесятые годы являются годами расцвета демократической сатиры, в частности сатиры стихотворной. Сатирическая струя проходит через всю литературную деятельность Некрасова

начиная с 40-х годов, все более расширяя круг жизненных явлений и углубляя методы их разоблачения. Сатира представляет собой наиболее существенную и поэтически зрелую часть литературного наследия Добролюбова. Она занимает преобладающее место в творчестве В. Курочкина, Минаева, Вейнберга, молодого Буренина и других поэтов, группировавшихся вокруг «Искры» и «Будильника» (их стихи занимают значительную часть настоящего сборника).

Объекты сатиры, характер их разоблачения, их социальная оценка определялись общими позициями революционной демократии. Поэты некрасовской школы, как и сам Некрасов, обращаясь к деревенской России, изображали ее не только с глубоким сочувствием к задавленному крепостной неволей, а затем попавшему в пореформенную кабалу крестьянину, но и с активным стремлением решительно изменить его судьбу; те же чувства владели ими, когда они рисовали город, бесправие, нищету и забитость городских «низов». Этим углом зрения, этими исходными моментами определялись особенности их сатиры.

И лирика, и сатира поэтов некрасовской школы характеризуется резким обнажением социальных противоречий. И потому контрастные сопоставления — и в общем замысле и в деталях — приобретают у них первостепенное значение:

... Не в залах бальных,
Где торжествует суета,

В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.

(Некрасов, «Несчастные»)

Демократическая сатира в значительной своей части была направлена против полицейского государства, помещичьего класса и крепостнических порядков, в том числе против крепостнической семьи, морали и пр. Произведения на эти темы, написанные после реформы 1861 года, были столь же актуальными, поскольку пережитки крепостнической эпохи не только сохранились в русской жизни на многие десятилетия, но даже во многом определили ее устои. Наряду с этим еще до реформы, а в гораздо большей степени в 60-е годы, сатирики вскрывали язвы нового, капиталистического мира. Безжалостная эксплуатация трудового люда, темные дела промышленных и финансовых воротил, мир спекулянтов, аферистов неоднократно служили объектами их изображения. Постоянной темой демократической сатиры являлся, особенно с конца 50-х годов, русский либерализм. Пышные фразы о «гласности», о народном благе и вместе с тем отсутствие каких бы то ни было реальных шагов для изменения положения масс, полное непонимание внутренней жизни, интересов и потребностей народа, склонность к компромиссам и угодливость — против этого направлено острие многих сатирических произведений шестидесятников. Наконец, много внимания уделяли они мещанству, пошлости, обывательщине, отсутствию каких бы то ни было умственных

запросов и интересов как оплоту общественной и правительственной реакции.

Считая, что писатель должен активно вмешиваться в жизнь, сатирики сплошь и рядом откликались на злободневные факты и явления текущей действительности, не ожидая, пока они отстоятся и примут более определенные формы. Оперативность, быстрота отклика являются одной из характерных черт демократической сатиры. Без раскрытия этих фактов, о которых иногда говорится прямо, а большей частью лишь намеками (такими намеками полна не только поэзия искровцев, но, например, и поэма Некрасова «Современники»), нельзя понять ни политического смысла борьбы сатириков-шестидесятников, ни их художественного метода. Литературные враги революционной демократии нередко упрекали их в мелочности интересов, в том, что они снижают искусство до уровня фельетона. Конечно, большое количество сатирических произведений отжило свой век, как, впрочем, безнадежно устарели и справедливо забыты многие произведения, вышедшие из лагеря «чистого искусства» и написанные на «вечные» темы. Но лучшие образцы сатирической поэзии убедительно говорят о том, что тесно связанное с большими актуальными проблемами современности, злободневное в глубоком смысле этого слова не теряет своего значения после того, как вызвавшие его явления ушли в прошлое. Обращаясь к злободневным темам, поэты сквозь внешнюю оболочку явлений стремились проникнуть в их сущность; они интересовались не каждым отдельным

фактом самим по себе, а понимали и оценивали его как известный симптом, как выражение той или иной тенденции эпохи, ее политической атмосферы, как типичную черту, характеризующую политическое поведение или человеческий облик господствующих классов. Так же как и Щедрина, их интересовал преимущественно не человек вообще, а человек определенного класса, и не частная, а социальная жизнь стояла в их сатире на первом плане; вернее сказать, рисуя в своих произведениях частную жизнь, поэты-сатирики демократического лагеря показывали, что и она всецело определяется теми же социальными законами.

Среди многообразных сатирических приемов, которыми они пользовались, следует отметить один, получивший широкое распространение (не только в поэзии, но и в прозе и даже в публицистике). Это прием «маски», повествования от имени подставного лица, которое не только не тождественно с авторским, но именно и служит основным объектом сатирического разоблачения. Таким образом, оно дается не от лица автора и как бы превращается в саморазоблачение и самораскрытие героя; стихотворение приобретает форму монолога. «Благонамеренный» человек, чуждый всяких «крайностей» (то есть передовых идей), восхваляет то, что подлежит осмеянию, и смеется над тем, что заслуживает уважения. Общий смысл такого построения, помимо чисто комического эффекта, заключается в том, что враждебный поэту образ мысли показывается в доведенном до логического конца и вместе с тем до предельной

уродливости виде, и в результате сущность антинародной идеологии и отрицательные стороны действительности развенчиваются как бы изнутри.

Маски в стихотворной сатире 60-х годов весьма разнохарактерны. Иногда это представитель благородного дворянского сословия, мечтающий о возвращении к блаженным временам крепостного права; чиновник, не гнушающийся взятками и гнувший спину перед всяким начальством; реакционный журналист. В других случаях это либерал, ловко жонглирующий словами и пытающийся прикрыть свои корыстные интересы пышными фразами о народе и прогрессе; обыватель, ничего не видящий за пределами собственного благополучия, и т. д.

В процессе создания своей поэтической системы — в первую очередь это относится к их сатирам — Некрасов, В. Курочкин и другие использовали некоторые особенности русского водевильного куплета 30—40-х годов. Так, стихотворение, написанное от имени разоблачаемого сатириком лица, нередко напоминает монолог, как бы вынутый, извлеченный из водевиля. Но и самая техника куплетов с рефреном очень пригодилась им (наряду с водевилем они опирались в этом отношении на опыт французских песенников, главным образом Беранже). Сатирики 60-х годов, и не только сатирики, очень часто и охотно пользовались куплетами и довели их технику до большого мастерства. Куплеты по самой своей природе являются весьма доходчивой и выразительной формой, и не мудрено, что поэты, ориентировавшиеся

не на узкий круг «посвященных», а на «многих» (см. стихотворение А. Сниткина «Для многих»), на широкую демократическую аудиторию, обратились к ней. И Некрасова и искровцев не раз упрекали в этом представители враждебной критики. Ап. Григорьев, а вслед за ним Н. Н. Страхон писали о «водевильности тона», «водевильно-александринских пошлостях» и т. д., но умалчивали о том, что, заимствуя из водевиля легкость, бойкость стиха, технику каламбура, Некрасов, искровцы и ряд других сатириков поставили их на службу передовым идеям своего времени.

Именно в 60-е годы был по существу создан и разработан жанр злободневного сатирического фельетона, насыщенного полемикой с враждебными демократическому лагерю публицистами, писателями, оперирующего повседневными, как бы случайными фактами окружающей действительности, но в лучших своих образцах преодолевавшего эту случайность и поднимавшегося до социальных и художественных обобщений. Сквозь случайное и внешнее в таких фельетонах просвечивает типичное и значительное.

Важным оружием в руках сатириков была и пародия, также отмеченная большими успехами в эти годы. Пародии Добролюбова, Минаева, Н. Л. Ломана, А. П. Сниткина были направлены как против идейной сущности чуждых им поэтических явлений, так и против их стилистических принципов. Борьба с пережитками романтических представлений об искусстве, об отношении художника и «толпы», с основным литературным

врагом — «артистической теорией» или теорией «искусства для искусства», с узостью и ограниченностью тематики и замкнутостью поэзии в узких пределах индивидуалистической лирики, борьба с мистикой и эротикой, наконец с казенно-патриотической, славянофильской и либерально-обличительной поэзией — таков широкий диапазон пародийного творчества некрасовской школы. Кое в чем оно перекликалось, конечно, со своими предшественниками — Козьмой Прутковым и Новым поэтом — И. И. Панаевым.¹

В отличие от представителей «чистой поэзии» в творчестве некоторых поэтов некрасовского направления поэма занимает значительное место. Тяготение к созданию широких эпических картин современной действительности получило у них свое реальное осуществление. Такими произведениями в первую очередь являются поэмы самого Некрасова, относящиеся к 60—70-м годам. Но важно подчеркнуть, что подобные произведения

¹ Заметим попутно, что талантливые и злые пародии Козьмы Пруткова, созданные А. К. Толстым и братьями А. М. и В. М. Жемчужниковыми, были своеобразной самокритикой в рядах сторонников «искусства для искусства». Целью ее было очищение своих рядов от всего, что, казалось им, подрывает и компрометирует близкие им идеи, — от поверхностного эстетизма, от внешней экзотики и бутафории Щербины, наивного и грубого романтизма типа Бенедиктова, наконец, от «крайностей» наиболее последовательного представителя «чистой поэзии» Фета. Это была критика очень тонкая, остроумная и едкая, но критика, отнюдь не направленная против принципиальных основ «чистой поэзии», хотя объективно и способствовавшая этому.

были созданы и поэтом несравненно меньшего масштаба Никитиным («Тарас», «Кулак»), причем до крестьянских поэм Некрасова. Это подтверждает, что дело здесь не только в личной одаренности Некрасова, но и в общем направлении той поэтической школы, которую он возглавил. Интересно, что еще в середине 40-х годов Майков, восприняв на короткое время некоторые идеи Белинского, петрашевцев, натуральной школы, пишет поэмы на актуальные темы современности — «Две судьбы» и «Машенька».

В качестве одного из характерных явлений некрасовского направления следует отметить небольшие жанровые портреты, сценки и зарисовки из быта крестьянства и городской бедноты. Одни написаны в сказовой манере, от лица героев, другие — от имени автора. Есть ряд таких стихотворений у Огарева («Деревенский сторож», «Изба», «Кабак» — они относятся еще к началу 40-х годов), у Некрасова. Особенно типичны они для Никитина («Жена ямщика», «Пряха», «Дедушка» и др.); некоторые стихотворения этого типа характеризуются довольно развитой фабулой. Они нередко перерастают в краткий стихотворный рассказ, стихотворную новеллу с острой социальной коллизией и воспроизведением психологии героев.

В 60-е годы был создан также — не только главными, но и второстепенными представителями некрасовского направления — ряд революционных песен. Мало кто знает, кто именно является автором каждой из этих песен, но самые песни — одни уже в 60-е годы, другие несколько позже —

вошли в революционный песенный репертуар и распевались многими поколениями передовых русских людей. К их числу принадлежат «Requiem» («Не плачьте над трупами павших бойцов...») Л. И. Пальмина, «Слу-шай!» («Как дело измены, как совесть тирана...») И. И. Гольц-Миллера, «Дубинушка» В. И. Богданова, «Светает, товарищ!» Омулевского (И. В. Федорова), «Смело, друзья! Не теряйте...», «Крепко, дружно вас в объятья...» и «Памяти Добролюбова» («Вечный враг всего живого...») М. Л. Михайлова, «Свобода» и «Из-за матушки за Волги...» (отрывок из поэмы «Забытье») Огарева, «Долго нас помещики душили...» (приписывается В. Курочкину). Революционными песнями стали несколько произведений Некрасова.

Преодоление разрыва между «высокими» и «низкими» явлениями, недостойными якобы отражения в искусстве, нарушение запрета для целых областей жизни и обращение к действительности во всем ее многообразии привели к принципиальным изменениям языка поэзии. Новый быт, новые социальные явления, новые герои, оказавшиеся в центре внимания, а не в качестве слегка намеченного контрастирующего фона, потребовали новой лексики. Демократизация языка, сближение стихотворной речи с разговорной, с языком передовой публицистики и науки было одним из основных признаков реалистического направления в поэзии. О «простом языке, свойственном поэзии нашего времени», пишет в рецензии на стихотворения Щербины Чернышевский, отмечая, что Щер-

бина «не решается сойти с треножника Пифии» и заговорить этим языком. Лексика поэтов некрасовской школы (а под влиянием Некрасова это сказывается отчасти и на творчестве поэтов противостоящего им лагеря, хотя большей частью не имеет у них решающего значения) приближается к разговорной речи: крестьян, демократических масс города, передовой интеллигенции.

Вплотную касаясь в своих произведениях явлений окружающей их социальной действительности, поэты некрасовской школы отвергли условную поэтическую речь, не считали нужным говорить о них необычными, «красивыми» словами, тем самым как бы возводя их в ранг «поэтического». Напротив, сугубо «поэтические» слова и словосочетания, получившие права гражданства в «чистой поэзии» и превратившиеся в штампы у второстепенных ее представителей и эпигонов, «поэтические» слова и словосочетания, благодаря которым конкретные черты реальной действительности опосредствуются традиционными литературными связями и ассоциациями, часто употреблялись ими в пародийном и ироническом контексте. С другой стороны, так называемые прозаизмы не ощущались ими как нарушение каких-то незыблемых законов искусства; самое понятие прозаизма для них, собственно, не существовало; оно возникло на основе совершенно иных эстетических воззрений.

Новое отношение к языку поэзии привело к тому, что в стихах стали появляться, а затем окончательно укрепились свободные разговорные

интонации. Своеобразными «прозаизмами» являлись иногда и затрудненные синтаксические конструкции, противопоставленные гладким стихам с закругленными, автоматически воспринимающимися предложениями. Наконец, самая звуковая организация стиха была построена на новых основах — плавно текущая мелодическая стихия была отвергнута, и эвфоническую выразительность опять-таки стали видеть в более резких, раздражающих прежнее поэтическое сознание формах. Весь этот переворот был связан и с новыми объектами действительности, вовлеченными в орбиту демократической поэзии, и с самим характером мировосприятия, что, впрочем, неотделимо одно от другого.¹

¹ Сближение стихотворной речи с разговорной у Некрасова и поэтов его школы не означает, разумеется, что они вовсе изгнали из поэзии высокую лексику и торжественные, приподнятые интонации. Но высокая лексика и торжественные интонации, соответствующие высокому пафосу их поэзии, попадали в иной смысловой контекст. Они были, так сказать, переадресованы, применены к иным человеческим качествам, поступкам и стремлениям, связаны с идеалами нового периода освободительного движения, выражением которого и является поэзия демократического лагеря 60-х годов. Особый поэтический эффект нередко достигается именно благодаря тому, что о «низких», с точки зрения иных социальных взглядов и эстетических норм, предметах говорится высокими словами, благодаря соединению сниженной лексики с возвышенной, с новой, революционной фразеологией 60-х годов и т. п. Впрочем, высокая книжная лексика и патетический тон речи очень часто имеют место и в сатире, выражая строй мыслей и чувств поэта, обличающего господствующие классы и социальную несправедливость.

Новые принципы стихотворной речи не могли не вызывать осуждения и раздражения в лагере «чистого искусства». Характерны в этом отношении неприязненные слова Фета о некрасовской строке из цикла «На улице»: «Читаешь стих Некрасова «Купец, у коего украден был калач» и чувствуешь, что это жестяная проза». При этом Фет противопоставлял «жестяную прозу» Некрасова «золотой поэзии» Пушкина, забывая о том, что именно Пушкин в значительной степени подготовил обращение к «прозе» жизни, смешение «высокого» и «низкого» и, наконец, обращение к разговорной речи. Именно за это некоторые критики 30-х годов резко осуждали его. И не Фет, а Некрасов следовал в этом отношении за Пушкиным, развивая на новой основе сделанное им. Приведенный отзыв Фета не был, однако, единственным. Такого же рода оценки разных произведений Некрасова, зафиксированные и в рецензиях и статьях, и в письмах и мемуарах, исходили и от Боткина, и от Дружинина, и от Тургенева, причем — что весьма существенно — относились не только к 60-м годам, но и к более раннему времени, когда они еще были связаны с Некрасовым дружескими отношениями. Таким образом, разрыв с «Современником» лишь обострил эти оценки, но не внес в них ничего существенно нового. Нечего и говорить, что в таком же духе оценивались и поэты некрасовской школы.

Разумеется, разные представители демократической поэзии, при всем их сходстве, имели свое индивидуальное лицо. Оно характеризуется и

интересом к определенному кругу тем и жизненных явлений (город, деревня и пр.), и преимущественным тяготением к сатире или лирике, и пристрастием к тем или иным специфическим поэтическим приемам, и, наконец, разными оттенками политических взглядов. Некоторые поэты (в том числе отдельные искровцы, например Г. Н. Жулев), будучи последовательными демократами, не поднимались, однако, до идеи крестьянской революции и не были одушевлены социалистическими идеалами. Мировосприятие и политические настроения Плещеева, связанные с пережитками идеологии 40-х годов, во многом отличаются от Некрасовских; было бы ошибочно отождествлять с Некрасовым Никитина и даже Огарева, но все это расхождения внутри демократического лагеря и в пределах общей художественной системы.

Изложенные выше соображения не претендуют на всестороннее освещение поэзии 60-х годов. В статье поставлены лишь некоторые вопросы, связанные с основными поэтическими направлениями этого десятилетия, — вопросы, без уяснения которых трудно понять как самую природу, так и борьбу этих направлений. В основе статьи лежит стремление показать, что главное содержание литературно-общественной борьбы этой эпохи определило не только тематику, но и самую трактовку отдельных тем, эстетические и стилистические принципы поэтических направлений.

И. Ямпольский

В. И. БОГДАНОВ

Василий Иванович Богданов родился 12 января 1837 года в Лихвине Калужской губернии в семье священника.

По окончании калужской гимназии Богданов поступил на медицинский факультет Московского университета. Будучи студентом, он давал уроки в семействе Берсов. В воспоминаниях жены Л. Н. Толстого, урожденной Берс, сохранилась колоритная страница, рисующая облик Богданова в студенческие годы. «Это был живой, способный малый, интересовавшийся всем на свете, — пишет С. А. Толстая, — прекрасный студент, умелый учитель и ловкий стихотворец. Он первый, как говорится, *развивал* нас, трех сестер. Он так умел интересно преподавать, что пристрастил прямо меня, ленивую девочку, например, к алгебре и русской литературе, особенно к писанию сочинений. Эта форма самостоятельного изложения впечатлений, фактов, мыслей до того мне нравилась, что я писала длиннейшие сочинения с страшным увлечением». Позже, по свидетельству Толстой, Богданов приносил ей «философские книги материалистов: Бюхнера, Фейербаха и других»; вместо

урока «он горячо толковал мне, что бога нет, что весь мир состоит из атомов, и тому подобное».

В 1861 году Богданов окончил университет, а в 1862 году переехал в Петербург. Сначала он служил в больнице для чернорабочих и в родильно-воспитательного дома, а затем перешел в морское ведомство и в течение двадцати лет служил врачом в Балтийском флоте. В 1865—1867 годах Богданов совершил кругосветное плавание на клипере «Изумруд». Литературным результатом этого путешествия явились статья «Корабельный медицинский журнал винтового клипера „Изумруд“» и путевые очерки (не все они напечатаны), в которых ярко отразились его впечатления от разных стран, его демократические симпатии и ненависть ко всякому гнету, в частности враждебное отношение к порядкам, господствовавшим в английских и голландских колониях.

После переезда в Петербург Богданов довольно скоро сблизился с искровцами и активно сотрудничал в «Искре» вплоть до ее прекращения в 1873 году. Богданов был одним из тех сотрудников журнала, которые определяли его идейную физиономию.

Главным героем первых стихотворений Власа Точечкина (основной псевдоним Богданова в эти годы) является трудовой люд большого города, преимущественно бедняк разночинец, задавленный нищетой и бесправием: лекарь, который думал — «жить буду честным человеком», но опустился и стал взяточником («Лекарь»); провинциальный семинарист, пешком добравшийся до Петербурга,

поступивший в университет, но не имевший возможности учиться, спившийся и умирающий с голоду («Наш пролетарий»); выгнанный со службы мелкий чиновник, заливающий свою несчастную долю водкой («Песня дяде Хмелю»), и т. д. Высмеивая оторванную от реальной жизни, игнорирующую ее темные стороны «чистую поэзию», Богданов в программном стихотворении «Беседа с музою» демонстративно подчеркивает, что его героями являются «маленькие люди», труженики, работающие до изнурения и живущие в ужасных условиях.

Многие стихотворения этого и более позднего времени являются своеобразными стихотворными очерками, зарисовками, сценками, портретами. Богданов, как и другие искровцы, обращается к куплету с рефреном. При этом он, по удачному выражению одного критика, старался приспособить рефрен «не только на русский, но и на мужицкий лад». Явственно чувствуется в стихотворениях Богданова с первых лет его литературной деятельности идейно-художественное воздействие Некрасова, его образов, поэтических интонаций.

В середине 60-х годов в творчестве Богданова намечается известный перелом. Вехой этого перелома является его «Дубинушка», которая, в позднейшей переделке А. А. Ольхина, стала одной из самых популярных революционных песен.

Судьба крестьянина оттесняет в поэзии Богданова на задний план образ задавленного нуждою демократа-разночинца. В то же время наряду с лирикой существенное, даже преобладающее

место занимает в ней сатира, а безнадежные подчас настроения сменяются бодрым, мажорным тоном. Ко второй половине 60-х годов относятся стихотворения «Химеры» и «*Errig si tuove!*», полные веры в прекрасное будущее человечества, причем в первом из них явственно чувствуются социалистические симпатии Богданова.

«Героем времени», с наибольшим постоянством и язвительностью преследовавшимся в сатире Богданова, является пореформенный крепостник. Многие его стихотворения воссоздают яркий сатирический образ помещика, тоскующего о блаженных временах крепостного права, жалующегося на лень и грубость «хамова отродья» и взывающего к правительству о сохранении всех сословных привилегий дворянства. Он не прочь несколько «улучшить быт простонародья», но отнюдь не из любви к нему, а вследствие убеждения, что более или менее сытый, здоровый и грамотный мужик будет ему гораздо полезней («Свой идеал»). Стихотворение «Мы — особь статья!», в котором от имени «одного из могижан» крепостнической России говорится о постепенном оттеснении от социально-политической жизни родовитого дворянства и высмеиваются претензии аристократии на первую роль в государстве, наделало немалый переполох в цензурном ведомстве. Цензура была обеспокоена тем, что стихотворение направлено против «существующего еще в нашем законодательстве принципа родового дворянства» и обнаруживает «тенденцию демократического свойства, ибо в нем не какие-либо личные

пороки подвергаются осмеянию, а выставляется в смешном виде такая сторона положения дворян, которая относится к целому юридическому словию». Не только в революционных идеях, но даже в постепенном проникновении в русскую жизнь капиталистических начал и весьма умеренных реформ герой стихотворения видит посягательство на неотъемлемые права своего класса.

Сатира Богданова касается не только русских, но и иностранных дел. В течение нескольких лет он вел в «Искре» (а когда в 1869 году «Искра» несколько месяцев не выходила, то в «Будильнике», где он вообще деятельно сотрудничал) обозрение иностранной политической жизни «Заметки со всех концов света». В них рассыпано много интересных образцов политической поэзии, стихотворных отрывков, которые нередко почти невозможно изъять из прозаического контекста. Но и по своим художественным, жанровым признакам это преимущественно фрагменты, фиксирующие и оценивающие отдельные стороны и события текущей политической жизни. Здесь мы находим много злых насмешек над милитаризмом, клерикализмом, над притеснителями рабочего класса, разгонявшими демонстрации и сходки, над соперничеством английского и французского империализма в колониях, Наполеоном III, Бисмарком, Тьером, ряд явно сочувственных высказываний об активизации западного пролетариата, испанской революции, Парижской коммуне и т. д. Стихотворение о Парижской коммуне, построенное в форме диалога парижского и версальского хоров, то

есть сторонников и врагов Коммуны, кончается столь же выразительной, сколь лаконичной репликой парижан: «Ну так пусть все прения порешат штыки». ¹ Сквозь иностранные события нередко просвечивают русские социальные отношения. Очень часто Богданов приписывал свои стихи какому-нибудь французскому или немецкому сатирическому журналу, а самого себя выдавал лишь за скромного переводчика, но читатели-друзья понимали, конечно, что это делается для цензуры.

После прекращения «Искры» Богданов вряд ли перестал писать, но он потерял широкую читательскую аудиторию, которая у него была во время сотрудничества в журнале Курочкина; оборвались, по-видимому, и его тесные связи с литературной средой.

Во время своей службы в Кронштадте Богданов принимал близкое участие в работе местного общества морских врачей, а в 1874—1875 годах состоял его секретарем. В «Протоколах» общества он напечатал две медицинские статьи. В 1878 году Богданов выпустил брошюры: «Таблицы для измерения влажности воздуха на судах» и «Житье-бытие на море. Беседы из морского и приморского быта». Он задумал целую серию популярных брошюр-бесед о «житье-бытие на море», но дальше первой, в которой говорится «о том, как люди начали плавать по морю», дело не пошло.

¹ Несколько позже, в «Новостях и заметках», напечатанных в «Азиатском вестнике», Богданов писал о зверствах версальцев.

В 1884—1885 годах Богданов много печатался в «Осколках», но помещенные здесь стихотворения, за исключением двух-трех политически острых вещей, не возвышаются над уровнем неприязнительного и поверхностного юмора этого журнала. В значительной степени это объясняется цензурными причинами и крайней осторожностью редактора «Осколков» Н. А. Лейкина. Ряд стихотворений Богданов напечатал также в театральной газете «Суфлер», но лишь одна из появившихся в «Суфлере» вещей заслуживает внимания. Это — перевод «Марсельезы», из которого, правда, были изъяты — без сомнения, по цензурным причинам — наиболее резкие места о тиранах и деспотах. Переводу было предпослано краткое предисловие («Два слова о „Марсельезе“»), где Богданов писал, что «Марсельеза» — не «чисто революционная песня, разжигающая народные страсти», а «просто патриотический гимн», в котором нет «ровно ничего возмутительного». Разумеется, все это вовсе не выражает подлинных взглядов Богданова и является «защитным цветом», ширмой, которыми часто приходилось пользоваться писателям демократического лагеря. Только таким образом можно было провести в печать — хотя бы в урезанном виде — знаменитую революционную песню. Следует подчеркнуть, что и в таком виде появление «Марсельезы» в легальной печати было весьма небезразличным фактом, напоминавшим русской читающей публике о вдохновенной песне, с которой шли на борьбу за родину и революцию против отечественной реакции

и иностранных интервентов французские революционеры и патриоты XVIII века и которая звучала как призыв к революционному действию для многих поколений не только французского, но и русского народа.

В 1885 году Богданов перевелся в Черноморский флот. 5 августа 1886 года он умер.

Издание стихотворений

Собрание стихотворений. Собрал и подготовил к печати проф. А. В. Кожорев. М., 1959. (Наиболее полное собрание стихотворений В. И. Богданова. Текстологическая сторона издания и примечания изобилуют ошибками.)

БЕСЕДА С МУЗОЮ

(В чисто классическом роде)

Как-то муза мне сказала,
Потрепав меня рукой:
«Влас, мой друг, ты пишешь мало,
Пой! пой! пой!»

И ответил я сестрице:
«Я спою тебе, изволь,
Как живет у нас в столице
Голь, голь, голь

В тех углах, где близ заборов
Мостовых, панелей нет.
Где чуть теплится Шандоров
Свет! свет! свет!

Где лачужки длинным строем
Догнивают, искосясь,
Где лежит глубоким слоем
Грязь, грязь, грязь;

Где всю жизнь одни лишенья
Жалких тружеников ждут,
Где тяжел до изнуренья
Труд, труд, труд. . .»

«Стой! — прервала муза, — вникнет
В эту песнь сонм важных лиц.
И как раз тебе он крикнет:
Цыц! цыц! цыц!

Скажут: песня не из лестных. . .
Навлечешь как раз их гнев,
Лучше пой, брат, про прелестных
Дев, дев, дев.

Обратись к луне, к природе,
Пой утехи юных лет —
Ведь поет же в этом роде
Фет, Фет, Фет.

Если ж жизнь тебя прельстила,
То ты можешь воспевать,
Как живет изящно, мило
Знать, знать, знать;

Как столица ослепляет
Непривычный к блеску глаз,
Как по улице блистает
Газ, газ, газ;

Как весь год жилося славно,
Что в балете ты видал;

Как Ефремов дал недавно
Бал, бал, бал;

Как... да ну, бери же лиру
И скорей про край родной
Песню сладенькую миру
Пой! пой! пой!»

< 1863 >

ПРИТЧА

Пировал Барыш средь своих хором,
Угощал он Знать дорогим вином,
Не жалел рублей, не щадил труда...
В этот час к окну подошла Нужда.
Говорит: «Барыш! Не оставь меня,
Голодаю я уж четыре дня».
— «Видно, пьянствуешь», — ей Барыш
сказал,
Черствый хлеба край ей в окошко дал
И, смеясь, кричит: «Пир — так пир горой!
Эй, жена, на стол поскорей накрой,
подавай пирог, подавай нам щи,
Всё, что есть в печи, всё на стол мечи!»
Поплелась Нужда от окошка прочь...
На дворе метель и глухая ночь,
На дворе мороз, в стороне ж кабак,
И в него Нужда доплелась кой-как.
В кабаке Нужде уголок был дан,
За лохмотья ж ей поднесен стакан.

Пропила зипун — стали гнать Нужду,
И пошла Нужда, позабыв беду,
Прямо в темный лес, улеглась под ель,
Хлеб жуёт она... а над ней метель...
Засыпай, Нужда, — и чего тут? — знай,
Что «коль хлеба край, так под елью рай».

< 1864 >

ПРОЕЗЖИМ

(Раздумье горемыки)

Что вы смотрите так подозрительно
На заплаты одежды моей?
Или прихоть пришла снисходительно
Бросить мне пару медных грошей?
Вы сегодня добры изумительно,
Благодарен я вам от души! —
Только знайте:
Не помогут мне ваши гроши —
Проезжайте!

Было время: с какою охотою
За работой я грудь надрывал,
Всё боролся с нуждой да с заботою,
Но не мог устоять — и упал.
А теперь я почти не работаю,
Что добуду — тащу всё в кабак...
Что ж? Ну знайте,
Что я пьяница, нищий, — итак,
Проезжайте!

Было время: рукою несмелою
Я стучался у ваших дверей. . .
Да! я с матерью жил престарелою
И с несчастной сестрою моею.
Но теперь я к вам шагу не сделаю,
Миновала невзгоды пора,
Поздно! — Знайте,
Что уж мать умерла, а сестра. . .
Проезжайте!

<1864>

НАШ ПРОЛЕТАРИЙ

Смотрите, вот наш пролетарий!
Он не успел окончить курс
В одной из наших семинарий,
В одной из наших бурс.

Из бурсы с скверным аттестатом
Начальством был он исключен;
Хотел быть по найму солдатом,
Да плох здоровьем он.

Потом читал он и учился. . .
Больной, собрав остаток сил,
Пешком в столицу притащился,
В студенты поступил.

Терпел нужду, терпел лишения —
Нет сил трудиться, нечем жить. . .

Бедняга вышел из терпенья —
И с горя начал пить.

Тут посещать не стал он лекций,
На службу поступить хотел,
Но не имел знакомств, протекций,
Прав по рожденью не имел.

А время шло и дни летели;
Он, обнищать успев кругом,
Стал в рваной фризовой шинели
Ходить в питейный дом.

Чем он живет, он сам не знает:
То настрочит прошение он,
То с днем рожденья поздравляет,
То сходит на поклон.

Бедняге пьянице не стыдно
Просить дрожащею рукой —
Всё человеческое, видно,
Убито в нем нуждой.

И вот, помаявшись в столице,
Он станет чахнуть и умрет,
И купят для него в больнице
Гроб на казенный счет.

< 1864 >

ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,

Это — песня рабочей артели:

«Ухни, дубинушка, ухни!

Ухни, березова, ухни!

Ух! . . .»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Ноет грудь, ломит шею и спину. . .
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут

И, кряхтя, запевают дубину:

«Ухни, дубинушка, ухни!

Ухни, березова, ухни!

Ух! . . .»

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрились и мы: чуть пришлось невмочь,

Вспоминаем родную дубину:

«Ухни, дубинушка, ухни!

Ухни, березова, ухни!

Ух! . . .»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,

Что творят по тебе так поминки;

Где работа дружней и усердней нужна,

Там у нас, знать, нельзя без дубинки:

«Ухни, дубинушка, ухни!

Ухни, березова, ухни!

Ух! . . .»

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружней прорубалось в Европу окно, —
И гремело по финскому флоту:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! . . .»

Прорубили окно. . . Да, могуч был напор
Бессознательной силы. . . Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор. . .
 Наши ж деды одно напевали:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! . . .»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству;
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
 Прибегаем как к верному средству:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! . . .»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело
И при тяжком труде утомленных людей
 Монотонно б у нас не гудело:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух! . . .»

ХИМЕРЫ

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что время настанет, когда у людей
Помчатся стрелою по рельсам подводы
 Без лошадей;
Что станут повсюду работать машины,
Что по морю плавать без ветра начнем. . .
 О боже! какой бы содом
Все подняли тотчас в защиту рутины:
 «Он рехнулся! В желтый дом,
 На цепь сумасброда!
 Ведь волнует у народа
 Он умы. . .»
Что ж теперь про крик такого рода
 Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что люди со временем так будут жить,
Что им и перуны небесного свода
 Станут служить;
Что сила, которой пугают нас грозы,
Покорно депеши мчать станет потом. . .
 В ответ бы раздались кругом
И крик, и проклятья, и брань, и угрозы:
 «Он рехнулся! В желтый дом,
 На цепь сумасброда!
 Ведь волнует у народа
 Он умы. . .»
Что ж теперь про крик такого рода
 Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что станет вдруг солнечный луч рисовать,
Что мы и портреты, и горы, и воды

Станем писать

Не кистью, а пользуясь солнечным светом,
Что кисть и палитру заменит во всем

Нам свет, покоренный умом. . .

В ответ что за крик бы раздался при этом:

«Он рехнулся! В желтый дом,

На цепь сумасброда!

Ведь волнует у народа

Он умы. . .»

Что ж теперь про крик такого рода

Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что в обществе вовсе не будет рабов,
Что время настанет, и снимет свобода

Бремя оков,

И новый склад жизни, склад жизни свободной

Заставит всё делать свободным трудом. . .

Сказать бы всё это — кругом

Раздался б немедленно крик всенародный:

«Он рехнулся! В желтый дом,

На цепь сумасброда!

Ведь волнует у народа

Он умы. . .»

Что ж теперь про крик такого рода

Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в наши хоть годы,
Что время настанет такое, когда

На свете не будет страданий, невзгоды .
С гнетом труда,
Что люди устроят склад жизни примерно,
Что с голодом бедный не будет знаком. . . .
Скажите-ка это — кругом
Поднимутся громкие крики, наверно:
«Он рехнулся! В желтый дом,
На цепь сумасброда!
Ведь волнует у народа
Он умы. . .»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

<1868>

* * *

Французы в Суэце, как видно,
Канал не на шутку ведут, —
Ну, это немножко обидно:
Дорога ведь в Индию тут. . .

Джон Буль заламаншского друга
Так любит, так им дорожит,
Что стать в Абиссинии с юга
С почетною стражей спешит.

1868

* * *

Красный принц в стенах Стамбула
Наблюдает, чтобы ловко
Всё скрутила, всё стянула
Либеральная веревка.

Даст приличный вид разбою,
И окажется в остатке —
Гнет с железною рукою
В бархатной перчатке.

1868

ЕРРУР СИ МУОВЕ!

1
Страх пытки и тюрьма вынудили
Галилея отречься от убеждения
в движении земли. После торже-
ственно принятой очистительной
присяги Галилей, топнувши ногою,
сказал: «Еррур си муовел!» (А все-
таки движется!)

*Примечание для не пошедших
далее классического ликея.*

Вот в черных рясах сонм судей,
Сонм инквизиторов собрался;
Пред ним, в оковах, Галилей
От убеждений отрекался.
Он говорил: «Я сатаной
Был одержим! мое ученье —

Безбожно, каюсь! . . Шар земной
Стоит от века без движенья. . .»
Крест Галилей поцеловал,
Но вслед за тем, нахмурив брови
И топнувши ногой, вскричал:
«Eppur si muove!»

Мысль Галилея понял свет:
Земли движенье стало ясным;
Замолк ханжа, затих аскет. . .
Но свет ученьем был опасным
Взволнован. . . Стали толковать
И про движенье в сфере мнений:
Что как, мол, всё на веру брать?
Нужна свобода убеждений. . .
Рим проклял ересь. . . Взят был бич,
Зажглись костры, но в каждом слове
Страдальцев слышался всё клич:
«Eppur si muove!»

Гоненья вызвали борьбу,
Кровь полилась, бой долго длился;
Рим наконец, кляня судьбу,
От протестантов отступился.
Слагаться начал новый быт,
Снимались старые вериги,
И тщетно хитрый иезуит
Стал в ход пускать свои интриги.
Опутав в сети целый свет,
Ряд тормозов был наготове. . .
Жизнь шла вперед, твердя в ответ:
«Eppur si muove!»

Прошли года; утих взрыв масс,
Освоясь с мыслию простою,
Что всё в движении у нас,
Что в жизни места нет застою,
Что жизнь не в силах подавить
Ни Чингисханы, ни Аттилы,
Что силу жизни не сломить,
Что нет плотин от этой силы
И что пора простор ей дать,
Чтоб в каждой мысли, в каждом слове
Могло торжественно звучать:
«Eppur si muove!»

1868

* * *

Очень грозен горизонта
Политического вид,
От Кале до Геллеспонта
Всё в смущении твердит:
«Близок взрыв! близка невзгода!»
Шовинисты ж тешат нас:
«Для защиты, мол, народа,
Для блаженства целых масс
Нам война нужна и слава...»
Ах, отстаньте! Полно, право,
Вам нести всю эту ложь —
Нужен вам грабеж!

Там, над Сеной, в кабинете
Сидя, думают порой:

«Чем бы это нам на свете
Отличиться пред толпой?
Рейн бы взять... Тогда в народе
Не желали б перемен...»
И тотчас же в этом роде
Речь заводит Жиранден:
«Рейн нужней, мол, чем свобода,
Для французского народа!»
Что ж, ведь это, чай, не ложь —
Любят там грабеж!

План затеяв исполинский,
Бисмарк думает тайком:
«Всю Германию — берлинской
Нужно сделать!.. Всех прижмем,
Вырвем с силой молодецкой
Лотарингию, Эльзас...
Где звучит язык немецкий —
Там добыча есть для нас».
И толкует он народу:
«Эй, народ, свою свободу
Ты в единстве лишь найдешь —
Надобен грабеж!»

В одряхлевшем Ватикане
Тоже думают, кряхтят,
Совещаются о плане
Старину вернуть назад,
Чтоб в провинциях свободных
Снова папа править стал.
«Много там статей доходных!» —
Шепчет каждый кардинал.

А вокруг них уже в народе
В Риме крики о свободе. . .
Ватикану невтерпеж —
Он вопит: «Грабеж!»

Больше чем четыре века
Занят турками Босфор;
За «больного человека»
Турка знают с давних пор.
Доконать его есть средство,
И вопрос теперь весь в том,
Как начать делить наследство,
Что кому отдать потом.
Так на этом стало дело. . .
И теперь кричат все смело,
Чуть о турке речь начнешь:
«Караул! Грабеж!»

1868

СВОЙ ИДЕАЛ

*(Размышления одного из «недовольных»
по прочтении «Вести»)*

Глаз видит, да зуб неймет.
Пословица

Упрекают все меня в застою,
Говорят, что я б, вишь, не желал
Улучшений в быте масс. . . Пустое!
Создан мной давно свой идеал.

Не балуя хамова отродья,
Не внося губительных начал,
Я б улучшить быт простонародья
До известной степени желал.

Пусть мужик у нас не ест мякины,
Хлеб всегда пусть будет у него,
Даже в праздник щи из солонины
Пусть себе он варит. . . Ничего!

Я кормлю охотно попугая,
Я кормлю собаку и коня,
Рад рабочего кормить я, зная,
Что он тратит силы для меня.

Пусть тепло одет крестьянин будет;
Пусть сермягу толстого сукна
И тулуп он сам себе добудет,
Шапка тоже для него нужна,

Ну и лапти не должны быть худы,
У рабочего — не то беда!
Может слечь мужик мой от простуды,
Я лишусь рабочих рук тогда.

Я совсем не враг и просвещению —
Пусть заводят школы мужики,
Пусть детей их и письму и чтению
Обучают сельские дьячки.

Мне рабочий грамотный полезней. . .
Я беречь согласен мужиков,

И в селе на случай их болезней
Разрешить больницу я готов!

Но затем, устроив быт рабочих,
Я б смотреть за ними строго стал,
И, чтоб власть иметь тут, я бы прочих
Вольнодумств в реформах не желал.

Улучшенья быта — не свобода,
С улучшеньем быта мужики
Дать должны нам более дохода,
А не шляться вечно в кабаки.

Даже пусть считается свободным
Наш мужик — но только на словах,
Ведь тогда лишь будет он мне годным,
Если он вполне в моих руках,

Если всё, что труд его приносит,
Собирать возможность мне дадут.
Пусть мужик мой пашет, сеет, косит —
На себя беру я тоже труд.

Труд большой, мне с ним хлопот немало:
Нужно мне доходы собирать;
Назначение для капитала
Нужно мне приличное искать.

Я б зимой поехал жить в столицу,
Роскошью торговлю поощрять,
А потом махнул и за границу
Честь России с шиком поддержать.

Подражая рабски иностранцам,
Я б усвоил речь их, нравы, вкус —
В Лондоне б был истинным британцем,
Жить в Париже стал бы как француз.

Иль, чтоб сказкой стать молвы стоустой,
Патриота б корчил я подчас:
Стал бы есть в Париже щи с капустой,
Стал бы в Лондоне пить русский квас,

Жил везде б я пышно и богато,
И, во славу родины моей,
Чисто русский тип аристократа
Я в себе б осуществил, ей-ей!

А таких, как я, у нас немало —
Жаль, реформы губят нас вполне. . .
Эх, когда б их все начать сначала
Да побольше бы дать воли мне!

Не балуя хамова отродья,
Не внося губительных начал,
Я б улучшил быт простонародья
И осуществил свой идеал.

<1869>

* * *

Орел французский встарь вносил
Свободу, братство и равенство,
И вдруг теперь он поступил

В распоряженье духовенства.
Он защищает мрак и гнет,
Он с иезуитом, он с прелатом...
Не прав ли тот, кто назовет
Орла французов — ренегатом?

1869

ТРИ СЫНА

У отца три сына было...
Старший говорит:
«В вицмундире очень мило,
И я буду сыт».

Вот второй промолвил смело:
«Я же — на коня!
Бить врагов — святое дело!
Отпусти меня!»

«Ну, а ты, — спросил родитель
Третьего, — куда?»
— «Мир велик! Я — сочинитель.
Вот моя звезда!»

Старший служит, есть уж дети,
Сам солидным стал;
Генерал — второй, а третий...
Без вести пропал.

<1870>

* * *

У министров буржуазных
Много планов, мыслей разных,
Много есть затей;
У простых людей —
Только баррикады,
Рады иль не рады...
Да пришла пора —
Ça ira!

1870

МЫ—ОСОБЬ СТАТЬЯ!¹

(Иерemiада одного из последних могикан
на всероссийской почве)

C'est vrai, mon cher!² И спесь и
чванство
Не в духе нынешних идей,
Но наше старое дворянство

¹ Мы получили это стихотворение при следующем письме автора: «М<илостивые> г<осударь>, прилагаемое при сем стихотворение «Мы — особь статья» предназначалось мною для газеты «Весть», как для органа тех немногих представителей *столбовых*, к числу которых принадлежу и я — автор этого стихотворения, и к которому, как я слышал, принадлежите и вы, м. г., принявшие на себя редакторство «Искры». Но «Весть», несмотря на поддержку ее *нами*, прекратилась за истощением средств; поэтому я решился обратиться к вам с просьбою дать место моему стихотворению в вашем журнале, на который у нас, *столбовых*, теперь единственная надежда. Положитесь на нас — мы вас поддержим. Примите и проч.»

² Это так, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

Не грех бы поддержать, ей-ей!
Ведь что ж нибудь да значат предки?
Ведь что ж нибудь да значит кровь?
У нас же *столбовые* редки,
Дворян пекли так много вновь:
Крапивным семенем врывались
В наш круг аршинники, кутья;
Но всё же мы еще остались,
И всё же мы — особь статья!

Наш род богат был, был звездою
Екатеринина двора,
Ее щедроты к нам рекою
Лились — блаженная пора!
Нас сам Державин в одах славил,
Но вдруг — переменялся взгляд,
Перевернул всё круто Павел,
Пустив в ход гатчинских солдат.
С тех пор простора стало мало
Для нашего житья-бытья,
И вся Россия забывала,
Что мы у ней — особь статья.

Стеснен был ход родам дворянским,
И *parvenus*¹ презренных рой
Полз за кутейником Сперанским
Бюрократической стезей.
Был век подьячих, век лакеев,
Бек кантонистов и ханжей,
И во главе всех Аракчеев...

¹ Выскочек (франц.). — *Ред.*

Затем предания свежей
Давайте вспомним: плац-парадом
Русь увлсклась до забытья
И к нам совсем уж стала задом,
Забыв, что мы — особь статья.

Фельдфебеля, не gentil'homme'a¹
Успех на службе ждал тогда,
И тихим шагом в три приема
Шли люди в люди в те года.
Нам не везло в эпоху эту,
Пришлось именья заложить,
Долг опекунскому совету
Возрос, нам нечем стало жить...
Как вдруг — реформы... Стало жутко,
Но, ободрившись, думал я:
Всё это так... всё это — шутка,
Нас вспомнят... Мы — особь статья!

Но нет! Крестьянам очень ловко
Отрезан был от нас надел.
Сословных прав нивелировка
Пошла, и глядь — мы «не у дел».
В суде мы — нуль, и в земстве тоже
Наш голос часто очень слаб...
Что ж, неужели же, о боже,
И впредь так будет?.. О, когда б
За наше право крепостное,
За роскошь барского житья

¹ Дворянина (франц.). — *Ред.*

Нам дать хоть что-нибудь такое,
Чтоб были б мы — особь статья.

Пусть даже в формах либеральных
В отчизне ход нам будет дан.
Взамен традиций феодальных
Пусть воскресят боярский сан.
Дадут нам власть, значенье лорда.
Нам не по сердцу было б, что ль,
И право так держаться гордо,
И политическая роль,
И средства жить полуцарями?
Нет! ряд реформ — галиматья,
Коль прежде не займутся нами,
Parbleu! ¹ Ведь мы — особь статья!

1876

〈 ДИАЛОГ ВЕРСАЛЬСКОГО И ПАРИЖСКОГО ХОРА 〉

Хор версальский
Мы — домовладельцы, мы — владельцы ренты.

Хор парижский
Ваши квартиранты мы, мы — рабочий класс.

Хор версальский
Нет, вы — коммунисты, воры, инсургенты. . .

¹ Черт возьми! (Франц.). — *Ред.*

Хор парижский

Вы ж — эксплуататоры обнищавших масс.

Хор версальский

В нас все средства Франции, мы — ее богатство.

Хор парижский

В нас вся сила Франции, мы — ее весь труд.

Хор версальский

Не платить по векселю — это святотатство.

Хор парижский

Грех долги там требовать, с голоду где мрут.

Хор версальский

Плата за квартиру — это долг священный!

Хор парижский

Без квартир прикажете околеть, что ль, нам?

Хор версальский

Нет, платить вы можете; смолк ведь гром
военный.

Хор парижский

А найти мы можем ли сбыт своим трудам?

Хор версальский

Мы не виноваты, если вы фортуною
Несколько обижены... божья воля тут.

Хор парижский

Нет, пускай обсудится городской коммуною
Всё, как капитал заедает тяжкий труд.
Пусть решит сомнения голос всей столицы.

Хор версальский

Голос массы уличной? Это пустяки!
Вас в Париже тысячи, нас же единицы...

Хор парижский

Ну так пусть все прения порешат штыки.

1871

< ТЬЕРУ >

Развивать он бойко стал
Прежние традиции,
Он всю Францию отдал
Под надзор полиции,
Прихоть он свою зовет
Волею народною,
А республикою — гнет
Над страной свободною.

1871

Н. С. КУРОЧКИН

Николай Степанович Курочкин, старший брат редактора «Искры» В. С. Курочкина, родился в Петербурге 2 июня 1830 года в семье чиновника Главного казначейства, бывшего крепостного кн. В. А. Шаховской.

В 1848—1854 годах он учился в Медико-хирургической академии. В годы войны был в действующей армии в Крыму. В 1858—1859 годах служил врачом в Русском обществе пароходства и торговли и в связи с этим много путешествовал: побывал в Западной Европе, на Кавказе, в Сирии и Египте.

Литературой Курочкин стал заниматься на школьной скамье. Еще гимназистом, в 1847 году, он поместил в «Репертуаре и пантеоне» перевод романа А. Гуссе «Три сестры», в студенческие годы сотрудничал в «Сыне отечества» (повесть «Недоразумение», стихи, переводы, фельетоны), а в начале 1860 года, вернувшись в Петербург, совсем бросил медицину и посвятил себя исключительно литературе.

Курочкин был деятельным сотрудником «Искры» с первого же года ее существования. Он печатался в «Искре» под многочисленными псевдонимами

(Пр. Преображенский, Илья Чичервин и др.). Курочкин принадлежал к руководящему ядру журнала и принимал близкое участие в редакционной работе, в борьбе журнала со всеми устоями самодержавно-бюрократического государства, с политической реакцией, с реакционной журналистикой и литературой, с либерализмом, с идеалистической философией. Из произведений Курочкина совершенно ясно его отношение к «великим реформам» 60-х годов, в том числе к крестьянской реформе 1861 года. Об этом имеется также не вызывающее никаких сомнений свидетельство современника. «Странно, — говорил Курочкин в 1864 или 1865 году, — что многие так ликуют и утешают себя настоящими и будущими реформами, которых ждет та же участь, что и крестьянскую реформу. Обкорнают, урежут, сократят, объяснят каждую из них так, что совершенно сведут на нет».

Курочкин печатал в «Искре» и публицистические статьи, и фельетоны, и драматические сцены (в прозе и стихах), и переводы, и оригинальные стихотворения. Лирика занимает сравнительно небольшое место в его поэтическом творчестве этих лет; стихи Курочкина разнообразны, но тяготеют по преимуществу к жанру сатирического фельетона. К 1862—1863 годам относится цикл путевых впечатлений, корреспонденций в стихах, из которых в настоящий сборник включены «Ода на Него» и «Ода на современное состояние Франции». В них неприкрытое преклонение перед французской революцией и образом Марата, презрение к

публицистам, занимавшимся в 60-е годы ее развенчанием, ненависть к режиму Наполеона III облечены в своеобразную форму: авторское «я» и сатирическое «я», интонации гневной сатиры и юмористического фельетона переплетены в этом цикле, причем их смена отражает развитие темы, сюжетное движение стихотворений. У Курочкина, как и у других искровцев, неоднократно встречаются стихотворения, написанные в форме монолога, вложенного в уста сатирического персонажа, имитирующие его образ мыслей и фразеологию. Хотя Николай Курочкин и не владел стихом столь виртуозно, как его брат Василий или Минаев, подчас бывал тяжеловат и даже неуклюж, многие его стихотворения отличаются не только политической остротой, но и тонкой художественной формой; так в сценке «Утешение в разлуке» весело и умело использованы популярные романсные размеры и интонации.

Журнальная и редакционная работа Курочкина не ограничивалась «Искрой». В 1861—1862 годах он несколько месяцев редактировал журнал «Иллюстрация», в 1865—1867 годах — «Книжный вестник», который превратил в боевой журнал демократического направления. По его собственному свидетельству, в «Книжном вестнике» рассеяно много его рецензий и небольших статей, напечатанных без подписи. Официальным редактором «Книжного вестника» Курочкина не утвердили, так как, по отзыву III Отделения, он «не представляет достаточных ручательств в благонадежности». В 1867 году под редакцией Курочкина вышел также

«Невский сборник». В разное время Курочкин сотрудничал, кроме того, в «Московской медицинской газете», журналах «Век», «Гудок» 1862 года, «Время», «Русский мир», «Дело», в газетах «Очерки», «Современное слово», «Гласный суд»; в последней он заведовал отделом иностранной политики.

Еще в 1849 году студентом 1-го курса Медико-хирургической академии Курочкин посещал кружок петрашевца С. Ф. Дурова и в связи с этим привлекался к допросу следственной комиссии по делу петрашевцев. Через двенадцать лет, в 1861 году, он вступил в революционное общество «Земля и воля», а в 1862 году был избран кандидатом в члены его центрального комитета.

В 1862 и 1863 годах Курочкин был за границей, в том числе в Лондоне, и, без сомнения, встречался с Герценом, хотя и утверждал на допросе в Следственной комиссии по делу Каракозова, что видел Герцена только на всемирной выставке, но ни в какие сношения с ним не входил. То, что Курочкин был в дружеских отношениях с Герценом, засвидетельствовано рядом современников, да и самим Герценом. Курочкин был в близких отношениях и с другими представителями революционной эмиграции. С 1862 года, в связи со сведениями о его сношениях с «лондонскими пропагандистами», то есть Герценом и Огаревым, Курочкин состоял под секретным наблюдением полицейских органов. В 1865 году Курочкин был охарактеризован ими как «давно известный своим вредным направлением».

В 1863 году Курочкин встретился во Флоренции с Н. Д. Ножиным и близко сошелся с ним. Ножин был впоследствии членом петербургского кружка каракозовцев. Курочкин если и не принимал в кружке непосредственного участия, то во всяком случае был хорошо осведомлен о том, что там делалось, был знаком с И. А. Худяковым и другими каракозовцами, знал, по-видимому, о готовящемся покушении на Александра II. После каракозовского выстрела Курочкин не только был арестован, наряду с другими «неблагонадежными» литераторами, за сотрудничество в журналах «крайнего направления», но, кроме того, был привлечен к следствию по каракозовскому делу. Четыре месяца он просидел в Петропавловской крепости и по освобождении был подчинен полицейскому надзору.

По отзывам многих современников, Курочкин был глубоко преданным литературе, умным и остроумным, разносторонне образованным человеком, прекрасным собеседником. Он тепло относился к молодым, начинающим писателям и оказывал им всяческую поддержку. Н. К. Михайловский называет Курочкина своим «литературным крестным отцом»: «Он приютил и кормил меня в трудное время, никогда ничем не давая мне почувствовать, что делает одолжение. Он же меня впоследствии и в «Отечественные записки» ввел».

Разностороннее образование сказалось в ряде статей Курочкина. Он писал по вопросам литературы (о Минаеве, А. К. Толстом, Берне, Эркман-Шатриане) и медицины; ему принадлежат статьи

о современном положении Франции, о тюрьмах, о съезде естествоиспытателей, об ассоциациях, о Прудоне, о Рошфоре, — и обо всем он писал дельно, толково и вместе с тем политически остро. Знание французского и итальянского языков определяло круг его переводческой деятельности. Он переводил Джюсти, Порта, Альфиери, Гюго, Бодлера, Надо, Коппе и др.; перевел несколько пьес, которые неоднократно ставились на сцене столичных и провинциальных театров («За монастырской стеной» и др.). Кроме того, под его редакцией были переведены книги Прудона «Искусство, его основания и общественное значение» и Макиавелли «„Государь“ и „Рассуждения на первые три книги Тита Ливия“».

С 1868 года основной становится для Курочкина работа в «Отечественных записках», перешедших в руки Некрасова. В течение четырех лет он заведовал библиографическим отделом журнала и заменял Некрасова и Салтыкова, когда они уезжали из Петербурга. Курочкин печатал в «Отечественных записках» стихи, критические и публицистические статьи, рецензии, переводил иностранные корреспонденции и романы. В конце 60-х годов он принимал также близкое участие в редакционном кружке журнала «Неделя», где благодаря ему был напечатан цикл фельетонов Герцена «Скуки ради».

С начала 70-х годов Курочкин тяжело болел, а последние несколько лет своей жизни был прикован к постели, не оставляя, однако, литературной деятельности. В 70—80-х годах Курочкин, кроме

«Отечественных записок», печатался в «Пчеле» Микешина, «Устоях», «Русском богатстве», «Слове», «Наблюдателе».

По инициативе Курочкина и Гл. Успенского, с которым он был в дружеских отношениях, в 1875 году во французской газете «Le garret» была помещена статья парижского корреспондента «Отечественных записок» Л. Шассена о Чернышевском.

До конца жизни Курочкин не изменил своим убеждениям. Годы реакции не привели его, как многих, к теории «малых дел». В его лирике появляются, правда, мотивы подавленности и безнадёжности, но зато его сатира по-прежнему звучит язвительно. Уже в последние годы своей жизни он напечатал в «Наблюдателе» ряд злых сатирических стихотворений, создав своеобразную литературную маску поэта — околоточного надзирателя Ефима Скорпионова.

Курочкин умер 2 декабря 1884 года.

ПОСЛАНИЕ К Н. Л. ГНУТУ

*(Подражание Языкову с четырьмя
благоприобретенными
у него стихами)*

Плохих певцов плеяде бледной
Тебе судил могучий рок
Нравоучительно-победный,
Хоть жесткий, преподать урок!
Чад незаконных Аполлона
Хоть и невесело колоть —
Но сорных трав и с Геликона
Не запрещается полоть.
Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов;
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков.
*Пусть с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Пусть, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки!*

1860

ДУРНЫЕ ВЕСТИ

Тяжесть какая-то жить не дает...
Каждый день вести дурные несет...
Умер один, застрелился другой,
Этот во гробе одною ногой.
Этот исчез. А ведь нет и недели,
Как и еще одного мы отпели
И опустили на вечный покой...
Что ж это? воздух ли нынче такой?..

Время ль такое для нас подошло?
Стало ли жить всем невмочь тяжело,
И от страданий и слез пролитых
Даже нет силы дышать у живых?..
Просто не веришь, на самом ли деле!
И утешаешь себя: не во сне ли...
Только нет мочи от горьких вестей,
Да и кругом всё пустей и пустей!..

Или всегда уж на свете так было.
Или так нужно, чтоб юность и сила,
Жажда свободы и творческий труд
В ранних гробах находили приют?
Что ж?.. покоряясь бесстрастной судьбе,
Тихо угаснем в неравной борьбе...
С верой, что вызовут наши гробы
Новое племя для новой борьбы.

< 1862 >

ДЕВА И ЖРЕЦЫ

(Фантастическая сцена времен доисторических)

Действие — в капище, посвященном Эскулапу

Д е в а

Отцы-целители и столпники науки,
Пред сонм ваш жреческий предстать дерзаю я
И с кроткою мольбой к вам простираю руки...

В е р х о в н ы й ж р е ц

Post hoc¹ поведай нам, о чем мольба твоя...

Д е в а

Надежда робкая и твердое желанье
Направили, отцы, мои стопы сюда.
Сознала я в себе высокое призванье,
Мне тяжко жизнь влачить без пользы и труда!
С младенчества глядеть я не могла без муки
На горе страждущих, на бедствия людей
И просветить хочу свой разум днем науки,
Чтоб быть полезною им помощью моей...
Хочу, целители, учиться медицине.
Хочу трудиться я... и после быть врачом...

В е р х о в н ы й ж р е ц

(строго)

Держите вашу речь в сем храме по-латыни,
По-русски не пойму, вы просите о чем...

¹ После этого, затем (лат.). — Ред.

Д е в а

Увы! я языком Галена не владею,
Но просьба так моя понятна и проста...
Я в жизнь хочу внести известную идею,
Что дверь научная напрасно заперта
Для женщины рукой обычая фатальной...
Пора, давно пора рассеять этот мрак!..

В е р х о в н ы й ж р е ц

Ты хочешь бабкою быть, верно, повивальной,
Иначе речь твою я не пойму никак...
Что ж? смело хоть сейчас беритесь за работу,
Диплом экзамена у нас бывает мздой,
Экзамен в капище сем каждую субботу
Во весь учебный год идет своей чредой...

Д е в а

Нет, смысл мольбы моей понять вы не хотите.
Я знания ищу — хочу природу знать,
Меня на лекции вы только допустите,
А лекарский диплом от вас зависит дать,
Когда, окончив курс науки человека,
Своими знаниями его я заслужу...

В е р х о в н ы й ж р е ц

Таких безумных слов я не слышал от века,
И смысла здравого я в них не нахожу...
Смешно опровергать нам просьбу вашу, право...
Для женщин нет еще у нас врачебных мест...
Лечить, сударыня, больных — мужское право!..

(Обращаясь к жрецам)

Нос verbum virginis, eheu! absurdum est!

Один из жрецов

Eheu!

Второй жрец
Me Hercule! ¹

Третий жрец
Scandala medicinae! ²
Какого зрелища свидетелем я ныне!..

Общие рыдания.

Верховный жрец
(звонит для произведения спокойствия)

Не время вздохами и жалкими словами
Нам гнев свой выражать на деву, о жрецы!
Рассудим обо всем спокойно, между нами,
Составимте совет... и пусть во все концы
Молва народная несет решенье наше...
Пусть в даль грядущую веков оно пройдет...
Скажите, например, Бомбастус, мнение ваше,
А после прочие сочлены в свой черед...

Бомбастус

Я, с ясностью своей взглянув обыкновенной,
В словах бесхитростных то мнение изложу:
В мольбе бессмысленной сей девы дерзновенной
Злоумышление я прямо нахожу...

¹ — Увы! слова девы бессмысленны! — Увы! — Клянись Геркулесом! (Лат.). — *Ред.*

² Скандал для медицины! (Лат.). — *Ред.*

Сим наглым стимулом, невиданным афронтом,
Собратья! поражен я более вас всех...
Клянусь Фалесом я, Драконом и Гельмонтом:
На нашу практику свершается набег!
Не верьте в женщинах стремлению к науке!
И если деву мы допустим быть врачом,
Погибнем с голоду и мы и наши внуки...
Без славы, без больных, оставшись ни при чем...

Хор жрецов

В словах Бомбастуса высокой правды многу.
Pro dei popinis¹ — сомненья в этом нет. —

Верховный жрец

Итак, о женщина! иди своей дорогой...
Вот на мольбу твою единственный ответ...
Скорее удались!..

Деву уносят из храма.

А мы об этом диве

Еще недели три подумаем слегка,
Составим протокол — и tabulae votivae²
Его перенесут в грядущие века!

1862

¹ Во имя бога (лат.). — *Ред.*

² Tabula votiva (лат.) — табличка с надписью или изображением, которую в древности вывешивали в храме — в исполнение обета и в благодарность божеству за избавление от смертельной опасности. — *Ред.*

УТЕШЕНИЕ В РАЗЛУКЕ

(Дуэт на голос: «Пловцы»)

По реке вниз по широкой
(Говорить не нужно где)
Взятку гонят в край далекой
Изменения в суде.

Река шумит,
Река ревет,
Власы чиновник
На берегу рвет:
Сердит и страшен,
И злобы полн,
Глядит, как взятку
Уносит челн! . .

Чиновник

(тенор)

О друг души моей, прощай! . .

Взятка

(дискант)

Дитя! утешься, не рыдай!
Не верь в беду, пока прогресс
Еще для многих — темный лес. . .

Чиновник

Ах! как не верить мне, когда
Нет больше старого суда. . .
И чтоб тебя увидеть вновь. . .

В з я т к а

Уменье нужно и любовь:

Умей в суде
Найтись в беде,
Всех — провести,
Меня — ввести! ..

Ч и н о в н и к

Но как? .. Но как? ..

В з я т к а

Ты не дурак. ..

Ч и н о в н и к

Совет подай. ..

В з я т к а

Изобретай!!!

Река шумит,
Река ревет —
Но уж чиновник.
Волос не ревет. ..

Ч и н о в н и к

Помедли, друг! не уезжай! ..

В з я т к а

Довольно выть! домой ступай!
Уже тебе сказала я:
Найтись умей — я вновь твоя.

Чиновник
Но как найтись?..

Взятка
Лишь не ленись...
И вновь вдвоем
Мы в жизнь войдем...

Чиновник
Войдем?.. прости...

Взятка
Войдем!.. прощай!..

Чиновник
Изобрести?!!!..

Взятка
Изобретай!!!..

1862

ИЗ ЦИКЛА «ПАРИЖСКИЕ ОДЫ»

1. ОДА НА «НЕГО»

Lui, toujours lui!..¹

«Он! всюду Он!» — как тот Наполеон,
Собой Гюго когда-то вдохновивший,

¹ Он, всегда он!.. (Франц.). — *Ред.*

Во всем, везде, повсюду виден Он,
На всё, на всех свой гений наложивший!
Во всем Его с восторгом тайным зрю,
Везде Его я мыслью прозреваю... —
На новые ль казармы посмотрю,
Зуава ли на улице встречаю...
Дивлюся ли бульваров широте,
Заслышу ль звук знакомый барабана,
Шевара ли замечу в тесноте,
Следящего глазами Жан Вальжана!
Услышу ли случайно, как Сенат
Любой вопрос в стенах своих решает,
Войду ль порою в Люксембургский сад,
Где тишь да гладь... Его напоминает!
Сижу ль в кафе с газетою в руке
И новый в ней «авертисман»¹ замечу,
Иль, господи прости, *comptiqué*²
В одном столбце два раза сряду встречу, —
Он, всюду Он, опять и снова Он,
Французам ум и волю заменивший...
Он, наглухо, на всё, со всех сторон,
Как бандероль, свой гений наклеивший!..

1863

¹ Avertissement (франц.) — уведомление, объявление, предупреждение. — *Ред.*

² Правительственное сообщение (франц.). — *Ред.*

2. ОДА НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ

Ты ль это, Франция, о коей с юных лет
Наслушался я столько разных страхов
(В те дни, когда еще о жителях планет
Своих словес не изрекал нам Страхов)?
Ты ль предо мною, буйная страна,
С конвентами, народом, гильотиной,
Европы вождь... будивший ото сна
Всё, что кругом баюкалось рутиной!
Где без боязни гражданин-герой
На плаху шел за мысль свою когда-то, —
Мой детский сон смущавшая порой
Неотразимым образом Марата!..
Где после дважды черни страстный крик
На баррикадах грозно раздавался,
А дряхлый мир — глухой, слепой старик,
Дрожа за жизнь, от ужаса терялся!..
Ты ль предо мной!.. иль прошлой славы сон
Навеки свеян чутким Аквилоном...
И сам Париж — сей буйный Вавилон —
Стал в наши дни — *клубничным*
Вавилоном!..

Канкан, канкан, опять и вновь канкан,
Горят огнем *широкие* бульвары,
Весь день гремит и стонет барабан,
Снуют толпой усердные мушары...¹
И сладко мне! Я вижу, победил
Рассудок — черни дикие мечтанья.

¹ Mouchards (франц.) — шпионы. — Ред.

И буржуа надёжно оградил
На долгий ряд годов свои стяжанья...
Так пусть прошедшее французов в наши дни
Шальной поэт на жалкой лире славит...
Его мальчишки слушают одни!
Солидный взгляд — его мечты раздавит!
Пускай поет!.. Что было — то прошло...
Утопий вздорных не вернуть стихами,
Прошедшего все ужасы и зло
Давно Скарятин доказал статьями,
Ему поверь... бессилье тщетных слов
Он жизненным узнал экспериментом...
И в оны дни за это сам Катков
Его держал своим корреспондентом!

1863

В РЕСТОРАНЕ

(В прошлом году)

— Мальчик! карту! два прибора,
Джину, пирожков...
Ну-с, так вновь для разговора
С вами я готов.
Увеличивать напрасно
Незачем беду;
Верьте, жрут они прекрасно
Мох и лебеду...
Дай сюда!.. составлен глупо
Нынче ваш обед,

Дайте просто: устриц, супу,
С зеленью котлет,
Да пулярку пожирнее
Или... каплуна...
Каплуна!.. каплун вернее.
Карточку вина!

Вы напрасно всё поете,
Что мужик забит...
Вот и карта... что вы пьете —
Нью или лафит?
Или белого хотите?
Если всё равно,
Так лафиту... но, смотрите,
Подогреть вино.
В три рубли! зачем? оставьте:
Moï je paus¹ весь счет.
Да бутылки две поставьте
Редереру в лед!
Finissez donc² ваши речи,
Вас я не хочу
Разорять для нашей встречи
И за всё плачу...

Вот и джин... царапнем, что ли?
Настоящий он...

¹ Я плачу (франц.). — *Ред.*

² Кончайте же (франц.). — *Ред.*

Не от голода, от воли
По России стон!
Я проездом видел, точно,
Есть кой-где беда,
Но зато ведь как порочна
Грубая среда!
Пьянство, буйство, лень повсюду,
Лишь на злое прыть;
Как же, спрашиваю, худу
В наши дни не быть?
Изленились — так за это
Кое-где и мрут,
Остальное всё газеты
Из злорадства врут.
Franchement,¹ я враг до смерти
Мнений через край,
И у нас не голод, верьте,
А неурожай. . .

1868

* * *

Честным я прожил певцом,
Жил я для слова родного.
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

¹ Откровенно говоря (франц.). — *Ред.*

Пел и боролся со злом
Силой я смеха живого...
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

<1876>

НЕКРАСОВ

«Я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ,
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет!»
Так о себе в час скорбного волненья
И тягостной борьбы с самим собой
Сказал поэт народного терпенья,
Теперь уже отшедший в мир иной,
Когда просил, сознав, что непогодам
Противиться в нем силы сломлены,
За каплю крови, общую с народом,
Он родину простить его вины.
И — он свершил вполне свое призванье,
Он к страждущим — сочувствие привлек,
Расслушал стон народный и рыданья
И в звуки их могучие облек,
И осветил народа путь тернистый
Сознания лучами... этот свет
В грядущем мрак рассеет ночи мгlistой,
Всё сбудется, о чем мечтал поэт!

Недаром с музой мести и печали
Он пережил всю скорбь страны родной,
Недаром песни все его звучали
Такой глубокой правдой и тоской!
Да почитет же в мире!.. Увлеченья
Все музою его искуплены,
И не зачтет, поняв его значенье,
Никто за ним и никакой вины.

5 января 1878

К МУЗЕ

<Из Т. Шевченко>

И ты, прекрасная, святая,
Подруга Феба молодая,
Меня в объятия взяла
И, с колыбелью разлучая,
Далёко в поле отнесла!
Там на могилу положила,
Туманом сизым обвила...
И на раздольи ворожила
И петь и плакать начала!..
То были чары... чаровницы!
Везде и всюду с этих пор,
Как светлый день, как луч денницы,
Горит на мне твой дружный взор!

В степи безлюдной, вдалеке
Блестала ты в моей неволе

В моем страдальческом венке,
Как пышный цвет сияет в поле!
В казарме душной... надо мной
Ты легким призраком носилась,
И мысль тревожно за тобой
На волю милую просилась!
Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила,
И душу мне — живой водой
Ты благотворно окропила!

Пока живу я — надо мною
Своей небесною красою
Свети же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! В ночи,
И ясным днем, и вечерами
Ты людям истину учи
Вещать нелживыми устами.
За край любимый, край родной
Мне помоги сложить молитву
И в самый час последний мой,
Как я закончу жизни битву,
Не покидай меня — пока
Последний свет в очах не сгинет,
Поплачь о мне хотя слегка,
И пусть тогда твоя ж рука
И горсть земли на гроб мой кинет!..

1860

ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК

<Из Д. Джусты>

Вот в красе своей всецелой
Допотопный идиот,
Экземпляр окаменелый
Исчезающих пород.
Он в безделье и досуге
Дни проводит напролет
И, вращаясь в светском круге,
Пьет и курит, ест и врет.

Пуст душой, но сложен плотно,
По подобию быка,
Он десятки лет охотно
Роль играет мотылька.
Вечно с дамами любезно
Светский вздор им городит
И бесплодно, бесполезно
Только землю тяготит.

Умирая сам от скуки,
Он — стране своей чужой,
Презирает он науки,
Называя их чумой;
Но за это без умолку
По часам толкует он,
Не без чувства, не без толку,
О покрое панталон.

За любовное свиданье
Он отдать бывает рад
Совесь, честь и состоянье

И идти хоть в самый ад.
Пусть кипит и жизнь и пресса
В вечном шуме вокруг него —
В них нисколько интереса
Он не видит своего.

Только в лени, только в неге
Да в обжорстве он силен
И в невежества ковчеге
От житейских зол спасен;
Но хотя от древа знанья
Не отведал он плода,
Жизнью разные познанья
Приобрел он без труда.

В удовольствиях охоты
Зоологию узнал
И, уплачивая счета,
Математиком он стал;
В ресторанах титул лестный
Гастронома заслужил
И практически — известный
Ряд рецептов изучил. . .

Он искусства мир в балете
Изучил со всех сторон;
Королей начтет в пикете
До четырнадцати он.
С географией немало
Он трущоб ночных знаком
И в истории. . . скандала
Всеми признан знатоком.

< 1866 >

Г. Н. ЖУЛЕВ

Гавриил Николаевич Жулев родился в 1836 году.

Он был одновременно и поэтом и артистом. Окончив в начале 50-х годов театральное училище, Жулев в сезон 1852—1853 года дебютировал на сцене Александринского театра, а затем много лет состоял в его труппе. «Помню, что Жулев превосходно играл прогорелого купеческого сынка Перетычкина в комедии Красовского «Жених из Ножовой линии», — читаем в воспоминаниях современника. — Он подавал надежды на сцене, но его затер режиссер Е. И. Воронов, долго властвовавший в Александринском театре». Воронов и начальник репертуарной части петербургских императорских театров водевилист П. С. Федоров, самодур и взяточник, которого неизменно преследовали искровцы, особенно невзлюбили Жулева за то, что он сотрудничал в «Искре» и информировал редакцию журнала о закулисных тайнах и интригах.

Жулев начал печататься в «Искре» в 1860 году и был одним из ее постоянных сотрудников на протяжении всех 60-х годов. Его стихи печатались преимущественно под псевдонимом «Скорбный поэт».

В конце 1862 года Жулев собрал свои стихи, напечатанные в «Искре», и выпустил их отдельной книжкой под названием «Песни Скорбного поэта». Противопоставляя Жулева представителям «чистой поэзии» и либеральным обличителям типа Розенгейма, «Искра» следующим образом характеризовала его творчество в отзыве о «Песнях Скорбного поэта»: «Бедность, умеющая весело трюнить над собою и хохотать непринужденно и смело над хлыщевством и богатою наглостью, в каких бы они формах ни проявлялись, — вот главный мотив, повторяющийся во всех пьесах Скорбного поэта. Вдыхатели, отвергнутые дамою своего сердца по случаю бедности и наивно рассказывающие о своих злополучиях; супруги, получившие семейное счастье из рук начальников; швей, беззаботно проходящие известное поприще; девицы, стремящиеся замуж, и дамы, забывающие мужей под звуки Штраусовой скрипки, павловские *ландышки* и московские Пахиты; театральные музыканты и отставные майоры — вот действующие лица комедии, ежедневно разыгрываемой в жизни, верно подмеченной и осмысленно переданной своеобразными стихами поэта-юмориста. Все это перемешано, как добро и зло вообще в жизни и в каждом человеке отдельно, но все это живет, движется, смеется над собою и над другими, и, главное, все это просто и искренно».

Очень сдержанно отозвался о книжке Жулева М. Е. Салтыков, поскольку она не отвечала тем большим требованиям, которые он предъявлял к современной сатире. Но и Салтыков писал, что

«любителям чтения легкого мы эту книжечку рекомендуем: они в ней найдут некоторую частицу остроумия. В особенности указываем на веселую пьеску „Литературные старожилы“».

В поэзии Жулева нет революционных мотивов, но он — демократ с головы до ног. Все его стихотворения пронизаны плебейской гордостью, однако она проявляется не столько в непримиримой ненависти к классовым врагам, сколько в презрительном изображении роскоши, тунеядства, барского высокомерия. Один из типичных персонажей Жулева, столичный бездельник и фат, хорошо описан в стихотворении Минаева «Сорвалось!»:

В шляпе Циммермана,
В платье от Сарра,
Я, поднявшись рано,
Вышел со двора.
Крап по панталонам,
С лентою лорнет,
Галстук с медальоном —
В медальоне оном
Блондена портрет, —
Струйки по жилету,
В талии изгиб. . .
Скорбному поэту
Я отличный тип. . . и т. д.

Наиболее характерны для Жулева юмористические стихотворения на бытовые темы. Произведения, направленные против конкретных людей и фактов общественной жизни, пародии, литератур-

ная полемика, резкий сатирический тон и т. п. — все это встречается у него сравнительно редко. Наибольшей удачей Жулева в этой области является отмеченная Салтыковым злая и хлесткая сатира «Литературные старожеры». Для характеристики поэзии Жулева необходимо отметить его легкий и гибкий стих, свободные разговорные интонации,¹ а также бойкую, иногда не менее, чем у Минаева, необычную и мастерскую рифму.

С 1865 года, наряду с «Искрой», Жулев много печатался и в «Будильнике». В 1869—1874 годах он был постоянным сотрудником газеты «Петербургский листок», с 1875 года до смерти — «Петербургской газеты». Здесь, кроме стихотворений, он систематически помещал и фельетоны. В последние годы Жулев был также одним из редакторов юмористического журнала «Стрекоза» (редактировал стихотворный отдел).

Жулев написал — отчасти один, отчасти в сотрудничестве с Н. А. Лейкиным, А. А. Соколовым, И. Е. Чернышевым, С. Н. Худековым, А. Сазоновым — до десятка пьес: «Золотая удочка», «Беленькие и черненькие», «Петербургские когти», «Со ступеньки на ступеньку» и др. Часть из них шла на сцене, однако они не представляют интереса.

В 1871 году Жулев выпустил второй сборник стихотворений — «Ба! знакомые всё лица!!! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта)». Сборник уступал

¹ По словам одного критика, «Жулев редкостный, почти исключительный образец стихотворной простоты, умеющий «разговаривать» стихом без всякой, хотя бы малой, натяжки».

в художественном отношении первому, но тематика, идейные позиции и поэтическая манера остались у Жулева в общем те же, и книга, вышедшая без предварительной цензуры, встретила неодобрительный отзыв в цензурном ведомстве. «Собрание весьма тенденциозных, отчасти и довольно грязных стихотворений, — писал цензор. — Автор, кажется, поставил себе задачею изобразить в самом отвратительном виде отношения начальников к подчиненным в нашем служебном кругу; начальники оказывают протекцию подчиненным, которые делают им подарки или даже услуживают им своими женами; подчиненные, выведенные из терпения, дают своим начальникам пощечины и т. д. В других пьесах выражается презрение к людям, не сочувствующим отрицательному направлению в молодежи, и выхваляются, напротив, корифеи отрицания, напр. Добролюбов; даже и хорошие стремления в высших сословиях осмеиваются и изображаются как маски, под которыми скрываются лицемерие и всякие пороки; везде господствуют насилие и разврат».

Жулев умер 30 июня 1878 года и скоро был забыт, хотя некоторые его стихотворения часто читались с эстрады и перепечатывались в «чтецах-декламаторах».

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Песни Скорбного поэта. СПб., 1863.

Ба! знакомые всё лица!!! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта). СПб., 1871.

У КУХНИ

О судьба лихая, для чего дала ты
Мне в удел лишь бедность, горе да заплаты,
Да еще в придачу ловко подшутила,
Давши мне желудок, как у крокодила!..
Мимо знатной кухни прохожу однажды,
Мучимый от глада, мучимый от жажды.
Я прильнул к окошку и смотрел, как быстро
Сочиняли блюда жирных два кухмистра.
Но, почуяв носом запах вкусный, сдобный,
Я в бобер немецкий нос закутал злобно
И смотрел в окошко с сокрушенным сердцем,
Как фаршировали, посыпали перцем
Разную дичину к званому обеду
И вели кухмистры меж собой беседу:
«Бедный господин наш! говоря без шуток,
Страшно как расстроен у него желудок;
Точно на желудок навалило плиту,
Мучится бедняга — нету аппетита!..»
Мысль вдруг пресмешная, надобно сознаться,
В голову пришла мне: что бы поменяться
Мне моим желудком, как у крокодила,
С этим господином? Мне бы лучше было

Быть без аппетита, а то что в желудке,
Как стоишь у кухни: славно пахнут утки,
Рябчики, фазаны, гуси и индейки, —
А в кармане только двадцать три копейки!!

< 1860 >

КАРЬЕРА

У старухи нанимал
Я себе каморку —
И частенько в ней глодал
Я сухую корку.

Но ведь я переносил
Беззаботно голод:
Ах, в каморке этой был
Я здоров и молод!

Хоть каморка у меня
Освещалась редко,
Но не нужно мне огня
С милою соседкой...

Ведь, бывало, прибежит —
И пойдет потеха!
Так, что комната дрожит
С ней у нас от смеха.

Песни, хохот и любовь —
И нужда забыта;

А хозяйка хмурит бровь
И на нас сердита.

И брюзжит она с печи:
«Перестаньте, стыдно!»
— «Ладно, думаем, ворчи,
Чай, самой завидно!»

И пойдет тут кутерьма,
А ведь плут старуха! —
Будто дремлет, а сама
Навострила ухо.

Вдруг негаданно — поди ж!
Туча налетела:
У начальника *Катишь*
Замуж захотела.

Всё он сделать принужден,
Как велит подруга:
Для меня назначил он
Амплуа супруга.

Благодетель и отец
Наградил каретой;
Потащили под венец
Нас с *Катишьёу* этой.

И теперь уж я женат
И, по воле рока,
Стал заметен и богат —
И живу широко.

Проложил через жену
Я себе дорогу;
Я и сам уж младших гну
Нынче, слава богу.

Счастлив, кажется, вполне:
Ем и пью я вкусно,
Но порою что-то мне
Тяжело и грустно. . .

Или вдруг среди семьи,
Как резвятся дети,
Всё мне мнится: не мои
Ребятишки эти!

И в груди бушует ад,
В рот не лезет пища,
Побежал бы я назад
В старое жилище,

Со старухой поболтать
И соседке милой
Со слезами рассказать
Свой роман унылый,

И зажить, как в старину,
Бедно, без излишек,
Бросив верную жену
И чужих мальчишек.

< 1860 >

НЕЗАБУДКА

Для камелий скорбна моя лира,
Для камелий карман мой убог;
На Крестовском цветет, у трактира,
Для поэта попроще цветок.

Незабудка, ты скромный цветочек,
Для меня ты камелий милей;
Грациозно повязан платочек
На головке красивой твоей.

Незабудка по будням с иглою
В магазине сидит у окна, —
Только в праздник, вечерней порою,
На Крестовский стремится она.

И как только увидит студента,
Что пленился ее красотой, —
Заколышется алая лента
У нее на груди молодой.

Ей не нужно подарков иль денег,
Хоть в кармане у ней только грош;
Что за важность, что милый бедняк, —
Но как молод и как он хорош!

На гулянье она не спесива,
Ей порою предложит бедняк
На Крестовском бутылочку пива;
Ну, а больше обходится — так!..

У дружка в конуре небогатой
Незабудка работу найдет:
Иль поставит к мундиру заплаты,
Иль разорванный галстук зашьет.

Пусть камелия мчится в коляске,
Пусть купается в блондах, в шелку —
И претомные делает глазки...
Незабудка милей бедняку.

< 1860 >

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАРОВЕРЫ

(Баллада)

В ресторане собрались
Староверы злые,
И беседы их велись
Про дела былые.
И бунтует и кричит
Громко шайка эта,
Что теперь уже молчит
Старая газета.

И ватага эта зла
И ломает стулья,
Что их главная пчела
Выбыла из улья;
Что теперь им ходу нет
И карманы голы;

Что теперь коварный свет
Жаждет новой школы;

А что их давно не чтут
И труды их — боже! —
На Толкучем продают
С хламом на рогоже.
В заседаньи был нахал
И кричал без складу, —
Вот который сочинял
Для волос помаду;

Куплетист он и актер,
В старенькой бекеше,
Остроумие протер
Он себе до плечи.
Был еще тут драматург,
Очень злой и хворый,
В оны годы Петербург
Восхищал который.

Много было тут персон
И больших талантов,
И болгаринских времен
Хилых фигурантов.
Собралися и поют —
И кружок их тесен;
Много было спето тут
Очень старых песен:

«Боже мой! теперь во всем
Голая натура,

Ах! пропахла мужиком
Вся литература!
И писателей у нас
Развелось так много;
Всякий лезет на Парнас,
Без наук и слога.

И журналы издают
Всё молокососы
И преважно задают
Новые вопросы.
Для возвышенных вещей
Их таланты слабы,
Только слышишь запах щей
Да крестьянской бабы.

Ну, пожалуй, выводи
Чернь, но для потехи;
Да приличьем огради
И зашей прорехи.
Напомадь и причеши,
Скинь им сапожищи;
А потом и опиши
Как-нибудь почище.

Например: мужик живет,
Не горюя пашет,
Про любезную пвет,
И поет, и пляшет;
Отработав — вечером
Ходит в хороводе. . .

Отчего же бы в таком
Не писать вам роде?

А то что у вас? — во всем
Голая натура,
Ах! пропахла мужиком
Вся литература!..»
В ресторан со всех сторон
Собралась братья;
Слышны ахи, слышен стон,
Слышатся проклятья.

Секта эта новый век
И пилит и режет;
В ресторане человек
Слышит стон и скрежет
И, крестясь, отходит прочь,
Но не молкнут ахи...
И младенцы в эту ночь
Вздрагивали в страхе...

1860

СОН

Мне снилось, дитя мое, что в зале ты
Читаешь пламенно толпе пустой листы
Моей возвышенной, изящнейшей поэмы...
Вот кончила ее и видишь, что все немы.

С вопросом ты стоишь пред мертвою толпой,
Но слушавшие все мотают головой...
Вдруг голос аспида послышался в народе:
«Читали, Гейне мы, но в лучшем переводе».

1860

ОТСТАВНОЙ МАЙОР И «ЛАНДЫШКА»

1

Павловск. Утро. Строен
Резвых птичек хор;
В сад выходит воин —
Отставной майор.
Хоть на шее тряпка,
Сюртучишко плох
И потерта шапка —
Но на вид он строг.
Севши безмятежно
В кресло, между роз,
Он пускать стал нежно
Жукова сквозь нос.
Запах роз, сирени,
Шепот ветерка
К сну и нежной лени
Манят старика.
Опустившись в кресло,
Он повесил нос —
И пред ним воскресла

Вереница грез:
Юность... звук гитары...
Пуншик... легкий хмель...
Трубка... тары-бары...
Лиза и Адель...
Тощая собака...
Штоссик до утра...
Поцелуи... драка
И... et cetera.¹

2

Вдруг у лип тенистых
Раздается крик:
«Ландышей душистых!» —
Вспрынул наш старик.
Оседлав очками
Нос свой, воин зрит:
Ландышка с цветами
Перед ним стоит.
Чудная головка!
Глазки — васильки;
Носик очень ловко
Вздернут на дыбки.
Взгляд ее наивен,
Полон доброты;
Ландышке семь гривен
Дал он за цветы,
И, мечтой настроен

¹ и так далее (франц.). — *Ред.*

Пылко, горячо,
Ущипнул наш воин
Деву за плечо;
Но она, плутовка,
Сморщив белый лоб,
Волокиту ловко
По руке вдруг хлоп!
Сделав злую мину,
Он сказал: «Ну, свет!
Нынче даже к чину
Уваженья нет!»

< 1862 >

ТОВАРИЩУ

Товарищ, не ропщи!
Хоть мы с тобой иззябли
И лишь пустые щи
Едим, как *мизерабли*;
Пускай у богачей
В роскошном бельэтаже
Уха из стерлядей,
Сюпремы и потажи;
Пусть к ним судьба добра,
Палаты их нагреты;
Пусть им кроит Сарра́
И брюки, и жилеты,
А мы бежим с тобой
К российскому тайлёру —
Какой уж тут покрой,

Лишь только было б впору!
Пускай богач несет
Мешки в ломбард, для росту,
А мы же свой доход
Несем подальше к мосту!
Зато ведь богачам
Подагрой сводит ногу,
А мы, привыкши к щам,
Здоровы, слава богу!
На днях вот богача,
От преизбытка пищи,
При помощи врача
Стащили на кладбище;
Какой был крик и вой —
Пересказать нет средства!
Ну, точно на Сенной —
Из-за его наследства.
Придет пора и нам!
Но мы с тобой, дружище,
Отправимся к отцам
Без шуму на кладбище,
Потащат нас с двора
На скорбной колеснице. . .
Addio! ¹ фельдшера
Обуховской больницы.

1862

¹ Прощайте! (Итал.). — *Ред.*

ЧИЖИК

На грош не верят в лавке,
Начальник строг и лют,
И мне, увы! прибавки
За службу не дают;
От службы хуже кия
Иссох я — ну, хоть брось!
А между тем другие
Всё лезут врозь да врозь...

Болтают, что начальник
Не прочь подчас того...
На днях вот умывальник
Он взял у одного,
А у другого дрожки
Взял нынче по весне...
По этой вот дорожке
Пройтись бы надо мне...

Ох! смертная охота,
Да участь-то горька:
Ведь из вещей всего-то
В каморке бедняка
Лишь пара ветхих книжек,
Гитара, да пенсне,
Да мой приятель-чижик,
Висящий на окне.

«Постой, постой!.. вот штука!.. —
Я вскрикнул в тот момент. —
Начальнику снесу-ка

Я чижика в презент».
Признаться, тяжело мне
Расстаться было с ним:
Он другом был в Коломне
Единственным моим!

Ах! сняв с окошка клетку,
От горести дрожа
И завернув в салфетку
И клетку, и чижа,
Расстроен, с мутным взглядом,
Крепясь от горьких слез,
К начальнику я на дом
Чиликалку понес.

Увидевши, что ношей
Я был обременен,
Начальник мой хороший
Прислугу выгнал вон;
И стал со мной — о диво! —
Любезен не в пример
И спросил учтиво:
«Что это — несессер? . . .»

«Нет-с, — говорю я, — клетка;
А в клетке чижик. . .» — «Что-с? —
Сказал начальник едко,
Здравши кверху нос. —
Вы думали, что взяткой
Прельщусь я! — крикнул он. —
Ах вы, мальчишка гадкий! . . .
Извольте выйти вон! . . .»

И, право, уж не помню,
Как в милые края,
В любезную Коломню
С чижом вернулся я.
Поступок неуместный
Надежды все пресек
И доказал, что *честный*
Начальник человек.

<1863>

ПЕТРУШКА

К нам на двор шарманщик нынче по весне
Притащил актеров труппу на спине
(Деревянных, впрочем, а не тех живых,
Что играют роли из-за разовых).

Развернул он ширмы посреди двора;
Дворники, лакеи, прачки, кучера
Возле ширм столпились, чтобы поглазеть,
Как Петрушка будет представлять комедь...

Из-за ширм Петрушка выскочил и ну:
— Эй, коси-малина, вспомню старину! —
Весело Петрушка пляшет и поет;
«Молодец каналья!» — говорит народ.

Вот пришли арапы, начали играть, —
А Петрушка палкой по башкам их хватя!

С жалобой арапы поплелися в часть...
Голоса в народе: «Распотешил всласть!»

Выскочил квартальный доблестный и стал
Приглашать Петрушку за скандал в квартал...
Петька не робеет: развернулся — хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб...

Петька распевает, весел, счастлив, горд, —
Вдруг из преисподней появился черт
И басит Петрушке: «Ну, пойдём-ка, брат...» —
И повлек бедняжку за собою в ад.

Запищал Петрушка... «Не юли вперед!
Вот те и наука!» — порешил народ.
Я б сказал словечко за Петрушку, но
Многих ведь, пожалуй, раздражит оно.

< 1864 >

* * *

Ли́ра моя, ли́ра,
Добра́я подру́га,
Ты брeнчишь для ми́ра
Скромно в час досу́га...

В небогaтой келье,
Век с нуждо́ю спoря,
Ты полна веселья —
Ну, а больше́ горя...

Светских львиц богатых,
С выточенным станом,
Страсти и наряд их
Воспевать куда нам! ..

Жирного богатства
Не даря куплетом,
Я лишь там, где братство,
Делаюсь поэтом:

Где любовь живее,
Где хоть люди нищи,
Но умом трезвее
И душою чище. . .

Юность! для тебя лишь
Я играю рифмой:
Ты одна похвалишь
Искренний мотив мой! ..

<1867>

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Петр Исаевич Вейнберг родился 16 июня 1831 года в Николаеве, в семье нотариуса. В том же году семья переехала в Одессу. Вейнбергу не было и пяти лет, когда его отдали в пансион известного впоследствии педагога В. А. Золотова; затем он учился в гимназии при Ришельевском лицее и на юридическом факультете лицея. В отличие от пансиона, о котором у Вейнберга сохранились прекрасные воспоминания, в лицее господствовали рутинная и формалистская атмосфера. В 1850 году Вейнберг перевелся на историко-филологический факультет Харьковского университета, который и окончил через четыре года.

После окончания университета он попал в Тамбов, где служил чиновником особых поручений при губернаторе К. К. Данзасе и редактировал неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей». «Здесь пробыл я три года, — писал Вейнберг в своей автобиографии, — и до сих пор не могу вспомнить без содрогания об этом времени глупого, праздного и бесцельного существования, которое совсем бы засосало меня, если бы я не вырвался из него».

Началом своей литературной деятельности он

считал перевод драмы Жорж Санд «Клоди», напечатанный в 1851 году в «Отечественных записках» без имени переводчика. В 1854 году в Одессе вышла небольшая книжка, в которой были собраны переводы из Горация, А. Шенье, Гюго, Байрона и несколько оригинальных стихотворений. Наконец, в 1856 году Вейнберг впервые выступил в большом столичном журнале; он послал Каткову несколько своих стихотворений, а тот, приняв их за переводы, напечатал в «Русском вестнике» под заглавием «Из Гейне».

В 1858 году Вейнберг переехал в Петербург и быстро сблизился с литературными кругами. Он стал активно сотрудничать в «Библиотеке для чтения» (причем во время редакторства А. В. Дружинина был его помощником), «Современнике», «Сыне отечества», «С.-Петербургских ведомостях», где печатались его стихи, переводы и статьи. Сразу же после переезда в Петербург Вейнберг выступил и как юморист — в журнале «Весельчак» появились его большой стихотворный цикл «Мелодии серого цвета» и серия фельетонов «Жизнь и ее странности».

В 1861 году Вейнберг редактировал еженедельный журнал «Век». Журнал не имел успеха и доставил ему немало огорчений. Вейнберг напечатал в «Веке» бестактный фельетон о некоей Е. Э. Толмачевой, которая-де, нарушив все правила благопристойности и нравственности, прочитала на литературном вечере в Перми «Египетские ночи» Пушкина. Фельетон этот вызвал

резкие нарекания со стороны радикальной журналистики.

«Век» не принес Вейнбергу ничего, кроме долгов, и для их ликвидации он принужден был поступить на службу в Главное интендантское управление. «Здесь тяжелый литературный труд в разных журналах, — читаем в его автобиографии, — который я должен был нести и для существования и для уплаты долгов, чередовался у меня с докладами о заготовлении фуража для разных пехотных и кавалерийских полков и о тому подобных предметах».

Кроме указанных выше журналов Вейнберг в 60-е годы сотрудничал в «Русском слове» (где до середины 1863 года редактировал библиографический отдел), в «Гудке» 1862 года, «Иллюстрации» и др.

В «Искре» Вейнберг сотрудничал с самого ее возникновения вплоть до 1866 года. Он печатал в ней оригинальные стихи — преимущественно юмористические, переводы, обличительные фельетоны против откупщиков, цикл фельетонов «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений „Искры“» и т. д. В первые годы существования «Искры» Вейнберг не только принадлежал к числу ее ближайших сотрудников, но и принимал участие в редакционной работе.

Большинство своих юмористических стихотворений Вейнберг печатал под очень известным в свое время псевдонимом «Гейне из Тамбова». В 1863 году он издал их отдельным сборником

«Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова».

В 1866—1867 годах, после ухода из «Искры», Вейнберг заведовал литературным отделом другого сатирического журнала — «Будильника». В середине 60-х годов он предпринял также издание полного собрания сочинений Гейне в переводах русских писателей.

Хотя и в 60-е годы демократические взгляды Вейнберга не отличались глубиной и последовательностью и он примыкал к наиболее умеренному крылу искровцев, однако подъем общественного движения оказал на него существенное воздействие. В дальнейшем Вейнберг быстро эволюционировал к либерализму.

Годы 1868—1874 Вейнберг провел в Варшаве, заведывая кафедрой русской литературы в Варшавской главной школе, а затем, когда она была преобразована в университет, и в университете. В годы своего пребывания в Варшаве он, по-видимому из материальных соображений, редактировал официальный «Варшавский дневник», что вызвало ряд сатирических откликов в «Искре». В Варшаве Вейнберг написал ценное исследование «Исторические песни об Иване Грозном».

Вернувшись в Петербург, Вейнберг продолжал вести и литературную и педагогическую работу. В течение пятнадцати лет он читал историю русской и всеобщей литературы на женских педагогических курсах, с 1887 года состоял приват-доцентом Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, преподавал на драматиче-

ских курсах театрального училища, читал публичные лекции на литературные темы в Петербурге и в провинции.

Вейнберг сотрудничал в «Отечественных записках» Некрасова и Щедрина, «Деле», «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, «Неделе», «Биржевых ведомостях», «Стрекозе» и других журналах и газетах.

В 1883—1885 годах он издавал журнал «Изыщная литература», посвященный преимущественно переводам лучших произведений иностранной литературы, и в разные годы составил несколько сборников для школы и самообразования: «Европейский театр», «Русские писатели в школе», «Русская история в русской поэзии», «Европейские классики» и пр.

В последние десятилетия своей жизни Вейнберг был широко известен как литературно-общественный деятель: он принимал близкое участие в Союзе писателей, состоял председателем Литературного фонда. В 1905 году он был избран почетным академиком. Умер Вейнберг 3 июля 1908 года.

Вейнберг был одним из лучших и плодovitых переводчиков XIX века. Из немецких писателей он переводил Гейне, Берне, Гете, Шиллера, Фрейлиграта, Гервега, Гуцкова, Лессинга, Ленау, Фаллерслебена, из французских — Гюго и Барбье, из английских — Шекспира, Байрона, Шелли, Шеридана и др., способствуя ознакомлению с ними русских читателей. Той же задаче служили и его

статьи, собранные в книге «Страницы из истории западной литературы» (1907).

Из оригинального творчества Вейнберга наименее интересна и самостоятельна лирика, лишь немногие образцы которой отличаются подлинным поэтическим чувством. Зато остроумные сатирические и юмористические стихотворения пользовались в свое время успехом, а лучшие из них и до сих пор не потеряли известной ценности. Одни из них представляют собою отклики на злободневные факты общественной и литературной жизни, другие высмеивают те или иные общие явления современной русской жизни. Следует особо сказать о стихотворении «Он был титулярный советник...», широко известном благодаря романсу А. С. Даргомыжского. Это стихотворение, нередко оценивающееся как чисто юмористическое, написано в духе натуральной школы — гоголевской «Шинели» и «Бедных людей» Достоевского. Многие стихотворения и переводы Вейнберга были также положены на музыку Кюи, Гречаниновым, Ипполитовым-Ивановым и другими композиторами.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Стихотворения. Одесса, 1854.

Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова. СПб., 1863.

Для детей (старшего возраста). Стихотворения. СПб., 1896.

Стихотворения с добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. СПб., 1902.

* * *

Ах ты, плут-мальчишка,
Сын мой ненаглядный!
На тебя гляжу я
С нежностью жадной.

Ты идешь, каналья,
Тоже вслед за веком,
Будешь ты, я вижу,
Дельным человеком!

Полон я блаженства
И надежды сладкой,
Глядя, как ты часто
Подбежишь украдкой

К моему комоду,
Ловко ключ приладишь
И оттуда быстро
Гривенник украдешь;

И потом слезу я
В чистом наслажденьи,
Как ты эти деньги
Пустишь в обращенье,

Как сестру родную
Ими ты ссужаешь
И потом с нее же
Вдвое получаешь. . .

Как не восхищаться,
Глядя, как порою
Ты перед вельможей
Гнешься запятою;

Как ты понимаешь,
Кто богат и знатен,
Как в делах ты ловок,
Тонок, аккуратен!

Бестия-мальчишка,
Сын мой несравненный,
Ах, какой ты будешь
Рыцарь современный!

<1858>

* * *

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;

Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

<1859>

НЕГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК

Родитель мой, готовясь кинуть
Сей свет,
Мне дал такой благоразумный
Совет:
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри,
И всё, что только брать возможно,
Бери».

С тех пор храню я свято мудрый
Приказ,
На всё глядит с участием теплым
Мой глаз.
Не мучась в гордой, бесполезной
Борьбе,
Я всё, что можно, прибираю
К себе.

Увижу ль где галоши лучше
Моих —
Беру без спеси безрассудной
И их.
Платок увижу ли хороший —
Возьму.
Кто может денег дать — нет спуска
Тому.
Мне дали раз отличный перстень —
Чужой,
Чтоб передать его особе
Другой;
Я рассудил, что буду глупый
Педант,
Когда отдам такой отличный
Брильянт.
Другой бы брезгать стал, стыдиться,
А я
Не знаю спеси, и вещица —
Моя.
Как птица божия, не сею,
Но жну,
И помню заповедь благую
Одну:
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри,
И всё, что только брать возможно,
Бери!»

< 1859 >

ТРОСТНИК И СПИНА

(Басня для детей)

«Как гибок я! как гнусь я превосходно! —
Сказал молодой тростник, с тщеславьем на челе. —
Когда ни захочу, свободно

Склоняюсь к земле.

Кто в гибкости со мной осмелится сравниться?

Кто обогнать меня решится?»

— «Я!» — вдруг раздался крик,

И видит наш тростник —

Чудовище глазам его явилось.

«Кто ты? — тростник спросил, потрянувши

головой. —

Какое существо решилось

Померяться со мной .

И в гибкости со мною потягаться?»

— «Я, — говорит чудовище, — спина,

Которая затем лишь создана,

Чтоб кланяться и до полу сгибаться;

Затем что знаю я,

Что, чем моя порода

Способнее к сгибанию, тем у ней

Почету более, дохода,

И силы, и связей. . .

Конечно, и меж нами

Такие спины есть,

Которые стоять какими-то шестью

Считают за большую честь;

Но эти спины —

Какие-то дубины,

И им за то на свете нет житья,
 Перед такими же, как я,
Ты, о тростник, ничто; в способности согнуться
И думать нечего со мною потянуться.
 Притом сгибание твое
 Тебе копейки не приносит,
 Ну, а мое
 Обогащает и возносит!»

Тут понял истину тростник
И головой в смущении поник. . .

Мораль сей басни такова:
Нам гибкая спина нужней, чем голова.

< 1860 >

ДВОЕ ПОХОРОН

Шел я по Литейной. . . Вижу: тьма народу. . .
От карет, колясок нет почти проходу;
Конные жандармы, стража городская
И пред пышным домом пышная такая
Колесница, видно, в ожиданьи гроба:
Значит, жизнь скончала важная особа.
Выесли особу важные всё лица,
И зашевелилась шагом колесница. . .
Певчие в кафтанах синих с галунами,
Черный шелк на дамах, шеи с орденами,
Шитые мундиры, звезды, аксельбанты,
Пышные кареты, слуги, музыканты —
Просто загляденье! Всё отлично, гладко,
Всё с печатью строгой пышного порядка.

Взор нигде не видел скорби и страданья,
Слуха не смущали стоны и рыданья,
Медленно и ровно шли все эти люди,
Тихо, безмятежно их вздымались груди...
И когда б не рамка траурная эта,
Ни один философ не дал бы ответа —
Для чего сей знати собираться было,
Что ее призвало, что соединило? ..

Я пошел за ними... Вдруг, на полдороге,
Снова погребень — только уж не дроги,
Не парча и бархат, не порядок пышный...
Старая телега с клячей горемычной,
Гроб сосновый, желтой краскою покрытый,
И за ними следом, вместо всякой свиты,
Бедная старуха и старик убогий
Шли, передвигая еле-еле ноги...
Но в картине этой бедной и холодной
Сколько было горя, муки безысходной!
Как сквозь эти дыры, ветхие заплаты
Мрачно пробивалась злая боль утраты!
Как глухие стоны ясно говорили,
Что свою всю душу двое хоронили...

Вот на перекрестке встретились два гроба,
И остановились на минуту оба;
Бедный боязливо повернул с дороги,
И заколыхались величаво дроги...

А на землю солнце сыпало брильянты,
В трубы громогласно дули музыканты,
Будто возглашая: «Место, место гробу,

В коем уложили важную особу!»
И сквозь эти звуки слышалось мне глухо,
Как стонала тяжело бедная старуха...

< 1862 >

ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ

(Русская мелодия)

Я люблю смотреть на звезды —
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны;
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны.

И люблю я слушать шелест —
Но не вязов, не акаций;
Мне милее шелест крупных
Всероссийских ассигнаций.

Я люблю смотреть, как гнется —
Но не ива в роще темной;
Мне милей сгибанье тела
У начальника в приемной.

И люблю внимать я реву —
Но не ветра над волнами;

Мне милее рев *особы*
Над мельчайшими чинами.

Я люблю ключи большие —
Но не в скалах и пещерах;
Мне милее те, что блещут
На высоких камергерах.

И люблю я теплый климат —
Но не стран благословенных;
Мне милей теплынь родная
Мест гражданских и военных.

< 1862 >

ЭЛЕГИЯ

*(Один из современных вопросов
с поэтической точки зрения)*

Я любил ее так нежно,
Так высоко, поэтично;
Всё в ней было так эфирно,
Так небесно, гармонично...
Но вчера, о боги, боги,
Приключение какое!..
Ту, которая являлась
Мне как нечто неземное,
Окруженная цветами,
В обстановке идеальной, —
Ту красавицу увидел
Я в палате госпитальной!

С инструментом возле трупа
Дева милая стояла
И, по правилам науки,
Труп спокойно рассекала.
Я отпрянул в изумленьи
От невиданного дела...
А она в глаза мне прямо
И учено посмотрела;
Протянула мне спокойно
Окровавленные руки
И сказала: «Друг, ты видишь
Здесь служителя науки!»
И опять припала к трупу...
Я стоял, глотая слезы;
Черной пылью рассыпались
Поэтические грезы;
Их, как молния, сменяли
Медицинские картины,
И шептал я: «Дева рая —
Доктор, доктор медицины!..»

1862

ВСЕЛАЯ ПЕСЕНКА

Ах ты, русская, русская гласность!
Сколько важных вопросов ты в ясность
Из тумана на свет привела!
И какая ты чудная сила,
И какие ты, право, свершила
Величаво-благие дела!

Если взятки еще не пропали,
Так теперь получать-то их стали
Осторожно, без грубых манер;
Если женщин еще оскорбляют,
Так ведь это уж дети свершают,
Как случилось в Твери, например;
Если мы дикарями богаты,
Если мы на словах тороваты,
Если лупит слугу либерал,
Если многие спины так гибки,
Если подлостью пахнут улыбки,
Если силу имеет нахал —
Так ведь это одни исключенья,
И бледнеют они от сравненья
С тем, что ты нам так щедро дала,
О великая русская гласность,
Всё приведшая в яркую ясность...
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла!

1862

**ИЗ ЦИКЛА
«ПЕСНИ СУМАСШЕДШЕГО
АКЦИОНЕРА»**

Моего вы знали ль друга? ..

Офелия

Вы знавали ль Колиньона?
Он был бравый кавалер,
Горделивый, важный барин
И французский инженер!

Там, далеко, за морями,
В пышной он сидит квартире,
Перед ним — сундук тяжелый,
В нем — всё русские рубли.

Колинъон! Назад три года
Мы пришли к тебе толпой:
«Потрудись-ка для народа
И дороги нам построй.

Мы с тобою разных наций,
Но у нас найдешь ты рай,
А уж русских ассигнаций
Сколько хочешь забирай!»

Он поспешно снаряжался,
Все контракты заключил,
Всё построить страшно клялся...
Обманул — и укатил!

Колинъону мы сказали:
«Ты контракты позабыл:
Твой карман мы наполняли,
Ты до дна наш осушил!»

Он с усмешкой отвечает:
«Я контрактов не забыл;
Разве Общество не знает?
Я шутил! ведь я шутил!»

Отпустили его мы с тугим кошельком,
Проводили с смиренным поклоном,

И горючие слезы струились ручьем,
Как прощались мы с Колиньюном!

Он не придет! он не придет!
Сей славный гость земли российской
И на чужбине не вздохнет
О линии Феодосийской!

Он не придет! он не придет!
И там, среди французских граций,
Во славу русских ассигнаций
Рассказ заманчивый пойдет...
Он не придет, он не придет!

1862

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, редактор знаменитый,
Баюшки-баю!
Я тебе, старик маститый,
Песенку спою;
Пусть нелепейшие сказки
Жизнь срамят твою —
Ты пиши из-под указки...
Баюшки-баю!

Ходит всюду слух нелестный,
Ходит резкий свист,
Будто ты не слишком честный,
Ловкий журналист;

Плюнь на слухи! Тискай смело
 Нужную статью...
Это выгодное дело...
 Баюшки-баю!

Помогло тебе лихое
 Перышко твое:
Ты забыл свое плохое
 Прежнее житье;
Зажил ты богато, шибко,
 Как в земном раю, —
Вот что значит гнуться гибко...
 Баюшки-баю!

Продолжай такое семя
 В землю ты кидать...
Видишь, может наше время
 Труд вознаграждать.
Пусть клеймят тебя зоилы —
 Ты силен в бою,
Будешь крепок до могилы...
 Баюшки-баю!

1862

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

(В новом роде)

Говорят, водопроводы
 Попросили Думу
Отпустить им на расходы
 Тысяч в двести сумму.

Говорят, услышав это,
Дума городская
Вместо всякого ответа —
Странная такая —

На бассейн, громаду-зданье,
Едко указала
И Правленью в назиданье
Басенку сказала:

Попрыгунья-стрекоза,
Акведукная компанья,
Погрузилась в труд копанья...
Вдруг, глядит — пришла гроза:
В кассе чисто, словно в поле,
Нет уж дней тех светлых боле,
Как добряк акционер,
Щедрый выше всяких мер,
Под директорские сказки
Спал, закрывши сладко глазки,
И давать свой капитал
Чистым счастьем считал.
Дни блаженства пролетели...
И Палибины, и Пелли,
И Овсянников, и Крон
Чуют время похорон.
Труб печальнейшая груда
На Сенатской площади;
А далеко позади
Башня смотрит, как Иуда...
Тут компания с тоской
Лезет к Думе городской:

«Не оставь меня приветом,
Не срами пред целым светом,
Одолжи для спуска вод
Тысяч двести на расход. . .»
— «Кумушка, мне это странно!
Ты брала ведь беспрестанно
Деньги будто за труды,
А ни капельки воды
В наши трубы не пустила. . .»
— «До того ль, сестрица, было!
Ведь в Правлении у нас
Схватки, споры — каждый час,
Так что воду я забыла. . .
А притом, я без ума
Рыла ямы ежечасно. . .»
— «Рыла ямы! И прекрасно;
Так заройся в них сама!»

1862

УТЕШЕНИЕ

Верьте мне, о россияне,
Верьте — прав во всем Скарятин:
Всё изменится как должно,
Всё очистится от пятен.

Нигилисты-забияки,
Консерваторы-тупицы —
Все исчезнут безвозвратно
Из провинций и столицы.

Жизнь свободную не будет
Жать ярмо антагонизма,
Оттого что очень много
В нас живет либерализма.

Ни реакции не будет,
Ни тревоги грустно-шумной...
«Тише едешь, дальше будешь» —
Наш девиз благоразумный.

Безмятежны, как младенцы,
Выбрав гладкую дорожку,
Мы когда-нибудь до цели
Доплетемся понемножку.

Только дайте до второго
Нам дожить тысячелетья —
Оперимся мы отлично
В эти новые столетья.

Ко второму юбилею
Будет русский мир утешен —
И какой тогда воздвигнет
Новый памятник Микешин!

Подождите, потерпите!
Всё очистится от пятен:
В этом нам залогом служит
Зорковидящий Скарятин!

1862

ДОКТРИНА

Стучи в барабан и не бойся. . .

Гейне

«Стучи в барабан и не бойся,
Целуй маркитантку под стук;
Вся мудрость житейская в этом,
Весь смысл глубочайший наук.

Буди барабаном уснувших,
Тревогу без усталости бей,
Вперед и вперед подвигайся —
В том тайна премудрости всей».

Так пел знаменитый мой тезка,
И, в гордости странной своей,
Он думал, что этой «доктриной»
Составит блаженство людей;

Он думал, что эту доктрину
На деле легко применить,
И шел он с своим барабаном,
Стараясь будить и будить.

Я, тезка великого Гейне,
На вещи иначе смотрю. . .
Я, правда, поэзии жаром,
Как он, постоянно горю,

Когда забываюсь в мечтаньях
О птичках, девицах, луне. . .

Но чуть до доктрины доходит —
Доктрина иная во мне. . .

Отрекшись от дерзкой гордыни,
Судьбу обеспечив свою,
Я тихо, свободно и сладко
В своем кабинете пою:

«Оставь барабан ребятишкам,
Целуй благонравно жену,
Спи сам и ничем не препятствуй
Других безмятежному сну.

Где только заметишь тревогу,
Домой удирай поскорей,
И там лишь вперед подвигайся,
Где пользы немало твоей.

Вся мудрость житейская в этом,
Весь истинный смысл бытия. . .
Прекрасную эту доктрину
Изведал на опыте я.

И знаю, что кончу покойней,
Комфортней, светлее свой век,
Чем кончил мой тезка несчастный,
Больной фантазер-человек!»

< 1867 >

* * *

Бесконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый друг мой — море.
Сколько власти благодатной
В этой шири необъятной,
В царственном просторе!

Я пришел на берег милый
Истомленный и унылый
С ношею старинной
Всех надежд моих разбитых,
Всех сомнений ядовитых,
Всей тоски змеиной.
Я пришел поведать морю,
Что с судьбой уж я не спорю;
Что бороться доле
Силы нет; что я смирился
И позорно покорился
Безобразной доле.

Но когда передо мною
Бесконечной пеленою
Развернулось море
И, отваги львиной полны,
Вдруг запели песню волны
В исполинском хоре —
Песню мощи и свободы,
Песню грозную природы,
Жизнь берушей с бою, —
Всё во мне затрепетало,

И так стыдно, стыдно стало
 Пред самым собою —
За унынье, за усталость,
За болезненную вялость,
 За утрату силы
Ни пред чем не преклоняться
И с врагом-судьбой сражаться
 Смело до могилы!

Отряхнул с себя я снова
Малодушия пустого
 Пагубное бремя
И врагу с отвагой твердой
Снова кинул вызов гордый,
 Как в былое время:
А седые волны моря,
Пробужденью духа вторя
 Откликом природы,
Всё быстрее вперед летели,
Всё грознее песню пели
 Мощи и свободы!

< 1881 >

**< МОНОЛОГ ОТЕЛЛО
ИЗ 1-го ДЕЙСТВИЯ ТРАГЕДИИ
В. ШЕКСПИРА >**

Ее отец любил меня и часто
Звал в дом к себе. Он заставлял меня
Рассказывать историю всей жизни,
Год за год — все сражения, осады

И случай, пережитые мною.
Я рассказал всё это, начиная
От детских дней до самого мгновенья,
Когда меня он слышать пожелал.
Я говорил о всех моих несчастьях,
О бедствиях на суше и морях:
Как ускользнул в проломе я от смерти,
На волосок висевшей от меня;
Как взят был в плен врагом жестокосердым
И продан в рабство; как затем опять
Я получил свободу. Говорил я
Ему о том, что мне встречать случалось
Во время странствий: о больших пещерах,
Бесплоднейших пустынях, страшных безднах,
Утесах неприступных и горах,
Вершинами касающихся неба;
О каннибалах, что едят друг друга,
О племени антропофагов злых
И о людях, которых плечи выше,
Чем головы. Рассказам этим всем
С участием внимала Дездемона,
И каждый раз, как только отзывали
Домашние дела ее от нас,
Она скорей старалась их окончить,
И снова шла, и жадно в речь мою
Впивалась. Всё это я заметил
И, уловив удобный час, искусно
Сумел у ней из сердца вырвать просьбу —
Пересказать подробно ей всё то,
Что слышать ей до этих пор без связи,
Урывками одними привелось.
И начал я рассказ мой, и не раз

В ее глазах с восторгом видел слезы,
Когда я ей повествовал о страшных
Несчастиях из юности моей.
Окончил я — и целым миром вздохов
Она меня за труд мой наградила
И мне клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше уж желала бы она
И не слышать про это; но желала б,
Чтоб бог ее такую сотворил,
Как я; потом меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть друг, в нее влюбленный, — пусть он
ТОЛЬКО

Расскажет ей такое ж о себе —
И влюбится она в него. При этом
Намеке я любовь мою открыл.
Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним.
Вот чары все, к которым прибегал я.
Она идет — спросите у нее.

В. П. БУРЕНИН

Виктор Петрович Буренин родился 22 февраля 1841 года в Москве, в семье архитектора. В 1859 году он окончил Московское архитектурное училище.

Еще будучи учеником архитектурного училища, Буренин руководил разными постройками. В подмосковном имении Н. Д. Пущиной-Фонвизиной Марьиной он сошелся с ее племянником — поэтом С. Ф. Дуровым, незадолго до этого вернувшимся из сибирской ссылки. В своих неизданных воспоминаниях о Пущиной Буренин пишет: «В Марьиной ... жил еще петрашевец С. Ф. Дуров. Он очень благоволил ко мне за то, что я в то время переводил «Ямбы» Огюста Барбье. Дуров высоко ценил этого поэта... Благодаря его указанию я перевел лучшие из ямбов Барбье. С. Ф. очень хвалил мои переводы. Но в то время их по цензурным причинам печатать было невозможно».

В Москве у Пущиной Буренин познакомился с декабристами М. М. Нарышкиным, Г. С. Батень-

ковым, П. С. Бобрищевым-Пушкиным. В те же годы Буренин сблизился с поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым, только в 1858 году вернувшимся из ссылки, и постоянно посещал его литературные собрания; здесь он впервые встретил Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Некрасова.

Буренин писал стихи с детства, первое время подражая Фету. Сохранилась его более поздняя тетрадь, в которой преобладают любовные стихотворения разочарованного юноши, написанные под явным влиянием Лермонтова. Вместе с тем уже в годы учения в архитектурном училище Буренин был известен в товарищеской среде как автор сатир и экспромтов.

Литературная деятельность Буренина началась осенью 1861 года сотрудничеством в «Колоколе» Герцена. В «Колоколе» появилась его корреспонденция «Спасение цензуры в Москве» — о неосуществленном проекте адреса литераторов по поводу ареста поэта и революционера М. Л. Михайлова.

О политической репутации Буренина в начале 60-х годов мы можем судить на основании показаний Вс. Костомарова по делу Чернышевского. Вот что говорится в них в связи с московским революционным кружком: «Некто Буренин, архитектор, был указываем Костомарову как руководитель кружка молодежи, готовый на уличные агитации».

В начале 60-х годов Буренин окончательно осознает себя писателем и завязывает все более широкие литературные знакомства. В 1862 году

его стихотворения и драматические сценки появляются в «Дне» Аксакова, «Зрителе» и «Искре». Напечатанная в «Искре» остроумная сцена «Шабаш на Лысой горе, или Журналистика в 1862 году» понравилась Некрасову, и он пригласил ее автора сотрудничать в «Современнике». Весною 1863 года в сатирическом приложении к «Современнику» «Свистке» появились сатиры Буренина «Драматические сцены по поводу выхода „Современника“», «После первого чтения г. Юркевича по „философии“» и др.

В 1863 году Буренин переехал в Петербург, где первое время продолжал работать в качестве архитектора; уже сделавшись довольно известным литератором, он бросил архитектуру для литературы. Печатаясь в разных журналах («Современнике», «Искре», «Библиотеке для чтений», «Зрителе» и др.), Буренин выступает одновременно и как переводчик, и как лирический поэт, и как автор пользовавшихся наибольшим успехом юмористических и сатирических стихотворений, поэм, драматических сцен и пародий. В них он высмеивает «благонамеренных» и лжепатриотов, твердящих о том, что в России царит полный порядок и полное согласие всех сословий «под эгидою мудрых законов» («Благонамеренная поэма»), обличает социальное неравенство, презрительное отношение господствующих классов к мужику, жрецов «чистого искусства», реакционную журналистику и либералов. Буренин неустанно преследовал главного идеолога дворянской реакции Каткова, ему принадлежат острые сатиры на

умеренно-либеральный «Голос» Краевского, журналы Достоевского, крепостнические статьи Фета и др.

Не все, разумеется, попадало в печать. Так, 25 июня 1863 года, в то время когда под влиянием польского восстания цензура стала особенно придирчива, В. С. Курочкин писал Буренину: «Очень Вам благодарен за «Патриотические заметки»; к сожалению, они не могут пройти, как и сами Вы пишете. Бешенство цензурной реакции дошло до времен Мусина-Пушкина. Вы бы очень обязали меня, если бы на это, как говорят, *переходное* время присылали статейки и стихотворения невинного содержания».

Буренин и сам смирал свою злость и ненависть, понимая, что им все равно не суждено дойти до читателя. В его архиве сохранилось, например, начало неоконченной сатирической повести «Тринадцать генералов. Подробная и достоверная летопись многообразных трудов и похуждений, предпринятых некоторыми солидными и благонамеренными особами ради спасения отечества». Это остроумное произведение начато, по-видимому, непосредственно после каракозовского выстрела. Автор повествует в нем о тайном «обществе исследования и искоренения зловредного нигилизма в государстве Российском», председателем которого является Феопрений Папианович Патриотов, товарищем председателя — Агафопус Агафоподович Идиотов, а членами — Тигрий Урванович Неукротимов и др. Председатель произносит речь о борьбе с сатанинским «духом пренапиты-

вающим» путем «изыскивания», «искоренения» и т. д., и общество принимает решение установить связь с Сикофантовым и Казеннообъявленным (Катковым и Леонтьевым). На описании поездки в Москву повесть обрывается — Буренин, верно, понял, что она все равно не будет напечатана.

Но и те вещи, которые появлялись в журнале, неоднократно вызывали возмущение цензурного ведомства, а в 1872 году № 15 «Искры» был конфискован за сатиру Буренина «Исправленный реаллист, или Юноша ликея», направленную против Каткова.

В 1863—1865 годах Буренин был одним из основных сотрудников «Искры». После 1865 года произведения его печатались на страницах «Искры» значительно реже. С 1865 года, не прекращая работы в «Искре», Буренин, однако, систематически вел фельетон, а затем обозрение журналистики в либеральных «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, с которыми «Искра» неоднократно и остро полемизировала. Много печатался он и в «Будильнике». С конца 60-х годов Буренин сотрудничал в органе русского либерализма «Вестнике Европы» и в то же время в «Отечественных записках» Некрасова, где появилось несколько десятков его сатир и переводов.

Сотрудничество в журналах и газетах столь различного направления свидетельствует о том, что политический радикализм молодого Буренина не отличался глубиной и последовательностью. В 1872 году происходит разрыв между «Отече-

ственными записками» и Бурениным. Прекращается и его к тому времени сделавшееся уже только эпизодическим сотрудничество в «Искре». Буренин продолжает активную работу в одних «С.-Петербургских ведомостях».

В 1875 году «С.-Петербургские ведомости», по проискам Каткова, были отняты у Корша. Тогда популярный фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» А. С. Суворин взял в свои руки «Новое время», куда с ним перешли некоторые сотрудники газеты Корша, в том числе и Буренин. Сначала «Новое время» имело либеральный оттенок, но вскоре Суворин переметнулся в правительственный лагерь и превратил свою газету в реакционный черносотенный орган. «„Нововременство“, — писал В. И. Ленин, — стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство». Вместе с «Новым временем» эволюционировал в том же направлении и Буренин. Он был главным критиком «Нового времени» и в течение нескольких десятилетий занимался травлей передовых течений русской общественной мысли и литературы.

В 60-х — начале 70-х годов произведения Буренина большей частью печатались под разными псевдонимами: Владимир Монументов, Выборгский пустынный, Михаил Антиспатов, Хуздозад Цередринов и др. Лишь небольшая их часть была включена в его сборники.

Буренин умер 15 августа 1926 года в Ленинграде.

Издания стихотворений¹

Стихотворения, ч. 1. СПб., 1878.

Былое. Стихотворения. СПб., 1880. 2-е изд., СПб., 1897. (Это сборник 1878 г., без стр. 334—336 — 4-й главы поэмы «Прерванные главы».)

Стрелы. Стихотворения. СПб., 1880. 2-е изд., дополн. новыми стихотворениями. СПб., 1889.

Песни и шаржи. Новые стихотворения. СПб., 1886. 2-е изд., дополн. новыми стихотворениями. СПб., 1892.

Сочинения, тт. 2 и 3. СПб., 1912; т. 4, Пг., 1916; т. 5, Пг., 1917.

¹ Перечислены только те сборники Буренина, в которых напечатаны стихотворения 60-х — начала 70-х годов.

ИЗ ЦИКЛА «ПАРИЖСКИЙ АЛЬБОМ»¹

(Посвящается А. Н. Майкову)

С легкой руки А. Н. Майкова поэтические альбомы разных местностей вошли в моду. В прошлом № «Искра» представила читателям «Венецианский альбом», теперь предлагается «Парижский». Мы надеемся еще предложить любителям поэзии альбомы лондонский, константинопольский и нагасакский. Выпуск в свет общего роскошного издания этих альбомов будет зависеть от согласия А. Н. Майкова. Без его альбома издание не состоится.

1

В русской церкви за обедней
Весь beau monde² наш собрался;
Там Тургенева я встретил;
Поболтали с полчаса.

¹ Все стихотворения этого альбома относятся к Парижу прошлого года. Я уверен, что с той поры ничего не изменилось; там то же правительство, те же полисьмены, тот же И. С. Тургенев; недостает только меня, но к лету я думаю побывать туда. — Автор.

² Высший свет (франц.). — Ред.

«Каково, Иван Сергеич,
Поживаете?» — «Мерсі.
Всё пишу о нигилистах —
Русь от них Христос спаси!»

«Нет ли с Севера известий?»
— «Вот Некрасов пишет мне,
Будто всякий день ему я
Всё мерещуся во сне».

«Что вы?» — «Право! зазывает
В «Современник»; ну, да я
Не поддамся, симпатію
В сердце к «Вестнику» тая».

2

Я любил за чашкой кофе
Восседать в café Dugand.
Там февральской революцыи
Начался плохой роман.

Там фразерствовал когда-то
Благородный гражданин,
Автор разных медитаций
И виконт de Lamartine.

Там в дни оны «депутаты»
Проживали годы в час,

Революцию создавая
И волнуясь из-за масс!

А теперь сидят там чинно
Буржуа и пьют лафит,
И пред входом полицейский
Ходит мрачен и сердит...

3

Diab!e m'emporte! ¹ Гулять я вышел
От «Concorde» ² и вдоль «аркад».
Что ж? — едва ль не в каждой арке
Полицейские стоят!

Sacrebleu! ¹ До Tour Saint-Jaques ³ я
Прошагал всю «Риволи» —
И клянусь вам, полисмены
Непрерывной цепью шли!

Sacristie! ¹ К Палероялю
Выхожу я: тут и там
Полицейские повсюду —
Посредине, по углам!

Cent milles diables! ¹ Иду я дальше:
Rue Saint-Marc, quartier Bréda ⁴

¹ Черт возьми! Сто тысяч чертей! и т. п. ругательства (франц.). — *Ред.*

² Площадь Согласия (франц.). — *Ред.*

³ Башня Сен-Жак (франц.). — *Ред.*

⁴ Улица Сен-Марк, квартал Бредá (франц.). — *Ред.*

Охраняет равномерно
Полицейская орда!

Ventre-saint-gris! Вот на бульвары
Занесла меня судьба.
Что же? — вижу полисменов
Я у каждого столба!

1863

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА «СОВРЕМЕННОКА»

1

В МОСКВЕ

Магазин Базунова. Два «благонамеренных».

1 - й благонамеренный

Кто сей толстый, Базунова
Запрудивший магазин?

2 - й благонамеренный

Это *он* явился снова,
Нигилизма ярый сын!

1 - й благонамеренный

Что ж, воздержанный начальством,
Стал ли нынче он смиренней?

2 - й благонамеренный
Нет, увы, с былым нахальством
Всё шипит, шипит, как змей!

1 - й благонамеренный
Что ж, великого Каткова,
Заслужившего хвалу,
Он...

2 - й благонамеренный
Отделяет снова,
Изрыгнув Москве хулу!

1 - й благонамеренный
Что ж, исполнен прежней блажи,
Отвергает дерзко он
Даже?..

2 - й благонамеренный
Ну, ему все «даже» —
Бред, сумбур, мечтанья, сон!

1 - й благонамеренный
Что ж, ужель опять скандалы
Он пускает, как пускал?

2 - й благонамеренный
(махнув рукой)

Что тут! все как есть журналы
Поголовно обругал!

1 - й благонамеренный

Что ж, ужель опять «мальчишки»
В нем найдут себе притон?

2 - й благонамеренный

Да уж в этой первой книжке
Им хвалы слагает он!

1 - й благонамеренный

Что ж, ужель раздастся снова
Возмутительный «Свисток»?

2 - й благонамеренный

Да, сей бич всего святого
В надлежащий выйдет срок!

Об а вместе

(с ужасом)

О, бежим от Базунова:

Нас враждебный гонит рок!

2

В ПЕТЕРБУРГЕ

Невский проспект. Сходятся: М. Достоевский, Громека
и Краевский; у каждого «Современник».

Достоевский

Появился!

Г р о м е к а

Вот он!

К р а е в с к и й

Эка

Толщина-то, толщина!

Г р о м е к а

Да... а кто ж, как не Громека,
Разрешению вина?

В прошлой «хронике» я смело
Стал начальству объяснять,
Что теперь пора приспела
Нигилистам волю дать.

Д о с т о е в с к и й

(язвительно)

Ну, почтеннейший мой, смею
Объяснить вам, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вот уж с ними солидарность
Вы иметь бы не должны:
Посмотрите, в благодарность
Что вам пишут «свистуны».
(Показывает ему какую-то статью.)

Г р о м е к а

Что? невежда я и школьник?!

(Громовым голосом)

Ну так слушай, Невский град:
«Современник» есть крамольник!
Нигилизм — ужасный яд!

Д о с т о е в с к и й
(Краевскому)

А меня на «почве» милой
Оскандалили!

К р а е в с к и й
(меланхолически)

Грущу...

Д о с т о е в с к и й
Ну, да я сберуся с силой:
Купно с Федором отмщу
Иль Косицу напущу!

Г о л о с а б л а г о н а м е р е н н ы х
из атмосферы
Сей журнал — исчадьё мрака!
В нем хозяин — сатана!

К р а е в с к и й
Так, друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

1863

**ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЧТЕНИЯ г. ЮРКЕВИЧА
ПО «ФИЛОСОФИИ»**

Грянул гром не из тучи...

Ах я грешник окаянный!
Я себя в восторге чистом
До сегодняшнего полдня
Называл матерьялистом.

Был я к Бюхнеру привязан,
Покоряясь общей моде,
И читал его девицам
В запрещенном переводе.

Наводил на дам московских
Больше, чем все черти, страха,
Проповедуя идеи
Молешотта, Фейербаха!

Но ко мне внезапно в душу
Благодать сошла господня:
Мне Юркевич многоумный
Свет ее открыл сегодня.

Доказал он мне — о небо,
Я предвидеть это мог ли! —
Психологии незнание
В обожаемом мной Бокле!

Горько плачь, несчастный Бюхнер,
Достодолжную острастку

Обещает дать тебе он,
Сняв с твоей системы маску!

Для девиц и дам московских
Ты не будешь страшной тенью,
Не привьешься гнойной язвой
К молодому поколенью!

Вот тебе пример: навеки
Я прощаюся с тобою,
Породнил меня Юркевич
С философией иною;

Почитать я буду старших,
Полон к ним благоговенья,
И в великий пост намерен
Справить ровно два говенья!

1863

ГЛАВЫ ИЗ «БЛАГОНАМЕРЕННОЙ ПОЭМЫ»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Мы себя грязним!

Конрад Лилиеншвагер

5

Я, читатель, от няни-старушки слышал
В дни волшебного мелькнувшего детства

Много сказок чудесных один этот клад
Мне она завещала в наследство.

На меня не посетуют, если теперь
Сказку я расскажу: отчего нам
Не запеть, как певалось в минувшие дни,
Простодушно-младенческим тоном?

Я люблю звуки песен былого, люблю
Этих звуков волшебные песни;
Сердцу сладко минувшие дни вспоминать,
С ними жизнь и светлей и чудесней!..

Так начнем же: далеко, в заморских краях
Жил волшебник Прогресс благодушный,
Правил мирно страной да творил чудеса,
И Прогрессу все были послушны.

Жил Прогресс, не тужил; да, случилось, узнал,
Что есть целые грады и веси,
Где в спокойствии добрые люди живут
Да и знать не хотят о Прогрессе.

Он разгневался. «Ну, — говорит, — коли так,
Сам иду я своею персоной
К этим людям: посмотрим мы, как-то у них
Будет принят властитель законный?»

Собрался он без свиты; шел день, может два,
И пришел наконец: ничего-то
Не видать — ни долинок, ни речек, ни гор,
Лишь зловонное видно болото.

Люди разных чинов и сословий сидят
В том болоте средь грязи смердящей,
Жрут ее да хвалебные песни поют,
Полагая, что пищи нет слаще.

«Что за мерзости!» — плюнул волшебник
Прогресс,
Да и прочь было... глядь: вместо суши
Очутилась трясина под ним — и завяз
Он в трясине по самые уши!

Оглянулся он в страхе: толпою к нему
Разноцветные люди всплывали —
На лицо ему плюнули грязью, потом
Сами грязь ту облизывать стали...

И сидит в том болоте Прогресс, и досель
Он не может уйти из болота...
«Ну уж сказка!» — кричат мне. Соскучились
вы? —
Самому мне невесело что-то...

«Для чего же рассказывать было ее? —
Что за басни, давайте нам дело!»
Для чего? — «есть причина, но я не скажу
Ее звездам небес!..» (из «Отелло»).

Впрочем, если угодно, вам можно теперь
Насладиться приятной мечтою:

.....

То ли дело у нас-то, такой ли прием
 Был оказан Прогрессу сынами
Милой родины? Принят он был, восхвален
 И осыпан в восторге цветами.

На Скарятине въехал он в славе; в Москве
 Был он встречен Катковым, лорд-мэром,
На пути ему Павлов песок посыпал,
 И скакал Розенгейм пионером.

Все младенцы ему воспевали хвалу:
 Калиновский,¹ Громека, Чичерин,
Князь Черкасский с березовой ветвью шел,
 Заливался Скарятин, как мерин.

6

Ах, куда мы идем? до чего мы дойдем? —
 Часто слышатся эти вопросы
В нашем обществе мудром, и часто от них
 Сильно духом смущаются россы.

Отвечают одни: мы идем всё вперед;
 Но другие, исполняя тревоги,
Возражают: да что же нас ждет впереди?
 И не лучше ль присесть на дороге?

Может быть, впереди-то — спаси нас господь —
 Сами будем мы жизни не рады;

¹ Г. Калиновский — издатель ныне почившего прогрессивного журнала для детей «Светоч».

Ну, как месяцы вроде «плювьёзов» пойдут,¹
А недели заменят «декады»?

Ну, как вдруг, например, на Арбате,
в Москве,
Развернутся деревья свободы?
И под ними российские девы начнут
В белых юбках водить хороводы?

Ну, как вдруг целовальник у нас с мясником
Зашумят, загуляют не в шутку?
И нельзя будет их на веревке свести,
Для смирения должного, в будку?

Ну, как «Почты» редактор Иван Гончаров
Обратится внезапно в Марата,
Кохановская выйдет подобьем Roland? ..
Что-то мы затолкуем тогда-то!

Но к столь страшным мечтаниям склонны умы
Только слишком наивного свойства,
Я сказал уж однажды: порядок у нас —
Так какие же тут беспокойства?

¹ Здесь автор, очевидно, имеет в виду исключительно ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки, потому что, кроме его, у нас, кажется, еще никто не предсказывал революции. Это ясно из сопоставления г. Гончарова — Марату и г-жи Кохановской — m-ше Roland. Хороша вышла бы революция при таких деятелях! *Примечание* > наборщика.

Надо только одним признаться: чтоб мы
Были в жизни невинны и чисты,
Яко голуби, и да исчезнут, как дым,
Из родимой земли нигилисты!

Это мирного общества нашего зло,
Это Запада гнойного дети;
Им не свято отечество самое, им
Ничего нет святого на свете!

Им благие реформы дают: например,
Улучшая цензуру, хлопочут
«Предварение» вместе с «каранием» слить —
А они безобразно хохочут!

Вред их обществу признан давно; и теперь
Нигилистов смиряют отлично:
В Петербурге келейно их правят, в Москве
Исправляет Юркевич публично.

Мне, однако, читатель, казались всегда
Эти меры медлительны очень;
Как быстрее нигилизм истребить до конца —
Этим я горячо озабочен.

Порошок я хочу изобресть, чтоб сморить
Порождение злых элементов:
Свистунов, журналистов, писателей всех
И, особенно, дерзких студентов.

**< ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО >**

Это было печальное утро: туман
Над столицей свой саван гробовый
Распростер, с неба дождь, будто слезы, лился,
Веял холод повсюду суровый. . .

Я на площадь пришел. . . Там толпа собралась,
Эшафот поднимался там черный:
Три ступени, дощатый помост и на нем
Столб с тяжелою цепью позорный.

В строй сомкнувшись, солдаты стояли кругом,
Палачи на помосте гуляли,
И жандармы задами своих лошадей
С наглым видом толпу оттесняли.

Отделения Третьего мерзостный штаб
Тут же был — и с султанами кепи
Любовались с злорадством жестоким, когда
Укрепляли железные цепи. . .

Небо было темно, ветер жалобно выл. . .
Час за часом тянулось уныло. . .
Сердце было мучительной пыткой полно
И тоской ожидания ныло. . .

Раздался стук колес. . . Загремел барабан,
И карета подъехала. . . Вышел
Из нее человек — и его на помост
Палачи повели. . . Я не слышал

Вздохов скорби в толпе: каждый в сердце таил
Муки сердца... но взоры сверкали
Скорбным гневом... Он шел мимо нас, и пред
ним

Все мы головы низко склоняли.

Бледен лик его был, но смотрел, как всегда,
Он с иронией горькой... Своими
Палачами он был окружен, но в тот миг
Не они — он смеялся над ними...

Но когда, приговор прочитавши, к столбу
Притянули ему цепью руки
И с открытым челом он стоял под дождем
С бледным ликом, исполненным муки, —

О, тогда вздохи скорби толпа не могла
Превозмочь... и у женщин катились
Слезы, горькие слезы из глаз,
И сердца наши злобою бились...

Палачи! Как Христа, приковали его
У столба казни цепью позорной,
Приковали за то, что к свободе он звал,
Что насилья был враг он упорный!..

1864

ИЗ ПОЭМЫ «ПРЕРВАННЫЕ ГЛАВЫ»

ГЛАВА 4

Я всегда осуждал направление тех,
Кто порядком вещей недоволен
И в наш век положительный жаждой реформ
И утопий мечтательных болен.

Мне порядок иной непонятен, как тот,
Освященный веками, с которым
Существует весь мир: удивительный вид
Представляет пытливым он взорам.

В основаньи его вложен строгий принцип —
Нуждам разных людей соразмерно
Потребленье давать: так, богатым всем жить
Хорошо суждено, бедным скверно.

В самом деле, нельзя же равнять меж собой
Бедняка с богачом; ведь бедняк-то
С колыбели к лишениям привык: меньше ест
И желает скромнее он как-то.

А богатый — он роскошью вскормлен, повит
Кружевами, парчюю и шелком,
Он привык жить просторно, свежо и тепло,
В аппетите равняется с волком.

Строго мысля, читатель, бог знает зачем
Филантропам сочувствуем все мы:

Ведь стремление их бедным братьям
помочь —
Нарушенье разумной системы.

Понимают ли сами они, что творят,
Извлекая из бездны проклятой
Нищеты и несчастья детей? Ах! какой
Их добро отзовется им платой!

Эти страшные люди, которым они
Подадут нежно руку спасенья,
Эти люди на место себя их столкнут
В бездну зла — в этом нету сомненья.

Филантропии, думаю я, путь иной
Нужно выбрать, чтоб братии нищей
Радикально помочь: нужно бедных людей
Насыщать идеальной пищей.

Эстетических прелестей тайну открыть
Нужно им, красоты тронуть струнки
В их сердцах, объяснив, что лохмотья нужды,
Ветхий кров хороши... на рисунке;

Что стенанья, мольбы голодающих масс,
Вид нужды, скорбный вид угнетенья
Много песен гражданских внушают певцам,
Возбуждая в певцах вдохновенье;

Что богатый на золото всё покупать —
И картины, и песни обязан,
А бедняк в отношеньи таких же вещей
Затрудненьем подобным не связан:

Стоит только взглянуть на свой ветхий костюм
Иль на кровлю, как дождь в нее льется,
Иль прислушаться к стонам своим — и душа
Эстетическим жаром зажжется!

Здесь я с гордостью должен признаться: у нас
Благодетели есть для народа,
Что советуют меры на пользу ему
Совершенно такого же рода.

Радикалы, поборники крайних начал,
Их бездушными шельмами, может,
Назовут; но ведь мнения крайних людей
В наши дни никого не тревожат.

Что касается лично меня, я вполне
Благодетелям верю и внемлю
С восхищеньем их мудрым советам: отнять
У крестьянина право на землю.

Разумеется, землю господь сотворил
Лишь для избранных лиц, как трудиться
Предоставил на ней он одним, а другим
Есть плоды тех трудов и лениться.

Неужели в народ добровольно вносить
Тунеядство должны мы? Ах, верьте,
Что мужик оттого на работу идет,
Что боится голодной он смерти?

Благодетельный стимул такой отстранять
Неразумно из жизни народной;
Крепостным вечно впроголодь жил
«мужичок»,
Пусть он так же живет и свободный!

Состоянье такое имеет в себе
Благ так много: умеренность в пище
Нашу плоть укрощает и делает дух
Благородней, светлее и чище.

При желудке пустом обращается мысль
Исключительно к хлебу и, праздно
Не стремясь к разъяснению тайн бытия,
Охраняет себя от соблазна.

.
1865

ПЕСНЬ О ПЕДЕФИЛЕ И ПЕДЕМАХЕ

1

Патриоты и пророки
Педефил и Педемах
За любезную отчизну
Ощутили в сердце страх.

И была причина страху:
От полярных хладных льдов
И до «пламенной Колхиды»
Зрится гибель всех «основ».

Разложение проникло
В нравы, в мысли и сердца,
Благочиние в презренье,
Беспорядкам нет конца. . .

2

Основанье государства
Есть семья — ковчег всех благ;
Что же зрят в семье российской
Педефил и Педемах?

Дети грудь сосут и мыслят —
Чтоб развиться поскорей —
О химическом составе
Молока их матерей!

Пососавши, начинают
О семейном рабстве речь,
Утверждая, что отцы их
Не имеют права сечь!

3

Чем народы крепки? — верой
В провидение; но, ах,
Веры сей не зрят в отчизне
Педефил и Педемах.

Благочестие утратив,
Миллионы россиян

Убеждаются, что люди
Родились от обезьян;

Что из всех законов вечных
Человечеством один
Руководит — тот, который
В наши дни открыл Дарвин.

4

Отторжение окраин
Может Русь низвергнуть в прах;
Что же видят по крайнам
Педефил и Педемах?

Видят ковы и интриги,
Равнодушие «высших сфер»
К обрусительным приемам
И забвенью прежних мер,

Видят вывески на польском,
На немецком языках —
И трепещут патриоты
Педефил и Педемах.

5

Пресса здравая есть признак
Здоровой жизни; что ж в статьях
Русской прессы обретают
Педефил и Педемах?

Порицание порядка,
Непочтительность к властям,
Недостаток уваженья
К греко-римским словарям.

Вредный дух демократизма
И глумление — о страх! —
Над мужами, коих имя
Педефил и Педемах.

6

Обозрев все эти страхи,
Педефил и Педемах
Порешили непреложно
Справить Русь во всех частях.

Ради цели сей ликейский
Храм воздвигнув в наши дни,
В нем работать принялись
Древних мальчиков они.

В этих мальчиках лекарство
Всей Руси от гнойных ран,
Эти мальчики исправят
Радикально россиян.

7

Но в ликее, что содержат
Педефил и Педемах,
Дивных мальчиков немного,
Русь меж тем обширна страх.

«Хорошо бы, — мнят пророки, —
Современных всех ребят
В древних мальчиков обделать» —
И проект о сем строчат;

И поспешно посылают
К славным невским берегам
С несомненною надеждой,
Что его одобрят там...

8

«Если нам удастся, — мыслят
Педефил и Педемах, —
Провести проект, к величью
Русь пойдет на всех парах.

Нигилизма дух исчезнет
Навсегда — и россов род,
Классицизмом просвещенный,
Власть над миром обретет.

Если наш проект отвергнут,
Сгибнет Русь вконец: таков
Жребий стран, где отрицают
Пользу древних языков! . . .»

ЭПИЛОГ

Слух идет, что, сею мыслью
Педефил и Педемах
Занимаясь непрерывно,
Повредились в умах!

1871

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

«Плохо, Петр Иванович?»
— «Плохо, Петр Ильич!
Думал, нынче за ночь
Хватит паралич:
Слышали, в суде-то
Что творится? Ох,
Верьте мне: нас это
Наказует бог!

Школьникам, мальчишкам —
Просто стыд и срам —
Поблажает слишком
Председатель сам!
Вежлив, как в салоне:
«Смею вам сказать. . .»
В эдаком-то тоне
С *ними* рассуждать!

Ну, и адвокаты
Тоже молодцы-с! . .
Русь, вперед пошла ты —
Эй, остерегись!
Коль в суде так будут
Вольно говорить,
Гласный этот суд-ат
Надо затворить!

Уж и приговором
Одолжили нас!
Мы убийцу с вором

Строго судим — да-с!
Если ж — вот прогресс-то! —
Покарать мятеж
Надо судьям — теста
Мягче судьи те ж! ..

Коли в этом роде
Всё пойдет — ей-ей,
Русь на полном ходе
К гибели своей!
Да-с, прогресс сей ввержет
Нас злосчастья в ров,
Если не поддержит
Господин Катков!»

1871

СОБАЧИЙ ПИР

<Из О. Барбье>

1

Ложился солнца луч по городским громадам
И плиты улиц тяжким зноем жег,
Под звон колоколов свистели пули градом
И рвали воздух вдоль и поперек.
Как в море вал кипит, лучам покорный лунным,
Шумел народ мятежною толпой,
И пушек голосам зловещим и чугунным
Песнь «Марсельезы» вторила порой.

По узким улицам и здесь и там мелькали
Мундиры, каски и штыки солдат,
И чернь, под рубищем храня сердца из стали,
Встречала смерть на грудах баррикад;
Там люди, сжав ружье рукой, от крови склизкой,
Патрон скусивши задымленным ртом,
Что издавать привык лишь крики брани низкой,
Взывали: граждане, умрем!

2

Где ж были вы тогда, в кокардах разноцветных,
В батисте тонком, родины сыны,
Вожди бульварные, герои битв паркетных,
Чьи лица женской красоты полны?
Что делали вы в день, когда средь страшной сечи
Святая «сволочь», бедняки, народ
Под сабли и штыки, под пули и картечи,
Презревши смерть, бросались вперед?
В тот день, когда Париж был полон чудесами,
Смотря тайком на зрелище борьбы,
От страха бледные, с заткнутыми ушами,
Дрожали вы, как подлые рабы!

3

О, это потому, что Вольность не маркиза,
Одна из тех великосветских дам,
Что падают без чувств от каждого каприза
И пудрятся, чтоб свежесть дать щекам!

Нет, это женщина с могучими сосцами,
С громовой речью, с грубою красой,
С огнем в глазах, проворными шагами
Ходящая пред шумною толпой.
Ей люб народа крик, и вопль кровавой схватки,
И барабанов боевой раскат,
И запах пороха, и битвы беспорядки,
И в мраке ночи воющий набат!
Она лишь с тем предастся сладострастью,
Тому прострет объятия любви,
Кто черни сын родной, кто полон мощной властью,
Кто обоймет ее рукой в крови!

4

Дитя Бастилии, топча ногою троны,
Горячей девой к нам пришла она,
И весь народ пять лет, любовью распаленный,
С ней тешился без отдыха и сна.
Но ей наскучило быть грубых ласк приманкой,
И сбросила она под гром побед
Фригийский свой колпак и стала маркитанткой,
Любовницей капрала в двадцать лет!
И вот теперь она, прекрасная, нагая,
С трехцветным шарфом, к нам опять пришла
И, слезы бедняков несчастных отирая,
В их душу силу прежнюю влила.
В три дня ее рукой низвергнута корона
И брошена к народу с высоты,
В три дня раздавлено, как прах, величье трона
Под грудой мостовой плиты!

И что ж? — О стыд! — Париж великий и
свободный,
Париж, столь чудный в гневе роковом
В тот бурный день, когда грозы народной
Над властью грянул беспощадный гром;
Париж с священными минувшего гробами,
С великолепием печальных похорон,
Со взрытой мостовой, с пробитыми стенами —
Подобием изорванных знамен;
Париж, обвитый лаврами свободы,
Кому дивится с завистью мир,
Пред кем с почтением склоняются народы,
Чье имя чтут, как дорогой кумир, —
Увы, он ныне стал зловонной грязи стоком,
Вертепом зла бесстыдного он стал,
Куда все мерзости сливаются потоком,
Где катится разврата мутный вал;
Салонных шаркунов он сделался притоном:
К пустым чинам и почестям жадна,
Толпа их бегаёт из двери в дверь с поклоном,
Чтоб выпросить обрывок галуна!
Торгуя честью и теша черни страсти,
В нем нагло ходит алчности порок,
И каждая рука лохмотьев павшей власти
Окровавленный тащит клоч!

Так издыхающий далёко от берлоги,
Сражен свинцом безжалостным стрелка,

Лежит кабан; под жгучим солнцем ноги
Он вытянул, и пена с языка
Струится с кровию... Уж он не рвет капкана,
Он замер в нем... Вздрогнул последний раз
И умер, пасть открыв кровавую, как рана...
И вот труба победно раздалась:
Тогда, как волн ряды, собак свирепых стая
Рванулась вдруг, и слышен там и тут
В долине резкий гул их смешанного лая,
Как будто псы пронзительно зовут:
«Пойдем, пойдем! Кабан лежит сраженный в поле!
Теперь настал победы жда́нный миг,
Нас цепь охотника не сдерживает боле,
Он наш, он наш! точите острый клык!»
И, бросившись на труп в порыве алчной злобы
И когтем и клыком готовая терзать,
Вся свора роется внутри его утробы,
И каждый пес спешит кусок урвать,
Чтоб, встретившись потом на псарне с сукой
жадной,
Открыв в крови дымящуюся пасть,
Ей бросить кость, издавши вой злорадный:
«Вот и моя в добыче часть!»

Н. Л. ЛОМАН

Николай Логинович Ломан родился 4 февраля 1830 года. В 50—60-х годах он преподавал русский язык и словесность в военно-учебных заведениях: в Новгородском кадетском корпусе, 2-м кадетском корпусе в Петербурге и др. В 1862 году вместе с преподавателем артиллерии Слуцким Ломан издал «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса», в связи с его столетним юбилеем. Назначенный в 1868 году одним из директоров «Общества попечительного о тюрьмах», Ломан заведовал его отделами, председательствовал в исправительном совете и хозяйственном правлении. Каждый проект, направленный к улучшению быта малолетних арестантов и смягчению тяжелых условий их жизни, находил в его лице энергичного защитника. Он умер 5 декабря 1892 года в чине действительного статского советника.

Литературная деятельность Ломана длилась очень недолго. Она началась в 1858 году. В журнале «Весельчак» под псевдонимом «Август Дик» Ломан напечатал несколько довольно бледных юмористических стихотворений.

Расцвет его таланта падает на 1860 и 1861 годы, когда в «Искре» под другим псевдонимом — «Н. Г. Гнут» — появился цикл его фельетонов «Литературные вариации».

Борьба с «чистой поэзией» была центральным моментом фельетонов Ломана; сердцевину их составляли включенные в них пародии на Фета, Тютчева, Случевского, Вс. Крестовского, Мея, Каролину Павлову, русских переводчиков Гейне и др.

В своих «Литературных вариациях» Ломан (как это делали до него Козьма Прутков и Новый поэт — И. И. Панаев) надевает на себя маску безусловного поклонника «чистой поэзии», еще более обостряя, таким образом, жало своей насмешки. Свои пародии он выдает за подражания любимым поэтам. Полемизируя якобы с приветствовавшим пародии «злоречивого Гнута» Амосом Шишкиным (А. П. Сниткиным), другим пародистом «Искры», и со стихотворением Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) «Вы не поверите, что мне сегодня приснилось...», он писал: «Решительно я начинаю считать себя непонятою натурою! Помилуйте: тогда Амос Шишкин усмотрел в моих вариациях злоречие; теперь г. Преображенский объявляет меня чуть не врагом гг. Случевского и Кускова. Уж и не знаю, право, чем я подал повод к подобным заключениям! Хвалю откровенно, простосердечно — в похвале моей видят иронию; пишу рабское подражание любимому поэту — литературную вариацию принимают за пародию».

Ломан прежде всего берет под обстрел идейное содержание пародируемого объекта, доводя его до абсурда и компрометируя в глазах «нормального человека». Обращаясь к произведениям,

в которых уход от противоречий современной жизни проявляется в форме увлечения экзотикой далеких стран и эпох, Ломан пародирует их «высокий» сюжет, противопоставляя экзотической обстановке и образам неприглядный серенький быт и показывая, с чем же мы сталкиваемся в действительности. Он высмеивает поэзию мимолетных настроений, эротические мотивы, влечение к таинственному, необъяснимому, загадочному, романтическую лексику и романтический пейзаж (иронически подчеркивая при этом перенесение человеческих чувств и переживаний на явления природы), гипертрофию звукового начала стиха и формалистическое приглушение смысла.

Пародии Ломана пользовались в свое время большой популярностью. Наряду с пародиями Добролюбова, они явились одной из причин, заставивших замолчать на много лет не только П. А. Кускова, но и такого крупного поэта антидемократического лагеря, как К. К. Случевский.

Писал ли Ломан после 1861 года — неизвестно. По свидетельству современника, он всегда вспоминал об «Искре» «с особым благоговением».

ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ

Пошли, господь, свою подачку
Тому, кто жаркою порой,
Как утлый челн в морскую качку,
Идет по знойной мостовой. . .
Он смотрит к Вьюшину тоскливо
В окно на крупный виноград,
На абрикосы, дули, сливы,
На пастилу и мармелад.
Не для него кокос, арбузы,
Гранаты в золотом огне,
Не для него и толстопузый
Гомар разлегся на окне. . .
И фрукт привозный, из Мессины,
Напрасно взор его манит:
Сок ароматный, апельсиновый,
Увы, его не освежит! . .
Так облегчи, господь, вериги
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешней жизни, кроме фиги,
Других плодов еще не ел.

<1860>

УТЕШЕНИЕ

*Когда, что звали вы своим,
Навек от вас ушло
И горе камнем гробовым
Вам на сердце легло —*

Помочь в печали ближним рад,
Поэт вас позовет
Пройтись с ним, бросить беглый взгляд
Туда, по склону вод.

Он вам покажет, как струи,
Одна другой вослед,
Бегут на чей-то зов вдали
(На чей? — вам дела нет).

Вам нужно будет хоть на час
Взор в речку устремить,
Чтоб слезы брызнули из глаз,
Чтоб стало в них рябить.

Тогда, как ни были б тоской
Вы зло удручены,
Всё горе выльется слезой,
И вы исцелены! . .

<1860>

НА КЛАДБИЩЕ

Я взобрался на могильную плиту
И внимательно смотрел, как на лету
Два тяжелые, кургузые жука
Колошматили друг друга под бока,
Как в объятиях березу дуб сжимал,
Как под деревом опенок вырастал,
Как паук, среди своих дневных хлопот,
Фантастический выплясывал матлот.
Так на кладбище за жизнью я следил,
И Случевский мне на память приходил:
Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
Как под ним мертвец о камень лбом стучал,
Как мертвец т-г Случевского просил,
Чтобы тот его на время хоть сменил...
По закону же *содружества идей*
Вспомнил случай я другой, еще страшней:
Вспомнил нищего, разрушенный гранит
И восставшего из гроба страшный вид,
Ветра свист, луны дрожащий свет,
Мертвеца протест и нищего ответ...
И невольный трепет в сердце проникал,
Но по-прежнему на камне я лежал,
И по-прежнему сшибались жуки,
Отличались в матлоте пауки,
Всё с березами амурились дубы,
Всё росли еще под деревом грибы.

1860

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Я доживал в одном квартале
Десятый год;
Но вот почил квартальный в мале —
Я просьбу в ход:
К стопам начальства припадая,
Квартал просил.
И как-то вывезла кривая:
Наш утвердил!
Квартал достался мне богатый...
Тут на меня
Надели каску, и с гранатой,
Но без огня.
И обыватель под защиту
Ко мне бежал,
Всех обворованных, побитых
Я утешал,
И всяк за это утешенье
Благодарил;
Но вдруг сердечное движенье
Я ощутил.
Раз, по грошовому взысканью,
К себе в квартал
Одно прекрасное созданье
Я вызывал.
Клянусь, клянусь богиней Фрейей! —
Я, кстати, швед —
Подобных плеч, подобной шеи
На свете нет.
Что за глаза! — очарованье!
Я весь дрожал,

Когда управы предписание
Я ей читал;
Когда, склонив свои ресницы
И вся в огне,
Она, кротка как голубица,
Внимала мне...
Я прежде думал, что во власти
Я у себя,
Что застрахован я от страсти,
Как от огня;
Но я прочел, сидев в конторе
С пером в зубах,
Себе капут в прелестном взоре,
В ее очах.
Однажды я, тот взгляд встречая,
Не усидел;
Письмоводителю, вставая,
Уйти велел.
Я ей сказал: «К началу ночи,
Когда езда
Совсем затихнет, что есть мочи
Валяй сюда!»
Заря, бледнея, умирала
И умерла,
А ночь роскошно выплывала,
Как день светла.
Затихло всё. Сребристый тополь
Благоухал,
И, по трудах дневных, Петрополь
Опочивал.
На перекрестке ждал я встречи,
И долго ждал:

В мечтах грудь пышную и плечи
 Я рисовал.
Прошел патруль, глядел мне в очи
 И созерцал,
Как, бедный, я в прохладе ночи
 Самосгорал.
Уж зарумянилась денница,
 И ночь ушла...
Так вот как, скромная девица!
 Ты не была?..
Тогда ее на жертву мщенью
 Я осудил:
Насчет билета сочиненье
 Я смастерил...
И я смотрел, как исполнялся
 Приказик мой,
Как с ней в прихожей объяснялся
 Городовой.

1860

* * *

Так мыслями я сходствую с тобой,
Что оба мы теперь одно и то же
Задумали в опасности такой.

(«Ад» Данта, XXIII, 28—30,
перевод Д. Мина)

Давно любовь в обоих нас остыла;
Мы разошлись давно, и, так сказать,
Мне время на душу забвение спустило,

А проще — я тебя стал забывать.
И уж, бывало, скукою гнетомый,
Я мог порой экспромты помещать

В изящные заветные альбомы,
При этом каждый раз мой стих гласил,
Что я у той иль у другой знакомой

В листках альбома сердце схоронил;
Прелестный взгляд я вновь считал наградой
И наконец печатно повестил,

Что женщину себе сыскать мне надо,
И изложил, чего я в ней искал,
Чтоб быть могла она моей отрадой. . .

Но вдруг, что ты преступна, я узнал:
Сказали мне, что будто ты скончалась
И в тот момент, как дух твой отлетал,

Когда уж Смерть к устам твоим касалась,
Меня назвал, коснея, твой язык,
И надо мной ты колко посмеялась. . .

Я выслушал и головой поник;
Потом, подняв чело, повел вокруг очами —
И взгляд мой был и сумрачен и дик. . .

И в путь пошел я скорыми шагами,
Я шел к тебе, под гнетом черных дум,
Гороховой, чрез площадь, Островами.

И слышал я какой-то странный шум,
И мне подчас такое представлялось,
Пред чем вздрогнул бы даже мудрый Юм,

Что видеть лишь Случевскому случалось
(О чем и сообщал он нам в стихах);
Так: в небе много месяцев являлось;

Вся даль была в светящихся руках;
По призракам Ночь важно восходила,
И, величавая, она, в слезах,

Бежавший День десницею ловила;
По лесу ветер фертотом пробежал;
Вослед ему трава зашелестила,

И чутко звук за звуком замирал,
И слышно стало, как росла былинка,
Как ландыш цвел, как мох произрастал...

Разряжена, что модная картинка,
Полулежала на диване ты.
Диван был на пружинах, с мягкой спинкой;

Обивка — синий штоф, по нем цветы;
Во храмине — приятный свет карсели,
Растений экзотических кусты,

И чьи-то лики пасмурно смотрели —
Линялые, в наколках и чепцах...
(То, верно, жен отшедших призраки сидели,

Уставши спать в затворенных гробах!)
Под окнами, глаз не сводя с дивана,
Стоял я долго и в твоих чертах,

В лице твоём насмешки и обмана
Старательно отыскивал улики;
Но тщетно: не нашел я в нем изъяна!

Напротив, как всегда, твой нежный лик
Был кроток, светел, девствен, и казалось,
Что ты воду «lait antéhelique»¹

Еще сегодня утром притиралась.
И порешил я: нет, подобных губ
Насмешка злая не касалась!..

Но ты открыла рот — и... хоть бы зуб,
Единый зуб в нем тленьё пощадило!..
Мне было б легче, если бы твой труп

Смерть лютая нещадно исказила,
Чем томный, нежный лик беззубым увидеть!
И понял я, что Смерть со мной шутила...

И стал ее, таинственную, звать,
Как кровного врага, на состязанье;
Но Смерть не шла. Я продолжал кричать...

¹ Жидкость для смягчения кожи и уничтожения веснушек (франц.). — *Ред.*

И крик мой, перешедший в завыванье,
Весь твой p'tit comité¹ перепугал,
Ты подошла к окну, но тут дыханье

Во мне сперлось — и я как сноп упал...
Казалось, в окнах лики заморгали
И самый дом твой в ужасе дрожал;

Ракеты, взвившись, лопали, трещали,
И ярко озарялись небеса;
А там, вдали, плечами пожимали,

Насупившись, сосновые леса;
В дыханьи ветра слышалась угроза...
И вдруг, гляжу, откуда ни взялся,

Высокий призрак. Тон и поза
В нем обличают частного врача,
Он молвит: «Что ж? mania furiosa²...»

И страж градской подводит лихача...

1860

¹ Дружеский кружок (франц.). — *Ред.*

² Буйное помешательство (лат.). — *Ред.*

* * *

Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь
И облекся весь сад *тенью ясной*:
На свидание выйдет соседкина дочь;
С ней в аккорд мы сольемся безгласный.

И потом уж вдвоем с баловницей моей
До истомы читать станем Фета.
А сведут нас тесней упоительный Мей
Да языковских два-три куплета.

Разольют аромат каприфоли тогда,
Соловьи сладострастно засвищут;
Мы же с ней без следа неизвестно куда
Пропадем... и нигде нас не сыщут!..

1866

* * *

Ах, взгляните: закрывает тучкой *боязливо*
Бледный, томный лик свой интересная луна;
Робко в озеро склонилась ветвями ива;
Боязливая целует их *тайком* волна;
Ветерок *украдкой* бродит в липовой аллее,
И привет ему деревья *робко* шелестят;
Дергачи во ржи трещат *слабее и слабее*;
Соловьи над розами *от робости* молчат...
Вы взглянули!.. перемена прежних декораций!
Тучки нет уже, луна приветно светит вновь,

Исполняют соловьи под сению акаций
Ряд блестящих, звучных, гармонических варьаций
На мотивы нежные: «взаимная любовь...»
Прежней робости ни в чем как будто не бывало
С той поры, как вы, мой друг, ее *погнали прочь...*
О! еще б такая перемена не настала,
Когда милая, дрожа, певцу презентовала
«Тихо, всю в одно лобзанье слившуюся ночь!»

1860

* * *

Появилась головка в окне,
И поэтик ее вопрошает:
«Вы ли свет сообщили луне,
Или вас ее луч озаряет?
Самому рассудить мне невмочь —
Ваши ль дивные черные очи
Разожгли сладострастнее ночь
Или млеют они негой ночи?»

Этот нежный румянец ланит
Уж не розы ли вам поставляют?
Или сами они колорит
С щечек ваших тайком похищают? . . .»
Ничего не сказала она,
Только губку слегка закусил
И, сомненьем таким смущена,
Поскорее окно затворила.

1860

РÉSUMÉ ВЕСЕННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ г. КРЕСТОВСКОГО

Не томите. . . выходите,
Моя милая!
А какая ночь, взгляните,
Молчаливая!
В повиликe без улики
Жду заране я
Разговоров о клубнике
И лобзания. . .
Без огласки ваши глазки,
Ваша талия
Встретят пламенные ласки —
И так далее. . .

1860

(Г. ПР. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ)

Вы не поверите, что мне недавно приснилось!
Будто минувшее наше опять возвратилось;
Лиры тридцатых годов вновь звучат
тихострунные;
Будто восстали из тлена Ершovy, Трилунные,
Ожили с ними ручьи, соловьи перекатные,
Пеночки, просеки, гроты, поля ароматные —
Всё это будто бы снова у нас водворилось. . .
Крайне прискорбно, конечно!
А всё же приснилось. . .

1860

* * *

Душе становится легко хоть на мгновенье,
Как напечатаеть свое стихотворенье,
И мил тогда нам строк печатных самый вид,
Стих каждый как-то так приветливо глядит...
И всё равно: то наш ли будет плод
Или чужих стихов тяжелый перевод,
Измены горечь в нем, любви ль взаимный
нектар,
И весь ли свет его восторженно прочтет
Иль только пробегут редактор да корректор.

1860

* * *

В самом деле, шли бы вы на взморье,
Где в жемчужных звуках грохот льется.
Вот где петь, так точно уж раздолье —
Пойте всё, что на душе споется...
Спелся вздор (ведь может же случиться!),
Так никто о нем и не узнает;
Над певцом там некому глумиться:
Водяной пародий не слагает!
Только знайте рифмами играйте:
Моря — вторя — лилий — белых крылий...
Много весу мысли не давайте —
Песнь споется без больших усилий.
А устали вы от песнопений,
Наигрались в трелях ночи нежных —
Ждет вас много новых наслаждений,

Скромных, чистых, самых безмятежных:
Понабравши *ракушек* в лукошко,
Рикошетом в море их швыряйте
Иль, пожалуй, помяучьте кошкой,
Или хохот по морю пускайте!
Но печатно в этом развлеченьи
Лучше б вы не делали признанья.
Что как вдруг да всё стихотворенье
За ребячье примут лепетанье?

1860 или 1861

* * *

Ох, время тяжкое настало!
Нам смерть голодная грозит:
Случевский, *гений небывалый*,
«Молчанье строгое хранит».

Не слышно страстных песен Кроля,
Давно немотствует Кусков,
З. Тур молчит... нет, ваша воля,
А против нас устроен ков!

Вот Страхов вдруг исчез куда-то,
А он так много обещал,
Когда кометою *мохнатой*
Нам в «Русском вестнике» сиял!

Крестовский наш ушел на взморье:
Сбирает ракуш — *p'tit malin!*¹

¹ Плутишка (франц.). — *Ред.*

Пропало важное подспорье! . .
Donnez, messieurs, aux orphelins! ¹

Иль разве мы еще не сиры?
Увы! поэтиков тех нет,
Под чьи цевницы, дудки, лиры
Легко слагался наш куплет!

Ах, мы и голодны и нищи,
Как истощился весь запас
Рифмованной духовной пищи,
Какой они питали нас!

И вот мы в страхе и печали
Возносим к вам свой томный глас:
Уж вы *для славы* пописали,
Создайте что-нибудь *для нас!*

О, не оставьте меньших братий!
Внемлите нашему refrain: ²
Не всё творить для хрестоматий —
Donnez, messieurs, aux orphelins!

1860 или 1861

¹ Господа, подайте сиротам! (Франц.). — *Ред.*

² Припев (франц.). — *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ В ГЕЙНЕВСКОМ ДУХЕ

1

(С саркастическим оттенком)

Я верю: меня ты любила,
Да я-то тебя не любил;
Меня ты еще не забыла,
Тебя я давно позабыл.

2

(С оттенком иронии)

Меня ты когда-то любила,
Тогда я тебя не любил;
Теперь ты меня позабыла —
И что ж? я тебя не забыл.

3

(Ординарное)

Ты меня любила,
Я тебя любил, —
Ты меня забыла,
Я тебя забыл.

А. П. СНИТКИН

В апреле 1860 года состоялся спектакль в пользу Литературного фонда с участием ряда видных писателей. Был поставлен «Ревизор». Писемский играл городничего, Вейнберг — Хлестакова, Ф. М. Достоевский — почтмейстера, Тургенев, Некрасов, Григорович, Василий Курочкин и другие — купцов, а одного из полицейских (то ли Держиморду, то ли Свистунова) — молодой писатель Алексей Павлович Сниткин. Этот спектакль был для него роковым. Сниткин простудился и скоро после этого, 30 апреля, умер.

Его смерть вызвала ряд откликов, содержавших сочувственную оценку его литературной деятельности. «Кстати, не знавали ли вы одного Сниткина: он еще пописывал комические стихи под именем Амоса Шишкина, — спрашивал Достоевский артистку А. И. Шуберт 3 мая 1860 года. — Представьте себе: заболел и умер в какие-нибудь шесть дней... Очень жаль». Теплый некролог появился в «Иллюстрации», где о Сниткине писали как о «замечательном таланте, обещавшем еще большее развитие в будущем»; похвальным отзывом о его даровании сопровождалась публикация его повести «Стрикаловский барин» в «Библиотеке для чтения». Только мракобес Аскооченский

разразился в своей «Домашней беседе» грозной филиппикой, суля покойному вечные муки, за что был беспощадно высмеян на страницах «Искры» в фельетонах Н. Курочкина и Минаева.

Алексей Павлович Сниткин родился в 1829 году.

О его жизни до середины 50-х годов ничего не известно. Начало литературной деятельности Сниткина относится к 1856 году, когда в «Современнике» были помещены, по свидетельству его приятеля, каких-то два его рассказа.

В 1857—1858 годах Сниткин работал над комедией «Контрмины» и романом «Увлечения», одна глава из которого появилась в журнале «Светопись». Публикуя ее, редакция «Светописи» сообщала, что роман «молодого, талантливое писателя» «с января 1860 года будет печататься в одном из наших журналов первой величины». Однако, кроме этой главы, больше ничего не появилось. Рукопись романа, как и комедии «Контрмины», по-видимому, не сохранилась.

В 1858 году в аудитории факультета восточных языков Петербургского университета, студентом которого он был, Сниткин познакомился с Л. П. Блюммером и сблизился с ним на почве общих литературных интересов. Они сошлись с Д. Д. Минаевым, тогда еще совсем молодым поэтом, и задумали издавать в 1859 году еженедельную газету «Русский телеграф». Сниткин должен был заведовать литературным отделом. Но их план не осуществился — цензурное ведомство не дало разрешения на издание газеты.

Сниткин все время жил в бедности, а теперь он неожиданно очутился в еще более тяжелом материальном положении. Однажды на даче под Петербургом он сказал Блюммеру: «Ну, вот видите, я вам говорил, говорил я вам, Леонид Петрович, что нам счастья нет... У меня припадков зависти, право, никогда не было; но как взглянешь на этих ослов... гуляющих беззаботно и глупо улыбающихся, да как вспомнишь, что ни моей Лизе, ни моему Лекке завтра нечего есть будет, — у-у! как завидно станет... Из всех предположений, из всех надежд остался, нет, не остался, а созданся — огромный шиш!.. Да, Леонид Петрович, и теперь я — не Сниткин, а Шишкин...» Разговор продолжался в том же духе, пока Сниткин не воскликнул: «О Шишкин! не унывай! — ты поэт!»

В том же 1859 году Сниткина постигла и другая неудача. Он намеревался издать сборник своих пародий «Перепевы из русских современных поэтов Амоса Шишкина»; цензор, рассматривавший рукопись, потребовал от него каких-то «поправок», и сборник (по причинам, которые трудно установить на основании сохранившихся данных) издан не был.

С конца 1859 года Сниткин сотрудничал в «Искре». Одновременно он вел фельетонное обозрение «Петербургская летопись» в журнале «Светоч», а также печатал стихи в издававшемся при «Светоче» «Карикатурном листке» и в юмористическом журнале «Развлечение».

В последние три года своей жизни Сниткин,

по свидетельству Блюмера, написал несколько небольших рассказов, частично «из простонародного быта», но они не были напечатаны. Уже после смерти Сниткина были опубликованы две его вещи: рассказ «Танкред» и большая повесть «Стрикаловский барин».

На «Стрикаловского барина» обратил внимание Тургенев и рекомендовал Герцену прочитать повесть Сниткина. В ответ на это Герцен писал: «Хоть и видно, что еще перо не устоялось, а хорошо». И «Танкред» и «Стрикаловский барин» свидетельствуют о бесспорном беллетристическом таланте Сниткина и хорошем знании жизни русской деревни и провинции незадолго до реформы 1861 года.

Как указано выше, Сниткин сотрудничал в «Искре» с конца 1859 года, то есть очень недолго. Но редакция «Искры» ценила поэта и напечатала целый ряд его вещей и после его смерти, в 1861—1862 годах. В примечании к его «Антологическим стихотворениям» «Искра» сообщала: «Читателям нашим известно, что под псевдонимом Амоса Шишкина писал А. П. Сниткин, писатель с замечательным сатирическим дарованием, в прошлом году умерший»: «Особенность его юмора, — писал Н. Курочкин, — состояла в неожиданности оборотов, в комических сближениях и в бойкости и веселости изложения».

Пародии Сниткина направлены преимущественно против поэтов «чистого искусства». Своего рода программным является его стихотворение «Для многих» — ответ на стихотворение Полонского

«Для немногих». Полонский заявляет в этом стихотворении, что бог не дал ему «бича сатиры» и что не дело поэта писать о «мире сует», «карать обиды, грехи народов и судей», что его область совсем иная. Она далека от житейских треволнений: к нему прилетают видения, звезды шлют ему немой привет, но немногие внимают ему, и он — поэт для немногих. Решительно отвергая подобный взгляд на поэзию, Сниткин выдвигает диаметрально противоположную точку зрения. Для него на первом плане — обличительная общественная сила поэзии, защита «безгласных, маленьких людей», и он готов отказаться для этого от воспевания «сонных листьев трепетанья» и «сонма созвездий в небесах». Формуле «И для немногих я поэт» Сниткин противопоставляет совсем иную, выражающую его демократические убеждения: «Я для публики поэт».

Сниткин удачно пародирует идиллические и антологические мотивы «чистой поэзии» этих лет (для чего нередко иронически использует мифологические образы), намеренную неопределенность эмоций, меланхолически-элегические настроения и раздумья, облеченную в поэтические одежды эротикку. Присоединяя к пародируемому стихотворению какую-нибудь дополнительную черточку, иную психологическую мотивировку, Сниткин дискредитирует в сознании читателей его эмоциональный смысл.

**ИЗ ЦИКЛА
«АНТОЛОГИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ»**

1. НЕПОНЯТЫЙ ВОПРОС

«Скажи мне, подруга, не сам ли Зевес,
Спустившись на облаке светлом с небес,
В блаженстве со смертной три ночи провел
И дочку такую на свет произвел?»
С обидной насмешкой глядя на меня,
Наивно сказала подруга моя:
«Какой тут Зевес и какая тут ночь!
Я просто военного писаря дочь».

< 1859 >

2. ПОЕЗДКА В ПАРГОЛОВО

Забыв поэзию, людей и всё на свете,
Я ехал с милою в извозничьей карете,
Спеша под кровлею крестьянской отдохнуть
И в тишине ночной в восторгах утонуть.
То было первое блаженное свиданье:
Красавица, склонясь на страстное желанье,
Решилася тайком покинуть отчий дом,
Чтоб сутки провести с любовником вдвоем.
(Кто любит истинно, в том безгранична вера!)
Для смелости с собой мы взяли редерера,
Буылку коньяку, наливкок двух сортов
И вкусных 35 с грибами пирожков.
(К несчастью, одарен я страшным аппетитом,
А поцелуями, увы! нельзя быть сытым.)
Но вот приехали. С улыбкой на лице
Встречает толстая нас баба на крыльце
И в комнату ведет, где, пар густой пуская,
Сердито самовар ворчит, на нас пеняя...
· · · · ·
· · · · ·
Остались мы одни. Обвив меня руками,
Подруга милая впилась в меня устами.
И этот поцелуй так много говорил,
Что понял я его и — свечку погасил...

ИЗ ЦИКЛА «МЕЛОДИИ»

1

Я мрачно сидел за бутылкой,
На мир, на людей рассердясь, —
Когда между мною и ромом
Какая-то связь родилась.

Стихи я писал, но какие?
Не помню, а кажется, вздор!
Ром сразу меня отуманил,
И ром полюбил я с тех пор.

<1859>

2

И ветер и дождик шумели
В деревне далекой, степной.
Мы с нею у печки сидели
С какою-то глупой хандрой.

Она была в теплой камали,
И я был закутан в халат,
А на сердце столько печали,
Как будто бы в нем целый ад!

И вижу я: духи толпою
Танцуют пред нами канкан.
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я понял давно, что я пьян.

< 1859 >

ИЗ ЦИКЛА «ЭЛЕГИИ»

В ПАВЛОВСКЕ

Постой! здесь хорошо. . . Зеленою оградой
Кустарники кругом с деревьями сплелись;
Чуть слышно музыка доносится из сада,
А шумный говор стих и звуки улеглись.
Я не пойду туда, где Штраус вероломный
Ломается с смычком и скрипкою в руках,
Как в знойной Африке, на Ниле, змей огромный,
Свиваясь, нежится на солнечных лучах.
Да, в этот уголок мы забрели недаром.
Скорей здесь отдохнем под тению куста!
А там ты встретишься с знакомым лейб-гусаром. . .
Нет, не пойдем туда. . . там шум и суета!

< 1859 >

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Под кустом густой малины,
В полдень, часто я лежу —
И на всё тогда так мрачно,
Как философ, я гляжу.
Скандинавские преданья,
Поэтические сны,
И народные сказанья,
И поверья старины —
Всё, что важно, что глубоко,
Носит след неясных дум,
До чего нам всем далеко...
Вот что мой решает ум.

Отчего к шарам воздушным
Не приделают руля?
Отчего, не уставая,
Вечно вертится земля?
Отчего непостоянно
Звезды на небе блещут?
Непонятные вопросы!
Непонятный результат!

<1859>

УГНЕТЕННАЯ НЕВИННОСТЬ, ИЛИ НОВАЯ ОДИССЕЯ

(Невольное подражание Гомеру)

Муза, воспой похождения рыцаря Горькая Чаша,
Как он, ревнуя к науке, долго по свету
скитался,

Сказки, поверья народа и песни везде собирая.
Как наконец он попался, подобно вождю Одиссею,
В руки циклопов новейших, грубых, небритых
и пьяных.

Се, помолясь, начинаю:

рыцарь Горькая Чаша

Прибыл в хладную область гипербореев,
В город, древле своим перевозом преславный.
Вот и прибыл туда Горькая Чаша в наряде
народном:

В синем кафтане, у чресл препоясан *ременкой*,
В красной рубахе, бородатый, как есть
православный.

(Каждый читатель поймет, что ученому мужу,
Шляясь по курным избам и беседу ведя
с мужиками,
В белых перчатках ходить и во фраке совсем
не пристало.)

Как гражданин, знающий твердо порядки,
наш рыцарь
Лично отправился вид предъявлять. Это его
и сгубило!

Строгий блюститель порядка и вместе блюститель
прогресса,
Горькую Чашу в умысле тайном вдруг заподозрив,
Брови нахмутив, как Зевс, с речью такую к нему
обратился:

«Чертов ты сын! Ну какой же ты доблестный
рыцарь?
Ты среди белого дня шляешься в этаким срамном
костюме:

Видно ли где, чтобъ рыцарь костюм
свой дворянский
Нагло сменил на *гуню* (и блюстителя речь
справедлива).
Ты иль масон, иль бродяга, иль даже мормонский
учитель.
Думаешь, нам неизвестно, кто это такие мормоны?
Нет, брат, читал в «Библиотеке» я — и недавно —
Всю подноготную суть об этом проклятом расколе.
Знаю, что в разные страны клеветов
они посылают
Народ обращать. И по роже твоей эфиопской
Вижу, что есть ты мормон и, стало, притом
многоженец.
Ну, отправляйся в сибирку и жди там себе
приговора». Тщетно Горькая Чаша всеми бессмертными клялся,
Что не мормон он и даже совсем не женатый.
Тщетно к богам он взывал, призывая
на помощь Фемиду.
Было ответом ему столько же слов энергичных,
Сколько не скажет и сам становой в воскресенье.
И посадили его. Долго он, долго томился
В грязной сибирке, сказки свои арестантам
читая.
А просидел бы и дольше, когда бы не
сам бюргермейстер,
Хотя из военных, но муж современного века,
Сам бы к нему не явился с ласково-нежным
приветом.
«Милый мой (рек он ему), вижу, что вы
не мормон, а ученый,

Паспорт возьмите вы свой и ступайте куда
там хотите». Горькая Чаша, снова в поддевку облекшись,
Тотчас хотел же уехать в свой град
по железной дороге;
Но был он схвачен вторично и снова
опять заподозрен:
Будто бы он не мормон был, а сам Дон-Кихот
Сервантеса.
Снова его заключили, и снова galant¹
бюргермейстер
Через неделю ему и билет возвратил и свободу.

Будь осторожен, читатель! Брей себе бороду
глаже
И никогда не носи (если ты только ученый)
Скверной поддевки. Не то тебя горькая участь
Нашего рыцаря рано иль поздно постигнет.
Право, никто не поверит, что ты
титularный советник.
Примут тебя за мормона, иль за кого? . .
за бродягу!
И уж наверно тогда перешлют напрямик восвояси.

Конец 1859 или январь 1860

¹ Вежливый, учтивый (франц.). — *Ред.*

ДЛЯ МНОГИХ

Господь мне не дал дарованья
Изображать в моих стихах
И сонных листьев трепетанье.
И сонм созвездий в небесах.
Стихи мои не воспевают
Обеды знатных, высший свет —
Зато их многие читают,
И я для публики поэт.

Я не взываю к сильным лицам,
Мои стихи для их ушей
Подобны дерзким небылицам
Мальчишки глупого. Речей
Моих не слушают народы,
Зато туманного в них нет.
Я не певец цветов, природы,
Но я для публики поэт.

Не веря в честность Немезиды
И в бескорыстие судей,
Я не прощаю им обиды
Безгласных, маленьких людей.
И подвиг грязный и скандальный
В моих стихах найдет ответ;
И скажет не один кварталный,
Что я для публики поэт.

Я знаю: люди есть иные,
Которым правда колет глаз,
Они не любят, чтоб другие

Над ними тешились хоть час.
Я как поэт их презираю, —
Но чтоб об них проведаль свет,
Я их печатно обличаю.
Да, я для публики поэт!

1860

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

Иван Иванович Гольц-Миллер родился 27 ноября 1842 года в местечке Иоганшкерьх Ковенской губернии в семье смотрителя одного из учебных заведений, находившихся в ведении ковенской дирекции училищ. По переезде семьи в Минск учился в минской гимназии, которую окончил в 1860 году.

Поступив на юридический факультет Московского университета, Гольц-Миллер примкнул к передовой студенческой молодежи. Он сблизился с П. Г. Зайчевским и П. Э. Аргиропуло и вошел в их революционный кружок, занимавшийся литографированием и распространением запрещенной правительством литературы, в том числе сочинений Герцена, Огарева, Шевченко. Летом 1861 года члены кружка были один за другим арестованы. Уже во время следствия, в мае 1862 года, была выпущена известная прокламация «Молодая Россия», в составлении которой принял участие и Гольц-Миллер. Однако это установлено не было. Гольц-Миллер был приговорен к заключению в смирительном доме на три месяца, а затем — в июле 1863 года — выслан в город Карсун Симбирской губернии, где жил под надзором полиции.

С этого времени началось скитальчество Гольц-

Миллера по России, через восемь лет доведшее его до могилы. «Он был убит преследованиями властей», — писал отец поэта, и в этих словах нет никакого преувеличения.

В 1865 году Гольц-Миллеру было разрешено продолжать университетский курс в одном из провинциальных университетов. Он избрал Одессу. Чтобы как-нибудь просуществовать вместе со своим младшим братом, Гольц-Миллер давал частные уроки, писал фельетоны, театральные обозрения и другие статьи для газеты «Одесский вестник». В Одессе Гольц-Миллер возглавил студенческий кружок, целью которого, по свидетельству его товарища, а впоследствии видного народнического публициста С. Н. Южакова, предложил «сделать не самообразование вообще, но специально политическое образование», а мирной культурно-просветительной деятельности противопоставлял деятельность революционную. Окончить университет ему так и не удалось — он был исключен за невзнос платы. В Одессе Гольц-Миллер похоронил горячо любимого брата. Еще до смерти брата ему было предписано направиться к родителям в Минск. Высылка была мотивирована исключением из университета, но подлинная причина заключалась в том, что на встрече Нового года в тесном кружке Гольц-Миллер произнес горячую антиправительственную речь, о чем стало известно властям.

В Минске полицейский надзор явился препятствием для поступления на государственную службу, и весной 1869 года Гольц-Миллер уехал

в Петербург, а затем снова в Одессу, где тогда происходили студенческие волнения. Гольц-Миллер пробыл в Одессе совсем недолго и принужден был покинуть город: «Ходили слухи, что он был замечен в пении недозволенных песен».

Гольц-Миллер отправился в Орел. И здесь, хотя к тому времени он уже был освобожден от полицейского надзора, на службу его не приняли. М. Н. Лонгинов, занимавший тогда пост орловского губернатора, «на днях мне категорически объявил, — писал Гольц-Миллер сестре 9 сентября 1869 года, — что согласиться на мое определение на службу, — по имеющимся у него и самому мне вовсе не известным сведениям, — он не может». Гольц-Миллер стал помогать местному присяжному поверенному. Его выступления в суде принесли ему известность, но не давали средств для самого скромного существования. Гольц-Миллер брал на себя защиту преимущественно бедняков, а если и попадались люди богатые, они нередко обманывали и не платили причитавшихся ему денег. В подавленном состоянии в августе 1870 года Гольц-Миллер покушался на самоубийство («на романтической почве», по его собственному признанию). В связи с этим последовало запрещение жить не только в Орле, но и в пределах всей Орловской губернии. Гольц-Миллер перебрался в Курск и лишь тайком наезжал в Орел, где, как писал отцу, «его любят и он любит». При переезде он должен был продать за полцены свои любимые книги, приобретенные на скудные средства.

В начале 1871 года Южаков ездил в Петербург с планами новой политической организации и на обратном пути заехал в Орел. Настроение у Гольц-Миллера было довольно мрачное, но к планам он отнесся сочувственно и обещал создать филиал организации в Орле.

Вместе с тем быстро стала развиваться чахотка. Почувствовав себя плохо, он приехал в Орел, где умер 5 августа 1871 года.

Гольц-Миллер начал писать стихи в 1862 году, а печатать их в 1863 году, но за восемь лет — вплоть до самой смерти — появились лишь три десятка его стихотворений: в «Современнике», а затем в «Отечественных записках» Некрасова и некоторых других изданиях. В стихах Гольц-Миллера отразились и боевые настроения демократической молодежи 60-х годов с ее ненавистью к насилию, верою в лучшее будущее, призывами к борьбе, и настроения подавленности и бесперспективности, вызванные эпохой реакции и личной судьбой. Последние в какой-то мере предвосхищали мотивы лирики Надсона.

Гольц-Миллер переводил Байрона, Ленау, Кернера, Гейне, Барбье.

Незадолго до смерти Гольц-Миллер решил издать сборник своих стихотворений. Он уже готовил его к печати, написал предисловие и вел по этому поводу переговоры с Некрасовым. В предисловии Гольц-Миллер отмечал, что «предлагаемые стихотворения составляют отголоски известных настроений, пережитых, как я думаю, не мною одним только, но и значительной частью нашего

молодого поколения... И вот почему я решаюсь издавать эти стихотворения отдельной книжкой». В качестве эпиграфа к сборнику поэт взял строки Некрасова:

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пою...¹

После смерти Гольц-Миллера Некрасов не оставил своего намерения. Издание не было осуществлено, по всей вероятности, по причинам цензурного характера. Другие попытки в этом направлении также не увенчались успехом.

Стихотворение Гольц-Миллера «Слу-шай!» стало революционной песней.

Издание стихотворений

Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер. Составили Б. П. Козьмин и Г. Л. Лелевич. М., 1930.

¹ Из стихотворения «Праздник жизни — молодости. годы...». У Некрасова: «Я пишу».

ДРУГУ

Не кручинься, друг любезный,
Грусть стряхни с души долой,
Ведь тоскою бесполезной
Не изменишь жизни строй! . .
Верь, что боремся не тщетно
Мы с насильем и со злом,
Верь — уж близок день заветный,
День победы над врагом. . .
Пусть же сердце негодует,
Пусть в нем ненависть кипит, —
А добро восторжествует,
Правда в мире прозвучит!
Ну же, друг мой, веселее!
И с надеждой молодой,
Грусть стряхнув с души, смелее
Вступим вместе снова в бой!

·1862

ЧЕМ НЕ ГРАЖДАНИН?

Нету в нем безумной гордости —
Наважденья сатаны,
Нету духа непокорности
Ко преданьям старины;
Сумасбродными затеями
Он мальчишек не пленен,
Вольнодумными идеями
Тихий нрав не развращен. . .
В каждый праздник, в воскресенье
Ходит к службе в божий храм,
Развито в нем уважение
К предержавшим всем властям;
Поведения он трезвого,
В рот хмельного не берет,
Нрава хоть не очень резвого,
Но горячий патриот;
Искру божью послушания
В нем родитель заронил —
С детства спину к изгибанию
Пред начальством приучил;
Подчиненный он примернейший,
Образцовый семьянин,
Патриот нелицемернейший —
Чем еще не гражданин? . .

1862

В ГРОЗУ

Небо насупилось тучами черными,
Молнии ярко режут глаза,
Блещут, сверкая лучами узорными, —
Жутко смотреть — так взыгралась гроза!

Но отчего же грозой не люблюсь я,
Что же так больно заныло во мне!
Бурю слышав, бывало, волнуясь я,
Кровь закипает, горю как в огне! . .

Помню — бывало, я, гром лишь послышится,
Дрожу весь, дышится как-то вольней, —
Что же теперь грудь так слабо колышется
И на душе всё грустней и грустней? . .

Долго ли ждать нам ту бурю желанную,
Долго ли ждать нам желанный исход?
Долго ли жизнь коротать бесталанную
В грязи безвыходной мелких невзгод?

О, поскорей бы нам в битву упорную,
В бой за права человека вступить,
О, поскорей бы порвать нам позорную
Связь с нашим прошлым — и внове зажить!

О, приходи же ты, грозная, дикая, —
Сердце изныло тоской по тебе,
О, приходи ты, святая, великая,
Не дай заглохнуть нам в мелкой борьбе!

А мы, исполненны чудною силою,
Истины вечной согреты огнем,
Ринемся в бой с этою жизнью постылою,
Весело к смерти в объятия пойдем!

Только приди ты скорей, заповедная!
Ждем мы тебя, как невесту жених, —
Не допусти ж, чтоб в сердца наши бедные
Дух ядовитый сомненья проник. . .

1862

МЕРТВАЯ ТИШЬ

Сон царит над землей. . .
В тишине гробовой
Жизни звук уловить не пытайся!
Ночь глухая кругом. . .
Страшно в мраке ночном —
Есть ли жив человек? откликайся!

Нет ответа на зов,
Только стоны без слов
Буйным ветром отсюда приносятся. . .
Сердце ноет с тоски —
Ах, ему ведь близки
Эти стоны, что в душу так просятся!

И опять над землей,
В тишине гробовой,

Ночь одна без конца лишь чернеется...
О, когда же сквозь туч
Солнца утренний луч
Над печальной землей заалееется?!

1862

ОТЦАМ

Вы — отжившие прошлого тени,
Мы — душою в грядущем живем;
Вас страшит рой предсмертных видений,
Новой жизни рассвета мы ждем.
Вы томитесь под игом преданий
И в наросшей веками грязи;
Наша жизнь — жизнь надежд, упований,
Всё святое для нас — впереди.
Путь пред вами один — покаянье,
Ваша сила в глаголе молитв;
Труд, борьба — это наше призванье,
И мы сильны для будущих битв;
Сильны верой живой в человека,
Сильны к правде любовью святой,
Сильны тем, что нас ржавчина века
Не коснулась тлетворной рукой...
Мы ли, вы ли в бою победите,
Мы — враги, и в погибели час .
Вы от нас состраданья не ждите,
Мы не примем пощады от вас!..

1862

КОГДА ЖЕ?

И день иде, и ничь иде...
И, голову схопивши в руки,
Дивуеся — чому не йде
Апостол правди и науки?!

Т. Шевченко

Когда ж, когда настанет век
Свободы, разума, любви
И перестанет человек
Бродить, как дикий зверь, в крови?

Когда ж падет господство тьмы
И царство ада на земле,
И божий свет увидим мы,
И отразится на челе

Людей — разумной жизни след,
И будет правда нам закон?
Когда ж? .. когда? ужели нет
Конца для варварских времен?!

Вторая половина 1863

«СЛУ-ШАЙ!»

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночька черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай! ..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище, —
— Слу-шай! ..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.
Ни звука! .. Порой лишь собака залетает
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шай! ..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
Нет, дольше не в силах я ждать! ..
Здесь штык или пуля — там воля святая. . .
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная! ..»
— Слу-шай! ..

Чу!.. шелест... Вот кто-то упал...
приподнялся..

И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел
раздался,

И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!» —
Прорвалось стоном из раненой груди...
— Слу-шай!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Вторая половина 1863

К МОЕЙ ПЕСНЕ

Ой ты, песня моя, ой ты, радость моя,
Верный спутник, товарищ в злой доле!
Будь ты вечно со мной, не покинь ты меня,
Будь мне друг, как бывало на воле!..

Было счастье тогда, были ясные дни,
Хоть бывало и горе порою,

Были братья-друзья, гнали горе они,
Жизнь катилась светлой волною. . .

Нынче нет уж тех дней, нету добрых друзей,
Только горе осталось с нами, —
Лейся ж, песня моя, лейся шире, вольней,
Не залить злое горе слезами. . .

Да и нам же к тому слезы некогда лить —
Жизнь не всё отняла, что сулила.
Эй же, песня, вперед! слезы прочь — надо жить:
С нами молодость, вера и сила!

Вторая половина 1863

* * *

Родина-мать! твой широкий простор
Скорбные думы наводит. . .
В нашей земле по ночам, точно вор,
Мысль, озираяся, бродит. . .
Мысль, озираяся, бродит, как вор,
Словно убийца, тех губит,
В ком, равнодушным и подлым в укор,
Сердце тоскует и любит.

Апрель 1864

* * *

Путь мой лежит средь безбрежных равнин,
Всё здесь цветет, зеленеет,
Только от этих роскошных картин
Скорбью тяжелой мне веет.
Сердце привычно сжимает печаль.
Очи туманит слезою. . .
Чудится мне: по полям этим вдаль
Узники идут толпою.
Муки застыли на лицах у них,
Руки им цепи сковали;
И равнодушно рыданиям их
Эти равнины внимали.
Нет здесь отрады, в этих степях,
Мрак всё, страданье и слезы!
Здесь без следа разбиваются в прах
Юности светлые грезы.
Здесь одиноко, бесплодно любовь
Гибнет в борьбе безотрадной. . .
Кровь свою чистую, лучшую кровь
Пьешь ты, о родина, жадно.
Кончить пора, о жестокая мать,
Прочь испытания эти!
Скоро, быть может, тебя проклинать
Станут несчастные дети.

Октябрь 1864

XIX ВЕК

Духом свободный, хотя бы в цепях были руки,
Я никого о спасеньи своем не молю;
Верую в Разум, надеюсь на силу Науки
И Человека, откуда б он ни был, люблю.

1867

К РОДИНЕ

Хоть и не сладок мне, о родина, твой дым
И более упреков, чем благословений,
Я посылал тебе, хоть пред лицом твоим
Я никогда не гнул и не согну коленей,

Но если бы мне стать на суд пришлось твой
За то, что отнестись к тебе я смел с укором,
Предстал бы я на суд с спокойною душой,
А не с потупленным по-фарисейски взором.

Да, чист я пред тобой, и я люблю тебя —
Не той сценически красивою любовью,
Что смотрит в зеркало сторонкой на себя
В тот самый миг, как истекает кровью. . .

Любовь моя к тебе спокойна и проста,
Хоть одинаково твоя бесповоротно;
Не знают вовсе льстивых слов ее уста
И в излишния вступают неохотно.

Но если жизнь моя нужна — она твоя,
Мой труд — и он тебе принадлежит всецело,
И только мысль моя одна — вполне моя,
Она дороже мне, чем кровь моя и тело!

1867

КРИТЯНКА В МОРЕ

На скале у моря, полная печали,
Женщина с ребенком на руках сидит,
Взором утонула где-то в синей дали
И, забывшись, к морю грустно говорит:

«Он сказал, прощаясь: «Победит свобода
И кто ей пребудет верен до конца. . .»
Скоро ль, море, скоро ль? Вот уже два года
Мать не видит мужа, а дитя — отца. . .

Он сказал, прощаясь: «Веруйте и ждите —
Недалек свиданья радостного час,
Недалек тот миг, что весть о вольном Крите
Ласточкой весенней долетит до вас».

С той поры для нас уж нет иных желаний,
С той поры мы верим, с той поры мы ждем —
Хоть прошло два года страшных испытаний,
Хоть уж горсть героев меньше с каждым днем. . .

Ты их видел с неба, боже справедливый,
Эти годы крови, подвигов и слез —

Ты и не допустишь, чтобы ветвь оливы
Ангел твой ко гробу вольности принес!

Но когда ж, о море, смолкнут эти битвы
За свободу Крита и за нашу честь
И в ответ на голос пламенной молитвы
Принесешь ты нам обещанную весть?

Скоро ли нас муж мой, счастливый и гордый,
Встретит как хозяин на земле родной,
И к груди своей уверенной и твердой
Ласково прижмет могучею рукой?

Скоро ли опять уйдет в ножны кровавый
Меч, и перестанет с гор струиться кровь,
И в объятиях гордой лучезарной славы
Радостно утонет кроткая любовь? ..»

Так она грустила на скале у моря.
Холода печали взор ее был полн,
Речь звучала тихо; жалобно ей вторя,
Раздавался окрест гул прибрежных волн...

И, отдавшись вся одной глубокой думе,
Бледная, с тоскливым трепетом в груди,
Вслушивалась в говор волн, и в этом шуме
Чудились слова ей страшные: «Не жди!»

Июль 1868

ПО ПРОЧТЕНИИ КНИГИ БОКЛЯ «ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Был мрак. По временам во мраке этом
То здесь, то там вдруг вспыхивал костер,
Чтоб осветить на миг кровавым светом
Фигуры мрачных иноков. Их взор,

Воспламененный верою, их лица,
Изнеможденные молитвой и постом,
Светились радостью зловещей, и десница
Грозила вдаль распятым, как мечом.

Дым ел глаза и, проникая в груди,
Захватывал дыханье палачам,
И, задыхаясь в нем, вопили люди:
«Смерть чародеям и еретикам»,

И твердой поступью, с улыбкою прощенья
Всходили на костры «еретики»
И гибли в пламени за дело просвещенья
От закоснелой в варварстве руки.

Истлел костер — смирялася тревога,
Ночь грозная спускала свой покров,
Казалось — солнце умерло у бога
И никогда уже не встанет вновь! . .

И шли года, и шли столетья мимо,
Толпами жглись в огне еретики,
И из-под пепла их взошли незримо
Как будто чудом взрослые листки

Младенческого дерева свободы.
Их не растила бережно любовь —
Огонь дал жизнь, пытали их невзгоды,
И поливала праведная кровь.

Так медленно возшло, росло и крепло
И покрывалось пышной листвою
То деревцо, восставшее из пепла
Героев света, побежденных тьмой.

И тщетно в бешенстве пытались изуверы
Свершить над ним свой грозный приговор —
Кровавые бессильны были меры:
Не брал огонь его, не брал топор!

И не нашлось того титана в мире,
Кто б истребить его мог до корней:
Раз пав, оно вставало вновь и шире
Раскидывало сеть своих ветвей. . .

И, глядя с ужасом на знамения века,
Вещали жалкие слепцы: «Содом, Сѳдом!»,
Хоть небеса, по зову человека,
Не раздражались огненным дождем.

Всё было тщетно; грозные перуны,
Что некогда смерть за собой несли,
Шипели, как ослабленные струны,
И страх вселить к себе уж не могли,

И, развернувши стяг свой над землею,
Стал разум человеческий с тех пор

В ее делах верховным судиею,
И страшен стал его лишь приговор.

Расти ж, цветы, о дерево свободы,
Крепчай в борьбе противу всех невзгод,
И, осенив собою все народы,
Даруй им твой благословенный плод —
Даруй им мир! . .

1868

* * *

Дай руку мне, любовь моя,
Дай руку мне смелей!
Милей всех благ мне речь твоя
И блеск твоих очей.

Не слаб мой дух, и тверд мой шаг,
И верь, ребенок мой,
Ни грозный рок, ни сильный враг
Не сломят нас с тобой.

Смелей же в путь! Судьбе назло,
Мы весело вдвоем,
Рука с рукой, подняв чело,
В широкий свет пойдем;

В широкий свет, в громадный свет,
В мир вечной суеты,

И всяких благ, и всяких бед,
И лжи, и красоты!

Не страшен мне безвестный путь,
Не верю я в злой час,
Сильна рука моя, и грудь
Крепка, и зорок глаз.

Что́ нам, что свет и зол, и груб?
Во мне не дрогнет бровь —
За око око, зуб за зуб,
И кровь воздать за кровь.

Смелей же вдаль, и в шум, и в гам,
Навстречу суете,
Навстречу счастью и бедам,
И лжи, и красоте!

<1869>

МОЙ ДОМ

И невелик, и небогат,
И непригож мой дом,
И только наш брат, демократ,
Жить ухитрится в нем.

Два стула, стол, комод, диван,
Надломанный чуть-чуть,
И заслужённый чемодан,
Всегда готовый в путь, —

Вот всё, что дом вмещает мой,
И больше — для того,
Кто носит всё свое с собой,
Не надо ничего.

Но хоть в желаньях скромнен я
И к малому привык,
Всё ж роскошь есть и у меня —
Есть две-три полки книг.

Два тома древних мудрецов —
Платон, Аристотель,
И страх вселяющий в глупцов
Великий Макьявель.

Есть Конт и Бокль, есть Риттер, Риль,
Сыны иных времен —
Старик Бентам, Джон Стюарт Милль,
И Пьер-Жозеф Прудон,

И Адам Смит, а рядом с ним
Воинственный Лассаль:
Немного их, но как с родным
Расстаться с каждым жаль!

Как жадный скряга — свой металл,
Свой герб — аристократ,
Свою доктрину — либерал,
Так я храню свой клад;

Тот чудный клад, что мне дает
Нередко столько сил,

Что против всех лихих невзгод
Мне сердце закалил.

Привет же вам сердечный мой,
Наставники-друзья!
Вы все мои, куда б судьбой
Заброшен ни был я;

Вы все мои, везде, всегда,
Вы — тот великий клад,
С которым рок мой, ни нужда
Меня не разлучат.

Вы дали мне — чего другой
Никто не в силах дать:
Дар насмехаться над бедой
И мужество — страдать!

Л. И. ПАЛЬМИН

Илиодор (или — как он сам себя называл — Лиодор) Иванович Пальмин происходил из старинного, но обедневшего рода ярославских помещиков. Он родился в Петербурге 15 мая 1841 года; учился в гимназии, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Однако кончить университет Пальмину не удалось. За участие в студенческих волнениях 1861 года он был арестован, а по освобождении исключен из университета. Затруднительное материальное положение (пятнадцати лет Пальмин потерял отца) заставило его обратиться к литературному труду; он занялся переводами с французского и немецкого и компиляциями, а также стал уделять больше времени стихам. Склонность к поэтическому творчеству он почувствовал еще в детстве, унаследовав ее от отца; отец Пальмина тоже писал стихи и вращался в литературных кругах 20—30-х годов.

Первое известное нам произведение Пальмина — перевод с французского — было напечатано в 1859 году в журнале «Лучи». Затем он сотруд-

ничал в «Веке» П. И. Вейнберга и в «Библиотеке для чтения» А. Ф. Писемского, который признал в молодом человеке талант и поощрял его первые литературные опыты.

В своей автобиографии Пальмин рассказывает о том, какое существенное влияние оказали на него общественный подъем 60-х годов, литература и журналистика этих лет, которая, по его словам, дышала «как будто свежестью весны», университетские лекции. Но в нарисованной им картине начала 60-х годов, когда классовые противоречия все более и более обострялись, есть известный отпечаток идиллии, свидетельствующий о том, что у Пальмина, при всем его бесспорном демократизме, не было отчетливой политической позиции. Он был просто оппозиционно настроен и довольно наивно верил в близкое социальное переустройство России. Результатом отчасти этой политической аморфности, а отчасти постоянной материальной нужды явилось неразборчивое сотрудничество в самых разнообразных периодических изданиях. Пальмин печатался не только в «Искре», «Будильнике», «Женском вестнике», «Деле», а позже в «Русской мысли», «Осколках», «Стрекозе» и других журналах, но и во враждебной «Искре» «Занозе» Розенгейма, реакционной «Литературной библиотеке» Богушевича, бульварном «Московском листке» Пастухова — в последнем, по свидетельству современника, именно «из-за куска хлеба».

В «Искре» Пальмин активно сотрудничал в 1863—1868 годах, до переезда в Москву. В своей

автобиографии он с теплым чувством вспоминает об этих годах и о В. Курочкине как редакторе, «доброму руководству, советам и нравственному влиянию» которого он многим обязан. Одному своему знакомому Пальмин говорил, что если его дарование не заглохло в бесшабашной обстановке столичной богемы и сохранило честное направление, то это результат «литературно-гражданских уроков», которые он получил от редактора «Искры».

В 70—80-х годах Пальмин издал несколько стихотворных сборников. Как указано выше, он довольно много занимался переводами. Особенно привлекали его в этом отношении польские поэты: Мицкевич («Пан Тадеуш» и другие произведения) и Кондратович-Сырокомля.

И в 80-е годы Пальмину были дороги те идеи и настроения, которые он воспринял в 60-е годы. В 1884 году он писал Н. А. Лейкину: «Ненавижу и кляню систему и строй нашего общества, т. е. все то, что завещано веками, что поддерживается охранителями... Мне все ненавистно в отчизне, что освящено преданием, т. е. предрассудки, рутинизм, лакейство, азиатчина, рабство, официальная часть с казенным ярлыком, но горе страдающего брата глубоко трогает меня... Это мое главное, священнейшее убеждение из тех немногих политических убеждений моих, которые я, однако, искренно и сердечно прочувствовал». Его идеал — «чтобы весь мир была одна семья, дружная, единомышленная, любящая, борющаяся только

с одним всеобщим врагом — со всем тем, что причиняет зло и страдание людское и нарушает гармонию жизни». Именно поэтому он немало страдал от цензуры.

Пальмин был в дружеских отношениях с Чеховым. Чехов ценил его поэтическое дарование и любил его как человека. Имя Пальмина часто упоминается в письмах Чехова 80-х годов. В письме к В. В. Билибину 1886 года читаем: «Пальмин — это тип поэта, если Вы допускаете существование такого типа. Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями. . . Беседа с ним не утомляет. Правда, беседуя с ним, приходится пить много, но зато можете быть уверены, что за все 3—4 часа беседы Вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоит трезвости».

Пальмин умер 26 октября 1891 года.

Пальмин не испытал значительной эволюции. В 70-е и 80-е годы, как и в 60-е, мы можем отметить в его поэзии две струи: с одной стороны — юмористические стихотворения, лишь изредка переходящие в сатиру, с другой — гражданскую лирику, большей частью довольно абстрактную. Лишь отдельные стихотворения — преимущественно ранние — возвышаются над этим уровнем и сохраняют свой интерес до наших дней. Вершиной творчества Пальмина является его «Requiem», ставший революционной песней.

Издания стихотворений

Сны наяву. Собрание стихотворений. М., 1878.

Собрание стихотворений. 2-е изд., дополн. многими новыми стихотворениями. М., 1881. (Эта книга представляет собою сборник «Сны наяву» с тремя добавленными печатными листами.)

Собрание новых стихотворений. М., 1881.

Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазия. Сборник шаловливых стихов и напевов. СПб., 1883.

* * *

Пускай идет и гений и наука
Своим путем,
Пускай от их торжественного звука
Встает содом.
Хитри наш ум и, мудрствуя лукаво,
Иди в войну
За здравый смысл, за благо и за право
На старину.
Но есть одно, что выше ухищрений,
В земле родной,
Что против всех бесовских наваждений
Стоит стеной;
Что гасит всё разумное, благое,
Как ветер свечу, —
То русское, кулачное, родное:
«Я так хочу!»
И ясен ум, и чист его светильник,
Да не пронять! . .
И, как хмельной, танцует подзатыльник
Под звук «молчать!».

<1865>

ЭХО

У нас есть чудное одно
Таинственное эхо.
Как вторит возгласам оно
Карающего смеха!

На голос истины святой,
Великого призванья
Оно шумит в стране родной,
Как бури завыванье.

Возвысим голос — и оно
Свой звук усилит вдвое:
Ах! то знакомое давно
Храпенье носовое! ..

Вещавший дэбрям и камням,
Счастлив пророк в пустыне!
Ведь всё же не храпели там
Гранитные твердыни! ..

< 1865 >

REQUIEM¹

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,

¹ В католической церкви — заупокойная служба по умершим; музыкальное произведение траурного характера (по первому слову латинского церковного песнопения: *requiem alternat* — вечный покой). — *Ред.*

Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

<1865>

СВИДАНИЕ

(Мотив из североамериканского поэта)

За честь и свободу родимой страны
Мы храбро с врагами дрались,
Поля боевые все кровью полны,
И стоны до неба неслись.

За честь и свободу в кровавом бою
Я честно и храбро стоял,
Вдруг свистнула пуля — и руку мою
Навек я одну потерял.

Но к милой невесте с полей боевых
Пришел я, увечный солдат,
И вот предо мной кровли хижин родных
Приветливо снова блестят.

Сын верный отчизны в увечьи мне стал
Милей несравненно теперь!

В нем чувство солью я к отчизне родной
С любовью страстной моей,
Пусть гордую этим обнимет герой
Одною рукою своей! . .

< 1865 >

* * *

Волшебные звуки таинственных струн
Запали мне в юную грудь,
И хочется громкую песню запеть
И цепью тяжелой тряхнуть.

С улыбкою доброй ты шепчешь, мой друг:
«Поэт, не стыдися цепей!»
О нет, не стыжусь я и даже готов
Для такта бить цепью моей. . .

Готов я звенеть ей анапест и ямб
Со смехом моим заодно,
Но кто ж будет слушать? И бабушка спит,
И детки заснули давно. . .

Нечистая сила им кажет всю ночь
Какой-то нелепейший сон,
И звон непрерывный в их бедных ушах
Гудит, как во дни похорон.

А если во сне и услышит порой
Акорды мои кто-нибудь,
То на уши с сердцем опять поспешит
Отцовский колпак натянуть. . .

< 1865 >

ИЗ ТЮРЕМНЫХ МОТИВОВ

По гранитным уступам угрюмой тюрьмы
Воет жалобно ветер ночной;
За решеткой тюремной мелькает лицо,
Озаренное тусклой луной.

Черных туч вереницы капризной толпой
По небесному своду ползут,
Но быстрее на бледном, обросшем лице
Беглых дум вереницы бегут.

Вместе с песней отчаянной, с ветром ночным,
Вот он — бледный, угрюмый злодей —
К светлой юности чистым промчавшимся дням
Улетает душою своей.

Он прислушался: вот в шуме ветра звучит
Колыбельная песня родной,
Что когда-то звучала так сладко над ним,
Над младенцем с невинной душой.

Вот видения светлых, заветных картин
Как в тумане встают перед ним:

Купол церкви родимой над дальним холмом
Тихо блещет крестом золотым,

Тишь родного села, и под милым окном
Ярко-красные кисти рябин,
И знакомые звуки знакомых теней,
И свобода родимых долин.

Вот в тумане минувшего ярко блеснул
Чей-то ласковый девственный взор;
С этим взором в преступную душу проник
Кроткий, ангельски нежный укор.

Но сильнее над ним ветер буйный ревет,
И ему в этом свисте ночном
Снится сил молодецких и буйных порыв,
Сил, кипящих мятежным огнем.

Этим силам был нужен разумный исход,
Эти силы грудь юную жгли,
Но, напрасно сгорев, не на благо людей —
Свой исход в преступленьи нашли.

Так проносятся думы одна за другой,
Будто отблески молний ночных.
Нет, свободные люди родимой страны,
Не знавали вы мыслей таких! . .

Ты, что гордо позором клеймила его,
Добродетель, поднявшая нос,
Чужды узника беглые думы тебе,
И таких не знавала ты слез! . .

Никогда в этих дряблых и черствых сердцах
Не рождался звук песни такой,
Но бесследно замрет этой песни напев
В тишине каземата ночной. . .

Воет ветер в уступах угрюмой тюрьмы,
Тускло месяц из тучи блестит,
Словно взором стеклянным в щель гроба мертвец
На живых с укоризной глядит. . .

< 1865 >

ТЕТУШКА ПОЛНОЧЬ

Холодная полночь деревней идет,
Покрытая черною мглою,
В чепце и фуфайке идет и трясет
Своею седой головою.
Идет и колотит морозной клюкой
В избу к мужику мимоходом,
То волком завоет, то взглянет порой
В окошко ужасным уродом,
Задует лампадку, ворвавшись в щель,
И робко Петровна-старуха
Молитву творит, покидая постель,
И стонет, и кашляет глухо. . .

По городу тетушка полночь идет,
Покрытая черною мглою,
В чепце и фуфайке идет и трясет
Своею седой головою.

Фонарики тускло дрожащей толпой
Чуть светятся в темень глухую,
А полночь ворчит, угрожая клюкою:
«Я вас, пострелята! задую! . . .»
И молят фонарики, кланяясь ей,
И робко дрожа, и моргая:
«Оставь нас! не трогай клюкою своей,
О тетушка полночь родная!»
— «Я вас, пострелята! задую сейчас!
Негодники вы. . . либералы! . . .»
— «Ах, тетя родная, не трогай ты нас!
Смотри — как мы бледны и малы! . . .»
Смотри, как мы мелки, ничтожны, точь-в-точь
Писателей русских идеи. . .
Хоть мы просветители, всё же не прочь
Порой поступить и в лакеи. . .
Невинен и темен наш светик дрянной,
Мы в копоти гаснем и сами. . .
И только в полемике между собой
Друга друга дубасим лучами. . .
На каждом шагу, несмотря на наш свет,
Споткнуться большая опасность
Тому, кто поверит, что тьмы больше нет,
Что всюду разумная гласность. . .»
Фонариков глазки за речью такой
Заискрились подленьким светом,
А тетушка полночь махнула клюкой
И в путь поплелась при этом.

< 1866 >

ГУМАННЫЙ ПРОЕКТ

О, сколько поэты родные
Рифмованных пролили слез
В альбомы, в журналы бывшие
И в чашечки вянущих роз!

Как много в них страстной истомы
И жгучей любовной тоски —
Одни только знают альбомы,
Одни носовые платки! . .

В тот век стихотворной печали
Журналы минувших годов
Роль труб водосточных играли
Для слез вдохновенных певцов.

Но старым хозяйкам альбомов
Теперь уже лет пятьдесят,
И, хуже уродливых гномов,
Они уж сердец не язвят. . .

Поэты состарились сами
И, дряхлые, вместо очей,
Табачными плачут носами
На строки катковских статей.

Но в век наш реально-практичный
(Послушайте умную речь)
Проект я представлю отличный
Из слез этих пользу извлечь:

Те слезы любви и мученья,
Мрачившие столько очей,
Нельзя ли собрать для соленья
Грибов, огурцов и сельдей?

Зачем с лепесточками розы
Скрывать их альбомным листкам?
Пускай те обильные слезы
На пищу пойдут... беднякам!..

<1866>

ВЕЧНОЕ БЫТИЕ

Кипят поколенья несметных людей,
Как мелкая пена морская,
Проходят ряды королей и царей,
Во мраке веков исчезая.

В хаосе стремлений, трудов и забот
Мрут люди обычной чредою,
Одна лишь идея растет и растет,
Сияя бессмертной красою.

Одни возникают из праха других
И в прах рассыпаются сами;
Разложенный прах их из глыб земляных
Впивают растенья корнями.

Бесчисленных форм вся природа полна,
Все вид изменяем мы, тлея,

Но в этом движении вечном одна,
Одна лишь бессмертна идея.

Приверженцы папы сожгли на огне
Ничтожное Гусово тело,
Но Гуса идея, с ханжами в войне,
На этом костре не сгорела.

И вот на горящий костер оттого
Он смело так шел без боязни —
Он знал, что сожгут только тело его,
Идея ж окрепнет от казни.

Он чуял и знал, что воскреснет опять
В грядущих вождях поколений;
Пусть форму одну смерть разрушит, как
тать,
Другие найдет себе гений! . .

В аккорды и звуки певец перелил
Свои задушевные грезы
И всё, чем он страстно и пламенно жил, —
И думы, и радость, и слезы.

Та скрипка разбита в куски, и гниют
Давно его кости в могиле,
Но думы, и грезы, и звуки живут
Во всей обаятельной силе!

О нет, он не умер! он в наших сердцах
Воскрес и живет с полнотою;
Мы, слушая, тонем в его же мечтах,
Страдаем его же душою. . .

Вот труженик мысли за тусклой свечой,
Весь творческой думой объятый,
В полночном затишье бессонной главой
Поник над тетрадкой смятой.

Быть может, велики идеи его,
Для мира труды благотворны,
И в души толпы из ума своего
Он сеет священные зерна.

Но годы проходят за тяжким трудом,
И суетный свет, без вниманья,
Его не украсит достойным венцом,
Награды не даст за страданья...

Пусть в мелком разврате, пошлея, вокруг
Тревожно спешат поколения,
Насколько есть силы, исчерпать всё вдруг
В болотной грязи наслажденья...

Но он не грустит и идее своей
С глубокою служит любовью,
Несет ее знамя, готовый для ней
Пожертвовать жизнью и кровью...

Он знает: идея растет и растет,
Всё чище, ясней и светлее,
Он знает, что сам он в веках не умрет,
Живя в той бессмертной идее...

Как золото в горне, в борьбе и в трудах,
В крови и в слезах поколений

Горит и растет, очищаясь в веках,
Живой человечества гений.

Во всех нас тот гений великий живет;
Пусть мрут скоротечной толпою
Минутные формы, но он не умрет,
Бессмертной блестя красотой!

<1867>

ВОРОН НА КОЛОКОЛЬНЕ

На улице нашей, меж новеньких зданий,
Есть древняя церковь одна,
Священных легенд и старинных преданий
С времен позабытых полна.
Одни за другими столетья чредою
Уже пронесли над ней,
И веет забытой седой стариною
От мохом поросших камней,
Карнизов и окон решетчатых, ржавых,
От старой ограды зубцов,
От ликов на башнях ее величавых
Поблекших давно образов.
Там дубы столетние сенью угрюмой
Шумят на церковном дворе
И шепчут ветвями с глубокою думой
О давней, забытой поре.
А в церкви царит полусумрак священный;
В мерцании бледном лампад,

Сверкая оправой своей драгоценной,
Угодников лики глядят.
И много старинные эти иконы
Здесь видели слез и скорбей
И слышали горя сердечные стоны,
Внимая молитвам людей.
Там часто под древней церковною аркой,
При запахе ладана, мне
В мечтах рисовалось картиною яркой —
Что было давно в старине.
Вот свадьба боярышни; сердцем страдая,
Но слушаясь воли отца,
Вот здесь принимала она, молодая,
Невольное бремя венца.
Под длинной фатою, в жемчужном уборе,
Как мрамор холодный, бледна,
Вот здесь, со слезами в опущенном взоре,
С немым стояла она.
В лебяжьей груди под фатой ретивое,
Дрожь, замирало, когда
Она пред налбом свое роковое
Чуть внятнее молвила «да...».
А сзади, исполненный бешеным мщеньем,
На деву друг тайный смотрел
И дикою злобой, и страстным мученьем,
В толпе притаившись, кипел.
И много под тению сводов глубокой
Старинная церковь таит.
Торжественно колокол с башни высокой
В воскресное утро звучит.
На той колокольне, на самой вершине,
Где колокол, в старом окне,

С времен позабытых, неведомых ныне,
Свил ворон гнездо в вышине.
Когда еще деды ребятами были,
То часто в рассказах своих
Про ворона прадеды им говорили,
Что видел в пеленках он их.
Да, много он видел, столетья считая,
Таинственный сын старины,
Эпохи пред ним проходили, мелькая,
Как пестрые, легкие сны.
Как волны вставали ряды поколений
И падали в прахэ могил.
Эпохи старинных народных волнений,
Быть может, старик не забыл.
Двенадцатый год и под дымом багровым
Москва, залитая огнем,
Не кажутся ль ворону временем новым
В недавнем и свежем былом? . . .
Он помнит в былом грозный лик Иоанна,
И старых бояр в теремах,
И всё, что, как в сумерках, смутно, туманно
Сокрыто в минувших веках.
Он помнит, когда близ церковной ограды
Шумел еще лес вековой,
Где ныне угрюмые зданий громады
Теснятся одна за другой.
Он помнит, когда средь дремучей пустыни
Здесь были берлоги волков,
Где вывесок яркими буквами ныне
Пестреют фасады домов,
Когда из лацуг и из домиков скромных
Здесь только слободка была,

В соседстве же, в дебрях дремучих и темных,
Разбойничья шайка жила.
И живо он помнит, как в многие годы
Дома разрастались вокруг,
Пыхтя черным дымом, вставляли заводы
На месте слободских лачуг.
И слушает с грустью утрюмая птица,
Усевшись на выступ окна,
Как вечно гудит и грохочет столица,
И думает думу она:
Намного ли люди довольней судьбою
И стали ль счастливей с тех пор,
Настроив твердыни одна за другою,
Срубив густолиственный бор?
Нет! ворон-старик пронизательным оком
На жизнь насмотрелся века:
Он знает, что в том же страданьи глубоком
Проносится жизнь бедняка...
Угрюмо он смотрит на пышность столицы
В высоком жилище своем
И старых, забытых легенд вереницы
Хранит о далеком былом.

<1875>

ОПОЗОРЕННЫЙ ХРАМ

Вот он перед нами, храм священный,
древний,
Ставший балаганом, рынком и харчевней,—
Храм литературы, древле чтимый свято,
Где жрецами были гении когда-то...

Где светильник мысли разгорался ярко,
Где пылало чувство искренно и жарко,

С алтаря ж вздымалось, в стройном клира пеньи,
Жертвенное пламя — пламя вдохновенья,

И поэт, в восторге, с свежими цветами,
Сердце нес для жертвы, полное мечтами...

Но угас светильник, лиры замолчали,
Гении исчезли и цветы увяли...

И в лоскутках пестрых, гениям на смену,
Гаеры и фаты вылезли на сцену...

Всюду дряблой мысли тщетные усилия —
Как орел подняться и, вороньи крылья

Распустив над миром, с высоты орлиной
Заблестать избитой, ржавую доктриной...

Но как быть вороне, так и есть ворона, —
Всё с чужого свиста, всё с чужого тона,

Что давно руками школьников измято —
Своего ж ни капли, напрокат всё взято...

Что давно уж стало пошло и избито,
Что давно уж в пятнах, ржавчиной покрыто,

Что назад лет двадцать новизной пленяло,
А теперь, как ветошь, сгнило, полиняло!..

Об одной и том же болтовня всё та же,
Что и попугаи затвердили даже, —

Детские проклятья сверженным кумирам,
Павшим идеалам, позабытым миром. . .

А наместо старых, в этой тьме унылой,
Новые не блещут благотворной силой!

Ветошь скудоумья фразою мишурной
Прикрывая нагло, в храм литературный

Вон толпой крикливой лезут фарисеи
С краденым елеем к алтарю идеи. . .

Круглая бездарность, на ходулях стоя,
Корчит публициста, чуть что не героя. . .

Хам в боярской шапке сыплет с видом ярым
Грозные проклятья и хулу боярам. . .

Вон врачи выходят важными стопами,
На челе ж их блещет: *«Исцелитесь сами! . .»*

Там сипит сатира остротой мещанской,
Здесь под балалайку слышен вой гражданский,

И нахально лезет рифмоплетов стая
В храм литературы, грамоте не зная, —

В храм литературы, в храм святой и древний,
Ставший балаганом, рынком и харчевней. . .

<1877>

ДУРАКИ

Когда б Сократ, Платон иль Пифагор
Вдруг из могил нежданно встали ныне,
Поник бы их смущенный, робкий взор
При блещущей невиданной картине:
Здесь паровоз, тут пушек чудный гром,
Там купола с блестящими шпилями —
Всё новизна, всё дышит волшебством,
Лишь дураки остались дураками. . .

Живали встарь под сению ветвей,
Себя прикрыв лишь кожей звериной, —
Новейший фрак во всей красе своей
Теперь блестит в изысканной гостиной.
В былых веках ходили босиком,
Теперь франтят и дамы каблучками —
Всё иначе, всё в образе ином,
Лишь дураки остались дураками. . .

Папируса таинственный язык
Одни жрецы египетские знали,
Теперь что день — то груды новых книг,
И в целый год их прочитать едва ли.
Столбцы листков, журналов и газет
Испещрены премудрыми статьями;
Из них блестит прогресса яркий свет,
А дураки остались дураками. . .

Закованы и в мрамор, и в гранит,
В чугун и в медь роскошные столицы,
Всё пышностью изысканной блестит,

И новых фрин сверкают вереницы.
Рассудка власть царит теперь во всем —
Простился мир с туманными мечтами,
Холодный ум воспрянул с торжеством,
А дураки остались дураками. . .

О, верю я, что в будущих веках
Везде прогресс, как солнце, загорится,
В неведомых волшебных чудесах
Наш век тогда в забвении затмится.
Нам и во сне не видеть тех чудес. . .
Потомки же сравняются с богами,
Их мощный ум достигнет до небес,
Но дураки всё ж будут дураками. .

<1877>

МИХЕЙ И ФИЛАНТРОПЫ

Бедняк Михей давно женат
И, маясь в горе и кручине,
Имеет шестеро ребят
Благодаря своей Арине.
Куда как жизнь его трудна!
Всё не спорится у бедняги:
Жена два года как больна,
Ребята голодны и наги.
Но вот в столицах взяв пример
С цивилизованной Европы,
Для блага бедных пропасть мер
Изобретают филантропы.

Узнав, что всюду, где народ,
Кишат подобные Михеи,
Они стремглав пускают в ход
Свои гуманные затеи:
Подписки в пользу бедняков,
Спектакли с целью благородной,
Тьмы звонких фраз и громких слов
Благотворительности модной.
Терпи, терпи, бедняк Михей,
В грядущее будь полон веры:
О лучшей участи твоей
Строжайше приняты все меры! . .

А между тем неурожай,
Две-три губернии без хлеба,
С Михеем тщетно целый край
Ждет милосердия от неба.
И вот Михей похоронил
Зараз троих своих малюток,
Их лютый голод истощил:
Они не ели двое суток.
Но вот в газетах тьмы статей
Завыли пред лицом Европы,
И, будто спущены с цепей,
Засуетились филантроны:
Дают обеды, вечера,
Струят шампанское реками,
Сгорают жаждою добра
И даже бредят бедняками.
Из угожденья мужичкам
Танцуют польки и кадрили,
И даже ручки модных дам

Почтить их лептой не забыли.
Терпи, терпи, бедняк Михей,
В грядущее будь полон веры! ..
О лучшей участи твоей
Строжайше приняты все меры! ..

Еще прошел тяжелый год,
И вновь Михей, с нуждою спора,
Троих малюток в гроб кладет,
Уже седой от слез и горя.
Вот и Арина в гроб сошла,
Михей один с своей душою:
Теперь он пропил всё дотла
И бродит по миру с сумою.
Михей умаялся и лег
С Ариной рядом на кладбище,
Беспечно сон его глубок,
И не нуждается он в пище. . .
Как прежде, предан свет большой
Филантропическим затеям,
И вот с кладбищенской травой
Лепечет ветер над Михеем.
Терпи, терпи, бедняк Михей,
В грядущее будь полон веры!
О лучшей участи твоей
Строжайше приняты все меры! ..

И. В. ШУМАХЕР

Петр Васильевич Шумахер родился в Нарве 6 августа 1817 года. Учился в Орше в иезуитском закрытом учебном заведении, а по переезде в Петербург — в коммерческом училище. В 30—40-х годах служил в военном министерстве и министерстве финансов. Затем ряд лет провел в Сибири, занимая должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском и управляющего золотыми приисками крупных золотопромышленников.

Покинув Сибирь, Шумахер жил в Петербурге, откуда отправился в продолжительное путешествие по Западной Европе, в Нижнем Новгороде (где встретился в 1858 году с возвращавшимся из ссылки Т. Г. Шевченко; Шевченко называет его в дневнике своим «старым знакомым»), снова в Петербурге, а в конце 70-х годов переселился в Москву.

Литературную деятельность Шумахер начал еще в 40-е годы, но стихи его, по-видимому мало выделявшиеся из массовой литературной продук-

ции того времени, в печати почти не появлялись и до нас дошли лишь в небольшом количестве.

По своим политическим взглядам и симпатиям Шумахер — либерал, но в 60-е годы он испытал сильное воздействие демократического лагеря и был к нему близок. Его язвительные сатиры этих лет направлены против самодержавия, помещиков-крепостников, произвола, мракобесия и обывательщины. Время от времени они публиковались в «Искре». В. С. Курочкин высоко ценил дарование своего сотрудника; в одном из фельетонов 70-х годов он отозвался о Шумахере как о «замечательном поэте-сатирике». «Стихотворения его, всегда оригинальные по форме, — писал Курочкин, — иногда исполнены глубокого юмора, многие из них имеют в высшей степени серьезное общественное значение».

В 70—80-е годы политическая острота творчества Шумахера заметно ослабевает, хотя и дает о себе знать в отдельных стихотворениях.

В 1871 году Шумахер представил в цензуру рукопись сборника своих сатирических стихотворений, но она не была одобрена к печати. В следующем году его снова постигла неудача. Он пытался издать книгу стихотворений «Для всякого употребления», однако печатание ее было приостановлено властями, а против Шумахера было возбуждено судебное преследование. При помощи И. С. Тургенева Шумахеру удалось издать за границей два сборника под общим заглавием «Моим землякам». В 1879 году в Москве вышла небольшая книжечка «Шутки последних лет». Незадол-

го до смерти поэт подготовил собрание стихотворений; оно было издано, при этом с цензурными изъятиями, только в 1902 году.

Очень огорчали Шумахера цензурные преследования, мучили болезни, одиночество, постоянная нужда. В последнее десятилетие жизни поэта на всем его облике лежит отпечаток растерянности и неприкаянности. С конца 80-х годов Шумахер жил в странноприимном доме графа Шереметева, где и умер 11 мая 1891 года.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Моим землякам. Сатирические шутки в стихах. Берлин, 1873.

Шутки последних лет. М., 1879.

Моим землякам. Сатирические шутки в стихах. Кн. 2. Берлин, 1880.

Моим землякам. Сатирические шутки в стихах. Каруж (Женева), 1898.

Стихи и поэмы. М., 1902.

Стихотворения и сатиры. Вступит. статья, редакция и примечания Н. Ф. Бельчикова. «Библиотека поэта», Большая серия. 1937.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Черт возьми, совсем не спится,
От клопов покою нет;
Чуть заснешь — исправник снится,
Депутаты, комитет!
Что и делать, сам не знаю,
Видно, надобно вставать...
Ванька — мыться! Гришка — чаю!
Юрка — повара позвать!

Протрубили англичане,
Что у них-де все равны
И — что баре, что крестьяне —
Для свободы рождены.
И у нас пошли драть глотки,
И печатать, и писать...
Васька — редьки! Мишка — водки!
Сенька — кушать подавать!

Где уж русскому народу
Брать примеры с англичан?
Дай-ко Фильке я свободу —
Через час напьется пьян.

Гей! сказать попу Маркелу,
В дурачки чтоб шел играть...
Федька — карты! Фомка — мелу!
Митька — ужин собирать!

Вот и дожили, канальство:
Барин в отчине своей
Без заведома начальства
Хама выпороть не смей!
А задашь, бывало, лупку —
Просто божья благодать...
Тишка — свечку! Яшка — трубку!
Кузька — ставни запирать!

Говорят, пора приспела!
Нет спасенья, — говорят;
Ах, когда б всё это дело
Повернуть на старый лад!
Всё не легче час от часу, —
Завалиться с горя спать...
Тришка — Пчелку! Оська — квасу!
Филька — *Сашку*¹ мне послать!

1859

СВЕЖО ПРЕДАНИЕ...

Плохо, сват Микита!
Всё нутрё горит,

¹ Вариант: «*Машку*» (будет яснее). — *Примеч. Шумахера.*

Рыло в кровь разбито,
Голова болит;
Словно весь ошпарен,
Денег ни гроша,
Задал порку барин, —
Чуть жива душа. . .

Больно расплодили
Много кабаков:
Вдосталь разорили
Бедных мужиков. . .
Дьякон Федор бает,
Слышал от попа,
Будто царь решает
Вовсе откупа?

Полно, сват Микита,
Батяка мелет зря:
Чай, откупщики-то
Посильней царя!

1860

ЭЛЕГИЯ

Словно вѣдрет погодушка,
Заалела даль туманная, —
В той дали видна свободушка. . .
Приходи скорей, желанная!

«Я бы рада к вам, ребятушки,
Да дорожка мне заставлена:

Во судах нет правды-матушки,
Речь свободная придавлена,
В маяте крестьянски душеньки,
Что ни воры — то начальники,
Да бояре бьют баклушеньки,
Да жиреют целовальники. . .»

Знать, не видишь ты, свободушка,
Нову зóрю, слово царево? ..

«Вижу, вижу, братцы рóдные, —
Да не зорюшку, а марево!»

1860

РОССИЙСКИЙ ТУРИСТ

Гнилому Западу в угоду
Его умом хотим мы жить
И сдуру приняли методу
Всё иностранное хвалить.
Чтоб сверить с былью небылицу,
Я взял каюту на Штеттин
И лично ездил за границу
Как патриот и дворянин;
Туда пробили наши тропу,
Всё, вишь, хотят на тот манер. . .
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

Про англичан и их свободу
Что «Русский вестник» ни пиши,

А всё у этого народу
На первом плане барыши:
Везде конторы и амбары,
И свист, и копоть от машин...
Плевать хотел я на товары,
Я не купец — я дворянин;
Предоставляю Бутенопу
Машины строить для афер...
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

Французы — те иного роду;
Они какие-то буфы;
Имеют шик, веселость, моду,
Но очень мало комильфы:
Там барин вежлив пред лакеем,
Там всякий дворник — господин;
Я не привык к таким идеям,
Я не Прудон — я дворянин;
По мне *мусьё* нейдет к холопу,
С него довольно и *моншер*...
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

И немцы знатную породу
Роняют низким ремеслом;
Там продает эрцгерцог воду,
Там держит принц игорный дом.
Я только в Австрии заметил,
Что уважают род и чин;
Там вольнодумства я не встретил,
Там я вполне был дворянин.

Как жаль, что задали ей трёпу!
А всё Лудовик, лицемер. . .
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

Про итальянскую природу
Пусть вам расскажут маляры;
От нищих просто нет проходу,
И нет спасенья от жары.
Там что ни шаг, то галереи;
Я обезножил от картин,
Мне тошно вспомнить про музеи,
Я не артист — я дворянин.
Стоишь подобно остолопу
Средь этих мраморных венер. . .¹
И черт занес меня в Европу,
В России лучше не в пример.

1861

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

В былые времена мечтой переносусь,
Когда, гордыни дух величем убаюкав,
Тобою мощная затягивалась Русь,
Мой старый друг Василий Жуков!
Любовью к родине и доблестью палим,

¹ Вариант: Могу живую видеть ж. . .,
А не у мраморных венер.

Примеч. Шумахера.

Ты груди русского был близок и понятен;
И я дышал тобой, и для меня твой дым,
Как дым отечества, был сладок и приятен!

Но волею судеб затмился славный век:
Не слышим мы теперь победных, громких звуков;
Народу русскому вскружил мозги Дюбек,¹

Упал и ты, Василий Жуков!
Сынами родины отвержен и гоним,
Ты мне по-прежнему и мил, и ароматен;
Не изменю тебе, и для меня твой дым,
Как дым отечества, всё сладок и приятен!

Смотрю в грядущее — бледнею и страшусь:
С сигарами в зубах я вижу жалких внуков;
В объятьях Запада дрожит святая Русь, —

Утешь меня, Василий Жуков!
Воспоминанием о лучших днях томим,
Молю лишь об одном — будь более опрятен,
Поменее волос... и твой отрадный дым,
Как дым отечества, всё будет мне приятен.

1861

¹ Вар<иант>: Пал Севера колосс, смолк глас
победных звуков.
И Незабвенному вскружил мозги
Дюбек.

Примеч. Шумахера.

КТО ОНА?

*В pendant*¹ к «Картинке» Майкова

«Тятыка! Эвон что народу
Собралось у кабака...
Ждут каку-то всё *слободу*:
Тятыка, *кто она така?*»
— «Цыц! Нишкни! Пушай гуторют,
Наше дело — сторона...
Как возьмут тебя да вспорют,
Так узнаешь, *кто она!*»

1862

ПЕСНЬ КАТОРЖНОГО

Ой ты, горечь, злая мачеха — Сибирь!
Снежной степью разнеслась ты вдоль и
вширь,
Неприветна, неприютна, нелюдна,
Бессердечна, душегубна, холодна!
Не грызи ты злобой-местию своей
Беззаступных горемык, честных людей,
Что томятся в кнутовой стороне
С лиходеями-ворами наравне!

— Ах, знавал и я свободушку,
Миловал жену-лебедушку.
Светлы дни и темны ноченьки
Всё смотрел ей в ясны оченьки...

¹ В параллель (франц.). — *Ред.*

Да она, моя красавица,
Сатана-змея-лукавица,
И людей не постыдилася —
С нашим барином слюбилася!

.....
На совет позвал я хмелюшку
И постлал друзьям постелюшку...
Услужил любезным чадушкам:
Положил на месте рядышком!

.....
Не томи ты, дума черная!
Не греми ты, цепь зазорная,
Не звучи на степь пустынную
Про вину мою безвинную!

Ой ты, горечь, злая мачеха — Сибирь!
Снежной степью разнеслась ты вдоль и
вширь,
Неприветна, неприютна, нелюдна,
Бессердечна, душегубна, холодна!

1862

К ПАМЯТНИКУ КРЫЛОВА

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как рѣзвятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

1866

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЕ ПОЛИТИКИ

(На два голоса)

«Ну, как мы, Петр Кузьмич, сравним
Россию с границей,
Когда мы всё еще сидим
За азбучной страницей?
До иностранцев далеко
Нам, неучам ребятам:
Там жизнь сложилась широко!»
— «А водка какова там?»

«Там, Петр Кузьмич, права равны;
Но, сколько я заметил,
Я либеральнее страны,
Как Англия, не встретил:
Там обращаются с людьми
Не то что с нашим братом;
Там я свободен, черт возьми!»
— «А водка какова там?»

«Париж слывет столицей мод
И центром всех веселий;
Но смысл в нем, Петр Кузьмич, не тот:
Плевал я на камелий!
Для чутких, грамотных вождей
Он был всегда набатом,
Лабораторией идей. . .»
— «А водка какова там?»

«Пока мы, Петр Кузьмич, храпим, —
Шагнули шибко немцы;

Лишь не напакостили б им
Венгерцы да богемцы.
Народ венгерский — боевой,
Он родич нашим финнам. . .»
— «А что ж, и славно! Половой!
Подай-ко, брат, графин нам!»

1869

У

ПРОГРЕСС

Как твердо, бойко и машисто
Вперед шагает человек,
И в дельной роли машиниста
Чего не выдумал наш век?

Летит по проволоке слово,
Из газа льется яркий свет,
И солнце с неба голубого
В альбом рисует твой портрет.

Напрягши ум, в порыве рьяном,
Разбив преграды в пух и прах,
Сквозь недра гор и океаном
Прогресс несется на парах! . .

Но мы кадить ему не будем;
Пусть скажет опытность сама:
Теплей ли стало бедным людям
От искр холодного ума?

Честней ли сделались люди,
Добрее ль стали их сердца,
Свободней, легче ль дышат груди,
Казнит ли совесть подлеца? ..

Авось другое поколенье
Увидит лучшие года!
Теперь всё то же направленье,
Теперь всё та же ерунда.

Всё так же раздувают смуты
И держат знамя кабалы
Богопомазанные плуты
И венценосные ослы.

Всё так же душат клич свободы
Остроги, пушки и штыки,
Всё так же бедствуют народы,
Всё так же действуют полки;

Гребут всё так же денег горы
И глядят сальные пупы
Уполномоченные воры —
Банкиры, власти и попы. . .

И чуть раздастся голос смелый
На кару подлости и зла —
Замрет в гортани онемелой
Глагол про гнусные дела. . .

И где тропины к тем могилам?
Скажи, о родина моя!

Где мир снискали честным силам
Твои погибшие друзья?

1869

ЧЕТЫРЕ ПОРЫ

На заре румяной, над рекой широкой
Мается в раздумьи *парень* одинокой.
Он пытливым оком небо пронизает,
Головой горячей долу припадает;
День-деньской в истоме, ноченька без сна:
То избыток жизни, пьяная *весна!*

Молодец с молодкой во саду гуляет,
Песенкою звонкой время пробавляет,
Рвет цветки душисты, сладкую малину,
Бойко и надёжно смотрит на долину.
Так-то ему любо, весело, тепло...
Не видал, как *лето* красное прошло!

Каркнул вещей ворон, — изменило счастье!
Тучи налетели, прорвало ненастье,
Зелен сад размыли бурные потоки,
Извели молодку чары злы — уроки...
Обомлел *мужчина*, помутился взор, —
И в ночи *осенней* простонал укор!

Воеет за́верть-вьюга над душой печальной,
Ткет из снежных хлопьев саван погребальный;
Сдался бедный *старец*, в жилах кровь застыла,

Под немым сугробом — ледяна могила,
И всё то, что в жизни мысль и чувство жгло,
Занесло метелью, *снегом замело.*

1869

В НОВЫЙ ГОД

И старая хандра, и старческий недуг!
Шипят под окнами шарманки старой звуки.
Я в старом шлафоре, со мною старый друг,
И пьем мы старое бургонское от скуки.
Снует по улице бессмысленный народ,
Пустой надеждою на счастье лелеем;
Но чтоб быть истинно счастливым в Новый год,
То надо сделаться на этот день — *лакеем.*

1870

ВОЙНА

Цветет красой столица света,
На общий пир мильоны рук
Несут ей дружно, в дар привета,
Плоды богатства и наук;
Ее ласкают все народы...
Сосед-завистник невзлюбил:
Тупой капрал и враг свободы
Войной красавицу сгубил.

Уж хлеб поспел, — по бедным хатам
И старцы смотрят веселей;
Спешат, усталые, к ребятам
Отцы и матери с полей;
Идет священник в дом молитвы...
Чу! каркнул ворон на гумне;
И стала пашня полем битвы,
И всё селение в огне!

Молясь искусству, как святыне,
Ваятель камень оживлял
И в беломраморной богине
Оставил миру идеал;
Красы роскошнейшей природы
Художник кистью уловил;
Но, враг искусств и бич свободы,
Солдат — пришел и всё сгубил.

И всё падет от грубой силы,
И всё разрушит супостат;
Один поэт и у могилы
Глядит без страха на булат.
Священный дар певца чудесен,
Согрет в божественном огне,
И вещий строй свободных песен
Гремит проклятием войне.

1871

* * *

У Цепного моста
Видел я потеху:
Черт, держась за пузо,
Помирал со смеху.

«Батюшки! нет мочи! —
Говорил лукавый. —
В Третьем отделении
Изучают право!

Право на бесправье! ..
Этак скоро, братцы,
Мне за богословье
Надо приниматься».

1872 (?)

ОСЕНЬ

Молча у окна мы с Машею сидели,
На любимый садик с жалостью глядели:
Утренником ранним все цветы побило,
И траву, и листья словно обварило;
Зеленеют только сосенки да елки.
Ласточки исчезли, не трудятся пчелки;
Солнышко заспалось, небо почернело,
Дует свежий ветер, всё как помертвело.
Журавли на Киев плетью потянулись, —
На глазах у Маши слезы навернулись.

«Что я вижу, Маша, у тебя морщинки?..»
— «Что я вижу, милый, у тебя сединки?..»
Горькая улыбка на устах застыла:
Знать, и в самом деле осень подкатила!

Декабрь 1876

БЫВАЛО

Бывало, к стряпке Парасковье
На кухню явишься врасплох
Да и жуешь там, на здоровье,
Сырую репу и горох...
Теперь я — старческий ребенок;
И, после дозы ревеню,
Бульон да жареный цыпленок —
Мое вседневное меню.

Бывало, в дружеской попойке
Пропустишь водки целый штоф
И, дернув за город на тройке,
Глотаешь пойла всех сортов.
Теперь мне, ради аппетита,
Дозволил доктор, за едой,
Стакан хорошего лафиту,
И то — разбавленный водой.

Бывало, в бешеную пору,
Увидел юбку — и беда!
Влюблялся в женщин без разбору,
Был их поклонником всегда...

Теперь я к этому магниту
Давным-давно уже не лъну
И разве бонну Маргариту
Шутя за щечку ущипну.

Бывало, шайка молодежи
Привалит с заднего крыльца, —
Какие искренние рожи,
Какие честные сердца! . .
Теперь — вход заперт либералам;
Я охладел к своим друзьям,
Всё больше тянет к генералам,
К банкирам, графам и князьям.

Бывало, вид чужой печали
Меня томил и день и ночь;
Все фибры сердца мне кричали
Скорей несчастному помочь. . .
Теперь избыток чувств опасен
В мои преклонные года:
Я увлекаться не согласен
И не волнуюсь никогда.

Бывало, нежный плод искусства
Иль благотворный луч наук —
Будили ум, ласкали чувства
И услаждали мой досуг. . .
Теперь финансовой наукой
Я подкрепляю свой закат:
Даю я в ссуду, за порукой,
Беру я вещи под заклад.

Бывало, ради балагурства;
С веселой музою в ладах, —
Холопство, лесть и самодурство
Клеймил я в шуточных стихах...
Теперь — усмотрят в них ехидство,
Теперь себя я берегу...
Стихи на тезоименитство
Я написать еще могу.

Бывало, мне в доспехе бранном
Была Россия дорога,
И я, при громе барабанном,
Мечтал ударить на врага...
Теперь я думаю иное
И основательней сужу:
Чем лечь костями в свирепом бое,
Я лучше дома посижу.

1877

ГОРЬКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Скоро ль дойду до могилы я?
Где ты, пыл-удаль моя?
Где вы, красавицы милые,
Где вы, родные друзья?
Все вы уснули сном вечности,
Все, как цветы, отцвели —
Дети веселой беспечности,
Редкие гости земли!
Точно в день солнышка ясного

С вами так было тепло;
К истине, к миру прекрасного
Вас всей душою влекло;
Праздное время досужества, —
Пленники чар красоты, —
Пили за искренность дружества,
Пели и рвали цветы;
Шли вы путем строгой честности,
Жили от света вдали,
Вы не искали известности,
Были — и с миром ушли!..

И довелось мне, несчастному,
В холод, осеннюю тьму,
Навстречь погоды ненастному
Жизнь коротать одному.

1877

* * *

Какой я, Машенька, поэт?
Я нечто вроде певчей птицы.
Поэта мир — весь божий свет;
А русской музе тракту нет,
Везде заставы да границы.
И птице волю дал творец
Свободно петь на каждой ветке;
Я ж, верноподданный певец,
Свищу, как твой ручной скворец,
Народный гимн в цензурной клетке.

1880

В. Р. ЩИГЛЕВ

Владимир Романович Шиглев родился 16 октября 1840 года в Царском Селе в семье адъюнкт-профессора математики Царскосельского лицея. Среднее образование он получил в 1-й петербургской гимназии, где большое влияние на него оказал преподававший русский язык и литературу известный педагог В. И. Водовозов. В 1862 году Шиглев поступил на юридический факультет Петербургского университета, но скоро бросил его и уехал в Полтавскую губернию, увлекшись, по словам своего биографа, «сильным стремлением тогдашней молодежи к сближению с народом».

На литературное поприще Шиглев вступил еще будучи гимназистом. В 1858 году в юмористическом журнале «Весельчак» появился его рассказ «Ухо». В 60-х годах Шиглев сотрудничал в «Искре» и «Будильнике», а также в «Русском слове» и газете «Русь». Многие его стихотворения — как сатирические, так и лирические — отличались незаурядной политической остротой. Мы находим в них почти неприкрытую проповедь крестьянской революции, злую издевку над помещичьим классом и реформой 1861 года, обличение бесправности и приниженности человеческой личности.

которой за малейшее «вольнодумство» угрожают тюрьма и ссылка; призыв бороться за «общее дело». Щиглев мастерски владел приемами эзоповской речи, языком иносказаний и нередко достигал ярких художественных эффектов.

Щиглев часто выступал и как карикатурист, причем, по свидетельству современников, значительная часть карикатур, представлявшихся в цензуру, не возвращалась оттуда. А те, которые были опубликованы, вызывали подчас резкое недовольство реакционной печати. Вот весьма колоритный диалог, помещенный в 1863 году в «Домашней беседе» мракобеса Аскоченского по поводу одной карикатуры Щиглева:

«— Объясните мне, пожалуйста, значение пятой карикатуры № 20 «Искры».

— А что там такое?

— Представлен дюжий и рослый солдат с заступом в одной и с деревцом в другой руке. За ним стоит какая-то молодая женщина в русском костюме; подписано: «— Что делаешь, кавалер? — Видишь, сажаю... — Ой, как погляжу-то на вас я: мастера вы сажать».

— Что ж тут непонятного? Разве вы не видите, что г. Романыч,¹ автор этой карикатуры, каламбурит? Старый солдат — это представитель консервативного начала, а бабенка в русском костюме — революционная «Молодая Россия»,² гра-

¹ Романыч — основной псевдоним Щиглева. — *Ред.*

² «Молодая Россия» — революционная прокламация, незадолго до этого выпущенная кружком П. Г. Зайчневского. — *Ред.*

ждане которой скрываются в подполье; а лишь только осмелятся показаться на свет божий, как их хватают и сажают куда следует.

— Но... однако ж, как же это... Я, право, не понимаю.

— Чего?

— В тоне женщины слышится что-то вроде упрека и сожаления.

— Разумеется; свой своему поневоле брат.

— Стало быть, и г. Романыч, и господин, одобрявший эту карикатуру к напечатанию, оба сочувствуют делу «Молодой России».

— Ну, сочувствуют.

— Так как же это?

— Очень просто: волю, значит, взяли. Остановить некому».

В 70-х годах Щиглев печатался в журналах «Дело» и «Нива», газетах «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Новости»; ряд его интересных стихотворений находим в юмористическом журнале «Маляр» за 1877 год; в 1878—1879 годах Щиглев вел в газете «Русская правда» еженедельный фельетон; в самом конце XIX и начале XX века писал в «Северном курьере» и других газетах.

Начиная со второй половины 60-х годов Щиглев пробовал свои силы в области театра и написал — главным образом под псевдонимом «В. Щигров» — целую серию небольших остроумных сенок и комедий: «Помолвка в Галерной гавани», «Черные и белые», «Новый Митрофан», «Сила, или Свои козыри» и др.; некоторые из них неоднократно ставились на сцене. Часть своих пьесок

он собрал в книжке «Домашний театр» (1889); детские пьески объединены в сборнике «Дюжинка» (1896).

В 1869 году его комедия «Чудесный клад», в смешном виде рисующая помещика накануне 19 февраля 1861 года, была запрещена цензурой. Совершенно нецензурный по тем временам драматический этюд «Зарницы», в центре которого — девушка-революционерка и обращенный ею в свою веру старый отец, был издан Фондом русской вольной прессы в Лондоне в 1894 году под псевдонимом «Н. Стариков». В 1906 году, уже после смерти Щиглева, вышла «Феськина крамола», так же как и «Зарницы» не увидевшая сцены.

В 1868 году Щиглев сделал попытку популяризовать идеи романа Чернышевского «Что делать?» в детской книжке. В протоколах заседаний С.-Петербургского цензурного комитета доклад цензора об его рукописи «Коралловые друзья, или Сон в Летнем саду» передан следующими словами: «Вся рукопись написана с явной целью пропагандировать социалистические и коммунистические тенденции романа Чернышевского «Что делать?» в кругу детей. Определено: рукопись к напечатанию запретить».

Следует отметить, что тяготение Щиглева к Чернышевскому было не случайно. Через девять лет в стихотворении «В уголке» поэт с горечью говорил о неосуществившихся надеждах 60-х годов, отождествляя их с идейными устремлениями «Что делать?»:

Во время оно снился нам
Для всех открытый дом хрустальный;
Трудясь сообща, мы жили там, —
И ни одной души печальной
В том доме не было... Везде
Луч счастья и любви светился!..
«Сон Верочки» тогда нам снился...
Где сновиденья эти, где?..

Наконец, уже в 1889 году, Щиглев написал стихотворение «На смерть Н. Г. Чернышевского».

Щиглев не был непосредственно связан с практикой революционной борьбы. В последние десятилетия своей жизни он вращался в кругу либерально-народнической интеллигенции. Тем не менее сатирическое жало его поэзии не было притуплено до самой его смерти. Идейная насыщенность и злая издевка над всеми устоями самодержавной России характеризуют и его поэзию последнего периода. В качестве примера можно указать стихотворение 1898 года о том, как был сочинен гимн «Боже, царя храни».

До нас дошли далеко не все стихи Щиглева. Самые значительные из них не могли быть напечатаны по цензурным условиям, и он принужден был ограничиваться их чтением в дружеском кругу. Некоторые были опубликованы уже после революции; другие, по свидетельству биографа Щиглева, были уничтожены их автором, когда он был предупрежден о предстоящем у него обыске.

Однако и то, что нам известно, подтверждает мнение самого поэта о своем творчестве. «Я бы

не желал фигурировать в качестве «поэта-юмориста», ибо юмор мой — вынужденный,¹ — писал он С. А. Венгеру в 1900 году, — цензура ставила меня в положение юмориста, и я не думаю, что по такому юмору мои произведения заслуживают внимания». Посылая Венгеру три стихотворения, в том числе печатающиеся в настоящем сборнике «Кариатиды», он заметил: «Это скорее «поэзия политико-сатирическая». По-моему (и я, право, не ошибаюсь), лучшие мои вещи — не юмористического характера».

Щиглев умер 1 октября 1903 года.

¹ Например, в «Будильнике» 70-х годов.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПЛИ

Хмурится небо... туман непроглядный,
Оттепель ярая, год не отрадный;
Видно, и небо правительством нашим
Купно бессильем и пьянством монаршим
Очень обижено и недовольно —
Небо! да разве нам тоже не больно?

В тюрьмах холодных за правое дело
Много безвинных студентов засело...
Паткуль, Игнатъев, Путятин восстали,
С войском пришли, увидали и взяли...
Хмурится небо, глядит недовольно —
Небо! да разве нам тоже не больно?..

Вот и Михайлов с недужною грудью —
Гласности нашему нет правосудья!
В дальний Тобольск ему ехать решило...
Снежная, ранняя вышла могила...
Хмурится небо, глядит недовольно —
Небо! да разве нам тоже не больно?..

С честною жизнью, с прямою душою
Трудно брести, зная, мирской колеєю...
Жертву одну мы еще проводили —
Рядом с Белинским ее положили...
Хмурится небо, глядит недовольно —
Небо! да разве нам тоже не больно?..

Хмурься же, небо, до вешнего солнца —
Может быть, радостно в наше оконце
Красная глянет весна для России?..
Есть у нас силы еще молодые...
Хмурится небо, глядит недовольно —
Стерпим покамест, что горько и больно!

Декабрь 1861 или начало 1862

* * *

Скажи-ка, дядя, ведь недаром...
Лермонтов

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Патриотическим пожаром
Охвачена страна?

Штыки на солнышке искрятся,
Отвсюду адреса стремятся,
Катковы марсовски ярятся —
Не будет ли война?»

«Война — войной... такое время!
Смотри: чем хуже наше племя?
Богатыри-то мы!

Возьми Михайла Муравьева,
Возьми-ка Берга, Горчакова,
Оноприенку и Каткова —
Какие, брат, умы!

И стоит ли жалеть бывшее?
И нынче царство не дурное:
Жандармы там и тут.
Пусть зашумят мальчишки снова —
И одного довольно слова —
А уж карета и готова:
Посадят, отвезут.

А наша крепость? Что? плохая?
Она — Бастилия родная —
Надежна и крепка!
Какие brave солдаты,
Как сыры, душны казематы...
Благословенна же трикраты
Петровская рука!

Вот... разве книжек больше стало,
Да и в цензуре что-то мало
Той строгости бывлой...
Уж о народе много что-то
Все нынче пишут — вот забота!
Да что! пишете, коль охота.
Ведь крепость под рукой.

Она хранит весь берег Невский,
В ней скрыт надежно Чернышевский,
Безбожник, бунтовщик.

И много там сидит народу;
Не жаль мятежную породу:
Они кричали про свободу —
Теперь же нем язык!

И женский пол возвысил голос —
Короток ум, а длинен волос...
О, хитрой Евы дочь!
Без вас покоя мы не знали,
А вы — но к богу мы зывали, —
И вот теперь вас отогнали
От аудиторий прочь!

Да, золотое ныне время!
Смотри: чем хуже наше племя?
Богатыри-то мы!
Царя-отца мы любим с жаром;
Скажу, племянник: да, недаром
Патриотическим пожаром
Охвачены умы!»

«Нет, усмирись-ка лучше, дядя,
Да посмотри-ка, в оба глядя:
Редееет уж дымок...
Пожар старинный угасает,
Он вас лишь вспышкой обольщает.
Так иногда светло сверкает
Последний уголек».

1864

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Мы его не видали давно,
Наконец и пришлось повидаться!
Да, столкнуться горам не дано,
Но случается людям встречаться...

Как, бывало, смотря на него,
Любовались мы: пропасть здоровья!
Ну, а сила была — ничего,
Хоть, конечно, не сила воловья.

А теперь он и ростом-то мал,
Стали волосы — просто волóски;
На ногах (сам он нам показал)
Видны синие кольца — полоски...

Говорят: «Он дикарь, нелюдим, —
Надо с ним говорить опасаться;
Отвечает он смехом таким,
Будто вовсе забыл он смеяться!

Да и ходит престранно: пройдет
Пять шагов и назад обернется...
И опять ровно столько ж идет —
Словно в клетке бедняжечка бьется!

Словно стены встают перед ним!
Держит голову вниз постоянно...
Что же он? Юморист? Нелюдим?..
Так ходить и смеяться — престранно!

И теперь он достаточно мил,
Если только не видно печали...
Где же — в Африке, что ли, он жил?..
Десять лет мы его не видали...»

Господа! Где он был — всё равно...
Ведь пришлось же нам с ним повидаться!
Да, столкнуться горам не дано,
Но — случается людям встречаться.

<1867>

СОВЕТ

Если ты честен — трудись, не ленись!
Дела довольно — кругом оглянись...
Если ж ты пылок и кровь в тебе жгучая —
Бедая налетит неминуемая.

Если жива у тебя еще мать,
Ей бы не худо заранее знать, —
Пусть она с мыслью печальною свыкнется:
Сын запропал, хоть кричи — не откликнется...
5

Холост ты — да? Ну, легко тебе жить...
Если и что... так о ком же тужить?
Хочешь жениться? Позорче выглядывай,
Сердце подруги вернее отгадывай.

Общее дело ты ставь наперед,
Общее дело работников ждет;

Узы семьи, о грядущем заботы
Пусть не стесняют начатой работы.

Только такая любовь хороша, —
С умной женою окрепнет душа,
Да и на случай внезапной разлуки
Будут у вдовушки разум и руки.

<1868>

СОВРЕМЕННЫЙ ЧАРОДЕЙ

Приготовлена к печати
Интересная статья,
Много разной благодати
Ждет сам автор от нея.
Силлогизмы в ней так верны,
Цифры точны... Что ж, прошла?
Нет, она быстрее серны
Вдруг исчезла, как стрела...
Говорят, пред ней явился
Всем знакомый чародей, —
Он по-старому сложился
И сейчас же разложился
Без особенных затей.

От тисков и лобызаний,
От глупейших женихов
Стало тяжело бедной Мане,
И она отцовский кров
На каморку променяла,

Стала жить своим трудом
И урока два достала
По полтине серебром.
Да плохое это дело —
Надо знать, чтобы учить!
Крепко Маня захотела
Тут на лекции ходить.
Всё ей сон хороший снился,
Эх, иди, иди смелей. . .
Говорят, пред ней явился
Всем знакомый чародей, —
Он в глазах ее сложился
И сейчас же разложился
Без особенных затей.

У Настасьи Николавны
Нету сил с супругом жить —
Так его деянья славны!
Где уж мужа тут любить?
А супруг гуляет много —
У него Clotilde, Marie,
Но жене он брякнул строго:
«Не прелюбы сотвори!»
Не сидеть же с куклой смирной,
Он — туда, а ты — сюда. . .
Разойдетесь тихо, мирно
И, конечно, навсегда.
Ах, когда бы план-то сбылся!
Ведь развод всегда честней. . .
Говорят, пред ней явился
Всем знакомый чародей, —
Он в глазах ее сложился

И сейчас же разложился
Без особенных затей.

Масса темного народа
Уж давненько света ждет, —
Что́ без разума свобода?
Что́ младенец в ней поймет?
Негры поняли недавно,
Где причина многих зол,
Принялись за дело славно
И — в Ричмонде сорок школ!
И у нас проект открылся
Обучать простых детей,
Но — пред школами явился
Всем знакомый чародей, —
Он по-старому сложился
И сейчас же разложился
Без особенных затей.

Кто ж он — этот вездесущий,
Гений злой и без стыда?
Это — кукиш всемогущий,
Это — кукиш, господа!

<1868>

* * *

Нет, не о Ницце я думаю,
Не о Палермо мечтаю...
Всё уношуся я думаю,
Всё по отчизне летаю...

В Рим мое сердце не просится,
В тень не хочу Колизея, —
Сердце мечтою уносится
К диким волнам Енисея. . .

Там, где рудой занимаются,
Дышат рабочие груди,
Умные люди встречаются,
Очень хорошие люди. . .

< 1868 >

ДЕТИ

«Дети милые, скажите,
Как живется вам, друзья?»
Отвечали мне малютки.
Их ответ запомнил я:

«Ничего, мы нынче сыты,
Да без дела жизнь скучна;
Мы послушны и приличны —
Строгость даже не нужна.

Без нее мы безответны,
И трусливы, и скромны;
Вслух мы глупы, как овечки,
Втихомолку же умны.

Забавляют нас искусно,
Позволяют нам играть

И дают в часы досуга
Книжки сладкие читать.

Всюду глаз за нами смотрит —
Хуже разве быть в огне!
Засмеешься — приглашают
Дать отчет наедине. . .»

«Правда, милые малютки!
С глазу на глаз скверно быть. . .
Да зато у вас есть игры —
Можно горе всё забыть!»

«Ох уж игры, эти игры!
Тяжело нам иногда. . .
Как затеют в «кошки-мышки»,
Мы не мышки — а беда».

«Ну, а прятки?»
— «Прятки плохо!
С нами ловко им играть:
Мы кричим: а-у, товарищ!
Да напрасно — не сыскать. . .»

< 1868 >

ПОСЛЕДНЕЕ БЛЮДО

Развернулся граф Каркасов:
Накупил он ананасов
И заморских вин.

Пригласил друзей обедать,
Ананасов тех отведать —
Добрый господин!

И друзья собрались в залу.
«Ну, наемся до отвалу!» —
Каждый помышляя.
Вот форели — чудо-юдо!
Золотая вся посуда...
Граф и сам сиял.

Напились, наелись знатно,
Стало тяжко и приятно
Дорогим гостям.
От вина все зашумели,
Разом все повеселели —
Весел граф и сам.

«Чтобы лучше нам развлечься,
Надо пить! Вина ль беречься?..
Господа, к вину!..»
Выпил граф и улынулся,
Встал, немного покачнулся
И пошел к окну.

«Угощу вас в заключение:
Блюдо будет — загляденье,
Прелесть, господа!..»
И сказал слуге: «Скорее!
Вон идет... Хватай живее
И тащи сюда!»

Камердинер быстро скрылся...
Двери настежь и — явился
С мужичком лакей.
Мужичок был худ и бледен
И, конечно, очень беден,
Даже без лаптей. •

«Пей и ешь!» — ему сказали,
«Сядь!» — и место указали,
Удержавши смех...
«Идиот-то не смекает,
Кто его здесь угощает!..» —
Мысль была у всех.

Гость занялся с голодухи
Так, что блюда стали сухи;
Пирожки глотал,
Добрался до ананаса,
Пил лафит: «Такого кваса
Я и не пивал!..»

«Ну, скажи-ка, мужичонко, —
Граф спросил не грубо — тонко, —
Что ты ел и пил?..
Да скажи, мне любопытно,
Кто тебя так нынче сытно,
Сладко угостил?..»

Гость в ответ: «Что ел такое?
Ел свое я, трудовое...
Много, барин, нас!

Угощался *сам* я славно —
Господа! Мы все издавна
Угощаем вас!»

7
Вторая половина 1860-х годов (?)

ЕЩЕ ОДНА

Ты, мой друг, ужасно пылок,
На язык неосторожен!
Сядь-ка здесь, в виду бутылок, —
Ведь конец плохой возможен...
Что за вид! В глазах свирепость,
И кричит, рукой махая:
«Вездесущая нелепость!
И нахальная какая!»
Замолчи! к чему свирепость?
Бесполезна ведь она!
Рифма есть еще одна...
(Петропавловская крепость!)

Я с тобой во всем согласен,
Мыслю так же я о браке, —
Но ведь крик-то твой напрасен,
Есть ли толк в твоей атаке?
О других вопросах тоже
Ты, конечно, здраво судишь,
Но из спящих-то кого же
Речью пылкою разбудишь?
Не видна ведь им нелепость!

Не тревожь их лучше сна —
Рифма есть еще одна...
(Петропавловская крепость!)

Правда, всюду безотрадно,
Ничего вдали не видно!..
Масса смотрит плотоядно,
Никому ничто не стыдно...
Как свинья в весенней луже
Дремлет, сладостно вздыхает, —
Не мешай ей — будет хуже!
Встанет — грязью забросает!
В свиньях, друг мой, есть свирепость —
И для нас она вредна!..
Рифма есть еще одна...
(Петропавловская крепость!)

Вторая половина 1860-х годов (?)

ДВА ГОЛУБКА

(Басня)

Жили-были голубки,
Их кормили мужики,
Да не то чтоб хлебом черным,
А пшеничным и отборным.
Что ни кушанье, то сласть!
А уж кур, индеек — страсть!
Голубкам жилось отлично,
Ворковали оба зычно,
Целовались всё они —

Так и шли за днями дни.
Вдруг бумажка прилетела —
Всё село повеселело!
«Ну, прощайте, голубки! —
Говорят им мужики. —
Вы зерно теперь уж сами
Добывайте-ка носами!» —
И не дали им зерна.
Голубок свой дом оставил
И в акцизы путь направил,
А голубка-то, она
В город ближний улетела
(Там родных она имела),
Год у тетки прожила,
Богомольной, старой тетки,
И потом, порхнув, пошла
Не в дешёвые кокотки.
Ну, а что ж, мораль-то есть?
Как не быть! Но пусть укажет
На нее и прямо скажет
«Весть».

Вторая половина 1860-х годов (?)

* * *

Фрол Фомич, помещик с весом,
Говорит в кругу знакомом:
«Недоволен я прогрессом,
Он засел мне в горло комом!
Нанимай теперь рабочих,

Батракам рубли плати ты...
И к труду-то нет охочих —
Пьянство! Рожи все испиты.
Из-под нашей выйдя власти,
Люди разом развратились:
Водка...: Лень... в разгуле страсти —
Ну, понятно — разорились!»
Так поет помещик с весом,
Фрол Фомич, но всем известно,
Что доволен он прогрессом,
Округлив дела прелестно...
У крестьян печальны лица,
Вид деревни безотрадный —
Да! Фомич кусок землицы
Откромсал у них изрядный...

Вторая половина 1860-х годов (?)

В ЛЕТНЕМ САДУ

Гуляли по Неве валы,
Ревущий ветер не знал преграды...
Ах, сада Летнего громады,
Дерев столетние стволы,
Валясь, слагались в баррикады...
Ходила публика вздыхать,
На эти глядя разрушенья...
Наполеон бы, без сомненья,
Велел сейчас стволы убрать:
Соблазн — зачинщик преступленья.

Вторая половина 1860-х годов (?)

ХРАБРЕЦ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

«Мыслей самых либеральных,
Даже красных — рыцарь я!
Правда, я не из опальных —
В этом честь и жизнь моя.
Смело львам гляжу в глаза я
И кричу: страна родная!
Если б львов — тра-ла-ла-ла!»
Бляха с номером прошла...

«Были язвы, глад, лишения; \
Я до времени молчал,
Слушал молча рассужденья,
Но в тиши соображал,
Где ж причина голоданья?
Пьянство? Лень? Непослушанье?
Нет, причина — тра-ла-ла!»
Бляха с номером прошла...

«Я влюблен в мою соседку,
И она в меня давно.
Раз пришел я к ней в беседку,
Муж за мной, а я — в окно!
Ах, она теперь страдает!
А как вырваться — не знает...
Брак, скажу я — тра-ла-ла!»
Бляха с номером прошла...

«Лето всё леса горели,
Я в дыму не мог дышать.
Говорили: «В самом деле,

Надо б лес нам охранять!»
Ум у многих очень странный!
Что пожары? Постоянный. . .
Но позвольте. . . — тра-ла-ла!»
Бляха с номером прошла. . .

Вторая половина 1860-х годов (?)

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ

(Три тоста)

Первый тост! Полнее, с пеной
Наливайте до краев:
За кормильцев наших — этих
Полусытых мужиков!

За сестер, которых словом
Милль недавно ободрял.
Их да сбудутся желанья!
Господа, второй бокал!

За трудящихся, за братью
С неподкупным лишь пером!
Выпьем дружно этот третий
И уж больше не нальем.

Вторая половина 1860-х годов (?)

* * *

Я всю ночь просижу у окна —
В эти светлые ночи не спится!
День тревожный прошел... Тишина,
И душа моя меньше томится...

Парк густой предо мной зеленеет,
Улеглась беспокойная пыль;
То блестит в небесах, то бледнеет
Золотой Петропавловский шпиль.

Я унесся далеко, мечтая, —
Хорошо в царстве радужных снов!
Но меня, каждый раз отрезвляя,
Будит звон заунывный часов...

<1871>

КАРИАТИДЫ

Рождественская сказка

Мороз крепчал, и надо мной
Уже был поздней ночи час;
Не торопясь я шел домой.
Как медный вычищенный таз,
На синем бархатном ковре
Луна блестела...

В серебре
Чудесно-матовом кругом
Деревья спали мертвым сном...
Люблю некупленный эффект!
Но вот я вышел на проспект:

Нет в окнах каменных громад
Ни даже огонька лампад,
И тихо так, что лишь шагов —
Моих шагов — мне слышен звук...
Иду задумавшись, и вдруг —
Живая речь... Но хриплых слов
Не мог я сразу разобрать...
Гляжу туда-сюда, но нет:
Довольно ярок лунный свет,
А никого тут не видать!..
Но чей-то голос всё хрипит.
Взглянул наверх — а там балкон;
Из чугуна и камня он,
И руки двух кариатид,
В тени подъятые, дрожат...
Я — ближе... Не античный вид
У этих двух кариатид!
И, боже мой, какой наряд!
Сермяги клочья на плечах...
Одна с бородкѣй жидковатой...
И сердце сжал какой-то страх;
Испугом наконец объятый,
Невольно испустил я крик:
Да это баба и мужик!!!
И слышу: «Вид-то не мудреный!
Неужто прежде не видал,
Кто спокон веку подпирал
Все ваши барские балконы?
Но... Слушай! С голодухи мы
Ослабли, значит, барин милый...
Она грозней любой чумы,
А как совсем ослабнут силы —

Нам не сдержать балкон такой!
На что уж нам привычны муки,
Но если жить всё лебедой —
Так затрещат, голубчик мой,
И эти каменные руки. . .»

1870-е годы (?)

НА КРЕСТИНАХ

(На мотив из Беранже)

... Mais du ciel tombe un fantôme;
C'est Rabelais, grand moqueur,
Qui leur dit: «Dans ce vieux tome
J'ai chanté jadis au cœur.
Sur cet enfant qu'on baptise
Dieu veut que je prophétise.
Dig-don, dig-don!
Que n'avons nous un bourdon!
Dig-don, dig-don!»

(«Baptême de Voltaire»,
P.-J. Béranger¹.)

У помещика в усадьбе
Всё готово для крестин:

¹ Вдруг, с небес, как привиденье,
Тень насмешника Рабле
Появилась на мгновенье
Над малюткой Аруэ —
И пошла сама пророчить,
В мудрецы ребенка прочить. . .
Диги-дон! Диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

(«Крестины Вольтера», П.-Ж. Беранже) (франц.) — *Перевод И. Ф. Тхоржевского.*

Две недели как родился
У него четвертый сын.
Воду льют в купель холопки,
Облачатся начал поп,
И дьячок явился робкий,
А в столовой, слышно, пробки
Хлоп! хлоп! хлоп!

Собралось родни довольно;
В зале говор, легкий шум,
И заметен сановитый
Генерал-сосед и кум.
Говорит он: «У мальчишки
Уж теперь военный лоб.
За гусарские штанишки
В печку он все эти книжки —
Хлоп! хлоп! хлоп!»

Отставной советник статский,
С Станиславой на груди,
Изрекает: «Я другое
Нечто вижу впереди:
Вместо кивера — фуражку!
Он, разумный как Эзоп,
Канцелярскую бумажку
Расплодит и... по кармашку
Хлоп! хлоп! хлоп!»

Тут не вытерпел исправник
И, на треть раскрывши пасть,

Молвил так: «По мне важнее
Исполнительная власть.
Не испечь на всё законов!
А растет Вольтеров скоп. . .
Во спасенье всяких тронов
Пусть-ко он всех франмасонов —
Хлоп! хлоп! хлоп!»

Тетка-барыня, старуха,
Крепостных своих чума,
Нараспев заговорила:
«Скажет слово и кума:
Что за сладость в службе царской?
Барин — здесь, а там — холоп. . .
На своей земле боярской
Сам он может ручкой барской —
Хлоп! хлоп! хлоп!»

Крякнул батюшка: «Конечно,
Как на дело посмотреть,
О душе же нам важнее
Попечение иметь.
Тот, кто жил попа не зная,
В лютых муках снидет в гроб;
Надо жить, нас улажая,
Чтоб с успехом в двери рая —
Хлоп! хлоп! хлоп!»

Вдруг над самою купелью
Тень повисла. . . Кто сей муж —
Длинноносый, худощавый?

Это — автор «Мертвых душ»!
И сказал он: «Я явился
Из таинственных трущоб. . .
Здесь наследник мой родился!
Бью в ладоши! Умилился. . . —
Хлоп! хлоп! хлоп!»

«Твой наследник? Что такое! —
Генерал проговорил. —
Сей младенец — Салтыкова!
Имя ж будет — Михаил».
— «Нет! Он кличкою иною,
Разных Дыб введя в озноб,
Славен будет под луною!
Бить начнет сатирой злою —
Хлоп! хлоп! хлоп!»

В ярких образах сатира
Эта выставит на свет
Торжествующего свинства
Одуряющий букет:
Разуваевы с когтями. . .
Сам Топтыгин — остолоп
И звенящий бубенцами
Тот осел, что всё ушами —
Хлоп! хлоп! хлоп!». . .

Тень исчезла. . . Действуй, батька, —
Всё готово для крестин!
И — в купели очутился
Он — теперешний Щедрин!

Воду вылили холопки,
Улыбаясь, мнется поп,
И дьячок уходит робкий,
А в столовой звучно пробки —
 Хлоп! хлоп! хлоп!

Декабрь 1887

Н. Л. ПУШКАРЕВ

Николай Лукич Пушкирев родился в 1841 или 1842 году в Казани в дворянской семье. Отцом его был, по-видимому, отставной военный врач из вольноотпущенных крестьян Л. А. Пушкирев, который дослужился до звания штаб-лекаря, дававшего в то время право на потомственное дворянство. Н. Л. Пушкирев учился в Харьковском университете, но не окончил его.

Затем Пушкирев оказался в Петербурге, где и началась его литературная деятельность. Впервые он выступил в печати в 1866 году, а через три года издал сборник своих стихотворений. Пушкирев сразу заявил о себе как поэте некрасовского направления. Сборник открывался стихотворением, в котором он, вслед за «Поэтом и гражданином» Некрасова, писал, что в настоящее время поэт не имеет права «расточать для нег и наслаждений Избыток сил своих»:

Тебе ли спать, поэт? Твой долг спешить за веком,
Стоять за знание, за волю, за любовь

И человека — человеком

Стараться сделать вновь;

Идти стезей труда, путем борьбы суровой,
Предтечей истины. . .

Во второй половине 60-х и начале 70-х годов Пушкирев печатался преимущественно в «Будильнике». Многие его стихотворения своими явно демократическими тенденциями вызвали недовольство цензуры и запрещались. Об одном из них в протоколе заседания цензурного комитета читаем: «Автор старается провести ту мысль, что лица, в руках которых сосредоточено земное могущество и сила, постоянно угнетают слабых, честных и неподкупных людей». В другом стихотворении, которое, по отзыву цензурного ведомства, столь же тенденциозно, говорится о том времени, когда женщина «не будет растлеваема «бестолковым влиянием доброй матери, ни рабским шепотом молитв» и... с любовью вспомнит и всегда будет сострадать отцам, завоевавшим ей такое положение ссылками и кровью».

Несколько произведений Пушкирева напечатано в «Отечественных записках» Некрасова, который одно время возлагал серьезные надежды на молодого поэта, и в «Вестнике Европы».

Петербургский период — наиболее значительный в творчестве Пушкирева. В 1876 году он переехал в Москву, где занялся главным образом редакционно-издательской деятельностью. Под его редакцией выходили журналы «Московское обозрение», затем переименованное в «Мирской толк», «Свет и тени», «Европейская библиотека». Пушкиреву приходилось вести повседневную борьбу с цензурой. Вскоре после убийства Александра II в журнале «Свет и тени» появилась карикатура М. Чемоданова, на которой были изображены две

чернильницы с воткнутыми в них отвесно гусиными перьями. Сверху была нарисована перекладина, а на ней надпись: «Наше оружие для разрешения насущных вопросов». Перья, перекладина и надпись образуют силуэт виселицы с петлей, а вся карикатура является, таким образом, намеком на расправу правительства с народовольцами. Цензор, пропустивший карикатуру, был уволен, Чемоданов выслан из Москвы, журнал приостановлен на полгода. По возобновлении его придирки цензуры участились, а в 1884 году была запрещена розничная продажа «Мирского толка» и «Света и теней». Это повлекло за собою прекращение журналов и разорение Пушкиарева. «Я должен был... выйти из дела буквально в одном сюртуке», — писал он, обращаясь за ссудой, в Литературный фонд.

С конца 80-х годов Пушкиарев сосредоточился по преимуществу на драматургии. Он написал целый ряд исторических пьес: «Ксения и Лжедмитрий», «Правительница Анна», «Соломония и Елена», «Молодость Иоанна Грозного» и др. Далеко не все они были напечатаны; некоторые не были разрешены к постановке на сцене.

С сочувствием относившийся к Пушкиареву Чехов, в прошлом сотрудник его журналов «Мирской толк» и «Свет и тени», писал А. С. Суворину в связи с провалом «Соломонии и Елены» в Александринском театре: «Мне жаль Пушкиарева. Это был когда-то лирик, довольно нежный и чуткий, теперь же, по-видимому, состарился или износил-

ся... Мне вспоминалось то время, когда он был в Москве, был богат, — и мне стало жаль его».

Пушкарев страшно бедствовал, брался за любую литературную «поденщину», старался поправить свои материальные дела изобретательством. Он изобрел несколько аппаратов для сигнализации при пожарах (а еще раньше газовую горелку — «пушкаревскую свечу»), но и тут его подстерегала неудача: львиная доля доходов попадала в чужие карманы. Его письма в Литературный фонд с просьбами о помощи говорят о крайней нужде: «Заработка никакого... просто хоть волком вой».

Большая часть литературного наследия Пушкарева не опубликована. В 1905 году он безуспешно пытался издать собрание своих сочинений.

В последний год своей жизни он сотрудничал в одном из сатирических журналов, вызванных к жизни революцией 1905 года, — журнале «Бомбы».

Пушкарев выступал и как переводчик. Он переводил стихотворения Гейне, Барбье, Беранже, Шевченко; из драматических произведений: комедию Расина «Сутяги», драмы Гюго «Король забавляется» и «Торквемада», трагедию Понсара «Галилей», трагедию Словацкого «Мазепа», комедию Фредро «Мечь» (в русском переводе — «Полночный лев»), комедию Шевченко «Назар Стодоля».

Пушкарев умер 14 декабря 1906 года.

Издание стихотворений

Стихотворения. СПб., 1869.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ РЫЦАРЬ

«Открылась смрадная темница,
Любовь оковы мне сняла,
И я опять, опять, как птица,
Быстрее горного орла
Могу, не связанный цепями,
По свету божьему летать
И снова с братьями-друзьями
За свет и истину стоять;
Стоглавой гидре зол царящих
Мечом удары наносить
И в звонкий рог во стане спящих
Тревогу бранную трубить.
Трубить и звать на подвиг смелый,
Вести сквозь мрак к сиянью дня...
Но где ж мой конь? Скакун мой белый?
Коня! Полжизни — за коня!»

«Ты слишком щедр на обещанья, —
Но, рыцарь, разве ты не знал:
Твой конь от долгого стоянья
Лишился ног, зачах и — пал!»

«Как? конь мой пал? его не стало?
Мой длинногривый верный конь,
Мой конь, с которым я, бывало,
Летал и в битву, и в огонь.
Тебя уж нет, товарищ ратный,
Ты пал, погиб... Позор и стыд!
Так дайте ж мне мой меч булатный,
Мою броню, мой шлем и щит;
И без коня на бой с врагами,
На бой с невежеством и злом
Пойду я смелыми шагами,
Пойду один, пойду пешком!
И без тебя, товарищ ратный,
Обетам я не изменю!
Что ж стали вы? Мой меч булатный,
Мой щит, мой шлем, мою броню!»

«Твой меч, твой щит, герой отважный?
Твой меч иззубрен весь, избит,
И уж давно в темнице влажной
Изъеден ржавчиной твой щит».

«Как? и мой щит негоден к бою?
Как? и мой меч, тот самый меч,
Которым я одной рукою
И льву б мог голову отсечь,
Тот меч, с которым не боялся
Я ни земных, ни адских сил,
И он служить мне отказался,
И он — и он мне изменил?
И меч, и щит, и конь мой статный —

Всё, всё утрачено! Острог
Всё отнял в злобе непонятной...
Но где ж мой рог? Давайте рог!
Когда я сам негоден к бою,
Пойду к другим, пойду будить,
Пойду над спящими грозою
Тревогу бранную трубить».

«Твой рог? Увы, мой рыцарь бедный,
В руках невежд и палачей
Давно сломался рог твой медный
И годен только для детей».

«Как? даже рог? Кому ж я нужен?
Я бросил смрадную тюрьму,
Я не в цепях, но безоружен
И уж не годен ни к чему?
Так дайте ж мне хоть фрак бумажный —
Костюм фигляра-паяца,
Колпак шута и смех продажный,
Так занимающий глупца!
На шутовство я сил излишек
Убью и, может быть, как знать,
Под дудку маленьких мальчишек
Привыкну прыгать и плясать, —
Идти, без битв, путем избитым,
Фигляром истину рядить
И только смехом ядовитым
Как громом жалить и язвить».

«Наряд шута? Вот это дело!
Сейчас. Но, рыцарь, берегись

И, хохоча в глаза всем смело,
Опять в тюрьму не попадись!»

< 1867 >

ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ

Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей
предел.

Баратынский

1

Когда порой, во мгле безоблачных ночей,
Обвеян грезами и радужными снами,
Я вижу свод небес, усеянный звездами,
Когда в мерцании бесчисленных лучей,
Над головой моей в пространствах безграничных,
Вокруг орбит своих, не видимых никем,
Кружатся тьмы миров, толпы комет различных,
И блещут хоры солнц, созвездий и систем, —
С каким тщеславием, дитя большого века,
Я говорю тогда: кто смеет положить
Пределы гению и воле человека?
Никто! Чего и что не в силах изучить,
Понять и объяснить он мыслью вдохновенной?
Ничто и ничего! Смотрите: горд и смел,
Он разгадал нам всё — законы всей вселенной,
План мироздания, число небесных тел,
Процесс движений их, причины их сияний,
Законы связи, вид, состав, и свойство их,
И дуги их орбит, и бездны расстояний,
Их отделяющих в пространствах мировых,

Права на счастье, покой и наслажденье?
Сорвал ли ты, мой друг, — и прежде чем сорвать
Завесу с дивных тайн небесного пространства, —
Завесу с истины, личины с шарлатанства,
Со лжи и хитрости? Сумел ли разгадать
Ты наконец хоть то, что часто происходит
В тебе самом — в мозгу, в душе твоей больной —
И что, без ведома, порой тебя наводит
На мысли смелые? Ну, что же, гений мой?
Ах, да! ты занят был всё небом и звездами,
Ты всё смотрел наверх и весь свой длинный век
Почти не знал о том, что топчешь под ногами...
Смешон ты, гений мой, ты, жалкий человек!

<1868>

С НАТУРЫ

— Как вы думаете, что за-
ставило ее решиться на это?

— Голод-с. Из показаний од-
нодеревенцев видно, что сель-
ский староста отобрал от нее
для уплаты оброков последнюю
рожь и оставил ее, таким об-
разом, без куска хлеба. Ну, а
у нее, на грех, было четверо
или пятеро ребят, — вот она
взяла да и утопилась.

*(Из разговора со стано-
вым приставом)*

Ее нашли у нас в реке,
В Кряжновском плесе. И, немая,
Вся посинелая, нагая,

Она, как статуя, лежала на песке.
У ног утопленной, на ближнем бугорке,
Был сбит наряд ее поношенный и бедный:
Сермяжный, нищенский кафтан,
Небрежно сброшенный холщовый сарафан,
Сорочка, поясок и крест в оправе медной —
Символ, теперь навек нажавшего уста,
Другого снятого ей с плеч своих креста.
Над ней, смущенные, с тревогой невеселой,
Не в силах превозмочь испуга и тоски,
Угрюмо скучившись, стояли мужики,
И... и на труп ее безжизненный и голый
Нередко капала их горькая слеза.
И странно! Все они, все сознавали смутно
С ней много общего. Все ждали поминутно,
Смотря ей в тусклые, стеклянные глаза,
Что вот и к ним придет такая же гроза,
Что вот нужда и их научит сделать то же.
Им всем мерещился *голодный пятый год*,
И холод пробегал у всех у них по коже,
И с лиц их градом лил и капал крупный пот...

А я стоял вдали, смотрел на их тревогу,
Смотрел на труп ее и, точно ангел зла,
Шептал: «Ты умерла! Ну, что ж? И слава богу,
Что умерла!»

< 1868 >

ГДЕ?

Грязная хата, глаза разъедающий,
Едкий, удушливый чад,
Дым от лучины, треща догорающей,
Грязные бабы и плач несмолкающий
Грязных и диких ребят —
Весь этот ад,

Вся эта жизнь с тяготой ее голою,
Полною горя, страданий и мук, —
Всё это снова, с тоской невеселюю,
Живо и резко, картиной тяжелою,
Встало в глазах моих вдруг.

Мысль! облети ты все царства известные,
И... и ответь ты мне: где,
Где в них злодеи, глупцы и бесчестные
Вечно не в шелке, а умный и честные
Вечно не гибнут в нужде?
— Где? Да нигде!

Мысль! где нашла ты ту землю счастливую,
Землю, где грязь не противна для глаз,
Зло не тревожит в нас думу тоскливую
И... и не будит в нас месть справедливую?
Где она? — Где? Да у нас.

<1869>

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Выдь на Волгу. Чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песнью зовется:
То бурлаки идут бечевою.

Н. Некрасов

Где-то песня, вдали замирая,
Прозвенела на сонном селе.
Знаю, песня, я, знаю, родная,
Кто поет тебя в русской земле!
Там, где солнце в венце золотом
Жарко светит с июльского неба,
Там, в волнах золотистого хлеба,
Где весь день под палящим лучом
Бьется жница с тяжелым серпом,
Где все потом облитые люди
Надрывают и спины и груди,
Там, бесследно теряясь в дали голубой,
Ты рыдаешь над русской землей.

Да! не с ветру ты, песня, сложилась,
Не у праздных звенишь ты, народная,
В нищете родилась ты, безродная,
В море пота и слез ты крестилась,
Бобылем весь свой век ты слоняешься,
В неповинной крови омываешься.

Слышал, песня, я, слышал не раз,
Кем и как ты поешься у нас!

В кабаке, где последний свой грош
Пропивает бедняк горемыка,
Там, где в хаосе буйства и крика —
Брат нужды — торжествует грабеж,
Где в разгуле животных страстей
Бесполезно, вином залитая,
Гибнет сила родимого края,
Гибнут сотни невинных семей,
Жен, сестер, матерей и детей,
Где ни с долей, ни с богом не споря,
Люди давятся, топятся с горя,
Там, укором одним и призывом другим,
Ты рыдаешь над краем родным.

Да! не с ветру ты, песня, сложилась,
Не с добра ты поешься, народная,
В кабаке родилась ты, безродная,
В море пота и слез ты крестилась,
Бобылем весь свой век ты слоняешься,
В неповинной крови омываешься.

Знаю, песня, я, знаю давно,
Как и где тебя петь суждено!

И в домах, где ликует позор,
Где под звон упоительный злата
Пляшут жертвы людского разврата —
Хор теней наших падших сестер,
И в тюрьме, где на койке гнилой,

Изнывая в борьбе бесполезной,
Арестант за решеткой железной,
Исхудалый, голодный, больной,
Проклинает свой век молодой,
И везде, где есть скорбь и невзгода,
В каждой думе родного народа,
С каждой хаты, и пашни, и нивы родной
Ты рыдаешь над русской землей.

Да, не с ветру ты, песня, сложилась,
Не у вольных звенишь ты, народная,
У рабов родилась ты, безродная,
В море пота и слез ты крестилась,
Бобылем весь свой век ты слоняешься,
В неповинной крови омываешься,

Слышал, песня, я, слышал не раз,
Кем и как ты поешься у нас!

Только там, где из пышных палат
Не видать нищеты селянина,
Только там, где заморские вина
В раззолоченных кубках шипят,
Где за званым парадным столом,
И попив и покушавши плотно,
Ради *русского шика*, охотно,
Мы гуманные спичи поем,
И — потеха! в тех спичах свободных
Всё толкуем о братьях голодных,

Только там никогда и нигде и никем
Не поешься лишь ты. И зачем?

Не для сытых ты, песня, сложилась,
Не у бар твоё место, народная,
В нищете родилась ты, безродная,
В море пота и слез ты крестилась,
Бобылем весь свой век ты слоняешься,
В неповинной крови омываешься.

Знаю, песня, я, знаю давно,
Где и как тебя петь суждено!

<1869>

В. В. СТАРОДУБСКИЙ

Владимир Владимирович Стародубский — уроженец Рязани. В 1855 году поступил на военную службу юнкером и принимал участие в обороне Севастополя. Много скитался по России, что видно из помет под стихотворениями в его сборнике, изданном в Казани в 1862 году. Печатался в «Искре» в 1861—1862 годах, а затем в «Развлечении» в 1863 и 1867 годах.

В 1867—1868 годах В. Стародубский — брат старшего врача рязанской городской больницы, знакомого М. Е. Салтыкова-Щедрина, — снова жил в Рязани, но был выслан оттуда. В донесении рязанского губернатора Н. А. Болдарева министру внутренних дел Стародубский охарактеризован как человек «весьма неблагонадежного образа мыслей и вредной в политическом отношении нравственности». Губернатор сослался при этом на какие-то «возмутительные стихи» поэта, ходившие «по рукам». Н. Н. Кузнецов в своих воспоминаниях о М. Е. Салтыкове, занимавшем в Рязани должность управляющего губернской казенной

палатой, пишет: «Салтыков, узнав о ссылке административным порядком куда-то далеко от Рязани поэта Стародубского, где он и умер вскоре, страшно сожалел, что поздно узнал об этом и не мог ему помочь».

Издание стихотворений

Собрание стихотворений. Казань, 1862.

ИЗБАВИ БОГ!

(Признание одного из многих)

Ни в чем не споря с новым веком,
Себе в угоду я живу
И современным человеком,
Вперед стремящимся, слыву;
Кричу о благодатной цели,
Твержу, что я правдив и строг,
Но чтоб я был таким на деле —
Избави бог! Избави бог!

К чему? Ведь в жизни очень трудно
Быть прогрессистом так как есть;
Молчать — и это безрассудно:
Осудят ум и вместе честь...
Вот стали петь, что взятки гадки,
Я честен стал, насколько мог,
Но чтоб совсем отстать от взятки —
Избави бог! Избави бог!

Я помогаю словом брату,
Сужу, как судит новый свет;
Я шлю укоры злу, разврату

И добродетели привет;
Я всем советую трезвиться,
Не пить, жить мирно, без тревог...
Но самому остепениться —
Избави бог! Избави бог!

Я говорю о просвещеньи,
О цели жизни всеблагой,
О сострадании, снисхожденьи,
О правде, истине святой;
Я всех хвалю, кто без предела
Собрату ближнему помог,
Но чуть меня коснется дело —
Избави бог! Избави бог!

Вот пало крепостное право —
И я кричу: пора! пора!..
Великий подвиг! честь и слава!
Свобода страждущим — ура!
Народ наш стал могуч и волен,
То счастья верного залог...
Но чтоб в душе я был доволен —
Избави бог! Избави бог!

Я говорю: теперь свободен
Народ, от счастья недалек...
О, как прекрасен, благороден
Наш умный русский мужичок!..
О, я готов с ним целоваться,
Обнять, любить — ведь это долг;
Но чтоб на деле с *хамом* знаться —
Избави бог! Избави бог!

Я говорю: люблю Россию
Как гражданин и патриот;
Она не склонит гордо выю,
Европу за пояс заткнет;
Ей предан я душой и телом,
Вполне, от головы до ног;
Но чтобы фраза стала делом —
Избави бог! Избави бог!

И так, не споря с новым веком,
Себе в угоду я живу
И современным человеком,
Вперед стремящимся, слыву;
Кричу о благодатной цели,
Кажусь на вид правдив и строг,
Но чтоб я был таким на деле —
Избави бог! Избави бог! ..

<1861>

ПОКОЯЩИЙСЯ ПРОГРЕССИСТ

Уж не тот я, что бывало!
Надоели мне слова...
Переваривает вяло
Эти вещи голова.
Современный и гуманный
Скрылся где-то идеал...
Скучно. Празден ум туманный.
Я устал... устал!..

Толковал я, как другие,
Чтоб отсталым не прослыть,
О прогрессе, о России
И о том, как должно жить:
Бросить фразы, делать дело,
Бить пороки наповал. . .
Надоело, надоело:
Я устал, устал!

И теперь в какой-то лени
Время праздно провожу,
По газетам связь явлений
Без волнения слежу. . .
Хорошенько сам не знаю,
Что хотел, о чем мечтал. . .
Но спокойно засыпаю. . .
Я устал, устал! . .

Убедился я на деле,
Что из фраз моих и слов
Не выходит путной цели. . .
Что ж кричать из пустяков?
Осуждают люди с весом,
И какой я либерал?
Черт возьми их и с прогрессом! . .
Я устал, устал!

А. Н. ИВОЛГИН

Александр Николаевич Иволгин активно сотрудничал в «Искре» (главным образом под псевдонимом «А. Волгин») и «Будильнике» (под псевдонимом «Чижик») во второй половине 60-х годов. Печатался также в других петербургских журналах и газетах 60-х годов — в «Русском мире», «Руси», «Петербургском листке», «Развлечении». В 1868 году выпустил сборник стихотворений «Смешные песни». Умер 7 марта 1869 года.

Издание стихотворений

Смешные песни Александра Волгина (Чижик).
СПб., 1868.

ВЕТЕР

Гой ты, ветер буйный,
Мой могучий, вольный!
Ходишь ты, гуляешь
По Руси раздольной...

Много ты подслушал
Песенок родимых...
Отчего в них много
Слез невыразимых?..

Отчего — поведай —
Грустны их мотивы?
Будто горько плачут
Все их переливы?..

Что ж ты грустно, ветер,
Смолкнул предо мною —
Зашумел, помчался
По полю с грозю?..

Аль и ветер молкнет
О родной невзгоде?..

Аль уж ждать ответа
В буре-непогоде? ..

14 июля 1862

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Над городом темная ночь холодная...
Тоскливо бушует и плещет Нева...
И воет далёко собака голодная,
Да ветром доносятся песни слова...

И в песне той слезы... тоской бесконечною
И диким разгулом та песня полна...
И песню ту слезную, песню сердечную
Залить невозможно... не хватит вина!..

И долго я слушал ту песню печальную,
Глубоко тоскуя и слезы тая...
И вспомнил я с грустью родину дальнюю,
И синюю Волгу, и песни ея!..

Деревни горелые... Грусть затаенную
В говоре темных лесов да полей,
И вьюгой с Урала в ночи занесенную,
Страшно тоскливую, песню людей!..

И сердце заныло!.. Тоскою сердечною
Я объят был... Крепко давила она...
И слезную грусть ту, тоску бесконечную
Залить невозможно — не хватит вина!..

Над городом темная ночка холодная...
Тоскливо бушует и плещет Нева,
И воет далёко собака голодная,
Да ветром доносятся песни слова!..

<1864>

СОН

Ноченька морозная над городом стоит...
Облит светом месячным, весь город мирно спит;
Дальний переулочек на заречной стороне
Дремлет в непробудной и глубокой тишине;
Бедная и жалкая лачуга в три окна
Белым снегом доверху совсем занесена;
Темная, печальная, угрюмая на вид,
Тенью черной сумрачно на белый свет глядит...
Только сквозь замерзшее оконце чердака
Звездочкою светится миганье огонька...

Маленькая комнатка... в могильной тишине
Свечка только вспыхивает с треском на окне;
Вспыхивает свечка, через тонкий полумрак
Слабо озаряя ту каморку кое-как...
Слабо озаряя в безответной тишине
Девушку, склоненную над столиком во сне...
Лицо усталое, подпертое рукой,
Дышащее тихою, открытою тоской...
Косу темно-русую на детской голове...
Скомканную вышивку шелками по канве...

В плесени от сырости обои... и в углу
Жесткую постельку на некрашеном полу...

Полночь бьет за стенкою... и страшно
так кругом!
Девушка всё спит еще над брошенным трудом...
Крепко спит усталая... до слез утомлена...
Грезится ей лес глухой, и лесом тем она
В страхе пробирается, всё путаясь вновь,
Терном и колючкою исколотая в кровь...
Лес угрюмый грозно вырастает перед ней...
Выходу не видно — лес всё глуше и страшней!..
Ели почернелые и сосны всё вокруг
Хором привидений вырастают грозно. Вдруг
Девушке заплакавшей, не смеющейдохнуть,
Черная старуха загораживает путь...
Дерзко останавливает, с смехом пристает...
Глухо, монотонно всё ей песенку поет:

«Горькая дороженька лежит перед тобой:
Рано ты спознаешься с тяжелою нуждой!
Зимней, долгой ночью, уставши от труда,
Всплачешь ты от холоду и голоду тогда...
Долюшку угрюмую проклянешь ты не раз,
С ропотом и слезыньки польешь из черных глаз...
Зависть к счастью чуждому кольнет тебя,
кольнет...
Камнем ляжет на сердце и на душу падет...
Кинешь стыд, усталая в мучительной борьбе;
Торную дороженьку ты выберешь себе...

Улица есть в городе веселая одна,
Блещет днем и ночью богатствами она...
Улица кипучая сманит тебя... и ты,
Кстати изнуренная под гнетом нищеты,
Улицей роскошной той, разгульную тогда —
Кинешься с отчаянья и сгубнешь без следа!»

<1864>

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

«Друзья! здесь плохо нам живется;
Но край волшебный знаю я, —
Кто там побудет — не вернется
Уж в эти бледные края.
Роскошный край! как там привольно!
Счастливым там нельзя не быть,
И скептик бешеный невольно
Там станет верить и любить!
Там вечно светел свод небесный...»
— «О друг мой! я хоть погляжу...
Скажи мне, где тот край чудесный?»
— «Постой! в конце тебе скажу!

Весь день там солнце золотое
Горит в лазурных небесах,
Там нету осени с зимою,
Там зелень вечная в лесах...
И блеск и свет! Идешь лесами —
Прохлада, тень и аромат...
Кругом глядят плоды с цветами,

И песни птиц кругом звучат.
И их мелодией прелестной. . .»
— «О друг мой! я хоть погляжу. . .
Скажи мне, где тот край чудесный?»
— «Постой! в конце тебе скажу!

И люди там, друзья, другие —
Живут как братья меж собой,
И наши грезы золотые
Смешны в сравненьи с жизнью той. . .
Там нет ни бедных, ни богатых,
Там грома пушек не слышать,
И в чем-нибудь хоть виноватых
Там нет — и слез не увидать!
Не видан там еще бесчестный. . .»
— «О друг мой! я хоть погляжу. . .
Скажи мне, где тот край прелестный?»
— «Постой! в конце тебе скажу!

В занятиях там и ум и руки. . .
Нет пошлых фраз и пустяков. . .
Цветут искусства и науки,
И нет там вовсе дураков!
И жены там умны и нежны —
Подруги добрые мужьям,
И нет лентяев — все прилежны,
И песни льются по полям;
И нет там лестницы служебной. . .»
— «О друг мой! кровь кипит в груди. . .
Скажи мне, где тот край волшебный?»
— «Его, брат, ищут. . . погоди!»

< 1867 >

ДЕЯТЕЛЬ

Из Италии прекрасной
В край родимый возвратясь,
В городишко свой несчастный
Приезжает русский князь
И, явясь на земском съезде,
Начинает говорить:
«Господа! у нас в уезде
Невозможно даже жить!
В ресторанах то и дело —
Чуть не голодом морят:
То жаркое подгорело,
То бульон пересолят...
То с какою-то брусникой
Гуся вздумают поднести...
Разве нации великой
Можно дрянь такую есть?»
— «Князь! трактирщиков в ученье
Вам позвольте поручить!..»
— «Принимаю назначенье...
Рад отечеству служить!

В Ницце, в Дрездене, в Берлине
Проводил я жизнь мою,
Но все знания отныне
Я России отдаю!
Всё, что слышал... всё, что знаю,
Всё готов я вам отдать!
Я могу родному краю
Много пользы оказать!
Между прочим — ваши жены,

Замечаю я всегда,
Носят жидкие шиньоны...
Это скверно, господа!
И одеты вы к тому же,
Право, точно чудачки!
Панталоны шейте уже
И пошире сюртуки!»
— «Князь! об этом попеченье
Вам позвольте поручить!..»
— «Принимаю назначенье,
Рад отечеству служить!

Господа! и за границей
Проводил я жизнь в труде!
Жил, положим, вольной птицей
И не числился нигде, —
Но к себе неудержимо
Край родной меня манил:
Лишних три страницы «Дыма»
Я Тургеневу внушил...
Желудкова в Яссах встретил,
В слезы бедного привел
И Крестовскому заметил,
Чтобы он в уланы шел!
Здесь, в уезде, я намерен
Тоже пользу приносить:
Здесь прононс французский скверен,
Все стараются гнусить...»
— «Князь! об этом попеченье
Вам позвольте поручить!..»
— «Принимаю назначенье,
Рад отечеству служить!

Вы о чем тут толковали?
О дорогах и мостах?
О, когда б вы их видали
В европейских городах!
Там — как зеркало дороги...
Газ, беседки и мосты...
Здесь — сам дьявол сломит ноги
От шоссе и темноты!
Всё поправить нужно скоро!
Проведемте же зараз
На проселках — свет *Шандора*,
На больших дорогах — газ!
Мы не то что наши предки!
На дороге ж столбовой
Надо выстроить беседки
С минеральной водой!»
— «Князь! об этом попеченье
Потрудитесь отложить!..»
— «Grand merci¹ за облегченье...
Рад отечеству служить!»

1868

КУЛАК

Во глубь веков, в года былые
Свободной песней я вернусь...
Давным-давно, во дни Батыя,
В крови тонула наша Русь...

¹ Большое спасибо (франц.). — *Ред.*

Пожаром пахло над полями
И гнилью мертвою в лесах,
И, плача, никли головами
И князь, и нищий, и монах...
Над Русью, язвами покрытой,
Царил тогда, как силы знак,
В разгуле, кровью весь облитый
Монгола бешеный кулак!

Прошли века, исчезли ханы,
Исчез и царств их самый след,
Но Русь точили те же раны,
Остатки прежних скорбных лет...
Протест таился боязливо,
И сам закон немел пред злом,
И бедный раб молчал тоскливо
Перед всеильным кулаком...
Тогда над родиной смущенной
Висел всё тот же силы знак —
Хотя в перчатке, надушенный,
Но всё татарский же кулак!

Не мы одни, но все народы
Путем тяжелым этим шли...
Ослабло зло... Зарю свободы
Страданья дедов нам зажгли!
И вот уж робкими тенями
Давно исчезнувших годов
Теперь мелькают перед нами
Потомки старых кулаков...
И гул былого утихает,
И понемногу, кое-как,

Невольно пальцы разжимает
Совсем оплеванный кулак!

Простились с силою надменной,
Но всё кулак еще силен,
И дикий бог грозы военной
Еще людьми не побежден. . .
Гром пушек, стоны и проклятья
Нам ухо режут иногда,
И плачут жены, гибнут братья,
Пожаром пышут города. . .
Тогда встает с мишурной славой
Над миром грубой силы знак —
Слезами смоченный, кровавый
И богом проклятый кулак!

И. П. МОЖАЙСКИЙ

Педагог и поэт Иван Павлович Можайский родился в 1828 году. В 1847 году он окончил гимназию в Петербурге и поступил в Петербургский университет, но по неизвестным причинам ушел со второго курса. В 1853 году держал при университете экзамен на звание учителя русского языка в народных училищах, и с этого времени началась его педагогическая работа. Служил учителем и смотрителем Новгородского уездного училища, а затем инспектором народных училищ Новгородской губернии.

Можайский начал печататься в 50-х годах. Первые его произведения появились в «Отечественных записках», «Современнике», «Пантеоне». В 60-х годах Можайский сотрудничал в «Искре» (в «Искре» он поместил также несколько карикатур), «Гудке» и «Будильнике»; в 70—80-х — в «Будильнике», «Осколках», «Стрекозе» и «Наблюдателе».

Можайский издал книги «Учебный курс географии Новгородской губернии» (1878), «Собрание стихотворений» (1885), напечатал ряд статей об эпохе Александра I в «Историческом вестнике» 80-х годов и др.

В начале 60-х годов Можайский был одним из руководителей революционного кружка в Новгородской гимназии. Штаб-офицер корпуса жандармов по Новгородской губернии полковник Буцковский сообщал в III Отделение, что учителя Отто, Можайский и Войнаровский писали на губернатора Филипповича «разные сатиры, которые помещались в «Искре» и других повременных журналах». Буцковский аттестовал новгородских учителей как людей, придерживающихся «республиканских демократических убеждений».

Можайский умер 19 февраля 1893 года.

Можайский по преимуществу сатирик и юморист. Значительная часть его сатирических произведений связана с провинциальной, новгородской тематикой. Основной псевдоним, под которым он печатал свои стихотворения, — «Дядя Пахом».

Издание стихотворений

Дядя Пахом. Собрание стихотворений (прежних и новых). СПб., 1885.

УМЕРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Aurea mediocritas ¹

Во всем поборник примиренья
И убеждений крайних враг,
О чем ни шло бы рассужденье —
Сперва он скажет: «*Это так!*»
Но чтоб придать своим беседам
Для всех равно приятный тон,
За этим *так*, однако ж, следом,
Наверно, *но* прибавит он.

Скажите вы ему, что вечно
У нас идет всё кое-как, —
Уж он ответит вам, конечно,
Насупив брови: *это так*;
Но всё ж в сравнении с Востоком
Шагаем быстро мы вперед. . .

¹ Золотая середина, золотая посредственность (лат.). —
Ред.

И фраз заученных потоком
Он эту новость разовьет.

Другие скажут: в просвещеньи
У нас что год, то новый шат, —
Он и на это в размышленьи
Ответит важно: *это так*;
Но всё же с Западом развитым
Когда сравним мы быт родной. . .
И к доказательствам избитым
Сейчас мудрец прибегнет мой.

И если б вы ему, читатель,
Смеясь, сказали: вы чуждак! —
Я полагаю, мой приятель
Вам отвечал бы: *это так*;
Но всё ж в сравнении с другими
(Ведь чужаками полон свет. . .).
И он софизмами плохими
Свой разукрасил бы ответ. . .

Коснемся ль дел сего витии —
Они на тот же образец. . .
За что ж о нем твердят иные,
Что он практический мудрец?
Как будто очень благородно
И чрезвычайно мудро
Пробалансировать свободно
Всю жизнь свою меж *так* и *но*.

< 1862 >

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕССИСТ

Sic transit gloria mundi¹

С великими надеждами
Приехал он сюда
И всех считал невеждами
В провинции тогда.

Чертил проекты; с книжками
Возился день и ночь,
Твердя, что здесь, с воришками,
Служить ему невмочь.

А с мужиком беседовал —
На стул его сажал,
И правду проповедовал,
Как истый либерал.

Потом поуспокоился,
Стал мягче на язык,
И с обществом освоился,
И к делу попривык.

Теперь уж пас все здешние
Пред ним в искусстве брать —
Доходы ли безгрешные,
Иную ль благодать.

¹ Так проходит земная слава! (Лат.). — *Ред.*

И все мы в ожидании,
Что прежний либерал
Составит состояние
И будет генерал.

< 1862 >

ПЛОТНИКУ НАУМУ

Сквозь окно на дворе нашем слышу
Похоронное пение, шум:
То улегся под вечную крышу
Наш сосед, старый плотник Наум.

Из далекой губернии в нашу
Каждый год его труд приводил,
И хоть часто он брался за чашу,
Но топор его бойко ходил.

Что ни треть — строкулист за косушку
Ему письма в деревню писал,
И хозяйке в конверт он синюшку,
Как заботный сожитель, влагал;

А когда зарабо́ток кончался
И зима расстилала свой мост,
С земляком по чугунке он мчался,
Чтоб увидеть родимый погост. . .

Но теперь наш Наум не вернется,
Не блеснет его сметливый взор,

И под лавкой весь день остается
Его друг неизменный — топор. . .

Спи спокойно, сосед наш любезный,
Ты почтенней был многих господ,
Ты был труженик честный, полезный,
Сын нужды и тяжелых забот.

Не растрогают речью прощальной
Нас при гробе убогом твоём,
Так позволь же мне прах твой печальный
Помянуть от души хоть стихом.

<1866>

Н. И. КРОЛЬ

Николай Иванович Кроль родился 5 марта 1823 года в семье путейского инженера. Он учился в военно-учебном заведении — Дворянском полку, а затем поступил на службу в Главное управление путей сообщения. В конце 50-х годов оставил службу и занялся только литературной работой.

Лирика Кроля 50-х годов находилась в русле «искусства для искусства». Он печатался в «Пантеоне» и «Отечественных записках». В 1857 году выпустил сборник «Эскизы».

В конце 50-х годов Кроль путешествовал по Италии и Франции. Впечатления от Италии произвели известный сдвиг в его сознании. В Риме, возвращаясь от мечтаний о прошлом к современности, он скорбит о народе, изнемогающем «под тиарой дряхлой папства» («В римских развалинах»), в Венеции негодует по поводу австрийского владычества («Венеция»). Сближение с политическими эмигрантами во Франции способствовало укреплению у Кроля демократических симпатий. Он начинает печатать юмористические и лирические стихотворения, отражающие эти

новые симпатии, подчас с яркой общественной окраской.

Кроль был своим человеком в редакционном кружке «Русского слова»; владелец журнала Г. А. Кушелев-Безбородко был женат на его сестре; Кроль, по свидетельству современника, рекомендовал Кушелеву Г. Е. Благосветлова, который стал скоро редактором «Русского слова» и превратил его в орган демократического лагеря. Кроль был близок и к «Искре», на страницах которой нередко появлялись его стихи; он сотрудничал также в «Гудке», «Будильнике», «Деле» и других изданиях.

В программном стихотворении «Желание», противопоставляя себя «певцам луны, кудрей и глазок», авторам од и мадригалов, Кроль писал:

Пошли нам бог внутри с познанием мир и труд.
Пусть люди мысли нас ко благу поведут!

До тех же пор, мой стих, не будь ничтожной
пешкой —

Громи порок хулой, язви его насмешкой,

Продажность мнения, невежество глупца,

Бесправность наглуую, двуличие певца.

Не шествуй им вослед, кадя, тропой избитой

И яд не подливай в гной раны ядовитой.

Певец, ты должен быть не раб толпы, а бог,

И честный гражданин — не клубный скоморох,

Не чествовать — карать, что совесть в нас

бесславит

И всё, что нашу Русь так давит, давит, давит.

Кроль написал также пьесы «Комедия из современной жизни» (неудачная попытка создать новое «Горе от ума»), «Брак при Петре Великом» и повесть «Деревянный домик».

Он умер 28 марта 1871 года.

Незадолго до смерти Кроль готовил к изданию новый сборник стихотворений, но не успел осуществить свое намерение.

И з д а н и е с т и х о т в о р е н и й

Эскизы. Стихотворения. СПб., 1857.

* * *

Они бывали часто вместе; но их взоры
Встречались спокойно; никогда
Не размыкались для страсти их уста;
И были холодны простые разговоры.
Им было всё равно — сойтись, раесться ль
ВНОВЬ.

Им розный путь лежал; и их не волновали
Ни радость общая, ни общие печали.
Жизнь обманула их, — и вряд любовь
Они с тех пор в душе подозревали.
К тому же строгий долг над ними тяготел;
Как зоркий страж, стерег ежеминутно совесть.
Но свет для клеветы и их не пожалел,
Провозглася об них двусмысленную повесть.
И были в первый миг они поражены
Злословьем праздного досуга,
И оставались их глаза устремлены
Так вопросительно и долго друг на друга.
Но любопытство их уж начало смущать;
Умышленны теперь их сделались встречи;
Им захотелось друг друга разгадать,
И искренность сама просилась в их речи.

Злословью их предав, свет странно намекнул
На то им, от чего они далёки были.
Но, жертвой сделав их, себя лишь обманул:
Они же горячо друг друга полюбили.

1855 или 1856

МУЗА

Ф. П. Чумакову

Не целомудренной весталкою, бывало,
От головы до ног увитой в покрывало,
Она являлась мне в полночные часы —
Но в полной роскоши всей женственной красы;
В прозрачной тунике царицей вакханалий,
Без пояса и без докучливых сандалий.
До пят струилась прядь ее волнистых кос,
На голове сиял венок душистых роз;
И с упоительной улыбкой нежных губок
Мне предлагала дочь веселья полный кубок.
И, Вакха дар живой вкушая дочиста,
Я деву целовал и в очи, и в уста.
Когда ж хмель пробивал в ланитах мне румянец,
Пускался вместе с ней в какой-то резвый
танец, —

Пока на мягкий одр Кипридой чтимых трав,
Куана, маков, роз не упал стремглав.
И здесь-то дева мне во всем соблазне ласки,
Бывало, грешные нашептывала сказки.
Но бережно от всех хранил я в тайне их,

Тогда она покров с себя стыдливый рвет,
И снова весела, и пляшет, и поет;
И, будто прошлое припомя, страстно взглянет
И в пляску буйную меня рукою манит.
И в изумлении тогда я узнаю
Подругу прежних лет веселую мою;
Смотрю, не выдержу, бросаюсь к ней на шею,
Кружуся с ней, пою, и снова молодею.

Июль 1856

ВЕНЕЦИЯ

Анне Алексеевне Кудрявцевой

Дул южный ветерок теплом и ароматом
Благословенных нив;
Полуденных лучей облитый ярким златом,
Спал голубой залив.

Как лебедь, распустив свой парус розоватый,
Летел наш пароход;
И лентою вдали виднелась полосатой
Венеция из вод.

Огнями всех цветов над ними разрисован,
Был тепел небосклон;
Картиной южною впервые околдован,
Я погружался в сон.

И всё, что от новелл мне память сохраняла
С ребяческих годов,

В волшебных образах неслоь и оживало:
И ревность и любовь,

Подкупленный кинжал и неподкупной ласки
Весь женский, южный взрыв;
И ночи, и луна, и факелы и маски, —
Риальто и залив.

Вот, вот слышалась призывная гитара.
Условный встречи час!
Чу! скрипнуло окно, и засветилась пара
Во мраке черных глаз.

Вот, ручкой выброшен проворной из окошка
В гондолу, шнур повис;
И цепкая по нем венецианки ножка
Бежит по петлям вниз.

О, как, баюкаем всё грезю прекрасной,
Хотел тогда скорей
Я как любовницу узреть любовник страстный
Красавицу морей.

Дул снова ветерок теплом и ароматом
Благословенных нив;
Полуденных лучей облитый ярким златом,
Опять дремал залив.

Летели мы; едва лишь чайка успевала
За легкую кормой;
Венеция вдали за нами исчезала,
Мне снился сон иной:

СЛЕПЕЦ

Покрытый рубищем, измученный недугом,
На грудь усталую склоняясь головой,
Слепец с собакою, своим единым другом,
Участия людей просил на мостовой.

Раздался стук колес. С трудом приподнимаясь,
«Подайте бедному» он слабо произнес, —
Но пара пронеслась, и, завизжав, шатаясь,
Упал к его ногам копытом смятый пес.

«Проклятие, — сказал бедняк, — вам,
злые люди!

Что сделал вам мой друг в несчастьи немой?
Ах, лучше б ребра вы моей измяли груди
И камнем разнесли на части череп мой!

Куда пойду теперь, без племени калека?
И зною и дождю открыты небеса!
Между двурукими найду ли человека —
И стар, чтоб приучить к себе другого пса!

С утра до полночи он, мой вожатый верный,
Ни в вёдро, ни в грозу меня не покидал!
Он ласкою манил к себе нелицемерной
И руку щедрую за старика лизал!

Он ночью укрывал меня от бурь и вьюги,
Вводя под дерево иль позабытый сруб.
Пойми ж, безжалостный, чего лишен я в друге!
Смягчись душой своей, глядя на этот труп!

Богач! и я, как ты, был счастьем не обижен
И в юности не знал порока нищеты!
И мною был не раз мой младший брат унижен,
И так же льстили мне, и сам я льстил, как ты!

Таков удел земной! он был — он и остался!
Но сердца чистоту сберег я до конца.
Я над несчастьем, как ты, не издевался!
И даже пса ласкал, водящего слепца!

Вот выше чем тебя я, враг мой бессердечный!
Верь, в жизни верной нет дороги ни одной,
И, может быть, судьба с своей
насмешкой вечной
Изменит и тебе, поворотясь спиной!

О, если, нищеты кляня удел постылый,
В участии людей услышишь ты отказ
И будешь пса ласкать в слезах рукою хилой —
Припомни моего в тяжелый этот час».

< 1866 >

ЭПИСТОЛА СВЕТСКОЙ ДАМЫ К СТЕПНОЙ ПОДРУГЕ

Ах да, с тех пор когда в Париже,
Ма сhège,¹ я с мужем побыла,
Я сердцем жизнь постигла ближе,
Умом яснее поняла.

¹ Моя милая (франц.). — Ред.

И все, и всё так было ново
Моей взволнованной душе,
Что я обнять была готова
В восторге первого соcher. ¹

Движенье, блеск, та chère, и мода,
По шумным улицам развал,
Везде cafés с толпой народа,
И все одеты как на бал.

Ни мины кислой, всё смеется.
Вот три часа, — кипит бульвар,
Колясок модных ряд несется
В Champs d'Élysée, ² как на пожар.

А там обед в лесу Булонском,
Потом цирк, опера, балет,
И ужин с искристым бургонским
Chez Provençaux ou chez Vachette. ³

И каждый мил, любезен, ловок,
А дамы, дамы, — о, quelle grâce! ⁴
Таких лесбийских вы головок
Нигде не встретите у нас.

Ученых, правда, не встречала —
Они в очках ведь и без кос, —

¹ Кучера (франц.). — *Ред.*

² Елисейские поля (франц.). — *Ред.*

³ У Провансо или у Вашетт (франц.). — *Ред.*

⁴ Какое изящество! (Франц.). — *Ред.*

Меня кузина уверяла,
Что в этом Запад не дорос.

Зато, та chère, как это мило,
И без ущерба красоте:
Я десять франков заплатила —
И член в ученом société.¹

С тех пор на карточке визитной
Всегда писала (magnifique!) —
Madame Agathe de Masslobitny,
Telle rue, maison, membre scientifique.²

И дни минутами бежали,
Как вдруг сказал мне деспот мой:
«Мы сорок тысяч промотали,
Знать надо честь, пора домой».

Представь, мой друг, как сердце сжалось!
Опять от скуки хоть умри!
Как я слезами обливалась,
Твердя одно: adieu, Paris!³

За что я молодость утрачу!
Взяла с собой Парижа вид, —
Гляжу, бывало, здесь и плачу,
А муж играет, служит, спит.

¹ Обществе (франц.). — *Ред.*

² (Великолепно!) Мадам Агата де Маслобитная, та-кая-то улица, дом, член научного общества (франц.). — *Ред.*

³ Прощай, Париж! (Франц.) — *Ред.*

Всё это тупо, скучно, вяло.
Так года треть почти прошла.
Я сохла, чахла, ныла, вяла
И непременно б умерла.

Мне стала жизнь тяжелым грузом;
Одной отдавшись мечте,
Неслась я вдаль, туда, к французам
И в их воскресла société!

С тех пор одна мне дама близка,
Один мужчина мил с тех пор:
Madame Louise — моя модистка,
Monsieur Louis — мой coiffeur! ¹

< 1867 >

¹ Парикмахер (франц.). — *Ред.*

Η. Π. ΓΡΕΚΟΣ

Николай Порфирьевич Греков родился в 1807 (а по другим данным в 1810) году в Москве. О его жизни — кто были его родители, где он учился, круг его знакомых и т. д. — мы почти ничего не знаем. В 50—60-е годы Греков жил почти безвыездно в своем имении в Ефремовском уезде Тульской губернии. Имение было, по-видимому, небольшое, мало доходное, и он постоянно нуждался и был весьма заинтересован в литературном заработке. По некоторым стихотворениям мы можем догадываться о переживаниях, горестях, огорчениях Грекова, но трудно с уверенностью определить, где граница между реальными фактами и поэтическим вымыслом, «правдой и поэзией», употребляя слова Гете.

Греков начал писать стихи еще в детстве. «Рифму... каюсь, люблю, страстно люблю и при-вык к ней едва ли не с ребячества», — писал он Ф. А. Кони в 1852 году. Впервые Греков опубликовал свое стихотворение (перевод из Ламартина) еще в 1825 году в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого, однако систематически начал печататься с конца 30-х годов — в «Библиотеке для чтения», «Литературной газете» и других

изданиях. В 50—60-х годах Греков сотрудничал в «Пантеоне», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Развлечении».

Существенную поддержку оказал Грекову Ф. А. Кони, предоставивший ему страницы своих изданий — сначала «Литературной газеты», а затем «Пантеона». Поэт называет его в письмах своим «старым другом и товарищем». Уже в начале 50-х годов он мечтал об издании сборника стихотворений, рассчитывая на помощь того же Кони, но осуществить это удастся только в 1860 году.

50—60-е годы являются наиболее значительными в творчестве Грекова. И хотя его лирика в целом не отличается особой оригинальностью и в ней нет поэтических открытий, в лучших произведениях Грекова ощущается свежесть и подлинность чувства, а иногда и энергия стиха.

Творчество Грекова развивалось в русле «чистой поэзии». В 1854 году он писал Кони:

Нет, я искусство люблю для искусства, как цель,
а не средство,
Или, пожалуй, как средство — отрадную, сладкую
каплю
Смешивать с горьким напитком на пире холодном
у жизни.
Эту я каплю купил дорогою у рока ценою;
Молот судьбы ее выбил из полного горечью
сердца.
В жизни поэзия — роза в гирлянде из терньев
колючих;

Греков пробовал свои силы и в прозе и даже издал в 1865 году книгу «Рассказы и очерки». Но сам он не считал прозу своим призванием. В 1852 году Греков писал Кони: «Я бы последовал вашему совету и перешел бы к повествовательному роду, но не могу этого сделать по натуре моей: я нервозен до невероятности. Всякий труд, который я предпринимаю, должен кипеть у меня и быстро идти к концу. С романом и повестью это невозможно, здесь предполагается непременно продолжительность занятия, которую не выносит моя натура... У меня более дюжины начатых повестей и одна только была кончена, но ее не пропустила цензура в «Москвитянине». Я сам удивлялся, как я мог ее окончить. Правда, я писал ее три года, набегамии по несколько дней в году».

Греков нередко выступал и как переводчик. Он переводил Гете (1-я часть «Фауста»), Гейне, Шекспира («Ромео и Джульетта»), Байрона, Кальдерона («Жизнь есть сон», «Ересь в Англии»), Мюссе, Гюго и др.

Греков умер летом 1866 года.

Издания стихотворений

Стихотворения. М., 1860.

Новые стихотворения. М., 1866.

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

Мелькает желтый лист на зелени дерёв;
Работу кончил серп на нивах золотистых;
И покраснел уже вдали ковер лугов,
И зрелые плоды висят в садах тенистых.

Приметы осени во всем встречает взор:
Там тянется, блестя на солнце, паутина,
Там скирд виднеется, а там через забор
Кистями красными повиснула рябина;

Там жнива колкая щетинится, а там
Уж озимь яркая блеснула изумрудом,
И курится овин, и долго по утрам,
Как белый холст, лежит туман над синим прудом.

И целый день скрипят воза, и далеко
Ток отзывается под дружными цепями,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаясь порой под небесами.

Прости, пора цветов и теплых ясных дней!
Пора блестящих зорь, черемух благовонных,
Пора играющих зарниц во тьме ночей
И песен, и любви, и грез неугомонных!

Но осень я люблю; она мила мне; пусть
Все чары вешние она уничтожает;
Но в ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любит и ласкает,

Которой нравятся и клочья серых туч,
И листья, в воздухе кружащиеся шибко,
И этот трепетный и бледный солнца луч,
Как умирающей красавицы улыбка.

< 1855 >

* * *

Когда нежданная утрата
Подруги, сына или брата
Нас тяжелой скорбью поразит,
Тогда в тоске невыразимой
Весь мир, и зримый, и незримый,
Душа в свой траур облачит;
И тяжело она страдает,
И всё тогда, что видим мы,
Как будто из могильной тьмы
Нам милый образ вызывает.
А думы черные меж тем,
Как воронья над трупом, выются;

И слезы долго, долго льются,
Неосушаемы ничем.

Так часто осенью ненастной
Вдруг исчезает солнца луч,
И, скрывши блеск лазури ясной,
Несутся стаи темных туч,
Несутся с бурей и дождями
Над обнаженными полями
И за собою в небесах
От мира долго солнце прячут,
Как будто всё грустят и плачут
О теплом летс и цветах.

Апрель 1856

ЦЫГАНКА

«Положи на ручку мне, пригожий барин!
Всю судьбу узнаю, — будешь благодарен.
Есть в головке дума, есть на сердце ранка...» —
Тихо мне шептала старая цыганка.

И глядит, бормоча, мне она на руку:
«Ох, не выжить эту нам из сердца муку,
Не рассеять злую в божьем мире думу
Ни очам красавиц, ни веселья шуму.

Тяжела кручина! тяжела злодейка!
Но не бровь дугою! не лебяжья шейка
И не русы кудри генеральской дочки —
Этой злою думой гонит сон от ночки.

Будь она — ништо бы: приискали б зелье,
Воротили б снова молодцу веселье;
Отдала б сердечко красная девица,
Улетело б горе, что вольная птица.

Да не видят больше дорогие очи,
Как твои-то плачут здесь и дни и ночи.
Спят они сном крепким, спят и не проглянут;
Реки слез горючих даром в землю канут.

Не отдаст, голубчик, травкой зарастая,
Что в нее легло уж — мать-земля сырая...
Да, запала дума, есть на сердце ранка...» —
Тихо мне шептала старая цыганка.

< 1857 >

* * *

Мы здесь одни... Кругом тенистый сад
Разлил и тьму, и волны аромата,
Лишь кое-где из-за дерев глядят
На нас лучи горящего заката.
Мы здесь одни... О, говори же мне,
Всё говори, что ты сказать хотела,
Что долго так в душевной глубине
Ты ото всех, мой друг, скрывать умела!
Мы здесь одни: ни любопытных глаз,
Ни чуткого и бдительного уха
Немой дозор в блаженный этот час
Не возмутит в нас любящего духа.
О, говори!.. Но здесь, у милых ног,
В душе моей напрасно слов ищу я,

Которыми бы выразить я мог, —
Как счастлив я и как тебя люблю я.

< 1857 >

СВИДАНИЕ

Как зеркало река. В стекле своем зыбучем
Картинно отразил сияющий залив
И пурпур с золотом, разбросанный по тучам,
И берега кремнистого обрыв.

Над ним колышутся желтеющие нивы,
Диск солнца золотой за рощею исчез,
И гаснут уж зари вечерней переливы,
Бросая тихий свет на бледный свод небес.

Ладья качается у берега. В молчанье
Под старой ивою я жду явления звезд.
С звездой первую назначено свиданье,
И недалек рекой мне будет проезд.

Туда, на высоту кремнистого обрыва,
Когда расстелет ночь весенняя свой мрак,
Она придет туда волнующейся нивой
И камнем брошенным в залив подаст мне знак.

Но вот уж и звезда. Спасибо ей, спасибо!
Теперь условного я знака только жду,
И встрепенется ль лист, в воде плеснет ли
рыба —
Поспешно я к ладье привязанной иду.

Но всюду тишина; ничто не шелохнется...
Взор бродит далеко по водному стеклу...
А грудь так и кипит волненьем; так и рвется
 Рука нетерпеливая к веслу.

< 1858 >

НА РАССВЕТЕ

В. М. Похвисневой

Уж на исходе ночь. В растворенные окна
Мелькают облаков румяные волокна.
Заря! опять заря! И скоро новый день
С бледнеющих небес сотрет ночную тень
И звезды яркие в лазури их потушит.
День утомительный, день скучный! Он задушит
Опять приливом дум и вечной суеты
Самозабвения минутного мечты.
Опять разбудит он тоски гнетущей силу
И снова станет рыть мне темную могилу
С своей ватагою непрошенных гостей:
Желаний и забот, сомнений и скорбей...

Люблю я тишину весенней теплой ночи,
И полумрак ее, и звезды — эти очи
Небес, не дремлющих над сонною землей
И льющих на нее забвенье и покой.
О ночь, немая ночь! когда бы можно было,
Остановил бы я надолго дня светило
За тою полосой блестящею вдали,
Где ключья облаков край неба облегли;

Упился бы твоей поэзией волшебной,
И сумраком твоим, и тишиной целебной;
И дивных грез твоих незримые рои
Сомкнули бы глаза бессонные мои. . .

Не спится мне. Я встал. Иду я быстрым шагом
По саду темному. У пруда, за оврагом,
Где тысячи сплелись и корней, и ветвей,
Так пахнет ландышем, так свищет соловей!
Деревья надо мной лепечут, отряхая
С листов своих росу и ярко отражая
Зари сияние; вдали уж мне видна
В реке бегущая, кристальная волна.
А я иду вперед, всё вдаль иду. . . за мостом
Передо мною луг и ветхий храм с погостом.
Кругом рассеяны часовни и кресты.
Под утренней росой колышутся цветы,
И пробуждёнью птиц, встревоженный,

я внемлю. . .

Но вот стук заступа. Смотрю: кидают землю —
Могила роют там, и, не спрося кому,
Я молча заглянул в ее немую тьму,
В тот безрассветный мрак непроходимой ночи,
Где будут вечным сном сомкнуты наши очи, —
И стало страшно мне: как будто вдруг из ней
Весь этот мрак упал на дно души моей —
И отвернулся я. И в этот миг с востока,
Бросая пламень свой в зыбь светлого потока
И ключья золотя рассеявшихся туч,
Глазам моим блеснул горячий солнца луч.
И было всё вокруг в торжественном покое;
И небо надо мной сияло голубое

Светло, приветно так... везде цвели поля,
И улыбалась дню восставшему земля,
И птицы радостно его встречали хором,
Как будто мне звуча заслуженным укором...

< 1858 >

ОЗЕРО

Люблю я светлую равнину сонных вод
В пустынном озере, когда луна взойдет
И смотрится в нее с алмазными звездами;
Иль в час, когда, зари окрашены лучами,
В ней клочья плавают румяных облаков
И тень колеблется от темных берегов.
Там куст ракитовый, как остров, над водою
Разросся, окружен высокой осокою, —
Там, остановленный в заливе тростником,
Мелькает челн вдали... и всё молчит кругом,
Лишь чайка прокричит над сонными водами,
На миг разрезав гладь их белыми крылами.

< 1859 >

* * *

О, не забуду я тех дней очарованья,
Тех пламенных ночей, исполненных и мук,
И грез несбыточных, и пылкою желанья,
Когда мне душу жгло очей твоих сиянье
И трепет возбуждал мне милой речи звук!

Как высказаться вся душа моя хотела!
Но, как ребенок, я робел перед тобой,
И речь моя в устах и гасла, и немела...
Нет, нет, не знаешь ты, как страсть моя кипела,
Как я блаженствовал и как страдал порой;
Я помню: всё цвело; был май; весны любовник,
Пел соловей всю ночь в саду, где так темно.
О, в молодой душе он многих грез виновник!
Он влек меня туда, где расцветал шиповник,
Бросая тень в твоё открытое окно.
И видел я не раз в те дни, как расплеталась
Коса волнистая; как с белого плеча
Сорочка белая нечаянно спускалась;
Как тень мне милая мелькала и скрывалась
И гаснула потом горевшая свеча...

<1859>

15-го ЯНВАРЯ

(М. Ф. К<ин>)

Я пью за здоровье твое,
Мой гений, мой ангел далекий!
А чувство запало глубоко
В горячее сердце мое.

Как пена в бокале с вином,
Мечты поднялись вереницей;
А вот и слеза на реснице...
О чем же? — Ты знаешь о чем...

Я пью за твою красоту,
За очи твои голубые,
За кудри твои золотые,
За лучшую жизни мечту!

Так грустное сердце мое
Твой празднует день одиноко...
Мой гений, мой ангел далекий,
Я пью за здоровье твое!..

< 1859 >

* * *

Нет, полно! — Не пойду к ней с головой покорной;
Холодной гордости не дам я торжества;
И пусть измучаюсь тоской моей упорной,
Желаньем огненным, сомнением, думой черной,
Но не увижусь с ней. Напрасные слова:
Лишь вспомню взгляд ее, одно ее лишь слово,
Один лишь звук речей — и гнева смолк порыв,
И оправдание в душе для ней готово,
И нежным кажется мне взгляд ее суровый,
И снова весел я, доверчив и счастлив,
И нерешенного уж нет в душе вопроса,
И снова нет мечтам ребяческим конца,
И взглянет ли она приветливо иль косо —
Что нужды: вечером гремящие колеса
Вновь остановятся у милого крыльца.

< 1859 >

* * *

Оделся сад зеленым листом,
И звонким, соловьиным свистом
Он оглашен и ночь и день,
Брожу по нем тоской томимый,
А образ твой неотразимый
Меня преследует как тень.

Вокруг цветы, и блеск, и нега,
А мне всё жаль и вьюг, и снега,
И зимних пролетевших дней,
И наших встреч, и наших споров,
И брошенных украдкой взоров,
И недомолвленных речей.

И их забыть я не умею
И не могу: я всё лелею
Тобой убитый счастья сон;
И всё туда стремятся взоры —
В ту даль, где твой приют, и горы,
И лесом скрытый небосклон.

И всё б душа отдать готова,
Чтобы услышать только слово
Одно из милых уст твоих:
Что не обманут я мечтою
И что любим я был тобою,
Хоть день, хоть час один, хоть миг.

< 1859 >

* * *

Всё спало вокруг. . . Мы открыли окно
И долго сидели, смотря
На яркие звезды и в даль, где давно,
Давно загоралась заря.

Всё спало вокруг. . . Под завесою тьмы
Один соловей лишь не спал
Да слушали только бессонные мы,
Как громко в саду он свистал.

И всё, всё молчало кругом, только сад
Листами шептал, как живой,
Да с белых черемух в окно аромат
К нам несся с прохладой ночной;

И всюду был сон, всё молчало кругом,
Лишь мы не могли с ней заснуть,
Да сердце, недружное вечно со сном,
Стучало в горячую грудь.

А звезды на небе всё гасли меж тем;
Краснели вдали облака,
И слышался тихий мне ропот: «Зачем
Так вешняя ночь коротка!»

< 1861 >

ПИСЬМА

О сердцу милые листки!
О строки, писанные ею!
Читая вас, я не умею
Сдержать порыв моей тоски.

Давно вас, милые слова,
Рука мне милая чертила;
Но вас ничто не изменило:
Ни свет, ни время, ни молва.

Не стерлись вы, не отреклись
Ни от чего, боясь огласки,
Как та, которой нежно ласки
В вас, неизменных, излились.

Но отчего же вас, листки,
Вас, строки, писанные ею,
Еще читать я не умею
Без тайной грусти и тоски?

Иль не пришла еще пора?
Иль сердце в муках не окрепло?
Так часто блещет из-под пепла
Огонь сгоревшего костра.

< 1862 >

ПОСВЯЩЕНО ПАМЯТИ К. Н. ГР—ВОЙ

Подхожу задумчивый к окошку;
Неба свод сияет голубой;
Солнце светит ярко; понемножку
Рыхлый снег сбегает с мостовой;
Облаков на юге стаи целые
Плавают, как лебеди — всё белые...

Каплет с кровель; март; весна готова
Снова пир открыть свой для земли.
Скоро зашумит опять дуброва,
Зажурчат прозрачные ручьи...
Уж поля вдали пестреют грязные,
Близко дни и теплые, и ясные...

Отчего всегда воображенье
Закипит при близости весны,
И такое странное волненье,
И такие пламенные сны, —
И как будто сердце снова молодо,
Хоть в нас жизнь влила уж много холода?..

Грустно мне: душе неугомонной
Вспомнились часы иной весны.
Грезится мне полночь, город сонный,
Облитой сиянием луны, —
Переулок, домик с антресолями,
На окне горшки с желтофиолями...

И хожу я часто мимо окон,
Поутру, и вечером, и днем.

Под одним мелькает темный локон,
Блещет взор таинственным огнем;
Под другим сидит старушка дряхлая,
Сгорбленная, желтая и чахлая...

И мечта сменяется мечтою:
Грезится другая мне весна,
И стоим мы с ней, рука с рукою,
Перед темным садом у окна;
Утро блещет; тополи ветвистые
Льют на нас струи свои душистые...

И потом под сумрак тихой ночи
Унесен я в дни другой весны:
Страшно, погасающие очи
На меня с тоской устремлены;
Падает лампы свет мерцающий
На лицо и плечи умирающей.

А из двери комнаты соседней
Слышно, как ребенок наш кричит,
И у ней в глазах огонь последний
Вспыхнул, и слеза из них бежит,
И уста, страданием томимые,
Шепчут мне слова неуловимые...

Грустно мне...

<1862>

* * *

Звучала гитара вдали. . .
Слетая со струн ее, звуки
По воздуху плавно текли,
Исполнены неги и муки.

Кто знает: томила ль тоска,
Безумная ль страсть волновала
Того, чья так стройно рука
Со струн эти звуки срывала.

Но сердце из груди рвалось
Им встречу и билось шибко:
В тех звуках и запах был роз,
И слезы дрожали с улыбкой.

То слышался ропот, то вздох,
И грудь замирала, тоскуя,
Как будто в тот миг ее жег
Незримый огонь поцелуя.

И было душе так легко,
Так много в ней грез пробуждалось
О том, что от ней далеко,
Что к сердцу когда-то ласкалось.

Дрожало сиянье луны
Сквозь ветви развесистой липы,
И были так жизнью полны
Все темные сердца изгибы.

А звуки всё тише текли,
Волшебные чудные звуки,
И гасли, теряясь вдали,
Исполненны неги и муки.

< 1862 >

ЖЕЛАНИЕ

Посмотрел бы я на море шумное,
Полетел бы я на корабле,
Чтоб размыкать горе там безумное,
Что томит мне душу на земле.
Может быть, — как знать — странь
далекие
Облегчили б раны мне глубокие.

Я взглянул бы на небо Италии,
На римлянок с страстью огневой,
На глаза их черные, на талии
Стройные, как тополь молодой,
На луну, на звезды золотистые
И на рощи темные, душистые.

А потом понесся бы к экватору,
Побывал бы я у этих скал,
Что темницей были императору,
Где в тоске он долго изнывал, —
И с тоской, и с чувством умиления
Поклонился б я могиле гения. . .

Посмотрел бы я на море шумное,
Полетел бы я на корабле,
Чтоб размыкать горе там безумное,
Что томит мне душу на земле.
Может быть, — как знать — страны далекие
Облегчили б раны мне глубокие.

Но когда бы, полному томления,
Ни моря, ни небо чуждых стран
Не пролили в душу мне забвения,
Не закрыли б в сердце старых ран, —
Возвратился б я в страну любимую,
Чтоб зарыть в ней грусть землей родимую.

< 1862 >

У ГРОБА

У гроба твоего тоскую,
Один в полуночной тиши,
Стою и плачу, и хочу я
Бессмертью веровать души.
Прости! последние лобзанья
Передаю твоим устам;
Скажи мне: ждать ли нам свиданья?
Соединимся ли мы там?
И если ждет нас жизнь другая,
Мы сохраним ли, улета
Туда, за грань могильной тьмы,
Все чувства, сердцу дорогие,
Воспоминанья все земные

И в них кого любили мы?
И если ждет нас жизнь другая,
Мы, к ней с земли перелетая,
Не разольемся ли душой —
В эфир, в волну, в сиянье света,
В огонь, в цветок, в мечту поэта,
В звук мимолетный, в мрак ночной?
Иль, дети одного мгновенья,
Исчезнем мы, как наши сны,
Как наша скорбь и наслажденье,
Как звук оборванной струны?
Скажи мне: ждать ли нам свиданья?
Соединимся ли мы там?
Прости! последние лобзанья
Передаю твоим устам.

<1862>

И. А. КУСКОВ

Платон Александрович Кусков родился 18 ноября 1834 года в Петербурге. В 1853 году, по окончании коммерческого училища, он был направлен на службу в Одессу в Приказ общественного призрения, но, пробыв там несколько месяцев, перевелся в Петербургский приказ. В 1861 году Кусков вышел в отставку, а через два года поступил в Главное выкупное учреждение, где прослужил около трех десятилетий, последовательно занимая должности производителя дел, помощника управляющего и управляющего делами, члена Главного выкупного учреждения от министерства внутренних дел.

Стихотворения Кускова впервые появились в печати в 1854 году в «Современнике», в отделе «Литературный ералаш», без подписи автора. В этих стихотворениях («Река» и «Последняя просьба») редакция увидела «нечто оригинальное, делающее их стоящими прочтения». В конце 50-х — начале 60-х годов он сотрудничал в «Сыне отечества», в том же «Современнике», «Русском слове», «Времени» Достоевского и «Светоче». Во «Времени» и «Светоче» кроме стихов Кусков опубликовал несколько критических статей и

«Повесть об одном сумасшедшем поэте». В 1863 году он принимал деятельное участие в газете «Голос» в качестве фельетониста и рецензента.

В критических статьях Кусков отчетливо выразил свои литературные взгляды. Так, в статье об «Отцах и детях» он называет Гоголя истинным поэтом, «который сам не знал, что он делает... Ему было веселее смеяться, чем плакать, он и смеялся; и это — без малейшей злобы к тем, над кем ему приходилось смеяться... в этом-то и состоит весь художник». И далее: «Когда у нас в сердце есть к чему-нибудь любовь, тогда злоба в нем уже невозможна, а потому мы вместе с автором полюбим и всех героев его, полюбим не так, чтобы мы вздумали подражать им, а так, чтобы мы пожелали простить им».

Считая вершиной творчества Тургенева «Записки охотника», где писатель является «простым свидетелем, а не судьей», Кусков утверждал, что в романах он не так свободен, не столь «чистосердечен» и, откликаясь на острые злободневные вопросы, делает уступку общественному мнению.

В другой статье, озаглавленной «Нечто о нравственном элементе в поэзии», Кусков также стремится отгородить литературу от общественных страстей и интересов. «Мне хочется, — заявляет он, — живых и верных изображений той вечной жизни, которая созидает историю и совершенно поглощает в себе, как незаметные крупинки, все переходные и мимолетные состояния различных обществ, разнящихся между собой только теми

или другими идеями и нисколько не отличающихся одно от другого своею сущностию».

Не встретив сочувствия направлению своего поэтического творчества, нередко являясь мишенью для насмешек и пародий, Кусков надолго бросил писать стихи и в свободное от службы время занимался лишь переводом Шекспира («Отелло», сонеты, сцена из «Ромео и Джульетты»). Еще раньше, в самом начале литературной деятельности, он переводил Гейне.

Кусков вернулся к поэзии лишь в 80-е годы. Он печатался в «Руси» И. Аксакова, «Ниве», «Труде» и других изданиях. Кусков второго периода кое в чем сближается со Случевским, напоминает его некоторой нарочитой негладкостью, угловатостью.

Кусков умер 15 августа 1909 года.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Стихотворения. СПб., 1886 («Издание не для продажи»).

Наша жизнь. СПб., 1889.

РЕКА

Как спокойна река,
Как течет она ровно, хоть шибко, —
В ней милей облака
И луна с ее грустной улыбкой. . .

Всколыхнулась она,
Покатилась волна за волною —
И всплывают со дна
Грязь и тина с болотной травой.

Так хорош всякий друг
В час блаженный нелепых мечтаний;
А затронь его вдруг —
Так какой не поднимешь в нем дряни!

< 1854 >

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

В моей жизни недолгой, *миледи*,
Я играл уже столько комедий,
Что сбиваюсь в чувствах моих

И не знаю, где точно страдаю,
Где страдальца лишь только играю,
Забавляя иль муча других.

Так, по прихоти вольной желаний,
Я являлся вам, полон страданий,
Полон ревностью, полон тоской. . .

И как я от души лицемерил,
Вы так верили мне, что поверил
Я и сам, увлекаясь игрой.

Но теперь, как друг другу мы оба
Надоели, я с вами до гроба
Без тоски распрощаться готов.

Только всё же нельзя ль без прощанья! —
Я боюсь, что при новом свиданьи
Я спаясничать вздумаю вновь. . .

Да, пожалуй, себя и уверю,
Что я сделал большую потерю,
Потерял вашу, *леди*, любовь.

< 1854 >

ЛЕС

Прежде, когда на земле весело людям жилося,
В лес приходил человек и чуял смущенной душой,
Как пыль отирают с листьев незримые руки дриад;

Как ни старался я, не жгло меня лобзанье.
И горько в оный час я в мыслях повторял:
«Так вот тот поцелуй, которого я ждал!»

А нынче встретился я вновь неожиданно с нею —
С холодной первою подругою моею.
Я был уже не тот: уж я прошел сквозь строй
Обманутых надежд, печалей и мучений,
Желаний громких дел, и лени записной,
И празднои совести нелепых угрызений.
И жаловался ей я на свою печаль.
И почему-то ей меня вдруг стало жаль;
И почему-то вдруг, с горячею слезою,
Мне шею обвила она своей рукою;
Я ж, рад излить тоску, припал к ее устам,
И стало что со мной — не понимаю сам,
Но, в трепете едва переводя дыханье,
Шептал я: «Вот оно, желанное лобзанье!»

<1858>

ПЕТР

Люблю я памятник Великого Петра,
Стоящий весело над царственной Невою:
Проста и нехитра гранитная гора,
Что, кажется, звенит под мощною пятою
Могучего коня; с открытой головою,
В наряде древности, с классическим мечом,
Ненужным всё равно почившему герою,
Он весь с одним лишь тем, что было в нем самом.

И всю его любовь к Руси непросвещенной
Я чувствую пред ним душою умиленной
И душу выразить не обретаю слов:
Всё пусто на земле; лишь велика любовь!

1858.

УЕДИНЕНИЕ.

И вот я вновь один: опять вокруг меня
Ни слез, ни брани нет, ни зависти, ни сплетен;
Опять мой тихий день идет, едва заметен,
И нового за ним я жду спокойно дня.
Не слышу ничего, что слуха недостойно,
Не вижу ничего, что оскорбляет взор,
И мысли шествуют торжественно, спокойно.
Я жизни чувствую обиды и позор,
Но в мыслях это всё приличный вид приемлет
И сердца не мутит. И самый сердца крик
Благопристойно тих и важен, как старик,
Речам которого покорно юность внемлет.
Не то случается, когда среди людей,
Устав от злобы их, в ожесточеньи диком,
Готов бываешь ты за тридевять морей
Бежать, кляня судьбу, с отчаяньем и криком.

1858

СТАРИЧОК

Лишь солнца красный лик начнет спускаться вниз,
Часть моря обратив в расплавленное золото,
На дальний островок, где ивы разрослись,
Куда и я плыву в румяный час заката, —
Сей дряхлый старичок на ветхом челноке
Спускается, с лицом спокойным, по реке.

И там, под ивою остановясь густой,
Он в челноке своем сидит и рыбу удит.
И много всяких чувств в моем он сердце будит...
Мы с ним приятели. Он говорил со мной:
То грудь сжималась, то вновь дышала шире...
Я думал обо всем, что происходит в мире.

Он живо помнит всё: и где когда поймал
Большого карася, и как словил он щуку,
И как потом, смеясь, рассказал,
На что есть щука в море, внуку;
И как к любовникам его жена и дочь
Ушли: «Со мною жить им стало, вишь, невмочь!»

Но уж ничто его, как видно, не тревожит —
С приходом седины прошла пора тревог.
И сам он говорит, что он неправ, быть может;
Что был не в меру он и прихотлив, и строг;
Но реку жизни вспять пойти он не принудит...
Так вот он иногда со скуки рыбу удит.

ТРЕВОЖНОЕ СНОВИДЕНИЕ

Мне снилась ты в лесу. Тот величавый лес
Рос где-то под огнем сверкающих небес
И нежил и смущал своим величием око;
От каждого листа ложилась тень широко,
И ты, его цветов волшебней и нежней,
Шла, дикой стаею окружена зверей.
От страха у меня душа изнемогала,
А с этой стаей всей ты весело играла,
Среди пастей ее уверена, что ты
От них защищена святыней красоты.

1859

ПОСЛЕ БУРИ

Посмотри, как стихла буря;
Посмотри, как горы эти,
Поднимаясь вверх над нами,
Мрачно тонут в лунном свете!

Как в разрезы черной тучи
Ясно смотрит месяц полный
И под нами лижут камни
Успокоенные волны —

Лижут нехотя, угрюмо,
Пенясь в воздухе стемневшем,
Точно всё забыть не могут
Распри с ветром присмирившим.

1859

АПРЕЛЬ 1860

Нет, не манишь меня к себе своим стенаньем,
Родная мать моя, ты, ледяная Русь!
С священным ужасом, другим, чужим призваньям,
Твой непокорный сын, я сердцем отдаюсь.
Гляди, как много в них тоски и нетерпенья,
Как много жизни в них и силы роковой!
Нет детской робости, иль рабского презренья,
Иль недоверия к земле своей родной. . .
Нет, со слезой в очах там брат объемлет брата,
Забывши узкий свой и жалкий интерес;
И над главами их трепещет свод небес
При кликах радостных: «Venezia liberata!
L'Unione!»¹ Сладких чувств не передаст язык,
Которые во мне рождает этот клик,
Туда, к нему стремлюсь я мыслями своими,
К сынам Италии, — всем сердцем, всей душой;
Для них покинуть я готов свой край родной,
Чтоб с ними победить иль чтоб
погибнуть с ними.

1860

МУХА

Ничего не слышит ухо;
Ночь безмолвна, как в пустыне;
Всё уснуло, только муха
Где-то бьется в паутине.

¹ «Освобожденная Венеция! Объединение!» (Итал.). —
Ред.

Да еще среди молчанья
У меня, во мраке ночи,
Сердце, полное страданья,
Тоже бьется что есть мочи.

Но во мгле, в ночном покое,
Никому, увы! нет дела,
Что на сердце на больное
Пауком любовь насела.

И ни шелеста, ни звука —
Ничего не слышит ухо;
Только в сердце скорбь и мука,
И один товарищ — муха.

1860

ВЕСНА

Опять твои увижу я поля,
Природа-мать, — не в царственном уборе,
Как в тех странах, где знойная земля
Цветет, глядит — со страстию во взоре;
Нет, бедная, из-под своих снегов
Ты явишься передо мною снова...
Но всё равно тебе моя любовь,
Тебе любви приветливое слово!
Зажжется грудь желаньями опять,
И скромные, чуть слышимые грозы
Твои на ум навеют благодать
И на глаза живительные слезы.

Бурное сердце. Но вдруг оно просияло опять:
Новые начал чертить он выступы, стрелы,
розетки...
«Маинцкий это собор, — сказал старичок
и прибавил
Так поощрительно, — очень, да, очень похоже, —
чудесно!»
Стерши ногою чертеж, ушел — обессилен —
художник;
Но у него в голове засел этот адский старик:
К прежним терзаньям еще прибавилось новое;
прежде
Мог он хоть думать, искать; а теперь
в его мыслях одни лишь
Два, на песке, неудалые планы да Рейн
с стариком.
Вера исчезла в душе даже и в то, что он может
Освободить свою мысль от них, и в мозгу
воспаленном
Нет их тогда лишь, как все они перед ним
воочию.
Это всё гонит его на Рейн, на прибрежный песок;
И осужден свои думы он думать теперь
под надзором
Двух этих скаредных глаз: он их чувствует
даже спиною.
Ненависть, злоба... Сидит и чертит; а тот
за спиной
И объясняет, на что всё это похоже. О, сколько
Раз он в безумьи хотел умертвить старика!
Но однажды,
Ярости полн, говорит: «Вижу, великий ты мастер;

Вот тебе трость, — покажи ты мне уменье свое!»
И из-под трости его, той же самой, как только
попала
В руки она старику, выходить стал, частями,
Нынешний Кельнский собор. «Что хочешь, —
воскликнул безумец, —
То и бери за него: всё, что достану, — твое!»
— «Выгодно ты покупаешь!» — прошамшил
старик, усмехаясь,
И из карманов своих стал золото сыпать
горстями
В волны реки. Прилила кровь к сердцу,
и зодчий мгновенно,
От чертежа отстранив старика, в него мощной
рукою
Верный направил удар, но быстро сверкнувшею
сталью
Только лишь воздух рассек: старика пред ним
не было; весь он
Облаком дыма исчез; исчез и чертеж-соблазнитель.
Тут лишь разверзлись у зодчего очи: «Так вот
оно кто он!»
В ужасе был он готов оставить все замыслы.
«С ними, —
Думал он, — душу погубишь!» И в церковь
пошел на молитву.
Но и молитва дала покой на короткое время.
Шепчут молитву уста, а мечта свое делает дело:
Стрелы бесчисленных башен, окон стрельчатых
узоры,

Давящий душу кошмар этих каменных кружев.
«О боже,
Что твоя вечная жизнь мне даст вместо этого?» —
он
Мыслит и мыслей своих страшится, но пуше
страшится
Из головы упустить, что память ему сохранила
Из чертежа старика, и не ведает сам,
что страшнее.
Сон убежал от него: эти кружева, кружева душу
Всю его обвили, держат на привязи сердце
и мысль —
Не отпускают на шаг: или их, иль не нужно
и жизни!
Хочет он их начертить, за пергамент берется, —
пергамент
Путает мысли его; идет на прибрежный песок —
В памяти всё помрачилось, смешалось, исчезло.
Кончено! надо решать с жизнью. Но, вяло
перстами
Щупая острую сталь, он думает: «Из-за чего же
Гибнуть бесславно, коль гибель — цена
за бессмертие в мире?»
А уж старик перед ним и стоит. Сговорились:
Вечером дьявол ему свой план передаст на том
самом
Месте, а зодчий ему изготовит как нужно
расписку,
Кровью своей, об уступке души своей. Радостен,
весел
Зодчий ушел: как гора с утомленных свалилася
плеч.

Только когда написал он обет свой, задумался
 снова:
 В мыслях явились его орудия пыток, какими
 Люди терзали тогда друг друга, и волосы дыбом
 Стали: какие ж ему готовит терзания ад?
 Вновь изнемогши душой, пошел он на исповедь.
 Добрый
 Патер его успокоил. «Великое дело, —
 сказал он, —
 Дело святое! И бог спасет тебя. Будут народы
 К нам притекать и свое к нам приносить
 достоянье.
 Всѣ изготовь, как взялся, — по чести; но только
 к расписке
 Ты прикрепи эту малую часть чудотворного
 древа;
 План получи и отдай расписку: увидишь,
 что будет».

Вечером зодчий застал старика на условленном
 месте;
 С полным доверьем старик ему передал план;
 на расписку ж
 Только с усмешкой взглянул и мгновенно
 рассеялся дымом.

Так побежден был злой дух. — Началось строенье.
 В шуме работы, в ее кутерьме, в беспокойстве
 веселом,
 Зодчий забыл старика; с возрастающим зданьем
 собора
 Рос его дух. В кружевах и блондах из камня
 всѣ зданье,

Словно надменный маркиз, счастливый, довольный
собою.

Наполовину оно уж готово; уж скоро в середине
Вырастет легкая башня; свои и чужие толпами
Рвутся к нему: диво всем этот вязаный в кружево
камень.

Видно далёко его! — Вечером ясным однажды,
Как воцарился кругом, после умолкших работ,
Мир тишины, на лесах один их остался хозяин.
Смотрит он в синюю даль, и за этою далью
он видит

Мыслию новую даль, а за тою еще и еще.
Тонет счастливая мысль в бесконечности мира:
Всю эту даль, что глаза видят и видит

одно лишь
Око души, суждено пройти его имени! Миру
Праздник — такая победа духа над камнем! —
И очи

Сладкий туман заволок слез упоенья собою.
Но сквозь туман этих слез вдруг он видит давно
позабытый
Образ: пред ним, на лесах, настоящий творец
его храма,
Юный, могучий и властный, и весь — торжество
и победа.

«Ты и водитель души твоей, патер, задумали оба
Сердцем лукавым меня обмануть; вы немножко
забыли,

Что, замышляя обман, вы в мое забрели
уже царство, —
Милости просим! В мое царство всем двери
открыты.

И полюбилася вам ваша расписка! — Зачем мне
Ваша расписка? — Ни мне, ни небу расписки
не нужны:
Вся ваша жизнь для меня и для неба расписки.
Но всё же
Я за обман накажу: от меня если хочешь награды,
Так уж обманывай небо! Ты славой прельстился;
седые
В смену друг другу века пройдут; поколенья
людские
Место уступят одни другим; и не только
могилы
Ныне дышащего жизнью исчезнут, но даже
могилы
Будущих ваших людских поколений бесследно
В прах перейдут; целый мир переденется в новые
ризы:
Вместо дорог неуклюжих пойдут по железу
дороги,
В лодках летать к облакам будут люди; один
лишь в том самом
Виде, как в эту минуту, стоять неоконченным
будет
Этот собор, не угодный ни небу, ни мне;
и исчезнет
Имя пустое твое, как дым; только матери детям
Будут рассказывать сказки, что я сошвырнул
тебя будто
С этих подмостков, и ты, вниз летя, сам забыл
свое имя...

Вам не радость полдень южный?
Что у вас такой ненужный,
Недовольный, серый вид!»

К этой звонкой, детской речи
Мой прикован слух и ум:
Я хочу с собой далече
Унести, до новой встречи,
Светлых струй волшебный шум.

1880

ОНА

Помнишь ночь: мы на камне с тобой гробовом,
Чужды мысли о смерти, сидели вдвоем,
И к тебе ближе сесть мне нежданно помог
Засветившийся в темной траве светлячок.
Я его для тебя взял к себе на ладонь;
На холодный его, непонятный огонь
Ты смотреть наклонилась — я к камню прирос:
Я вдыхал аромат твоих пышных волос —
Мне милей был он всех ароматов земли. . .
Твои косы в душе моей гимны зажгли,
О светлейшая искра всего бытия,
Что собою в тот миг окружало меня!

1881

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА

В молочном облаке тумана всё ущелье —
На море синее исчез волшебный вид;
Холодный мелкий дождь уныло моросит;
И дума на сердце досадная лежит,
Что тут же, рядом с ним, блеск, радость
и веселье;
Что солнце, с вышины безоблачных небес,
Всю зноем облило соседнюю долину;
Что этот злой туман, в котором день исчез,
Дает долине той волшебную картину:
Он перламутовым улегся облачком
Меж гор, на гребни их раскинув словно ружи,
И манит взор к себе; и мысли нет ни в ком,
Что всё, что в нем теперь, полно тоски
и муки.

1887

ВРАГИ

Чем больше ты была нужна и дорога
Для сердца моего, тем с большей
в сердце злобой
Я чувствовал, что мы с тобою — два врага
И жизни не пройдем с тобой вдвоем до гроба:
Я духу божью привык держать ответ;
Мысль об ответе том в глубь сердца
мне проникла;
Об этом всем в тебе догадки даже нет:

Ты ни пред кем держать ответа не привыкла.
Ты вся — желание, томленье, страх, испуг;
Твой дух мятущийся устойчиво не любит:
Что миг, то для тебя тот добрый, верный друг,
Кто всё простит тебе, на миг да приголубит.
С тех пор как голос твой, твой взор

и красота

Смутили душу мне и ослепили очи,
Лишь дома твоего ревниво ворота
Я стерегу, хожу дозором дни и ночи.
И жжет мне сердце стыд, и гложет душу страх,
Что я о знамени господнем не радею,
Что ночи провожу — вот на каких часах!
Вот пост; с которого я отойти не смею!
Я вижу, на меня давно уж ты гневна,
Что я тесню тебя своим дозором. Боже!
Да мне-то каково? — И мне омрачена
Вся жизнь, и я тобой посажен на цепь тоже.
Я рвуся с цепи той, хочу бежать туда,
Где страха до сих пор душа моя не знала,
И вырвать прочь тебя из сердца навсегда —
Так охранять тебя душа моя устала!

1887

ЗАБОТЫ

О, было ли когда такое время, чтобы
Какой-нибудь да в жизнь не занесла ты злобы?
Уж я не трогаю таких великих злоб,

Как ревность, где весь дом мне обращался
в гроб;
Нет — помнишь, например, с какой щемящей
болью

Шли речи про ковры, испорченные молью, —
О том, что новыми их заменить пора;
Квартира ни с чего вдруг делалась сыра
И холодна; иль вдруг предметом докучаний
Характер делался старухи доброй няни,
Что преданность свою являла столько раз:
Вдруг находила ты, что няня зажилась.
То дворник нам интриг повсюду ставил сети,
То к злым порокам вдруг являли склонность
дети:

Я видел, из чего шел весь переполох,
Но беспокойств твоих я победить не мог,
И в том, чем влить в тебя я мнил успокоенье,
Ты видела одно о детях нераденье,
И даже. . . Тут я был готов на стены лезть.
И заключала ты, что, значит, что-то есть,
Когда так тягостны о детях стали речи.
Как часто, спать ложась, мы задували свечи,
Но, в разговорах сих, их зажигали вновь
И жгли их попусту, пока от бурных слов
Моих ты в гневе уст румяных не смыкала
И, отвернувшись вся, с слезой не засыпала.
А я, полн горечью, и страхом, и тоской,
На ложе на одном, покинутый тобой,
Звал гром на жизнь свою, искал ножа и яда,
И сон бежал меня. . . а ты — спала как надо!

ХМЕЛЬ

Бог в жизни дал тебе сладчайший мед земли,
Ад на пути твоём поставил пустомелю,
Уста которого надменно изрекли:
«Не в мёде наша жизнь: там жизнь,
где больше хмелю».

И ты заладила: «Для жизни нужен хмель».
По старой памяти тянулись заботы
О пчелах, но тебе святую жизни цель
Уж их медовые не составляли соты:
Ты ими мучилась; тобою правил ад.
И раз, добравшись до гроздей винограда,
Ты стала жать в вино янтарный виноград.
О, как тогда была ты счастлива и рада!
«Не нужно алтаря — нужна одна постель!»
Что было горя тут, бесчинства, плача, срама!
То дети плакали, кричали: «Мама! Мама!»
А ты твердила им: «Для жизни нужен хмель».

Тот хмель прошёл, теперь в их настоящем свете
Перед тобой дела хмельных, веселых дней.
Ты знаешь: обо всем, что было, помнят дети —
О, как хотела бы ты не иметь детей!
Смола кипящая переполняет груди,
Которых молоком ты выкормила их;
И в детях не друзей ты видишь дорогих.
А обвинителей и ненавистных судий.

ЦВЕТЫ

Где жизнь и счастье, что обещал ты ей?
Теперь она одна, среди семьи своей,
Всем чуждая, стыдом, как трауром, покрыта,
Ждет только одного — чтоб было позабыто
Всё то, что в жизнь ее собою ты принес
Под именем любви, в букетах всяких роз.
А ты, всё о себе нежнейшей полн заботы,
Букеты тех же роз другим несешь давно ты
И там стараешься внушить, как те цветы
Неувядаемы, что им приносишь ты.

1891

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

В начальный период своей литературной деятельности автор «Петербургских трущоб» и антинигилистических романов Всеволод Крестовский был известен и как поэт.

Всеволод Владимирович Крестовский родился 11 февраля 1840 года в имении своей бабушки в Таращанском уезде Киевской губернии. Здесь он провел детство. Десяти лет Крестовский поступил в 1-ю петербургскую гимназию, а по окончании ее, в 1857 году, — на филологический факультет Петербургского университета, но учился в университете недолго.

Первые литературные опыты Крестовского относятся еще к гимназическим годам, а впервые он увидел свое имя в печати в семнадцатилетнем возрасте в журнале «Общезанимательный вестник». Затем его стихи и проза стали появляться в других тонких и толстых журналах: «Сын отечества», «Русское слово», «Русский мир», «Иллюстрация», «Светоч», «Время» и т. д.

Итогом поэтической деятельности Крестовского явилось двухтомное издание его стихов, вышедшее в 1862 году. В первые годы, когда он был близок к передовой молодежи, в его стихах

временами звучат темы народного горя и социального неблагополучия; он пишет тогда такие стихотворения, как «Владимирка», «Полоса», «Кондрашка», «Париж, июль 1848», поэму «Весенняя смерть» и др.

В эти годы Крестовский часто выступает в «Русском слове» с критическими статьями и рецензиями, в которых довольно ясно выражены его литературно-общественные взгляды. Он пишет о поэзии, фольклоре, педагогике, книгах для детского чтения. В рецензии на «Великорусские сказки» И. А. Худякова и «Сборник русских духовных стихов» В. Варенцова Крестовский отмечает, что в последнее время всеми осознана важность изучения народа, но «чтоб изучить народ во всей полноте его свежих и нетронутых сил, — утверждает он вслед за Добролюбовым, — надо сперва прикрепиться к его почве, вырасти, воспитаться на ней, сжиться с его понятиями и верованиями, — и тогда только можно узнать его, а это нелегко». В рецензии на сборник стихотворений С. Николаевского Крестовский иронизирует над тем, что этот «высокий поэт... не касается предметов *подлых*, а воспевает предметы только высоких, высших и высочайших свойств», над его казенным патриотизмом, прославлением «российского орла» и обличением «возмутителей». В статье о Некрасове Крестовский утверждает, что ему присуще «проникновение в самую глубокую сущность народной жизни со стороны ее насущных потребностей и затаенных, незримых страданий», и дает отчетливую характеристику фольклоризма

современной поэзии. «В поэзии Мея, — пишет он, — элемент *русского, народного* принял не социальный, не современный, а какой-то археологический колорит. Во всех его лучших вещах этого рода вы невольно чувствуете *Русь*, и Русь народную; если хотите, Русь вечную, какую суждено ей быть в своем идеале; если хотите, поющую, празднующую, да только не Русь современного нам народа. Эта последняя только и далась одному Некрасову».

Одновременно у Крестовского нетрудно обнаружить иные тенденции, иные мотивы — связанные с «чистой поэзией». Наиболее характерными для него являются циклы «Весенние ночи» (они послужили объектом для пародий «Искры»), «Хандра», «Испанские мотивы» (впрочем, в этом цикле сосуществуют наивная поверхностная испанская экзотика с антиклерикализмом и вольнодумием: «Андалузянка» и «Fandango», с одной стороны, «Auto da fe» и «Сан-Яго» — с другой). Крестовский отдал дань и приукрашенному фольклору. Социальные темы постепенно вытесняются из его поэзии; чем дальше, тем все больше он отходит от «увлечений молодости».

В начале 60-х годов Крестовский принимал участие и в сатирических журналах — сначала поместил несколько стихотворений в «Искре» и «Гудке», а затем стал деятельным сотрудником «Занозы» и «Осы», где в 1863—1864 годах печатал грубые пасквили, направленные против демократического лагеря русской литературы и журналистики.

С середины 60-х годов Крестовский оставляет поэзию и в дальнейшем весьма редко обращается к стихотворной форме. К тому же после «Петербургских трущоб» он решительно перешел на откровенно реакционные позиции.

Крестовский переводил Анакреона, Сафо, Горация, Гете, Гейне, Шевченко. Многие его стихотворения положены на музыку.

Умер Крестовский 18 января 1895 года.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Стихи. Два тома. СПб., 1862.

Собрание сочинений, т. 4, СПб., <1899>.

ВЛАДИМИРКА

Ой, дорога ль ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дороженька, прогонная!
Уж и много на Руси у нас дороженек,
Что дорог ли широкатных, поисхоженных:
По иным гоняют царских слуг — солдатушек,
По иным бредет убогий богомольный люд,
От Соловок до Киева, по угодничкам,
Что по третьим ли дорожкам шлют красён
товар

Всё купцы, да молодцы, да володимирцы.
Широки ль уж те дорожки да укатисты,
А уж шире ль, да длиннее, да утоптанней
Нашей матушки Владимирки — не быть нигде!
Не одни-то по ней поручни притерлися,
Не одни-то быстры ноженьки примаялись,
Что и слез на ней немало ли пролівано,
А и песен про нее ль немало сложено!
Далеко ты в даль уходишь непроглядную,
Во студеную сторонушку сибирскую,
Ох, дорога ль ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дорожка володимирская!

1858

ИЗ ЦИКЛА «ВЕСЕННИЕ НОЧИ»

* * *

...А весна, как струна, занывает в груди,
Занывает и сердце щекочет...
Я люблю — а весна всё сулит впереди
И несбыточной сказкой морочит.

А как глянет с весной ночи ясная тень,
Подждать меня выйдет подруга;
Загремит соловей, да запахнет сирень —
И пойдем мы вдоль сонного луга...

* * *

...И в саду тишина, —
Лишь кузнечик в траве заливаётся;
Перламутром луна
В стеклах окон скользит-отражается...*

И от сонных цветов
Льется влага вокруг ароматная,
И ночных соловьев
Где-то песня слышна перекатная.

И раскрыто окно —
А в окне том головка влюбленная
Загляделась давно,
Как играет река осребренная.

И в лугу ревниво путать станут ногу?
Но не бойся: всё заснуло понемногу,
Разве звезды... да и те уж коль расскажут,
Так расскажут в чудной сказке... только богу...

* * *

...Но боже! как забыть
Ту ночь туманную, когда в пустой аллее,
Склонясь плечом к плечу, мы медленно
с ней шли:
Какой-то нежный звук едва дрожал вдали,
И что-то вторило в груди ему больнее...
А поле тусклое в серебряный туман
Вдали, как озеро разлившись, уходило —
И полная луна сквозь сеть ветвей скользила
По бледному лицу... и аромат полян
От скошенной травы струился негой зыбкой.
Вся ночь — один аккорд, один безмолвный хор!..
Мы шли — и теплился ее потухший взор
Такою тихою и доброю улыбкой...
И так понятен был мне смысл ее речей
Стыдливо-искренних, и робких, и тоскливых —
О, как бы я тогда в объятьях молчаливых
Всю горечь и любовь испил бы вместе с ней!..
Мне слез хотелось, и воли, и страданья,
Да смеху детского, да песен, да весны, —
А кто-то всё шептал: ребяческие сны!..
Оставь, забудь ее... то глупые желанья!..

1859

ПЕРЕД ВЕСНОЮ

Снег лежит еще на крышах,
Искрясь яркой белизной,
А уж в воздухе к полудню
Отзывается весной. . .

Так и тянет всё на солнце
Перейти, туда, где тает,
Где с морозцем легким ярко
Солнце щеки припекает.

И идешь — идешь и дышишь
Острым воздухом вольнее,
И на взгляд все лица кажут
Как-то лучше и добрее;

И идешь — и слух щекочет —
Будто звуков детских нега —
Звонкий шелест резвых капель
Хрупко тающего снега.

1860

ПАРИЖ, ИЮЛЬ 1848

Мне снился восторженный сон:
Гас вечер на небе багровом,
И в воздухе грохот и стон
Носились в величьи суровом.
Вся улица кровью полна,

Весь город в смятении от страха —
И вон уж позорно видна
На площади черная плаха.
Под ядрами рушится дом,
Визжит и взвивается пламя —
И веет во пламени том
Кровавое красное знамя.
Работают дружно штыки,
Гремят вдалеке барабаны —
И ломаются массой полки
К завалам в народные станы.
А там уж последний упал —
Конец благородной надежде;
Но кто-то над павшими встал
В сияющей белой одежде:
Над облаком дыма, во мгле,
Стоял он на той баррикаде
С терновым венком на челе
И с мукой предсмертной во взгляде.
Он руки свои простирал,
Гвоздями пробитые руки,
И лик его кроткий дышал
Блаженством божественной муки.
Ветвь мира для мира всего
Держал он средь павшего стана,
И в правом боку у него
Сочилась новая рана.
Но тихо народ умирал,
Лобзая священные раны, —
А вечер во мраке вставал,
И били вдали барабаны. . .

1860

ИЗ ЦИКЛА «ХАНДРА»

* * *

Хандра... опять хандра!.. Уж близко
к полуночи...
Ни зги не видно мне, — вся комната мертва...
Давно впряются пытливо в угол очи:
Там будто слышатся дыханье и слова...
Всё пусто... На дворе и снег идет, и выюга...
Но неотвязчиво там кто-то есть в углу! —
Я не один!.. но кто ж? — не ты ль,
моя подруга?...
Чу!.. ставнем хлопнуло! — то ветер режет мглу:
И воет, и хрипит, и плачет он, и стонет...
Я болен... слушаю — и чую, как во сне:
То сердце вешее кого-то всё хоронит,
И кто-то плачет в нем... и плачет обо мне...

* * *

Осень... спят седые тучи...
В поле сыро и туманно,
И в тумане лес и кручи
Исчезают беспрестанно.

Выйду ль в сад — и средь дорожки
Всё ищу, с полуистомой,
Легкий след какой-то ножки,
И родной и незнакомой...

В сердце смутная забота
И тоски залетной жало —
Словно жаль ему чего-то,
Словно что-то потеряло. . .

Не цвести немым долинам:
Грезы вешние далеко, —
Только астры по куртинам
Домерзают одиноко. . .

* * *

Я б ушел от вас на берег моря,
Где в раскатных звуках грохот льется,
И, созвучьям волн и леса вторя,
Всё бы пел, что на душе споется. . .
Я б глядел, как в вечер, над заливом
Млея, тает розовое солнце
И вдали янтарным переливом
Искрит ветхой хижины оконце,
Искрит в небе сетку стаи чаек,
Быстрый взмах широких, белых крылий,
А вблизи, дробясь в росе лужаек,
Золотит ковер душистых лилий.
Я набрал бы ракушек прибрежных
И, из горсти в горсть пересыпая,
Заигрался б в трелях ночи нежных,
Детский смех вдоль моря разливая. . .
Пусть бы люди проходили мимо,
Пусть ребенка звали б сумасшедшим, —
Что мне в них! . . зато душа незримо

Распростилась бы со злым прошедшим!
Надоел мне город ваш бездушный,
Ваша чинность, чопорность уборов,
Добрый нрав, мешанству лишь послушный,
Да и барабанный бой всех споров
В вольном духе о российском мире
С тайной жаждой теплого местечка
Да о том, что «дважды два — четыре,
А не стеариновая свечка!».
Надоели мне борьба за веру
В донкихотские свои затеи
И друзей, не выпавшихся в меру,
Все трансцендентальные идеи!

* * *

Проклятая!.. И нет ни в чем исхода.
И здесь мутит с утра и до утра,
Всё пошлый сон, всё глупая хандра
И гнусная-прегнусная погода...
Осенний свет... На слякоть — благодать!
Взгляну в окно — старьевщик в лужах
бродит;
Тоскливо он гнусит: «Старья продать!» —
Я продал бы, — товар-то не подходит...
А рад бы сбыть всё лишнее старье! —
Не купишь ли мечты о днях свободы,
Хандру и желчь, и горькое житье,
Надежды, скорбь и старые невзгоды,
Да заодно и старую любовь?
Наскучило мне ждать с таким товаром!

Другим глупцам его ты сбудешь вновь,
А уж любовь... бери, пожалуй, даром!..

1860

ИЗ ЦИКЛА «ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ»
AUTO DA FE¹

Из царствования Филиппа III

Посвящено Л. А. Мею

Звон в церквах и клики буйной черни
Над взволнованным Мадритом...
Знать, к святому делу черной казни
Дан призыв иезуитом.

Пред собором, над стеной народа,
Встал костер и столб позорный,
У костра палач, и крест, и стража,
И монах в сутане черной.

А на двух концах площадки пышно
Две трибуны возвышались,
И, смирясь о имени Христовом,
Там две власти красовались:

¹ Дело веры (португ.); в средневековой Испании и Португалии публичное, торжественное сожжение еретиков или еретических сочинений по приговору инквизиции. — *Ред.*

На одной — потупя долу взоры,
Бос и скорбен, в ризе бедной,
Сам великий инквизитор кротко
Восседал, сухой и бледный.

Запевал он глухо *de profundis*¹
Меж отшельников суровых,
С мрачным хором красных кардиналов
И епископов лиловых.

На другой трибуне, в царском блеске,
Стал король с почетной свитой
Пред немой толпой надменных грандов,
Гордо шляпами покрытой.

За решетками резных балконов,
Меж ковров и флагов — дамы;
И хмельно, что праздника и пира,
Ждет Мадрит кровавой драмы. . .

Всё готово. . . но к столбу с монахом
Не выходит осужденный, —
А уж чьим-то грозным приговором
Брошен страх в народ смущенный.

Что-то будет. . . Тихо инквизитор
Поднялся, не двинув бровью, —
И палач, с его благословенья,
Принял склянку с чьей-то кровью.

¹ Из глубины (лат.) — название (по первым словам) католической молитвы над умирающим. — *Ред.*

Факел брошен, — миг — и пламя рвется...
Кровь преступная пролилась
И на углях смрадно зашипела,
Потекла и задымилась...

Распростерся в скорби покаянной
Сам король перед распятым, —
И собор ту кровь, во имя божье,
Заклеймил святым проклятием.

Только тут народ, очнувшись, понял
Странной казни той значенье:
Вспомнил он, как жид один недавно
Шел с синклитом на сожженье;

Вспомнил он, как был тогда спокоен
Лик торжественный и ясный,
Как бесстрашно, поступью святого,
На костер взошел несчастный.

Дрогнул весь народ и в смутном страхе
Вдруг замолкнул, изумленный, —
И король, взирая на страдальца,
Тихо вымолвил, смущенный:

«Суд неправ... И жид не перед нами ль
Вышел к смерти без боязни?
Лишь одни святые страстотерпцы
Так ходили к месту казни!..»

Но сказал он — отшатнулись гранды,
В страхе вдруг прервались хоры;

И на дерзкого великий инквизитор
Поднял медленные взоры...

Суд назначен...
В черной зале свечи...
Тень скрестилась от распятия...
За столом, в зловещем полумраке,
Чуть видна босая братья...

И тогда верховным альгвазилом,
В каске с спущенным забралом,
Был введен преступник и поставлен
Пред священным трибуналом.

То король был... Осуждался ими
Он за дерзкое сомнение
В приговоре их непогрешимом —
На публичное сожжение.

Но к костру предстать они не смели
Со лжежертвою державной:
Он по сану и священству власти
Инквизиции был равный.

И решил великий инквизитор,
Всепрощающей любовью,
Что король свой грех великий должен
Искупить сожженной кровью.

И тогда палач ему ланцетом
Дерзко царственную руку

Тронул, и понес ту кровь, с синклитом,
На сожженье и на муку. . .

Не преданье это и не сказка —
Быль: зане, в пылу суровом,
Изуверство нагло попирало
Всѣ — о имени Христовом!

1860

FANDANGO

No vos engría señora
Ser de alta esfera.¹

Чуть с аккордом двух гитар
Лихо шелкнут кастаньеты —
Для фанданго страстных пар
Бойче всех мои куплеты.

И пляшу я — вихрь огня! —
Пред окном моей сеноры,
Но сенора от меня
Гордо прочь отводит взоры. . .

Чуть погаснет яркий день,
Я — к коню: к сеноре время! . .

¹ Не хвастайтесь, сеньора, что вы из высокой среды
(исп.). — *Ред.*

Мигом шляпу набекрень,
Плащ за плечи, ногу в стремя —

И гарцую — вихрь огня! —
Пред окном моей сеноры,
Но сенора от меня
Гордо прочь отводит взоры...

Эй, сенора! не пугай! —
Что за чванство! род твой знают,
Но к высоким башням, знай,
Тоже лестницы бывают!..

1860

САН-ЯГО

Умер наш патрон Сан-Яго,
И предстал патрон пред бога,
И сказал господь Сан-Яго:
«Я тобой доволен много,

И за подвиги земные
Ты в раю живи среди сада.
Что попросишь — всё исполню!
Говори, чего же надо?»

Говорит ему Сан-Яго:
«Пусть в Испании пребудет
Изобилие и солнце!»
— «Успокойся: это будет!»

«Пусть победы громкой слава
У испанцев дух пробудит,
Дай им храбрость! Дай им силу!»
— «Успокойся: будет! будет!..»

«Дай им мудрое правленье,
Пусть царит оно неложно!»
— «Как?.. вдобавок и правленье? —
Невозможно! невозможно!..»

Ведь тогда уж будет раем
Вся страна твоя родная,
И все ангелы, пожалуй,
Убегут туда из рая,

А на небе воцарятся
Беспорядок и смятенье, —
Нет, уж пусть у вас пребудет
Ваше старое правленье!»

1860

АНДАЛУЗЯНКА

Но в одной Севилье старой
Так полны наутро храмы
И так пламенно стремятся
Исповедоваться дамы.

А. Майков

Андалузская ночь горяча, горяча,
В этом зное и страсть, и бессилье,

Так что даже спадает с крутого плеча
От биения груди мантилья!

И срываю долой с головы я вуаль,
И срываю докучные платья,
И с безумной тоской в благовонную даль,
Вся в огне, стираю объятия...

Обнаженные перси трепещут, горят, —
Чу! .. там слышны аккорды гитары! ..
В винограднике чьи-то шаги шелестят
И мигает огонь от сигары:

Это он, мой гидальго, мой рыцарь, мой друг!
Это он — его поступь я чую!
Он придет — и под плащ к нему кинусь я вдруг,
И не будет конца поцелую!

Я люблю под лобзаньем его трепетать
И, как птичка, в объятиях биться,
И под грудь его падать, и с ним замирать,
И в одном наслаждении слиться.

С ним всю ночь напролет не боюсь никого —
Он один хоть с двенадцатью сладит:
Чуть подметил бы кто иль накрыл бы его —
Прямо в бок ему нож так и всадит!

Поцелуев, объятий его сгоряча
Я не чую от бешеной страсти,
Лишь гляжу, как сверкают в глазах два луча, --
И безмолвно покорна их власти!

Но до ночи, весь день, я грустна и больна,
И в истоме всё жду и тоскую,
И в том месте, где он был со мной, у окна,
Даже землю украдкой целую. . .

И до ночи, весь день, я грустна и больна
И по саду брожу неприветно —
Оттого что мне некому этого сна
По душе рассказать беззаветно:

Ни подруг у меня, ни сестры у меня,
Старый муж только деньги считает,
И ревнует меня, и бранит он меня —
Даже в церковь одну не пускает!

Но урвусь я порой, обману как-нибудь
И уйду к францисканцу-монаху,
И, к решетке склонясь, всё, что чувствует грудь,
С наслажденьем раскрою, без страху!

Расскажу я ему, как была эта ночь
Горяча, как луна загоралась,
Как от мужа из спальни прокралась я прочь,
Как любовнику вся отдавалась.

И мне любо тогда сквозь решетку следить,
Как глаза старика загорятся,
И начнет он молить, чтоб его полюбить,
Полюбить — и грехи все простятся. . .

Посмеюсь я тайком и, всю душу раскрыв,
От монаха уйду облегченной,

Чтобы с новою ночью и новый порыв
Рвался пылче из груди влюбленной.

1862

ПОЛОСА

Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
И тебе не колосья краса, —
Не колосья краса, а былинка. . .

А кругом-то, кругом поглядишь —
Так и зреют могучие нивы!
И стоит благодатная тишь,
И волнуются ржи переливы.

Но горька мне твоя нагота,
Как взгляну я на ниву-то божью:
Отчего ж ты одна, сирота,
Не красуешься матушкой-рожью?

Знать, хозяин-то твой в кабаке
Загулял не одну уж неделю
Иль от горя — в гробовой доске
Отыскал на погосте постелю;

А быть может и то: в кандалах
По Владимирке пахаря гонят;
За широкий, за вольный размах
Богатырскую силу хоронят.

И шагает он в синюю даль,
Сам шагает, да слезы глотает:
Всё-то ниву свою ему жаль,
Всё полоску свою вспоминает...

Зарастай же, моя полоса,
Частым ельничком ты да березкой, —
И пускай же ни серп, ни коса
Не сверкают отсель над полоской!

1861

ЦЫГАНКЕ

Я люблю твои лукавые глаза:
Притаилась в них молния-гроза;
Как потухнут да посмотрят далеко —
Словно в омуте, темно и глубоко;
А сверкнут да ярким пламенем взгорят —
Много песен про любовь они сулят,
Много песен развеселых, удалых,
Много звуков и тоскливых, и больных.

Загорелися лукавые глаза,
Распелася-распустилася коса,
Рдеют щеки... губы шепчут: «Не забудь!..»
Ходит ходенем под красной шалью грудь —
А под гибкою, проворною рукой
Завывают струны жгучею тоской...

Ох, да спой же ты мне, спой же что-нибудь!
Надорви ты мне тоской больную грудь!

Спой про «Ивушку», хорошая моя!
Буду слушать, буду вечно слушать я —
Как зеленая-то рощица всю ночь
Прошумела, что и спать тебе невмочь;
Как ты слушала, что свищет соловей,
Целу ночку не смыкаячи очей;
Как в слободке молода вдова жила,
Как у вдовки дочь хорошая росла;
Как в долинушке калинушка стоит —
На калинке соловей-птица сидит...

<1863>

ПАМЯТИ ПЯТЕРЫХ

Ой, сложили ж вы, сложили свои головы! —
Да неспросту же сложили: за народ честной! —
Раным-рано порешили вас в ненастный день;
Панафиду вам отпели ветры буйные,
Окропил ли святой водой частый дождичек,
Схоронила-приняла не мать сыра земля —
Схоронило-закачало море синее,
Спеленала саваном морская трава,
Плакала над вами туча божия —
А в хрещеных ли и былъ про вас быльем
поросла!..
Лишь один-то на чужбинушке чужой стороне
Горе-мóлодец родимый, богатырь-голова
Небоязно запеваеt «память вечную!..»

Ф. Н. БЕРГ

Федор Николаевич Берг родился 11 сентября 1840 года в Наровчатском уезде Пензенской губернии в дворянской семье. Он учился в Воронежском кадетском корпусе, был выпущен оттуда офицером, но предпочел путь литератора. В Воронеже Берг сблизился с И. С. Никитиным, о котором после его смерти напечатал не лишние интереса воспоминания, где нарисовал привлекательный образ поэта.

Берг впервые выступил в печати в 1859 году в юмористическом журнале «Развлечение». В первой половине 60-х годов он сотрудничал в «Современнике», «Времени», «Светоче», «Русском слове», «Библиотеке для чтения», «Иллюстрации» и других изданиях, где было опубликовано большое количество его оригинальных стихотворений, переводов и прозаических произведений (роман «Закоулок» и повесть «В четырех стенах» — из жизни кадетского корпуса). Принимая в «Светоче» ближайшее участие, он заведовал библиографическим отделом журнала. Вместе с В. Костомаровым Берг выпустил книжки «Сборник стихотворений иностранных поэтов» (два выпуска) и «Поэты всех времен и народов»; он начал

издавать полное собрание сочинений Г. Гейне в русском переводе, однако на первом томе издание приостановилось.

Творчество Берга этих лет, в том числе и поэтическое, свидетельствует о бесспорных, хотя и не всегда последовательных, демократических симпатиях, его сочувствии новым веяниям русской жизни, стремлениям «молодого поколения», демократической интеллигенции. Современники припоминают одну любопытную деталь: Берг всегда демонстративно ходил в красной рубашке.

Но во второй половине 60-х годов в нем происходит перелом, и мысли о народном благе, о преследуемых властями друзьях народа сменяются разочарованием в былых идеалах и чувством религиозной примиренности. Интересен в этом отношении образ храма в его поэзии. В начале 60-х годов «ветхий храм» — символ уходящего прошлого. «Храма ветхого под твердою стопой Дрогну́ли мшистые ступени», — пишет Берг в стихотворении «Заря»; в селлах и деревнях, полях и лесах России «давно уж веет жизнь иная». «Пророк» в одноименном стихотворении призывает «разрушить ветхий храм», вместо которого «создаст иной иное племя», и по поводу «боязливых сомнений» убежденно заявляет, что заря новой жизни давно уже занялась над родиной, «скончалось царствие былого». Эти настроения вытесняются мотивами смирения и веры, идеализацией патриархальных религиозно-нравственных устоев, и их символом является блестящий в лесной глуши, в уединении от людей, «далекой церкви крест

простой» («Лесная глушь») и «мерный звон» колокола, успокаивающий душу («Успокоение»). Эти настроения отразились и в прозе Берга (сборник «Заонежье», 1874) и в его переписке.

На грани 60-х и 70-х годов Берг печатался в неославянофильской «Заре», а затем перешел на активно реакционные позиции, сотрудничая в «Русском мире», «Русском вестнике», «Гражданине» Мещерского. Много печатался он и в «Ниве». Он уже выступает теперь преимущественно не как поэт и беллетрист, а как критик, историк и публицист. В 1875—1879 годах Берг был фактическим, а затем и официальным редактором «Русского мира»; после смерти Каткова в течение ряда лет редактировал «Русский вестник» (1888—1895) и другие реакционные издания, в том числе субсидированную министерством внутренних дел газету «Родная речь». В начале XX века Берг был активным деятелем монархических организаций.

Берг умер, совершенно забытый, в московской психиатрической больнице 3 апреля 1909 года.

БОЛЬНОЙ

К болезни он привык. Просиживая дни,
Он думал и мечтал... «Теперь там шумно,
жарко!

Хлопочут, бегают, торопятся они...
Как это солнышко невыносимо ярко!
Здесь в полусумраке, за рамою двойной,
В тенистой комнате покойно и уютно...»
И уж не плакал он, когда ему порой
Былое, бурное припоминалось смутно...

Привык он жить один. Давно уж он забыл,
Что есть иная жизнь волнений и страданий;
В уединении он так их полюбил —
Картины пестрые болезненных мечтаний!
Как злобно он вздрогнёт, когда ему теперь,
Вдруг свежим воздухом пахнув в лицо больное,
Тревога шумная в растворенную дверь
Расскажет радостно про новое, живое!

<1861>

ЗАРЯ

Заря! Унынье, страх лучей ее бегут,
И сердце бьется жизни жаждой;
Толпою бодрою идем на жизнь и труд!
Свое для всех положит каждый.

Идем на жизнь и труд! В пылающих сердцах,
В биении частом каждой жилы,
В молчаньи сдержанном, в стремительных речах
Вся мощь и крепость львиной силы!

Пусть умирающих, ослепших голоса
Звучат... Земля моя родная!
По селам, городам, в поля твои, в леса
Давно уж веет жизнь иная!

Вот вспыхнет солнышко над сумрачной
землей!

Бегут обманчивые тени,
И храма ветхого под твердою стопой
Дрогнули мшистые ступени...

<1861>

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ДЕРЕВНЯ»

Н. Н — ской

Вот и околица, вот мельница и пруд
Весь в красном пламени... А там за ним пойдут
Волной широкою колосья наливные!

При блеске утреннем пурпурного луча
Сверкнули крестики за рощей золотые —
То ветхий сельский храм. Колесами стуча,
Плотиной старою поехала телега;
Здоровой свежестью повеяло с полей,
Гречихой, коноплей... С качнувшихся ветвей
Закапала роса. А утренняя нега
Очарованием своим еще царит...
Бесшестельно листок в огне зари висит,
Как озолоченный...

Скорей, моя телега!

Бывало, — помнишь ли? — подпершился рукой,
С несносной книгою сидишь. Перед тобой
Из непонятных букв, из-за тупой указки
Выходят странные, причудливые сказки...
Так душно в комнате, и скучно, и темно!
Сирень врывается в раскрытое окно,
И сыплются цветки на стол, благоухая;
И звон ко всенощной, и ржанье лошадей,
И крик, веселый крик несется, замирая,
Со скрипом колеса с желтеющих полей;
И в небе голубом следишь за лётном птицы,
И в нетерпении мнешь окраины страницы,
И тетку строгую уж слушаешь едва,
Как опьянелая кружится голова,
И хочется бежать в овраг к пруду и к лодке,
И плакать хочется под грозный голос тетки!..

Иль зимним вечером — как снегом бьет в стекло
Метель летучая — при нагоревшей свечке
На сундуке большом, окованном, у печки

В тени угла сидишь уютно и тепло
И няню слушаешь. Узнав и гнет и горе,
Я понимал уже, как пела мне она,
Что мукой вечною какою-то полна
Ее душа... Поет, бывало: «В синем море
Плыла лебедушка... Вдруг сокол налетел...»
И в сердце у меня последний звук звенел —
И я рыдал, обид припомнив ряд несчетный,
И няню целовал с любовью безотчетной...

< 1861 >

ПРОРОК

Он шел по селам, городам,
Он говорил: «Настало время!
Пора разрушить ветхий храм,
Создаст иной иное племя!»
С упреком горьким осмеял
Их боязливые сомненья,
На них он твердо отвечал,
С могучей силой убежденья:
«Когда хотя один из нас
Сказал той новой жизни слово,
Заря ее уж занялась,
Скончалось царствие былого!»

< 1861 >

ЗИМОЙ

Как у наших ворот снежный вихорь метет,
Вкруг столбов всё крутит-завивается,
Словно стонет-гудёт, в стекла мерзлые бьет...
Ах, как сердце болит — надрывается!

Не приехал домой наш сосед молодой, —
Да зачем он опять-то покажется?
Правда, прошлой весной говорил он со мной...
Да ведь всё не упомнишь, что скажется!

Вот весна-то была! И тепла, и светла!
Как-то всё говорилось, пелось,
Всех бы я обняла, всем прощать начала —
Как-то вдруг мне любить захотелось!

Что он видел и знал! Сколько мне рассказал
Про широкую жизнь, про раздольную
По большим городам, по далеким краям,
Про людскую про волюшку вольную!

Полетела бы я в эту даль, в те края,
Всё б увидела новое, дивное,
Эту скуку и брань позабыла бы я,
Всё б свое позабыла противное.

Вот как птицы летят, от морозов спешат
За людьми работающими, праздными,
Что за новой весной, чай, толпа за толпой
Потянулись дорогами разными...

А у наших ворот лишь тропинка идет...
Вон уж снегом она заметается!
А у наших ворот только буря поет,
Только буря поет-заливается..

<1862>

В ПОЛЕ

Ф. М. Достоевскому

Дай тебе боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Как эти села, как эти поля
Крепко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою:
Серая тень переходит за нивою,
Тучки плывут в синеве,
И широко по траве
Тянется ветер струей благовонною
В рощу зеленую,
Дождиком свежим омытую,
Солнечным светом залитую.

Дай тебе боже, родная земля,
Дождичка, вёдра в поля,
И сохрани их от града, от голода,
Жара сухого да позднего холода!

Бог вам на помощь, христовы работнички!
Глубже вам вспахивать пашенку черную,

Шире косою размахнуться проворною —
Будет большой урожай,
Град не побьет, саранча не напустится...
Как всё кругом зацветет да распустится —
Знай увози-собирай!

В полдень ли жаркий, полуночью ль тихую
Медом потянет от кашки с гречихою,
Станут хлеба что стена,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухие на солнышко жаркое
И зашумят, как волна.

Песни по селам спойются веселые,
Стоном застонут телеги тяжелые —
Горы снопов повезут.
Всё, чем поля за труды ни поплотятся,
Всё на току на сухом умолотится,
Всё в закрома покладут.

Дай тебе боже, родная земля,
Мудрых вождей и великих,
Чтобы не слышали эти поля
Криков проклятия диких,
Чтоб не лилась неповинная кровь,
Слез неутешных не лилось —
Чтоб вековечно святая любовь
В грешных сердцах воцарилась!

< 1862 >

СМЕРТЬ

М. Н. Коптевой

Мне кажется, что я умру в дороге,
На станции. Глухая будет ночь,
Я не смогу усталость превозмочь
И задремлю тихонько на пороге.
Там в темноте меняют лошадей,
Среди теней и тусклых фонарей
Бубенчиков раздались переливы,
И фыркает протяжно конь ленивый...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

И снится мне, что я приеду скоро,
Что вот теперь уж кончен скучный путь,
Что будет мне так сладко отдохнуть
Средь тихих слов простого разговора,
Под жаркий треск растопленных печей...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

Вот огоньки блеснули мне приветно,
И сердце им забилося ответно,
И хочется туда лететь, бежать
И нового так много рассказать,
И хочется так многих мне увидеть,
По-старому любить и ненавидеть
И страстно жить опять среди людей...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

Темна, темна! И сердце вдруг упало...
Ну, стоит ли стремиться и желать
И новое всё что-то узнавать?
И эта мысль мне мозг застывший сжала:
Так тяжела, упорна и одна,
Как ночь кругом, черна и холодна...
Ну стоит ли? Ведь всё одно и то же!

Когда-то был я лучше и моложе,
Мне нравилась вся эта трескотня,
Весь этот блеск так радовал меня!
Ну, а теперь... теперь с меня довольно!
Но отчего ж вдруг сердцу стало больно?

И отчего — всё будто холодней
Сырой туман ползет с сырых полей?

Ну пусть уж так! Пусть тише сердце бьется!
Холодный мрак всё тише раздается...
Но хорошо! Вот так бы всё лежать!
Ни мучиться, ни думать, ни желать,
И мирно спать без снов — покойно, вечно...

И дальше не поеду я, конечно.

<1862>

* * *

И плеск, и блеск речной волны,
Туманы, тени ночи синей,
Благоухания весны

Над зеленеющей пустыней
Лугов и свежих озимей,
Весь этот трепет, щебетанье,
Вся эта яркость и блистанье
Сквозистых рощ, небес, полей,
Что светлой, полной жизнью дышат,
И голосов несметный хор. . .

Привычный слух, спокойный взор
Их мало видит, мало слышит.

Но если в душных городах
Всё это вспомнишь в день туманный,
На людных, смрадных площадях,
Под гул тревоги неустанной, —
Широко, полно дышит грудь,
Вольнее хочется вздохнуть. . .
И вот сверкнула даль немая,
Звенит, щебечет впереди —

Весна цветет, благоухая,
В твоей взволнованной груди. . .

<1862>

ЗАЙКА

Зайнышка у елочки попрыгивает,
Лапочкой об лапку поколачивает.

«Экие морозцы, прости господи, стоят,
Елочки от холоду под инеем трещат;

Елочки от холоду потрескивают;
Лапочки от холоду совсем светло.

Вот кабы мне, зайке, мужичонком быть,
Вот кабы мне, зайке, да в лаптях ходить,

Жить бы мне да греться бы в избушечке
Со своей хозяйшкою серенькой.

Нынче мужички-то хорошо живут,
Нынче мужичкам-то эту волюшку дают,

Волюшку-свободу, волю вольную,
Что на все иди четыре стороны:

На одну-то сторону напрочишься,
На другую сторону намолишься...

Вот кабы мне, зайке, мужичонком быть,
Вот кабы мне, зайке, да в лаптях ходить,

Пироги бы есть да всё с капусткою,
Пироги бы с сладкою морковкою,

На полатях зимушку пролеживать,
По морозцу в саночках покатывать!..»

<1862>

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Дождя сверкающего капли
Шумели в блещущих листьях,
Шумел, весь в каплях, воздух синий,
Колебясь в радужных волнах;

Благоуханная прохлада
Плыла широко. Здесь и там
Встряхнутся ветки, точно кто-то
Порхнет незримый по кустам.

Всё задышало, зажужжало,
Зазеленело, зацвело.
И из янтарной тучки солнце
Как обновленное взошло. . .

<1862>

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «В ТЮРЬМЕ»

Вон башни там по берегам
Виденьями стоят;
Вон по стенам, склонен к волнам,
Орудий черный ряд.

Там над землей туман сырой
И день и ночь стоит.
Там ветра вой и волн прибой
В недвижимый гранит.

Лишь — редкий миг — раздастся крик
Угрюмых часовых,
Да слышен крик, зловещ и дик,
Бессонных птиц ночных.

Да слышен стон, — протяжен он
И тоже страшен, дик,
Как смертный сон, подземный стон,
Глухой, протяжный крик. ..

Но всё собой туман сырой
Покрыл со всех сторон,
Но ветра вой и волн прибой
Глушит подземный стон.

<1863>

ГРЕЗЫ И ПЕСНИ

Не отнимут люди, не отнимут —
Грезы, песня будут вечно с нами;
И за что б ни стали люди биться —
Грезы, песня будут вечно с нами
В сердце нашем глубоко таиться.
Те, что насмеялись, те, что гнали,
И у них ведь сердце грезой бьется —
Иль они ни разу в жизнь не знали,
Как от счастья всей душой поется?

Вот века проходят за веками,
Всё, быть может, позабудут люди,

Чем гордились, что творили сами, —
Грезы ж с песней будут вечно с нами
Глубоко таиться в каждой груди.
Да и есть ли что у нас отрадней,
Есть ли что светлее и чудесней?
Всё пройдет своею чередою,
Только вечно будет над землею
Царство грез и песней!

<1863>

ЛЕСНАЯ ПУСТЫНЯ

1

Вокруг моей избы лесной
Встает сырой туман ночной,
И тонут в нем стволы дерев,
И кущи темные кустов,
И пятна дальних деревень,
И всё, что видел в ясный день, —
Всё принимает вид иной.
Весь тусклой озарен луной,
Окутал всё туман седой;
Сдается мне, не узнаю
Пустыню тихую мою:
Тенями ночи создана
Иная, дикая страна...

2

Огромней кажутся холмы,
 Угрюмой, круче берега,
 И, смутно-белы, как снега
 Ночные северной зимы,
 В глубоких логах залегли
 Клубы туманов. Поползли
 Они болотами вдали,
 Как грозовые облака...
 Как тихо! Лесом вековым
 Иди иль берегом крутым, —
 Нигде ни крика, ни звонка, —
 Лишь переборами река
 Всю ночь шумит...

3

...Оно прошло —
 Всё, что терзало и гнело...
 И пусть — как веянье весны,
 Как запах леса и сосны,
 Вливает жизнь, здоровье — так
 Да исцелит меня она,
 Святая глушь и тишина!
 Да исцелит тоску мою!
 Я каюсь, каюсь! Я стою —
 Как сын библейский — у дверей
 Великой родины моей.
 Прими, прими! Тебе свою
 Я жизнь и сердце отдаю!

Кто здесь учил их так любить,
 Невзгоду, горе выносить?
 Кто влил в смиренные сердца
 Всю эту веру без конца?
 Откуда эта мощь в труде
 И стойкость крепкая в беде,
 И скромность ясной простоты?! .
 Зашевелились листья,
 И лесом ветер потянул,
 Светлее лунный луч взглянул...
 И вдруг — в выси, меж облаков,
 Над глушью сумрачных лесов,
 Сверкнул звездой золотой
 Далекой церкви крест простой...

< 1869 >

ГОДОВЩИНА

Господи! Вот уж прошли и года —
 Мы повстречались с тобою тогда...
 Как-то живется, моя дорогая?
 Нынче всегда поминаю тебя я —
 Любо мне рану свою растравлять,
 Прошлое счастье свое поминать.

Дожили мы до печальной развязки...
 Чай, потускнели прекрасные глазки,
 Горе в сердечке печальном царит,

Там ни луча, ни звезды не горит,
Там только вечная дума заветная —
Словно осенняя ночь безрассветная.

Снег и валит, и крутит —
В долгие ночи, за темными елями,
Дом одинокий заносит метелями,
Ель за окошком скрипит. . .
Страшно одной с нагоревшею свечкою!
Чу! Вот сверчок зачирикал за печкою,
Маятник мерно стучит. . .
Мрачно виденья и тени проносятся,
Слезы на глазки усталые просятся. . .

Горькое дело! Жалеть, вспоминать
Всё, что прошло, что желалось и снилось:
Жизнь никогда не воротит опять,
Что безвозвратно разбилось. . .

< 1869 >

ПОЛДЕНЬ В ГЛУШИ

Река тиха. И всё плывем
В пустынях мы неисходимых —
Сырою ночью, душным днем —
В безмолвный мир лесов родимых. . .

Плывем в пустынной тишине —
И чащи рощ непроходные

Простерли вокруг, в полдневном сне,
Над нами своды вековые.

Высоко облачко скользит,
В прозрачном небе тихо тая,
И с криком диких птиц летит
Над лесом спугнутая стая.

Молчит пустыня. Тишь, жара. . .
Звучит в лесу так странно слово!
Не слышно стука топора
Нигде — ни голоса людского. . .

•
Что там? Чу, слышите — шаги?
Нет — это сучья буревала. . .
Уж сколько, сколько лет — ноги
Здесь человека не бывало!

Стреляй! . . Дробясь без числа,
Унесся отзвук в лес дремучий —
И вновь лишь мерный шум весла
В тиши слышался могучей. . .

<1870>

УСПОКОЕНИЕ

Когда конец борьбе пустой,
Трудам, мученьям и безделью! . .
Скорей, скорей в мой край родной,
Скорей в мою лесную келью!

С груди как будто камень снят,
На сердце легче — нет кручины. . .
От мира скроют-осенят
Ветвями сосны-исполины.

Так тихо! Ясные лучи
В лесу, как стрелы, зори мечут,
У вековых корней ключи
Неумолкаемо лепечут.

И раздается мерный звон,
В глуши торжественно смолкая, —
И погрузится в дивный сон
Моя душа, душа больная.

Пустыни воздухом дыша,
В груди я чую мощь и силы;
Но упокоилась душа,
И я лежу — на дне могилы.

Волшебный, сладостный покой,
Покой глубокий, бесконечный! . .
И лес дремучий надо мной
Склонится в думе вековечной.

Синеют ночи, блещут дни. . .
В лучах полудня, в свете лунном
Звучат ключи в ночной тени,
Как будто стройным ладом струнным.

Идет, идет за годом год. . .
Но вдруг очнешься от забвенья:

Она нахлынет — жизнь забот,
Тревоги, злобы и волненья.

Та жизнь, к которой средь огня,
В тоске, взывал я не однажды, —
Та, что ни разу у меня
Не утолила сердца жажды!

<1872>

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

Михаил Павлович Розенгейм родился 19 июля 1820 года в Петербурге в семье служащего горного ведомства. Четырех лет он потерял отца, а мать осталась с детьми в тяжелом материальном положении. В 1827 году ей удалось определить двух сыновей в 1-й кадетский корпус. По окончании курса, в 1838 году, Розенгейм был выпущен прапорщиком в полевую конную артиллерию. Десять лет он прослужил в строю (из них три года на Кавказе), а затем возвратился в Петербург, продолжая службу в артиллерии вне строя, а также ведя педагогическую работу. После военно-судебной реформы Розенгейм поступил в Военно-юридическую академию. В 1869 году он был назначен военным судьей Киевского военно-окружного суда, а в следующем году переведен на ту же должность в Петербургский военный округ и занимал ее до конца жизни, дослужившись до чина генерал-майора.

Розенгейм начал свою литературную деятельность еще в 1838 году, но, напечатав несколько стихотворений, замолк. Имя его становится известным лишь во второй половине 50-х годов.

Стихи Розенгейма лишены оригинальности и

своеобразия. Мы находим в них отзвуки самых различных поэтов и поэтических тенденций — лермонтовские мотивы, риторiku славянофильской поэзии без энергии мысли и стиха, характерной для лучших ее образцов, темы и интонации Некрасова, воспринятые довольно внешне. Не раз заявляя уже в ранних стихах о гражданском призвании поэта (послания к Лермонтову и др.), Розенгейм вместе с тем не пренебрегает плоской эротикой и пишет заурядные лирические излияния под стать третьестепенному представителю «чистой поэзии».

Но в сознании современников Розенгейм прежде всего — «обличитель». Он попал в тон умеренно-либеральным тенденциям эпохи, напечатал ряд обличительных стихотворений, составивших цикл «Русские элегии», и иных к ним примыкавших. Стихотворения его печатались в «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Сыне отечества» и других журналах. Они пользовались успехом и часто читались на литературных вечерах. В 1858 году Розенгейм выпустил свои старые и новые стихотворения отдельной книгой, а в 1864 году переиздал ее в расширенном виде.

В многословных и тяжеловесных обличительных стихотворениях Розенгейма (в настоящий сборник включено для образца лишь одно из них) речь идет о взяточниках и мелких казнокрадах, о лести, беззаконии, боязни гласности, откупах, темных делах акционерных обществ, но обличались они как какие-то уклонения от нормы, не связанные с социально-политическим строем в це-

лом. Подобные обличения создавали иллюзию, что устранение этих зол возможно без ломки всего строя. О такого рода обличениях Добролюбов писал, что «бесполезны в практическом отношении все нападки на частные проявления зла без уничтожения самого корня его».

Характер обличений Розенгейма определялся его политической позицией. Он отнюдь не был склонен к коренным социальным преобразованиям и противопоставлял себя «утопистам», «мечтателям» и «слепым поклонникам новизны». Так, «Современная дума» полна резких нападок на радикальные и революционные круги. Это Геростраты, которые утверждают, что «порядок вещей устарел», и стремятся «опрокинуть... вверх ногами общественный склад». Между тем, заявляет Розенгейм, дело не в «порядке вещей», не в «учреждениях» и «законах» — в самих людях, «в народе самом затаилась беда», а «закон сам собою хорош». Не случайно на это стихотворение обратил внимание Добролюбов в уничтожающей рецензии на сборник Розенгейма. Любопытно, с другой стороны, что Дружинин, по словам которого в стихах Розенгейма столько же поэзии, сколько в учебнике арифметики или фортификации, сочувственно отозвался о мысли этого стихотворения.

В своих стихах Розенгейм говорит от имени людей, которые «преданы царю» и считают, что «искони царей державных сливалась слава на Руси со славой Руси православной». Язвы русской жизни — «страсть неправого стяжания, и себялю-

бие, и лень» — он обличает как «престола верный слуга». Призывая Русь пробудиться от сна, Розенгейм восклицает: «То на дело обновленья царь тебя зовет!»

Нечего и говорить, что реформы 60-х годов всецело удовлетворяли Розенгейма, и чем дальше, тем обличительные нотки все больше выветривались из его поэзии. Манифест 19 февраля 1861 года вызывает у него радостное восклицание: «Прощенье прошлому! Забвение былого!» Теперь, по его словам, все стали членами одной семьи, «теперь нам всем одна, всем общая дорога!» («19 февраля»). Сентиментально-идиллические слова о крестьянине, благодетельствованном реформой, о мирной, терпеливой работе на общее благо характеризуют ряд его стихотворений.

Для идейной позиции Розенгейма существенна тема: Россия и Запад. И в годы Крымской войны, и позже Розенгейм справедливо упрекал западноевропейские страны, в особенности Англию, в международных интригах; в стихотворении «Лондонская выставка» он указывал, что за внешним благополучием, цивилизацией, культурой скрывается нищета народных масс. Но как только Розенгейм обращается к России, критерии и оценки становятся совсем иными, поэт превращается в «квасного патриота». Даже при Николае I Розенгейм писал, что «Русь святая И богата, и сыта — За царем своим родная, Что за пазухой Христа». Западу, «хилому старику», тратящему остатки сил «в корчах козней и интриг», противопоставляется Русь как опора «царских тронов», «алта-

рей», «правой власти» и вместе с тем якобы как «слабейшего ограда» («1 января 1854 года»). Политическая позиция Розенгейма ярко сказалась также в направлении выходившего под его редакцией сатирического журнала «Заноза» (1863—1865); здесь напечатано много его фельетонов.

Примитивный аллегоризм, вялый стих, многословие, выпренность риторика, нарочитость будто бы народного языка — вот характерные черты поэзии Розенгейма. Убожество идейного содержания и поэтическая беспомощность дали обильный материал для пародий и насмешек, которые, как, например, добролюбовские стихотворения Конрада Либлиеншвагера, гораздо больше известны современному читателю, чем собственные произведения Розенгейма. Лишь очень немногие его стихотворения свободны от этих недостатков.

В 1860—1861 годах Розенгейм печатал в «Отечественных записках» ежемесячный фельетон «Заметки празднующающегося». Он выступал и как публицист — в «Нашем времени», «Северной пчеле» Усова, «Русском инвалиде», «С.-Петербургских» и «Биржевых ведомостях», «Военном сборнике» и других изданиях. Особенно деятельно сотрудничал Розенгейм в газете «Голос», главным образом в 1866—1868 годах. В течение трех с лишним лет (1879—1882) он вел внутреннее обозрение в журнале «Русская речь», выходившем под редакцией А. А. Навроцкого. В 1878 году Розенгейм издал книгу «Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого».

С конца 60-х годов Розенгейм сравнительно редко выступал в печати со своими стихами, да и писал их мало.

Он умер 7 марта 1887 года.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Стихотворения. СПб., 1858; 2-е изд., испр. и доп., СПб., 1864 (как и все следующие издания, в двух томах); 3-е изд., СПб., 1883; 4-е изд., доп., СПб., 1889; 5-е изд., доп., СПб., 1896; 6-е изд., доп., СПб., 1902; 7-е изд., СПб., (1914).

* * *

Она пела, и чудные звуки
Отдавались в сердце глубоко:
То в них слышались жгучие муки
И рыдания о чем-то далеком;

То восторг неожиданной встречи
И безумная радость свиданья,
И кипучие, страстные речи,
И таинственный шепот признанья.

Обаянью сама уступая,
Забывала она про искусство:
Волновалась грудь молодая
Под наплывом тревожного чувства,

Разгоревшись, щеки пылали
Непривычным огнем упоенья,
И сапфирные глазки блистали
Восхитительной негой томленья.

1840-е годы

КНИГА

Книга. . . Открываю:
«Бытопись российская»!
Ну, тебя я знаю,
Знаю, степь ливийская.

Где тебя ни вскрою,
Книга безотрадная,
Всюду предо мною
Та же жизнь нескладная,

Всюду злу свобода,
Права непризнание,
С жизнью дух народа
В вечном отрицании.

Ширина основы,
Нищета развития. . .
Мрачны и суровы
Люди и события:

Княжеские брани,
Ляхи да татарщина,
Дани, вечно дани —
И над всем боярщина. . .

Хитрые обманы,
Злостные насилия,
Грозные Иваны,
Темные Василии;

Наглые миньоны,
Гордо недоступные
Всякие Бироны,
Мелкие и крупные;

Сумрачные лица,
Темные сказания, —
Редко где страница
Светлого предания. . .

Вечно дух народа
Давит сила строгая,
А кругом природа
Бедная, убогая:

Нива неприглядно
Тощая раскинулась,
Небо безотрадно
Серое надвинулось.

Глухо бор сосновый
С ветром окликается,
Жалобой суровой
Песнью заливается.

Слышно в ней, печальной,
Словно поминание, —
Скорбное о дальней
Старине сказание.

Конец 1840-х или 1850-е годы

ИЗ ЦИКЛА «РУССКИЕ ЭЛЕГИИ»

Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

М. Лермонтов

Я подавлен, убит, разорен, поражен!
Это... нет, ни на что непохоже!'
Ни с того ни с сего человек отрешен,
Точно старая брошен рогожа!..
Вот она какова нынче правда у них —
Новомодное их беспристрастье!
И за что и про что, чем я хуже других,
Отчего мне такое несчастье?..
Беспорядка в делах не терпел никогда,
Форма строго во всем соблюдалась,
Сколько должно кому, вот, ей-богу, всегда
Аккуратно сполна отдавалось...
Говорят, что я брал, что бессовестно крал,
Что сгубил себя кражей такую, —
Так и место же я не интригой достал,
Не протекцией, что ли, какою;
Нет, его я купил, за него заплатил
Чистоганом, сполна до копейки,
Да правителю дел сверх того подарил,
Да Амалье Андревне, злодейке.
Как же мог я не брать?.. Надо ж было собрать
Капитал свой, судите вы сами,
Надо ж было где взять, чтоб и старшим-то дать, —
Ведь на то они власти над нами!
И теперь вот за то, будто бог знает что,
Человека вдруг места лишили!

А когда я вступил, — не сменять ни за что
Уговор на пять лет заключили. . .
И дивятся потом, что в России ни в чем
Нет в народе доверья, кредита;
Что подлог и обман одолели во всем,
Что промышленность ими убита;
Что коммерция пас, что компании у нас
Для подписчиков только ловушки. . .
Где ж торговле тут быть? Вот образчик для вас,
Что у нас договоры — игрушки!
Обещают, сулят, оберут, разорят,
А потом на попятный бесстыдно!
Ну, проситель пускай, а то свой же, им брат —
Вот ведь это-то мне и обидно! . .
Хоть правитель бы дел? — Мало, что ли, имел
От меня он, проклятый, поживы? . .
А до дела дошло — отстоять не сумел,
Выдал тотчас, Иуда плешивый!
Говорит старый плут, что напрасный бы труд
Это был, что начальник-де новый —
И законник, и строг, и характером крут,
Вообще человек пресуровый.
Всё толкует про честь, хочет взятку известь
И меня-де избрал для примера;
Ну, положим, что так; да на всё же ведь есть
Заведенный порядок, манера.
Где ж бывало когда, чтобы так, без суда,
Как из дома паршивую шавку,
С позволенья сказать, словно блудню кота, —
Выгонять человека в отставку?
Виноват, — ну, меня и предай он суду,
Но на месте оставь до решенья. . .

А на месте к суду я дорогу найду,
Всё ж по крайности нет разоренья!
Суд, конечно, возьмет — но и мне припадет
От местечка; а суд показанья
Той порой разберет, упущенья найдет,
Ну... и сделает мне замечанье.
Если ж часом не то, и откроется что,
Так какое ни есть преступленьё,
Ну, заплатишь тогда подороже за то, —
И оставят тебя в подозреньи.
Заплатить ничего, если есть из чего, —
Из чужого платить необидно,
А ведь нынче под суд да и с места его!
Вот как действовать стали эхидно!
Так-то злобно они и меня подвели,
Вдруг хватили, как обухом в темя!
А друзья-то, злодеи, сберечь не могли,
Поддержать хоть на первое время,
Хоть пока перейдет эта валка сплеча,
Что при новых начальствах бывает...
Натурально, сперва всё идет сгоряча,
Где начальником новый вступает:
Начинает тотчас исправленья во всем,
Всё, что старое, гнет и ломает,
Рвет и мечет кругом, всё поставит вверх дном,
Добродетели силой вбивает;
И крутит, и вертит, недоволен ничем,
Пока одурь возьмет, и, усталый,
Он рукою махнет: «Провались вы совсем!»
И пойдет всё, как прежде бывало.
Чаще ж, право, притом дело вовсе не в том,
Чтоб в сам деле вводить улучшение,

Нет, а просто открыть в управленьи своем
Для друзей и родных помещенье.
Да и кроме того, будь начальник Катон,
Будь как хочешь правдив, неподкупен,
Свят и строг, как закон, — всё ж не каменный он
И откуда-нибудь да доступен.
Штука — где этот ход! Ловкий сыщет, дойдет —
Чем начальниче слабо сердечко:
Пусть он сам не берет, — Маша, Даша возьмет,
К ним ведь тоже есть сзади крылечко...
Можно, сбросив мундир, и с дворецким в трактир
Завернуть, и с курьером сойтиться...
Вот пружины! На них весь служебный наш мир
Часто-часто, поверьте, вертится;
Лишь не будь гордецом, пусть зовут подлецом,
Ведь тебя от того не убудет!
Про тебя ж той порой позамолвят словцо,
И начальство грешки призабудет...
Смотришь: время прошло и грозу пронесло.
А пружину подавите ловко, —
Что на плаху вело, награждать уж пошло...
В службе, верьте, нужна лишь сноровка.

< 1858 >

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Боры да поляны, бедная природа —
Сторона родная русского народа!

Как царевна в сказке, духом тьмы заклята,
Спишь ты, Русь святая, мертвым сном объята.

Тщетно отголосков жизни ловит ухо —
Нет живого звука, всё мертво и глухо!

Веет отовсюду холодом могилы...
Где же люди веры, где же люди силы,

Люди убеждений неподкупно твердых,
Под грозою крепких, пред подачкой гордых?..

Праздные вопросы! Глухо, нет ответа!
Хаос, всюду хаос! Ни тепла, ни света!

Вяло, апатично движутся фигуры,
Полная безличность иль карикатуры:

Вот дитя теорий, строгий и холодный,
Знающий из книг лишь жизнь и быт народный;

Труженик почтенный, он благонамерен, —
Но воззреньям книжным век свой будет верен,

Но с живым вопросом при нежданной встрече
Не найдет он дела, не отыщет речи.

Вот они, взгляните, — смех и жалость вчуже! —
Солнечного диска отраженье в луже,

Русские подделки мрачного Гамлета;
Но могучий образ вечного поэта

Так же по плечу нам, как холопу барин:
Наш Гамлет — Печорин, наш Гамлет —

Тамарин. —

Люди отрицанья мелкого и злого,
Люди эгоизма, фатовства пустого,

Под плащом Гамлета наглое бретёрство,
Желчная бездарность, пошлое фразерство.

Вот он, русской жизни хлам и мертвечина,
Бонзы обожанья знатности и чина,

Вот она, фаланга темной этой братьи,
Без числа и меры, русской бюрократьи...

Формализм, да чванство, да холопства сила,
Сила роковая, всё здесь придушила...

· · · · ·
· · · · ·

Вот и он, народ наш, труженик убогий,
Темный, захудалый в страде жизни многой,

Тяжко пригнетенный в крепостной неволе,
Тщетно, страстотерпец, ждет он лучшей доли!

Вот он, русский мир весь, мир такой огромный,
Гнета и застоя мир тупой и темный.

Немощи гражданской смрадная больница,
Средь семьи громадной сирая вдовица!..

Мать моя отчизна! Русь моя святая!
В общей апатии гибнешь ты, родная.

Но смотреть на гибель и молчать — нет мочи!
Кровью плачет сердце, а слезами очи.

Что же о прогрессе, что же вы кричите?
Где оно, движенье? В чем оно, скажите?

В чем успехи наши? .. где они? .. о, где же? —
Типы нашей жизни всё одни и те же.

Старые знакомцы! — Счет их нам нетруден:
Тот же всё Молчалин, Фамусов да Рудин,

Хлыщ или Обломов. . . Это всё не ново!
Слово нас заело, бойки мы на слово,

А кругом повсюду нищета стремлений,
Страх живого дела, шаткость убеждений,

Всюду с безобразьем жизни примиренье
Иль протест бессильный, робкое сомненье;

Всюду поклоненье, всюду генеральство,
Кумовство да сделки, низость да нахальство! ..

Даром орошают мертвый камень воды,
Даром пролетают над усопшим годы.

Глыбу, не встучняя, влага только точит;
Тот не стоит жизни, кто сам жить не хочет!

А была минута! .. Верилось, казалось,
Будто в самом деле сила подымалась,

Будто, разрывая путы омертвения,
Сонный пробуждался к жизни и движенью.

Сердце трепетало в сладостной надежде —
Призрак!.. заблужденье!.. Всё мертво,
как прежде!..

Русь моя родная! Мчатся над тобою
За годами годы вечной чередою,

И они бесплодно также в вечность канут...
Плачь же, моя песня... Мертвые не встанут!..

< 1859 >

СМЕШНАЯ ФИГУРА

Улицей шумной, в толпе экипажей,
Быстро летящих взад и вперед,
Тащатся роспуски с странною клажей:
Гроб на кладбище клячонка везет.
Гроб ненаряден: он просто сосновый,
Даже не крашен, недорого стал;
К роспускам грязным веревкою новой
Крепко его гробовщик привязал.
Тихо по грязи ползет колесница.
Сверху, дырявым прикрыт армяком,
Плотно на гробе уселся возница,
С бранью клячонку валяя кнутом.
Следом за гробом нетвердой стопою
Шел, спотыкаясь, один человек,
Шел бессознательно, только порою

Капали слезы с напухнувших век.
Шел он, как будто какая-то сила
С гробом невольно влекла и его,
Шел, как лунатик, он поступью хилой,
Шел он, не видя кругом ничего.
Муж ли, отец ли? — господь его знает!
Лет не досмотришь на этом лице, —
Дочь ли, жену ли бедняк провожает,
Сына ль хоронит он в том мертвецце? ..
Старый фрачишко, короткие брюки,
Всё это узко, в обтяжку на нем,
Тощее тело да голые руки, —
Видно, что нўжда заела живьем.
Сдвинулась набок шляпенка дрянная,
С проседью космы висят надо лбом...
С первого взгляда фигура смешная,
Кажется, будто бредет под хмельком,
Только лицо-то у ней нехмельное, —
Взглянешь, и душу невольно сожмет, —
Смертным бесстрашьем глядит испитое,
Видишь, что с жизнью здесь кончен расчет,
Видишь, что точно испил он, бедняга,
Только не зелена выпил вина —
Выпита горя им жгучая брага
Полною чашей, до капли, до дна.
В этом созданьи убитом и бедном
Даже заботы следа не прочесть,
Всё безразлично в обличии бледном...
Смотришь, — и мнится, что сам он и есть
Этого гроба жилец горемычный.
Век свой обык он пешечком ходить,
Ехать-то стало ему непривычно,

Вот он и вылез свой гроб проводить...
Если бы люди узнали искусство
Ближнего душу читать хоть на лбу,
В этой открыли б одно только чувство:
Смутную зависть к тому, кто в гробу.
Если б сказали ему, что возможно
Мертвого к жизни земной воротить,
С дикой боязнью он вам бы тревожно
Молвил: «Не надо, не надо будить!
Снова на муку! За что ж?.. Пощадите!
Сил-то ведь, сил-то не хватит у ней.
Бог с вами! Лучше меня научите,
Как бы и мне-то вот также скорей...»

Конец 1850-х или начало 1860-х годов

* * *

Пахну́ло теплым ветерком,
Как будто ве́дро обеща́я, —
Но тучи черные кругом
Висят, всё небо застилая.
Чуть виден прѳсвет. А пока
Жмет душу грустное сомненье:
Не хватит сил^ку ветерка
Рассеять вечное затменье...
Так истомили холода,
И теснота, и темень эта!
Когда ж дождемся мы, когда —
Поры тепла, простора, света?..

1860-е годы

Б. Н. АЛМАЗОВ

Борис Николаевич Алмазов родился 27 октября 1827 года в Вязьме в семье отставного штабс-капитана, участника Отечественной войны. Детство он провел в имении отца в Сычевском уезде Смоленской губернии. В 1839 году Алмазова отдали в 1-ю московскую гимназию; из четвертого класса он перешел в частный пансион Эйнеса, а в 1848 году поступил на юридический факультет Московского университета. Алмазов увлекался университетскими лекциями, особенно лекциями Т. Н. Грановского, однако окончить университет ему не удалось; материальные дела отца пришли в упадок, и Алмазов был уволен со второго курса за невзнос платы за обучение.

На почве общих литературных и театральных интересов он сблизился с А. Н. Островским, А. Ф. Писемским, А. А. Григорьевым, Е. Н. Эдельсоном, Л. А. Меем, П. М. Садовским и другими и вошел вместе с ними в так называемую «молодую редакцию» издававшегося М. П. Погодиным журнала «Москвитянин». Любовь к русской истории, русской песне и вместе с тем к патриархальным устоям русской жизни, в том числе религиозно-нравственным, неприязнь ко всему, что было

направлено к коренным ее изменениям, — вот что характеризовало «молодую редакцию» и сближало ее со славянофилами. Для Островского это был лишь кратковременный этап его развития; Алмазов остался верен этим устоям на всем протяжении своей литературной деятельности. Под псевдонимом «Эраст Благонравов» Алмазов печатал в «Москвитянине» остроумные фельетоны и журнальные обозрения, полемизируя главным образом с «Современником» Некрасова и вообще с «западниками».

В 1854 году Алмазов поступил на службу в канцелярию попечителя московского учебного округа, через три года перешел в контору московской синодальной типографии, но заработка не хватало даже на скромную жизнь, и в 1861 году Алмазов вышел в отставку. Отныне основным источником существования стал литературный гонорар, и нужда еще более увеличилась и уже не покидала его дома.

После прекращения «Москвитянина» в 1856 году Алмазов принимал участие в разных изданиях. Особенно интересны две его статьи, появившиеся в изданном Погодиным альманахе «Утро», — «О поэзии Пушкина» и «Взгляд на русскую литературу 1858 года». В них содержится немало тонких наблюдений, но в основном они направлены против критики демократического лагеря, в защиту идей «искусства для искусства». Истинный поэт, утверждал Алмазов, «говорит только о том, о чем призван говорить: о божестве, красоте, сердце человеческом, — о том, что неизменно, вечно, что нужно

для всех веков и народов». И как бы ни были важны стремления к общественным преобразованиям и споры по поводу них, «какие бы прекрасные надежды ни звучали в этом шуме и спорах, от них бежит поэзия, не терпящая никаких хлопот и требований».

Много стихотворений и переводов Алмазов напечатал в «Развлечении», «Русском вестнике», «Заре», «Газете А. Гатцука». В 1861—1862 годах две его вещи (одна из них — «Похороны «Русской речи»...» — включена в настоящий сборник) появились в «Искре». В 1863 году вышел сборник его юмористических стихотворений; в 1874 году более обширное издание стихотворений.

Политические стихотворения Алмазова, а также его произведения на исторические и историко-религиозные темы проникнуты по преимуществу славянофильскими и националистическими идеями. Гораздо большей популярностью пользовалась его юмористика, но и в ней чем дальше, тем все большее место занимает прямолинейная и грубая антинигилистическая тенденция.

Немало сделал Алмазов как переводчик. Он перевел «Песню о Роланде», старинные испанские романсеро, целый ряд произведений Шиллера, Гете, Шенье.

Алмазов умер 3 апреля 1876 года.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Диссонансы. Стихотворения Б. Адамантова. М., 1863.

Стихотворения. М., 1874.

КОФЕЙ

Я сначала терпеть не мог кофей,
И когда человек мой Прокофий
По утрам с ним являлся к жене,
То всегда тошно делалось мне.

Больше чувствовал склонность я к чаю.
Но записочку раз получаю:
«Завтра утром приди, милый мой, —
Вместе кофей пить будем с тобой».

В миг всю ложность и все затрудненья
Я постиг моего положенья.
Но закон для меня *billet doux*¹ —
На свидание к милой иду.

Я дорогой дрожу весь заране,
Прихожу. Что ж? Она на диване
Перед столиком чайным сидит —
На спирту сама кофей варит.

¹ Любовная записка (франц.). — *Ред.*

Я не ждал такой дивной картины!
Опустили мы мигом гардины,
Чтоб чей злой и насмешливый глаз
Не заметил бы с улицы нас. . .

Опишу ли весь пыл упоенья?!
Всё, что может себе в услажденье,
Когда время свободное есть,
На просторе любовь изобрести, —

Всё тогда с нею мы испытали.
О, с каким наслажденьем глотали
Жирный кофе́й мы после того:
Чашек десять я выпил его.

Она выпила тоже немало
И, прощаясь, мне нежно сказала:
«Друг мой милый, до этого дня
Не любила ведь кофею я.

Я его с отвращеньем варила,
Но себя той надеждою льстила,
Что охотник до кофею ты, —
И сбылось предвещанье мечты.

Но чего и в мечтах мне не снилось,
То со мною внезапно случилось:
Прежде кофе́й я в рот не брала,
А теперь с наслажденьем пила!»

«Он мне тоже всегда был противен
(Я сказал ей в ответ), о, как дивен

Вулканический пламень страстей:
Он привычки меняет людей».

С той поры полюбил я и кофей.
Весьма часто, когда мой Прокофий
По утрам с ним приходит к жене,
Я кричу: «Дай, брат, чашку и мне».

1851

НЕДОВОЛЬНЫЙ

Дар прекрасный, дар широкий —
Крепостные мне даны!
Но почто по воле рока
Быть отпущены должны?

Кто? зачем? к какому черту
Мне дворянство даровал?
Тело приучил к комфорту,
Ум гордыней обуял?

Цели нет передо мною;
Праздны думы, пуст карман,
И томит меня тоскою
Сложный выкупа туман.

1859

ТУРИСТ

Соблазнясь паспóртов крайней дешевизной,
Все спешат расстаться с дорогой отчизной,
Все спешат оставить родины пределы:
Кто для исцеленья боли застарелой,
Кто для осмотра фабрик и заводов,
Кто для истребленья годовых доходов,
Юноша — для пользы и ученых целей,
Франт — для созерцанья милых дам-камельи,
Купчик — поучиться жизни и комфорту
И, привычки предков все отправив к черту,
Получив манеры, заведясь туалетом,
В край родной вернуться ком-иль-фо отпетым.
Словом, все уж нынче прут в края чужие —
Все: купцы, сидельцы, даже цеховые.
При таком движеньи черни самой низкой
Я ль останусь дома, дворянин российский??
Соберу ж скорее с вотчины доходы,
Притворюсь, что болен, что хочу пить воды,
Поручу именье ближнему соседу,
Дам обед прощальный и в Париж уеду.
Изучу там нравы в модном водевиле,
Натолкаюсь вдоволь в скромном *баль-мабиле*,
Наглазеюсь вдоволь в опере, на бале,
Тысячи посею я в Роше д'Канкале
И на бирже счастье разик попытаю,
Пред лореткой милой в нежностях растаю,
На ее капризы сильно промотавшись,
Всюду натаскавшись, весь поистаскавшись,
Износившись телом, утомлен душою,
Свидеться решуся с родиной святою.

Но весь куш, что спрятан мной
на путь возвратный,
Сбуду на дороге я в игре азартной
Немцам — и пешечком поплечусь к Карлсбаду:
Там, изнеможенный, прямо в ванну сяду
И, усевшись в ванну, в сильном нетерпеньи
Буду ждать доходов с моего имения.

1859

НЕИЗБЕЖНЫЙ

Toujours lui! lui partout!

*Victor Hugo*¹

Что б ни послали боги нам —
Счастливый случай иль печальный, —
Во всем, друзья, как соль ко щам,
Необходим для нас кварталный.

Повестку ль с почты принесут
На малый куш иль капитальный, —
Нам денег с почты не дадут,
Коль не подпишется кварталный.

Хотим ли видеть божий свет
И в путь собираемся мы дальный, —

¹ Всегда он! везде он! — *Виктор Гюго* (франц.). —
Ред.

Кто даст на выезд нам билет?
Всё он опять, опять кварталный!

И в скорбный час, когда зажгут
Над нами факел погребальный,
Как нас в заставу провезут, —
Кто нам поверит, коль и тут
Не даст свидетельства кварталный?

1859

ЖЕНИХИ

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.

А. Пушкин

Пред купчихой благосклонной
Двое фатов предстоят,
Оба в брак вступить законный
Страстью пламенной горят.

Оба Шармером одеты,
С благородной простотой,
Оба прежде — в оны леты —
Всех дивили красотой.

Оба крепкого сложенья,
Оба в неге возросли,
Но здоровье и именье
В бурной жизни растрясли.

Оба люди молодые,
Но уж в долг давно живут;
Оба род свой от Батыя
С достоверностью ведут.

Оба спеси благородной
В сердце огонь святой хранят;
Оба смертью голодной
Жизнь окончить не хотят.

Брак с купчихой запятнает
Их могучий древний род;
Но геральдики не знает
Голодающий живот.

Много шуму, много срама
И беславия их ждет;
Но не славится и яма,
Что у Иверских ворот.

С этой мыслью неприятной,
Потупляя нежно взгляд,
Пред купчихой необъятной
Оба фата предстоят.

А купчиха с папироской
Восседает. Дивный вид:
Ну точь-в-точь колосс Родосский
Или просто рыба кит!

Но на кончике дивана
С дивной ловкостью сидит;

От нее оделавана
Запах на версту разлит.

Много крупных бриллиантов
На серьгах ее горят
И сердца голодных франтов
Смертью раннею разят.

«Кто, скажи, любим тобою? —
Деве франты говорят. —
Кто из нас избран судьбою?
Чей удел кинжал и яд?»

Дева щурится лукаво
И, жеманясь, говорит:
«Я сама не знаю, право, —
Мне как тятенька велит».

Бич семьи патриархальной,
Сух и хладен как гранит,
Допотопно-колоссальный
Тут же «тятенька» сидит.

Чай из блюдечка спокойно
Он себе вприкуску пьет,
И довольно непристойно
Пот с чела его течет.

То вздохнет, то брови сдвинет,
Точно чем-то нездоров,
Точно вовсе он не видит
Двух приезжих молодцов.

Лишь порой украдкой взглянет
Подозрительно на них
И свой чай опять потянет:
«Нам-де надо не таких».

9 марта 1861

**ПОХОРОНЫ «РУССКОЙ РЕЧИ»,
СКОНЧАВШЕЙСЯ ПОСЛЕ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ,
НО ТЯЖКОЙ БОЛЕЗНИ**

Всё великое земное
Разлетается как дым;
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.

Жуковский

Пал журнал новорожденный —
Орган женского ума,
И над плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма.
Важен, толст, как частный пристав,
Жертва злобной клеветы,
Пал великий Феокистов
С двухаршинной высоты.

И с предвиденьем во взгляде
Жертву сам Катков заклал.
«Слава Зевсу и Палладе, —
Он Леонтьеву сказал, —
Слава мышцам Аполлона,
Ратоборца светлых сил;

Он шипящего Пифона
Прямо в темя угодил».

«Зритель», «День» и «Развлеченье»
И журналов целый полк —
Все сошлись на погребенье,
Чтоб отдать последний долг
Брату, падшему со славой,
Как отчизны верный сын, —
И вломились всей оравой
К Базунову в магазин.
Там, взвалив себе на плечи,
Как священный некий клад,
Хлам останков «Русской речи»,
Их несли в Лоскутный ряд.
У Петровского бульвара
Их догнав, библиофил
«Русской речи» экземпляра
Как диковинки просил.

С воплем шла толпа густая
Горько плачущих Коршэй,
Слезы падали, блистая,
Из бесчисленных очей.
И, смилив свой пыл воинский,
Польско-русский Маколей,
Шел задумчив пан Вызинский —
Хитроумный Одиссей.

Провожая прах любезный,
Шла редакция-вдова
И причитывала слезно

Прежестокые слова:
«Ах, когда б на деле знала
Я журнальные труды,
Я б журнал не затевала —
Вот безумия плоды!
Но могла ль я Олимпийца
Снесть восточный произвол?
Он — редактор-кровопийца,
Не щадит и слабый пол:
Он терзал мои созданья
И под каждую статью
Делал дерзко примечанья
Святотатственной рукой.
Нет, крутым его законам
Ни за что не подчинюсь:
С ним, как Сталь с Наполеоном,
Хоть умру, а не сойдусь!»

Кетчер, жизнью убеленный,
Нацедил вина бокал
И вдовице сокрушенной
Подкрепиться предлагал:
«Пей и знай: вином заморским
Накатиться нет греха,
Вот другое дело горским
Или водкой, ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино — лекарство...
Ха, ха, ха! Ну, пей скорей,
Ха, ха, ха! Ну, к шуту барство,
Пей да только не пролей!
Вспомни мать Ниобею,
Что изведала она,

Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена,
Но и в век тот безотрадней
Солдатенков тоже жил, —
Он ей влаги виноградной
Целый ящик подарил.
Ты, чай, знаешь: Ниобея
Схоронила всех детей, —
Ну так пей же, не робея,
В память внучки «Атенея»,
«Речи», дочери твоей!»

Но редакция подняла
Гордо голову свою
И с презреньем отвечала:
«Отвяжитесь, я не пью!»
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокал, —
Влага брызнула, и снова
Кетчер вдруг захохотал.

И на хохот Пров Садовский,
Залыхавшись, прибежал:
Жбан эпохи допетровской
Он в руках своих держал;
Силой гения чудесной
Чрез толпу Коршей пролез
И куда-то (неизвестно!)
Быстро с Кетчером исчез.

«Смерть велит умолкнуть злобе, —
Жрец Аскоченский сказал, —

Мир покойнице во гробе:
Преневиный был журнал!»

Миша-книжник книжной ражи
Удержать в себе не мог,
И на улице сейчас же
Настрочил он некролог:
«Мол, жила-была газетка,
Так себе, не без грешков
(Сей журнал ужасно редкий
Здесь читал один Сушков),
Нрав имела тихий, кроткий:
Не бросалась на своих;
А скончалась от сухотки,
К сожалению родных».

«Господа! Ей-богу, тошен
Жребий родины моей, —
Загремел Сергей Колошин,
Катилина наших дней, —
У богов на умном вече,
Видно, правда не живет,
Нет громовой «Русской речи»,
«Наше время» всё не мрет».

«Да, наш век ужасно скверен,
Нет людей — всё я один, —
Возгласил Борис Чичерин,
Публицист и дворянин. —
Все желают вертикально
Мой народ разгородить,
Я хочу горизонтально —
Кто мне может запретить?»

Взор вперяя иступленный
В сероватый небосклон,
Вдруг Медузой вдохновенный
Рек Григорьев Аполлон:
«Демоническим началом
Честно, верно я служу —
И с сочувствием немалым
За паденьями слежу:
Легионы журналистов,
Точно мухи, так и мрут;
Нынче умер Феоктистов,
Завтра Павлову капут».

Начало 1862

УСПОКОЕНИЕ

Пора моей весны, пора очарований,
Пора беспечных снов, надежд и ожиданий,
Как неожиданно, как рано скрылась ты!
Где сны волшебные? где страсти и мечты,
Тревожный сердца жар, надежд лукавый шепот,
Восторгов бред больной, сомненья праздный
ропот?
Всё стихло, замерло среди мирских невзгод,
Под гнетом тягостным лишений и забот!

Да, с утра дней моих, среди семьи родимой,
Уже теснил меня мой рок неумолимый,
Но я, назло ему, средь бурь и непогод
Юдолью жизни сей упрямо шел вперед:
Какой-то бешеной отвагой одержимый,

Бросался к цели я всегда недостижимой
Путем, где более виднелось мне преград,
И схватке с недругом, как пиршеству, был рад.
И жизнь отмстила мне безжалостно, жестоко:
Изломанный в борьбе, униженный глубоко,
Средь битвы жизненной я пал на полпути
И дальше никуда не в силах был идти.

Но я благодарю всечасно провиденье
За все несчастья, страданья, униженья,
Ниспосланные мне: они смирили пыл
Самонадеянных, мятежных, дерзких сил,
Тревожный жар страстей мне в сердце
потушили

И самолюбие, и гордость сокрушили, —
И силы я свои измерил и узнал,
И к целям дерзостным стремиться перестал.
С тех пор, отвергнув грез безумных
заблужденья,

Я дух свой укреплял в смиреньи и терпеньи, —
И научился я: день за день мирно жить
И тихой радостью и дружбой дорожить;
За каждый светлый миг, за каждый взгляд
радушный.

За искренний привет, за кров и хлеб насущный
Благодарить творца, — и в мраке я прозрел,
И слов евангельских я смысл уразумел,
И, усыпив страстей недуг неисцелимый,
Мне душу осенил покой невозмутимый.

Опора давняя, но крепкая моя —
Мои немногие, но верные друзья,

О светлом будущем напрасно вы твердите —
Успехи, счастье, довольство мне сулите!
Не нужно счастья мне: страшит меня оно.
С моею участью сроднился я давно.
Кто знает? может быть, в моей смиренной доле
Я воли не даю страстям лишь поневоле.
Да, счастье, как льстец перед лицом властей,
Опасно для души заносчивой моей;
Увы, быть может, в ней с возвратом
дней счастливых
Проснется скопище надежд самолюбивых,
И страсти прежние, воспрянув, закипят,
И гордость разольет по сердцу острый яд,
И юность вспыхнет вновь, — и счастья
голос мнимый
Смутит покой души, покой невозмутимый.

23 марта 1862

ХУДОЖНИК

Нет, верь мне, не любовь, не страстные мечты
Красою строгою во мне рождаешь ты!
Нет, не горят во мне нечистые желанья,
Когда я, погружен в святое созерцанье,
В благоговении стою перед тобой,
Весь поражен тобой, растерянный, немой.
Как истый скиф, к красе высокой непривычный,
Гляжу я с трепетом на образ твой античный,
И мне не верится в мечтах моих, что он
Слепой природою случайно порожден:

Ты всё мне чудишься божественной Дианой,
Рукою Фидия разумно изваянной.

7 мая 1862

ГРИГОРЬЕВ

(Из антологий)

Мрачен лик, взор дико блещет,
Ум от чтенья извращен,
Речь парáдоксами хлещет. . .
Се Григорьев Аполлон!

Кто ж его в свое издание
Без контроля допустил?
Ты, невинное созданье, —
Достоевский Михаил.

< 1863 >

ЧИЧЕРИН

(Из А. Шенье)

Нет, в искренность его я вечно буду верить!
Чичерин-публицист не может лицемерить.
Всё непритворно в нем: теорий темных бред;
Абстрактность — Гегеля неизгладимый след;
Задор; периодов немецкая протяжность
И фраз напыщенных ребяческая важность.

< 1863 >

КОРШИ

В Москве в книжной лавке Краевский стоял
И тронную речь он держал.

И Кетчер, и Щепкин, и Корши толпой
Внимали той речи с тоской.

Твердил он: «Какая, друзья, благодать
Казенный журнал издавать!»

Твердил про доход с объявлений больших —
С казенных, а также с простых.

Итог тех доходов запал той порой
У Корша в душе молодой, —

И цифрой итога томилась она,
Желаньем законным полна:

Доход собирать с объявлений больших —
Казенных, а также простых.

A. H. AMMOCOB

Александр Николаевич Аммосов родился в 1823 году в семье офицера, впоследствии изобретателя так называемых «аммосовских печей».

В конце 40-х годов он учился в Петербургском университете, а затем поступил на военную службу. В годы Крымской войны находился в действующей армии — сначала на Дунае, потом в Севастополе. В годы польского восстания был в русских войсках в Польше. В последние годы жизни состоял управляющим Палатой государственных имуществ Волынской губернии.

По свидетельству современников, это был неистощимый весельчак, чьи остроумные экспромты и куплеты имели широкое хождение. Сохранилось немало его стихотворений — как опубликованных, так и неизданных. Но подавляющее их большинство — это либо поверхностные юмористические пустишки, либо лирические альбомные стихи. Может быть, именно те, которые пользовались наибольшей популярностью и ходили по рукам, до нас не дошли. На слова Аммосова написали романсы М. П. Мусоргский, К. Н. Лядов и другие композиторы.

В 50-х годах несколько его стихотворений

появились в газете «Русский инвалид» и в сатирическом приложении к «Современнику» — «Свисток», а в 1861—1866 годах Аммосов много печатался в «Развлечении».

Имеются сведения, что он принимал какое-то участие в писаниях Козьмы Пруткова, в частности — что ему принадлежит басня «Пастух, молоко и читатель». Приписывается Аммосову интересное стихотворение «Палашка», напечатанное в «Искре».

Аммосов издал также брошюру «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со слов его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса» (СПб., 1866).

ЭЛЕГИЯ

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай,

Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моег берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди,
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой;
И играет река
Перекатной волной.

< 1858 >

СЕРЕНАДА

Город спит в дали туманной,
Освещен лишь бельведер,
И играет иностранный
На гитаре офицер.

Звучно стройная гитара
Изливает нежный стон:
«*Cara mia, mia cara!*¹
Выйди, выйди на балкон!»

Полны слез слова живые,
Но безмолвен бельведер,
И опять «*o cara mia!*»
Продолжает офицер.

Голос плакал музыканта;
Вот услышали его...
Из окна — *Maria santa!*² —
Чем-то облили всего!..

Жаль мне нового мундира, —
*Maledetto*³ бельведер!..
И в волнах Гвадалквивира
Стал купаться офицер!..

< 1859 >

¹ Моя дорогая (итал.). — *Ред.*

² Святая Мария! (Итал.). — *Ред.*

³ Проклятый (итал.). — *Ред.*

* * *

Не позабудь меня вдали,
Не разлюби меня в разлуке
И на страдальческие муки
Привет участия пошли.

Гони коварные мечты
В порыве пылких увлечений.
Не позабудь моих молений,
Не разлюби молиться ты!

Чтоб счастье наше не могли
Сгубить навеки злобы руки,
Не позабудь меня в разлуке,
Не разлюби меня вдали.

< 1859 >

КОЛОКОЛЬЧИК

Я простился и помчался,
Мыслью, сердцем был с тобой,
И звенел, и заливался
Колокольчик почтовой.

Было скучно мне и больно,
Пыль клубилась предо мной;
Грустно слушал я невольно
Колокольчик почтовой.

Сердце больше не страдает;
Но с тех пор ему порой
Что-то всё напоминает
Колокольчик почтовой.

< 1861 >

А. А. НАВРОЦКИЙ

Александр Александрович Навроцкий родился 1 марта 1839 года в Петербурге. Он учился во 2-м кадетском корпусе, откуда был выпущен офицером в 1857 году. Через десять лет, вследствие тяжелой раны в голову, Навроцкий оставил строевую службу и поступил в Военно-юридическую академию, по окончании которой служил по военно-судебному ведомству, последовательно занимая должности помощника московского и петербургского военного прокурора, виленского военного прокурора, военного судьи петербургского военного округа, председателя виленского военного окружного суда. Вышел в отставку в 1891 году с чином генерал-лейтенанта.

В начале своей литературной деятельности (конец 60-х — начало 70-х годов) Навроцкий сотрудничал в либеральном журнале «Вестник Европы», затем резко поправел. В 1879—1882 годах он редактировал консервативный журнал «Русская речь», где напечатал ряд статей на общественные темы. В 1903 году был одним из активных деятелей черносотенной организации «Русское собрание».

Стихотворения и многочисленные драмы

Навроцкого («Царевна Софья», «Последняя Русь», «Крещение Литвы», «Государь царь Иоанн III Васильевич», «Марфа Посадница», «Лихолетье» и др.) написаны на сюжеты из древнерусской истории и в основном проникнуты консервативными, а иногда и откровенно реакционными тенденциями. Среди них выделяются стихотворение «Утес Стеньки Разина» и первая пьеса «Стенька Разин», навеянные народными преданиями и песнями о Разине, а также книгой Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина»; недаром Костомарову посвящена пьеса.

Стихотворение и пьеса Навроцкого о Разине использовались народниками для революционной пропаганды. «Утес Стеньки Разина» прочно вошел в песенный репертуар. Его очень любил А. И. Ульянов.

Навроцкий умер 28 мая 1914 года.

И з д а н и я с т и х о т в о р е н и й

Картины минувшего. Стихотворения и драматические отрывки. СПб., 1881.

Сказания минувшего. Русские былины и предания в стихах. Кн. 1—3. СПб., 1897, 1899, 1902.

Сказания минувшего. Полное собрание русских былин и преданий в стихах. СПб., 1906.

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался;
И утес человека того не забыл
И с тех пэр его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался

И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю,
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

Но прошла старина, и что в те времена
Лишь мятежною вспышкой казалось,
То теперь решено, но не всё, а одно
И надолго вопросом осталось.

И Степан будто знал — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;

Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

1864

* * *

Было времечко, время давнее,
Время давнее, время славное:
На Руси жила воля-матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смел обижать ее.

Как по селам, по богатым городам
Без боязни все расхаживали,

Перед Юрьевым, пред славным вольным
днем,

От лихих бояр да перехаживали,
Выбирали кто кого хотел
И служили кому вздумалось.

Не понравится — и не нудятся,
Год промаются, год потрудятся,
А придет пора — не останутся:
Воле-матушке всяк поклонится
И пойдет туда, куда хочется.
Было времечко, время вольное,
Время вольное, переходное.

Но пришла на волюшку невзгодушка,
Юрьев день у бедной воли отняли
И детей ее, людей свободных,
В кабалу по смерть боярам отдали.

С той поры лихой воля-матушка
От бояр ушла во дремучий лес,
Во сыром бору схоронилася,
С темной нощенькой породнилася.
Ходит по лесу, по глухим местам,
С бурей грозною потешается,
С частым дождичком по корням стучит,
А в осенний день, в непогодушку,
Тянет песенку про невзгодушку
Или по полю с вихрем кружится,
Или по небу, с ветром буйным,
Тучи черные разгонять учнет —
Не мешали бы, непроглядные,

Красну солнышку светить на́ землю.
А иной порой залетит в село,
Зашумит в трубе, застучит в окно
И шепнет тому, кому надобно,
Кто на барщине от работы мрет:
«Аль забыл меня, крепостной народ!
Позови, смотри, коль понадобится,
Коль пора придет старый счет свести!»
Ходит много лет, не стареется;
И давно уж ждет, не пришла ль пора,
Не отыщется ль богатырь какой,
И забытую, и заглохшую,
Пустит волюшку на крещеный свет.
И дождалася! С Дону тихого
Атаман Степан Тимофеевич
Крикнул грозный клич! гаркнул
с посвистом!
И сошлись к нему добры молодцы,
Слуги верные воли-матушки!
А за ними вслед и сама она
Долго ждать себя не заставила!
Лишь слышала — встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетела к нам, поселилася,
Добрым молодцам полюбилася!
Атаман ее принял с почестью;
Погулял он с ней, понатешился!
Перемолвился да условился
С того времени вместе путь держать.
Где пройдет атаман, там и воле быть!

Мы не воры, не разбойнички,
Атамановы работнички,
Атамановы работнички,
Есауловы помощнички.
Мы веслом махнем — корабли возьмем!
Жги!

Кистенем махнем — караван собьем!
Жги!

А ножом махнем — всех бояр побьем!
Жги!

< 1871 >

ЕРМАК

Он был казак. Брега родного Дона
Его взрастили в зелени полей;
Как верный сын свободного притона,
Не признавал он ставленных властей.

Гулял свободно, грабил караваны
И ужас наводил он на купцов;
Не страшны были царские охраны
Отборной шайке вольных удальцов.

Но надоело для корысти чуждой
Свой хоровод разбойничий водить —
И захотелось честной, верной службой
Свои грехи былые искупить.

Прослышал он, что кличут клич с Урала,
Зовут на помощь с камских берегов,
Где храбрых горсть победно охраняла
Обширный край от натиска врагов.

И он пошел туда с своей ватагой,
Вступил на службу к воинам-купцам;
Там вдоволь было тешиться отвагой
И разгуляться волжским молодцам.

Но не могли потехи обороны
Его души отважной утолить;
Проведал он, что есть в Сибири троны,
Которых мощь возможно сокрушить.

Хоть много их, язычников безбожных, —
Разбойник волжский, чудо-богатырь,
Он, во главе товарищей надежных,
Низринулся в далекую Сибирь.

Среди лесов и тундры многоводной
Он смело шел, встречаясь с врагом.
Непобедим порыв души свободной,
Когда она сражается с рабом.

Для них война считалась забавой;
Противостать враги им не могли;
И шли они с победоносной славой
Всё дальше в глубь неведомой земли.

Там Ермаку никто не прекословит,
Числу врагов он не подводит счет.
Кто льва рукой в пустыне остановит?
Кто, дерзкий, путь ему пересечет?

Настиг царя на воинской ловитве,
Повел своих, отвагою дыша,
И доконал врагов в кровавой битве,
Смешав их кровь с водою Иртыша.

И снарядил он к Грозному посольство,
Чтоб рассказать, как справился с врагом,
Просил забыть былое своевольство
И царством бил державному челом.

И царь послов с приветом ясным встретил,
И принял дар донского казака,
На подчиненье милостью ответил,
Не вспомянул былое Ермака.

Он одарил отважных добровольцев
И шубу выслал с царского плеча
Тому, кто был, как вождь тех своевольцев,
Давно намечен жертвой палача.

Но час настал... Его из сотворенных
Не избежит никто и никогда!
На горсть бойцов, в сон крепкий погруженных,
Набросилась свирепая орда.

Для Ермака не страшны нападения,
Он бил ее, как бьют врагов орлы;
Но, ослабев, в реке искал спасенья
И в волны прыгнул с каменной скалы.

Он утонул, подавленный убранством,
И прах его восприняла река;
Но подарил он Русь обширным царством,
И чтит она тот подвиг Ермака.

1885

Д. П. ДАВЫДОВ

Дмитрий Павлович Давыдов родился в 1811 году в Ачинске Енисейской губернии в семье гидрографа, близкого родственника Дениса Давыдова.

Пятнадцати лет он поступил в Ачинский окружной суд канцелярским служителем, затем был произведен в канцеляристы, но работа эта его не привлекала. В 1830 году, выдержав соответствующий экзамен при Иркутской гимназии, Давыдов был назначен учителем Троицкосавского уездного училища. В 1838 году он переехал в Якутск, где в течение десяти лет был смотрителем училищ Якутской области. В годы 1848—1859 он занимал ту же должность в Верхнеудинском округе (Верхнеудинск — теперь Улан-Удэ).

Таким образом, тридцать лет Давыдов занимался педагогической деятельностью, отдавая ей много душевных сил, не заботясь о карьере и продвижении в чинах. «Я посвятил себя занятию, к которому чувствовал призвание, — писал он, — и смею думать, усилия мои к распространению грамотности, смягчению нравов и развитию умов моих воспитанников не остались без последствий».

И в другом месте: «О вверенных мне заведениях я заботился примерно и снабжал бедных учеников книгами на свой счет. С гордостью могу сказать, что никто из моих воспитанников не оказался негодяем. Все они были проникнуты тем благородным духом, который инстинктивно чувствуется детьми и сообщается им на всю жизнь как бы по обаянию, непреклонному перед влиянием, враждебно ему действующим».

Давыдов был человеком с широким кругом интересов. С юных лет он полюбил точные науки. Он обратился в Московский университет с просьбой «сделать ему экзамен на степень кандидата чистой математики и физики и других относящихся к оным наук». Однако в январе 1831 года Давыдова уведомили, что «за неимением постановлений о заочных испытаниях» его просьба не может быть удовлетворена.

Давыдова глубоко интересовало все связанное с Сибирью. В середине 40-х годов он принял участие в работах сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа, производя в Якутске геотермические исследования и метеорологические наблюдения. В специальной докладной записке в Академию наук Миддендорф дал высокую оценку этим наблюдениям. В целях промышленного развития Сибири Давыдов обдумывал проекты соединения Байкала с Леной.

Он много занимался «электричеством и магнетизмом, как силами, обещающими громадные услуги для людей в будущем», мечтал о беспро-

волочном телеграфе, управляемом летательным аппаратом и пр.

Давыдов был настоящим подвижником-краеведом, лингвистом, фольклористом, этнографом, археологом. Он изучал якутский и бурят-монгольский языки и опубликовал первый выпуск якутско-русского словаря. Он много лет собирал монгольские сказки, легенды, пословицы и часть из них передал известному ориенталисту, монголоведу О. М. Ковалевскому, договорившись об их издании в подлиннике и в русском и французском переводе. Связанный с Русским географическим обществом, Давыдов неоднократно ездил в Баргузин, собирая сведения о минеральных источниках, древних водопроводах и пр., и намеревался написать монографию о Баргузинском крае. В изданиях Географического общества напечатано несколько работ Давыдова — «О начале и развитии хлебопашества в Якутской области», «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа» и др. О некоторых трудах Давыдова упоминает знаменитый немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт в своем сочинении «Космос».

Увлечение Давыдова поэзией относится еще к детству, но поэзия вместе с тем никогда не была главным делом его жизни. Первые его литературные опыты, дошедшие до нас, — это весьма наивные поэмы или даже романы в стихах (сам поэт называет их «сибирскими романами в стихах») «Наташа» и «Заветный бокал». Они были разрешены цензором П. Гаевским в мае 1832 года,

но опубликованы не были; нам удалось обнаружить их рукописи. В каком направлении развивалось далее поэтическое творчество Давыдова — не вполне ясно, поскольку он не печатал своих произведений, а их рукописи погибли в 40-х годах во время пожара в Якутске. По словам самого Давыдова, он с юности «был воспламенен октавами Тасса»: «Читая «Освобожденный Иерусалим», я задумал поэму «Покоренная Сибирь» и принялся за работу, которая уже приближалась к концу и отрывки из которой кое-где появлялись в печати без моего ведома, когда пожар в Якутске уничтожил мое произведение вместе со всем моим имуществом. Оправившись от беды, я восстановил что мог... «Покоренная Сибирь» представляет историческое событие в картинах местностей, лично мною осмотренных, в картинах, смею сказать, не лишенных занимательности, верности и изящного очертания; при том полная татарских легенд, собранных мною около бывшего Искера и (на) других кочевьях Сибири».

Только в 1856 году Давыдов начал печатать свои произведения. В том же году вышло отдельным изданием его стихотворение «Амулет», а через три года «Ширэ гуйлгуху, или Волшебная скамеечка». В 1857—1858 годах, сблизившись с поэтом и редактором-издателем петербургской газеты «Золотое руно» И. П. Бочаровым, поэт поместил в ней целый ряд стихотворений (в том числе две главы из «Покоренной Сибири») и очерков. Когда были созданы все эти произведения — уста-

новить на основании имеющихся данных пока не представляется возможным. В «Золотом руне» были напечатаны и «Думы беглеца на Байкале» («Славное море — привольный Байкал...»), прославившие имя их автора. Уже в 60-е годы стихотворение получило широкое распространение и стало народной песней. С появлением стихотворений Давыдова в «Золотом руне» ясно обозначились характерные черты его поэзии: сибирская тематика, сочувственное отношение к трудовому люду народов Сибири, глубокий интерес к их быту и языку, легендам, преданиям, песням, к историческому прошлому и природе Сибири.

В 1859 году Давыдов вышел в отставку, чтобы заняться литературной и научной деятельностью, завершить свои многолетние работы, и переехал в Иркутск. Здесь ему пришлось пережить одно за другим тяжелые испытания. В 1861 году поэт ослеп. Больше восьми лет он пролежал в постели без движения, со сведенными руками и ногами. К тому же в Варшаве сгорели рукописи Давыдова, находившиеся у О. М. Ковалевского. Позже, в 1870 году, другие его рукописи, книги, вещи, физические и астрономические инструменты погибли во время наводнения в Иркутске, когда затопило его квартиру. «Таким образом, пятнадцатилетний труд, стоивший мне невероятных усилий и лишений, — писал Давыдов о собрании монгольского фольклора, — труд, которым я гордился и который обещал многое, исчез в огне и воде бесплодно для света, оставив лишь отрывочные следы своего существования».

Когда руки и ноги начали действовать, слепой Давыдов снова стал думать о продолжении своих разнообразных работ, но нужда и почти полное одиночество, не говоря уже о слепоте, развеяли его надежды.

В 1871 году в Иркутске вышла книга Давыдова «Поэтические картины», продиктованная им дочери. Эта книга — в значительной степени автобиографического характера, с многочисленными антинигилистическими выпадами. В поэтическом отношении она очень слаба.

После иркутского пожара 1879 года Давыдов перебрался в Тобольск, где и умер 11 июня 1888 года.

Издания стихотворений

Амулет. Казань, 1856.

Ширэ гуйлгуху, или Волшебная скамеечка.
Верхнеудинск, 1859 (напечатана в Казани).

Поэтические картины. Иркутск, 1871.

Стихотворения. Вступит. статья, редакция и примечания Ф. Кудрявцева. Иркутск, 1937. (В издании много текстологических погрешностей.)

АМУЛЕТ

Всё было тихо; солнце село;
Чуть слышен плеск волны;
А ночь июльская светлела
Без звезд и без луны.

Веслом двухлопастным лениво
Я бороздил поток —
Скользил по Лене горделивой
Берестяной челнок.

Далёко берег был за мною,
Другого не видать;
Но над безбрежною рекою
Так весело мечтать!

Природа северная чудной
Красой одарена;
Но для кого в стране безлюдной
Роскошна так она?

О, для кого такое лето
И для кого зима!

То днем и ночью много света,
То днем и ночью тьма!

Якут на дивные картины
Смотреть не сотворен;
Весь рай его — кусок конины:
И кумыса чарон.

Не вечно прелести от света
Красавица таит;
И нежится, полураздета,
Когда одна сидит.

Далёко мысль моя летела
От благодатных мест;
А ночь июльская светлела
Без месяца и звезд.

Вдруг вихорь... Дико заревела,
Напенившись, река;
И безотрадно заскрипело
Бересто челнока.

Нырять он, — то вверх выносит,
То падает опять,
Как будто о пощаде просит
То небеса, то ад.

Надежды нет: река безбрежна;
Грозит, но медлит смерть;
На трепет жертвы неизбежной
Ей весело смотреть.

Еще раз буря простонала;
В лицо ударил вал...
И ничего потом не стало —
Я не жил, не страдал.

Когда очнулся я, всё было
И тихо и светло;
Отраднo солнышко всходило,
И Лена — как стекло.

Один под сѳсною прибрежной
Лежал и думал я:
То сон ли был души мятежной,
Иль чудо бытия?

Но глаз мой зорок, ухо чутко...
Я слышу шум шагов,
Я вижу — старая якутка
Выходит из кустов.

«Скажи мне, друг мой узкоокий,
Что́ было, как со мной?
Я утонул в реке глубокой —
И кто спаситель мой?»

«Молчи и слушай, нуча, слово:
Хотук тебя спасла.
Смотри: вдали стоит сурово
Сергуева скала.

Вчера абтах переселился
На эту высоту;

Увидел нучу, рассердился
И — напустил сату.

А я три раза поднимала
Спасительный керях;
Меж тем тебя не видно стало
В бушующих волнах.

Но силен бог... Сата минула,
Сравнялася Эббе.
Я ветку с берега столкнула
И понеслась к тебе.

Пусть давит аджарай абтаха.
Ты, нуча, невредим.
Возьми подарок и без страха
Гуляй по свету с ним».

Шаманка амулет счастливый
Надела на меня:
То были волосы из гривы
Пеганого коня.

С тех пор за годом год промчался —
Я не считал их сам, —
И много, много я скитался
В степях и по морям.

Но дар заветный удаганы
Всегда меня хранил;
Перед ним стихали ураганы,
Он молнии гасил.

Зверь лютый набежит, бывало,
Смирится и уйдет;
Иль змей в меня направит жало, —
Свернется и уснет.

Весь мир послушным мне казался, —
Не думал я о нем,
Но я жестоко ошибался
В могуществе своем.

Раз повстречался я с девицей:
Зарница на щеках,
Огонь небесный под ресницей,
Рубины на устах.

Вилися локоны густые;
Волнилась тихо грудь:
Тут рай, все блага тут земные —
Не мне — кому-нибудь.

Напрасно к силе амулета
Несчастный прибежал:
Не вздох, любовью согретый, —
Я холод ощущал.

Пред взором девы горделивой,
Не любящей меня,
Бессильны волосы из гривы
Пеганого коня.

Ах, удаган, мой друг далекий,
Зачем ты не дала

Мне против красоты жестокой
Волшебного узла?

Пускай бы бури рокотали
Над головой моей,
И звери лютые рыкали,
И шевелился змей. . .

Не так мое бы сердце ныло,
Не так страдал бы я,
Как пред красавицей Людмилой,
Холодной для меня.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Чарон — деревянный особой формы стакан, из которого якуты пьют кумыс. *Нуча* — русский. *Хотук* — девица. *Сергуева скала* (Сергуев камень) — местность в 40 верстах ниже Якутска, где Лена сливается в одно русло. *Абтах* — колдун. *Сатá* — напущение ветра, возмущение атмосферы посредством колдовства. *Керях* — шаманская жертва. *Эббе* — бабушка. Так якуты называют Лену. *Ветка* — берестяной челнок. *Аджарай* — бес. Есть поверье, что при неудачах злые духи давят шамана, равно и перед смертью его, если он затрудняется передать власть над ними другому. *Удаган* — шаманка.

< 1856 >

МОЯ ЮРТА

Среди сосен, за горою,
Юрта бедная моя.
Только свету предо мною,
Что белеет Тимия.
Не забудешься от лени:
Буря громко зычет в сени;
И за льдиною окна
Вьется снежная волна.
Под трубой полуразбитой
Головня трещит сердито
И ворчит горшок с водой
Да с сосновою корой;
В симири кумыс забытый;
На подмощенных досках,
Собеседницы ночные,
Две подушки травяные
И узорчатый тельлях.
У стола сидит Людмила;
Томный взор она склонила
На ленивый карандаш,
Тихо шепчет: «Ах, когда-то,
Верный друг мечты крылатой,
Ты бумаге передашь
Всё, что думает мой милый
В этой области унылой;
И когда-то я взгляну
На родимую страну?»
— «Не тужи, краса родная, —
Я Людмиле отвечал. —
Скоро встанет ленский вал --

И под парусом, мечтая,
Унесемся быстро мы
От печали и зимы.
А теперь бы не мешало
Потрудиться у чувала:
Развлечешься от тоски,
Разомнется разом ножка.
Потруси в горшок муки,
Молока подлей немножко,
И конинки на рожень
Ручкой нежною поддень,
Да в чарон, точенный гладко,
Кумысу начерпай мне;
И, с тобой наедине,
Мы поужинаем сладко. . .
Нас, как прежде, посетит
Призрак радости бывалой
И надеждой запоздалой
Нашу юрту оживит.
Гость небесный, добрый гений
Снова к страннику порхнет,
Снова дар мне принесет, —
И возвышенность творений
Оправдает, друг мой, сны
Незабвенной старины.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Тимия — название озера, лежащего в горах в 15 верстах к западу от Якутска. *Симирь* — кожаный особенной формы мешок, устраиваемый для

хранения кумыса. *Тельях* — вообще постель. Но преимущественно под этим словом разумеется ковер, сшитый из лоскутков верхнего тонкого слоя коровьей или лошадиной кожи, шерстью вверх. Лоскутки эти, в виде треугольников, квадратиков и продолговатых четырехугольников, подбираются попеременно, то с черною, то с белою шерстью, и составляют очень красивый узор. Тельях из лошадиной кожи несравненно, дороже тельяха из кожи коровьей. *Чарон* — деревянный особенной формы стакан на ножке, из которого якуты пьют кумыс.

< 1857 >

ДУМЫ БЕГЛЕЦА НА БАЙКАЛЕ

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Ну, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалечко!

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в норах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил;
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь — и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречались мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец:
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я коргой — и пришел наконец
К бочке, дресвою замытой.

Нечего думать, — бог счастье послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал,
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки. утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне, —
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью;

Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, баргузин, пошевеливай вал:
Плыть молодцу недалечко!

П Р И М Е Ч А Н И Я

Беглецы из заводов и с поселений вообще известны под именем «прохожих». Они идут, не делая никаких шалостей, и питаются подаванием сельских жителей, которые не только не отказывают им никогда в куске хлеба, но даже оставляют его в известных местах для удовлетворения голода прохожих. Беглецы не делают дорогою преступлений из боязни преследования; а жители не ловят их сколько потому, что это для них неудобно, а более из опасения, что пойманный, при новом побеге, отомстит поимщику. Беглецы боятся зверо-промышленников и особенно бурят: существует убеждение, будто бы они стреляют прохожих (это и выражает стих: «Пуля стрелка — миновала»).

Беглецы с необыкновенною смелостью преодолевают естественные препятствия в дороге. Они идут через хребты гор, через болота, переплывают огромные реки на каком-нибудь обломке

дерева; и были примеры, что они рисковали переплыть Байкал в бочках, которые иногда находят на берегу моря и в которых обыкновенно рыбы-ловы солят омулей.

Шилка и Нерчинск. Под этими словами здесь разумеются всегда Шилкинский и Большой Нерчинский заводы. В последнем из них сосредоточено заводское управление. Говорят: «Партия ссыльных идет в Нерчинск»; значит — в Нерчинские заводы. Собственно же Нерчинск не что иное, как город, и туда никого за преступления не ссылают. *Акатуйский рудник* — место для самых злейших преступников. *Баргузин* — так называется на Байкале северо-восточный ветер, которым суда идут от Забайкалья на Иркутскую сторону. *Корга* — береговая отлогость.

< 1858 >

СИБИРСКИЙ ПОЭТ

Посвящено Ивану Петровичу Бочарову

От мира мне не надобно похвал.
Друзья простят мне смелость и свободу,
С которыми я некогда писал
Приветный гимн забытому народу
И яркими чертами рисовал
Отважностью блиставшую породу.
Раскинул я завесу старины,
Чтоб оживить воинственные сны.

Я обновлю их кистию игривой;
Осветит их роскошная мечта,
Посланница от музы говорливой,
Оценит труд любовь и красота.
Томясь в глуши, с надеждой прихотливой
Я полагал, что песни якута
Не стихнут вдруг и добрая судьбина
Присудит жить им в сердце славянина.

До времени мне не хотелось в свет
Пускать моих ребяческих творений.
Певец чудес, сражений и побед,
Имел к тому я много побуждений,
И все они, конечно, мой секрет.
Скажу одно — молчал я не от лени.
Теперь моим разбросанным друзьям
Про жизнь свою я повесть передам.

Мой древний род блистал в стенах Рязани;
Он славен был и в Думе и в боях.
Но я рожден не для тревог и брани —
Мне кровь страшна, на дедовских мечах.
Спокойствие — предел моих желаний,
Хоть я искал бессмертия в стихах,
Средь области немой и полудикой,
При блеске звезд Медведицы Великой.

Сочувствия людского я не знал:
Для бедняков оно — пустое слово;
Нам подают приятели фиал,
Наполненный водою нездоровой,

А сами пьют дымящийся кристалл —
И тут еще надменно и сурово
Глядят в глаза да думают подчас —
Не много ли уж сделано для нас?

Мне знакома святая Мангазея,
И прежде, чем задумал на Парнас, —
Я погулял по устью Енисея
И посетил его соседку — Таз;
Ангарские пороги, не робея,
Переплывал на ветке я не раз;
И весело меж Ленскими столбами
Плескался я шумящими волнами.

На берегу пустынном Инбака
Я первые стихи сложил дитёю
И дочери косматой остяка
Их напевал вечернею порою.
Уж я тогда слышал про Ермака,
Но занят был природою одною;
И на горе, под сению кедра,
Ночь светлую сидел я до утра.

Впоследствии настала жизнь иная,
Мне от судьбы был горький жребий дан.
Я отдыхал, когда ревела Мая,
Когда кипел разгневанный Алдан,
Когда волна виляла снеговая,
В лицо хлестал неистовый буран;
А у жерла пылающей Авачи
Я забывал былые неудачи.

На лыжах я в дремучие леса
Ходил один, с винтовкой за плечами.
Унижет ночь звездами небеса —
Разрою снег привычными руками
И в нем смежу усталые глаза.
Питался я убитыми зверями;
Нередко же случалось голод свой
Мне утолять сосновою корой.

Моя душа от горя не черствела;
Поэзия сроднилась со мной.
В тайге, в снегу, я на бересте смело,
С окрепшею от холода рукой,
Писал стихи талинкой обгорелой
И заливал их теплою слезой:
От радости тогда струились слезы,
Что в мире есть талины и березы.

Я размышлял при туче грозовой
Иль, северным сияньем освещенный,
В бору, в степи, средь тундры моховой,
В ущелье скал у пропасти бездонной
И в Шергинском колодце, под землей,
Морозами во льдину превращенной.
Меня качал Восточный океан,
И восходил я на Хамар-Дабан.

Довольно мне скитаться зверем было.
Безвременно пробилась седина;
Но грудь моя пылает как горнило;
Еще душа надеждами полна.

Явилась прекрасная Людмила
И поняла пустынного она.
На радость ей, в странах Кучума-хана
Не смолкнет песнь сибирского баяна!

П Р И М Е Ч А Н И Я

Ветка — маленькая лодочка.

Шергинский колодезь, или Шергинская шахта, в Якутске имеет около 400 английских футов отвесной глубины. Близ дна шахты термометр Реомюра показывает $2\frac{1}{2}$ градуса ниже нуля; так что до точки, где можно рассчитывать на талую землю, еще остается до 300 футов.

Поэт в Шергинской шахте производил наблюдения и по окончании их предавался своим любимым размышлениям. Об этой знаменитой шахте находится описание в книге: Dr. A. Th. v. Middendorff's *Sibirische Reise*.¹

< 1858 >

ТУНГУС

Десятый день без остановки
В Удских горах тунгус бродил;
Не поднимал стрелок винтовки
И котелка не кипятил.

¹ Сибирские путешествия А. Ф. фон Миддендорфа (нем.). — *Ред.*

Не в час из юрты одинокой
Бедняк на промысел пошел:
Не тронут зверем снег глубокий,
Казался пуст и лес, и дол.

Привык по дебрям он скитаться,
И лыжи добрые под ним;
Но начал часто спотыкаться,
Жестоким голодом томим.

Уж солнце спряталось за гору,
Несчастный к дереву припал
И со ствола сухую кору
На скромный ужин добывал.

Он думал: хоть бы дух лукавый
Его в тот вечер пожалел
И с поваренкою монявы
К нему на помощь подоспел.

Вдруг видит — что-то шевелится,
Он напрягает зоркий глаз
И тихо на брюхо ложится, —
Винтовка в сошки уперлась. . .

Блеснуло пламя, гул раздался,
Сохатый повалился в ров;
И быстро к жертве приближался
С пальмою острой зверолов.

Пирует он: рожни дымятся,
В котле седая пена бьет;
Проворно скулы шевелятся,
И уже глаз, и шире рот!

Доволен был тунгус усталый —
Давно так сытно не едал;
И, облизав на пальцах сало,
Набил ганзу и дым глотал.

Сохатого сырою кожей
Себя окутал он кругом
И у огня, на мягком ложе,
Забылся скоро сладким сном.

Мороз трескучий ночью злился
И ветер сильно завывал;
А пень сосновый чуть дымился
И тунгуса не пригревал,

Но спал он словно заколдован;
И пробудился на заре,
Замерзшей шкурою спелёнан,
Как зверь, задавленный в норе.

Ни рук, ни ног — всё крепко сжато,
Густая шерсть со всех сторон,
И под гробницею мохнатой
Зубами лишь шелкаёт он.

А сверху — на мездре кровавой, —
Ему казалось, бес стоял
И ковшик с теплою монявой
В когтях насмешливо держал.

Вот минул день, и ночь минула,
Вновь осветились небеса,
И снегом глубоко задуло
Приют последний тунгуса.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Монява. В неочищенный желудок убитого оленя (питающегося, как известно, белым мхом) наливают крови и, перемешав ее с тем, что там находится, завязывают отверстие и вешают желудок над огнем очага. Смесь эта приходит в некоторого рода брожение и называется «монявою». Когда нет другой пищи, тунгус достает поваренку монявы для употребления и отверстие желудка снова завязывает. *И тихо на брюхо ложится...* Якуты и соседние им тунгусы, для верности прицела, ложатся на брюхо; тогда сошки винтовки выдаются вперед и составляют с нею тупой угол. *Пальма.* Большой железный нож, заостренный с одной (дугообразной) стороны и прикрепленный к деревянному пестику, оклеенному берестой. Пальму употребляют якуты и тунгусы как рогатину — на большого зверя и как топор — для срубания дерева на топливо и прочие нужды. *Ганза.* Маленькая медная трубочка, которая

привязывается ремнем к коротенькому деревянному чубуку, состоящему из двух продольных половинок, скрепленных продолжением того же ремня. Чубук раздвигается, собственно, для того, чтобы из него было удобнее выскрести накапливающийся там табачный сок, который в свою очередь перемешивается с корою или древесными стружками и опять курится с табаком.

< 1858 >

ПРИМЕЧАНИЯ

В сборник включены произведения двадцати пяти второстепенных поэтов середины XIX века, в той или иной степени дополняющих общую картину развития русской поэзии этого времени.

Тексты, как правило, печатаются по последним прижизненным изданиям (сведения о них приведены в биографических справках), а когда произведения поэта отдельными сборниками не выходили — по журнальным публикациям. Произведения поэтов, издававшихся в Большой серии «Библиотеки поэта», воспроизводятся по этим сборникам.

При подготовке книги использованы материалы, хранящиеся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Впервые печатаются несколько стихотворений В. Щиглева, П. Кускова и В. Крестовского, а также отрывки из некоторых писем и документов, приведенные в биографических справках.

Произведения каждого поэта расположены в хронологической последовательности. В конце помещены не поддающиеся датировке стихотворения и переводы. Даты, не позже которых написаны стихотворения (большой частью это даты

первой публикации), заключены в угловые скобки; даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком.

В. И. БОГДАНОВ

Беседа с музою. В автографе между предпоследней и последней строфами имеются еще две:

Как преследует исправно
Преступленья наша власть,
Как воров вели недавно
В часть, в часть, в часть.

Как что год, то видим больше
Новых льгот и новых благ,
Как разбит со славой в Польше
Враг, враг, враг.

(В. И. Богданов. Собрание стихотворений. М., 1959, с. 335). Возможно, что эти строфы — особенно вторая, в которой речь идет о польском восстании 1863 г., — исключены по цензурным причинам. *Влас, мой друг...* В первые годы своей литературной деятельности Богданов печатал стихи под псевдонимом «Влас Точечкин» (или «Точкин»). *Шандоров свет* — освещение керосином американской фирмы Л. Шандор, введенное в Петербурге в 1862 г.; несколько центральных улиц уже освещались в это время газом. *Свет! свет! свет!* — слова из рекламного объявления Шандора. В сатирических и юмористических журналах

тех лет было немало насмешек над Шандоровым светом. *Сонм* — множество. *Как Ефремов дал недавно...* В начале 60-х годов в Петербурге расплодилось немало танцклассов, которые являлись, кроме того, домами свиданий; содержанием одного такого танцкласса был некий Ефремов.

Наш пролетарий. В «Искре», где стихотворение было напечатано, несомненная опечатка: строки 1-я и 3-я последнего четверостишия кончаются одинаково — словами «в столице». В 60-е годы пролетарием нередко называли вообще бедняка, неимущего человека. *Фризовая шинель* — шинель из грубой шерстяной материи.

Дубинушка. Прообраз известной революционной песни. Автор ее, А. А. Ольхин, переработал в конце 70-х годов стихотворение Богданова, заимствовав у него стихотворный размер и перенеся в свою «Дубинушку» с небольшими изменениями три куплета. Припев — переделка аналогичного припева бурлацкой песни. *Петр* — Петр I. *Чтоб дружнее прорубалось в Европу окно*. Ср. в «Медном всаднике» Пушкина: «В Европу прорубить окно».

Химеры. *Содом* — крик, шум.

«Французы в Суэце, как видно...». Джон Буль — ироническое прозвище английского буржуа. Английское правительство долго противодействовало прорытию французами канала через Суэцкий перешеек, видя в этом угрозу своему

господству в Индии; однако в 1859 г. работы по строительству канала были начаты и в 1868 г. близились к концу. Коснувшись в своих «Заметках со всех концов света» захвата Эфиопии англичанами и передавая слухи о том, что, освободив пленных англичан (это послужило предлогом для войны), английская армия покинет Эфиопию, Богданов насмешливо писал: «Этому как-то плохо верится. Если она и отступит, то, вероятно, не далее ближайшего приморского пункта, где и постарается укрепиться окончательно». Странно было бы предполагать, продолжал Богданов, что только чувство сострадания к взятым в плен землякам побудило британское правительство тратить миллионы фунтов стерлингов и проливать кровь своих подданных. «Нет, вероятно, тут в ходу высшие соображения хоть в таком роде, что 1) абиссинское племя находилось до сих пор в полудиком состоянии, не мешает начать его эксплуатировать, — это может дать большие барыши; 2) попрактиковать засидевшихся солдат с их усовершенствованным оружием ввиду всякого рода случайностей вообще не мешает, а кстати представляется возможность окупить делаемые с этой целью расходы приобретением какого-нибудь клочка территории; 3) же и главное заключается в том, что

Французы в Суэце, как видно. . .».

«Красный принц в стенах Стамбула. . .». Красный принц — принц Наполеон-Жозеф

Бонапарт (1822—1891), сын брата Наполеона I, короля Вестфалии Жерома Бонапарта. После революции 1848 г. был избран в Учредительное собрание, за радикальные речи в котором и получил прозвище «Красный принц». Его политическая позиция то и дело менялась. В 1865 г., при открытии памятника Наполеону I, он произнес речь, в которой предлагал программу либеральных реформ, чем вызвал неудовольствие Наполеона III. Однако они вскоре примирились, и с тех пор принц Наполеон получал разные дипломатические поручения. Стихотворение написано по поводу его путешествия в Турцию, куда он был послан Наполеоном III, опасавшимся слишком решительных преобразований в Османской империи.

Ерриг si тuове! В автографе между предпоследней и последней строфами вставлена еще одна:

Напрасно сила, власть и гнет
В союз вступили с иезуитом,
Жизнь не стояла — шла вперед...
В народе сдавленном, забитом
Явилась мощь: был страшен взрыв
Ожесточенья, вместо стонов,
Когда отчаянья порыв
Рождал Маратов и Дантонов,
Когда равнял всех эшафот,
Когда среди потоков крови
Кричал неистово народ:
«Ерриг si тuове!»

(В. И. Богданов. Собрание стихотворений. М., 1959, с. 346). Возможно, что эта строфа не попала в печатный текст по цензурным причинам. Слова «Примечание для не пошедших далее классического ликея» — насмешка над сторонниками классической системы образования; см. также с. 708 («Песнь о Педефиле и Педемахе»). *Чингисхан* (ок. 1155—1227) — монгольский хан и полководец, завоевавший обширную территорию в Азии. *Аттила* (ум. 453) — вождь гуннов, создавший государство от Волги до Рейна и державший в страхе всю Европу.

«Очень грозен горизонт а...». В 1868 г., когда написано стихотворение, международное положение было крайне напряженным. Очень сильны были националистические и милитаристические настроения, которые искусственно раздувались правительствами, чтобы отвлечь общественное внимание от острых социальных противоречий внутри страны. Шла усиленная подготовка франко-прусской войны. О. Бисмарк (1815—1898), в то время канцлер Северогерманского союза, стремился при помощи войны с Францией завершить объединение германских государств вокруг Пруссии, являвшейся оплотом его реакционной политики, а также задушить ожившее рабочее движение и нейтрализовать притязания либеральной буржуазии. Очень сильны были воинственные настроения французской буржуазии, видевшей серьезного врага в объединенной Германии; их всецело разделял известный публицист

Э. Жирарден (1806—1881), за что и получил кресло сенатора. Папа Пий IX (1792—1878), светская власть которого после 1859 г. распространялась только на Рим, не переставал мечтать о реставрации. *Больным человеком* издавна называли Турцию государственные деятели и публицисты, добивавшиеся ее раздела; в 1867 г. с предложением о созыве конференции великих держав для раздела турецких владений выступила Австрия.

Свой идеал. Стих. «Свой идеал» и «Мы — особь статья!» вызваны рядом статей газеты «Весть», в которых высказывалось недовольство крестьянской реформой 1861 года. Это была критика крестьянской реформы справа. «Весть», орган наиболее реакционных слоев поместного дворянства, ратовала за обезземеление крестьянства, ссылаясь на его якобы неумение вести хозяйство, и восстановление многих дореформенных порядков.

«Орел французский встарь вносил...». Отклик на письмо Наполеона III к папе Пию IX, в котором французский император предлагал ему оставить французские войска в Риме для охраны католического вселенского собора. «Дети и внуки лиц, торжественно провозгласивших принципы 1789 года, — пишет Богданов в своих «Заметках», — в настоящее время своими штыками станут ограждать не менее торжественное провозглашение анафемы этим принципам.

Орел французский встарь вносил...».

Три сына. Это стихотворение приписывалось раньше В. Р. Щиглеву, так как в тетради предназначавшихся для журнала «Будильник», но запрещенных цензурой стихотворений оно подписано буквой «Р» (тут же находятся другие стихотворения, подписанные обычными псевдонимами Щиглева «Романыч» и «Р»). Однако впоследствии выяснилось, что «Три сына» были затем напечатаны в газете «Петербургский листок» за подписью «Б» и принадлежат Богданову.

«У министров буржуазных...». «Буржуазное министерство Оливье, — читаем в «Заметках» Богданова, — начинает почти с того же, чем кончила блаженной памяти буржуазная монархия Луи-Филиппа, то есть с кровавой борьбы на улице. Так, при попытках воздвигнуть баррикады в день арестования Рошфора¹ на улицах Парижа уже текла кровь... Говорят, что это дурное предзнаменование только для министерства». По этому поводу, замечает Богданов, один немецкий сатирический журнал, характеризуя настроения парижского населения, приписывает ему следующую песенку:

«У министров буржуазных...».

¹ Рошфор А. (1831—1913) — французский радикальный публицист и политический деятель, резко выступавший против режима Второй империи, Наполеона III и его приближенных.

Ca ira (т. е. «все пойдет на лад») — революционная песня, возникшая в годы французской революции XVIII в.

Мы — особь статья! См. с. 683, примеч. к стих. «Свой идеал». *Иеремиада* — горькая жалоба, сетование (от библейского рассказа о плаче пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима). *Столбовые* — столбовые дворяне, представители старинных дворянских родов. *Аршинник* — торговец, купец. *Кутья, кутейник* — насмешливое прозвище человека, происходящего из духовного сословия. *Перевернул всё круто Павел...* Напряженные отношения с матерью, Екатериной II, привели к тому, что Павел поселился в Гатчине, где его главные заботы сосредоточились на устройстве так наз. гатчинской армии — нескольких батальонов, отданных под его команду, их обмундировании и муштре по прусскому образцу. Вступив на престол, Павел I высылал из столицы старых генералов и приближал к себе гатчинцев, среди которых был и А. А. Аракчеев. Урезаны были многие права дворянства, полученные им в царствование Екатерины II. *Сперанский М. М.* (1772—1839) — видный государственный деятель в царствование Александра I и Николая I. *Подьячий* — в старину мелкий чиновник. *Кантонисты* — в до-реформенную эпоху сыновья солдат, со дня рождения прикреплявшиеся к военному ведомству и проходившие подготовку к солдатской службе в специальных школах. *Аракчеев А. А.* (1769—1834) — военный министр при Александре I,

основатель военных поселений; ярый реакционер. *Опекунский совет* — учреждение, ведавшее попечением о вдовах и сиротах, а также выдававшее помещикам денежные ссуды под залог их имений. *Земство* — система местного самоуправления в сельских местностях, введенная в России в 1864 г. Вопреки утверждениям либералов и жалобам реакционных кругов, руководящую роль в земских учреждениях играло дворянство, а представители крестьян фактически не имели влияния на ход дел.

<Диалог версальского и парижского хора>. Одна строка («Всё, как капитал заедает тяжкий труд») была явно искажена при наборе — в ней нарушен стихотворный размер; может быть, следует читать: «Всё, как заедает капитал наш труд». Диалог является непосредственным откликом на события Парижской коммуны и ярко характеризует сочувственное отношение к ней Богданова и «Искры». Квартирная плата и платежи по векселям упомянуты в связи с двумя декретами Парижской коммуны: в отмену постановления Национального собрания было отсрочено погашение задолженности по квартирной плате за последние девять месяцев, а платежи по векселям распределялись на три года, причем должны были производиться без начисления процентов. *Инсургенты* — участники антиправительственного вооруженного восстания.

<Тьеру>. Тьер А. (1797—1877) — французский буржуазный историк, публицист и политиче-

ский деятель; в 1871 г. возглавлял правительство и жестоко подавил Парижскую коммуну. Остановившись на «последних выборах в Париже» (т. е. выборах в Национальное собрание и избрании «главы исполнительной власти»), Богданов сообщает в «Заметках», что город был наводнен полицейскими и шпионами. Поскольку выборы окончились в пользу Тьера, войско и полиция остались пассивными наблюдателями. «Что бы вышло в противном случае — неизвестно, но, во всяком случае, можно рассчитывать, что г. Тьер не ударил бы лицом в грязь перед своими братьями по ремеслу вроде Кавеньяка и героя 2-го декабря (т. е. Наполеона III. — И. Я.). Словом, г. Тьер, несмотря на свои преклонные лета, подает большие надежды в качестве прямого наследника прежних эксплуататоров Франции. В самом деле:

Развивать он бойко стал...».

Н. С. КУРОЧКИН

Послание к Н. Л. Гнуту. Обращено к Н. Л. Ломану («Гнут» — псевдоним Ломана) и написано в связи с его пародиями на К. К. Случевского, П. А. Кускова и других враждебных «Искре» поэтов. В ответ на «Послание» Ломан посвятил Курочкину пародию «Вы не поверите, что мне недавно приснилось...» (с. 262). В «Послании к Н. Л. Гнуту» пародийно использовано стих. Н. М. Языкова «Элегия» («Поэту радости

и хмеля...»); последние четыре строки, как и указано в подзаголовке, целиком взяты из него с небольшим изменением. *Геликон* — гора в Греции, служившая, согласно мифам, местом пребывания муз. В переносном смысле — место поэтического вдохновения. О Н. Н. *Страхове* см. на с. 703.

Дева и жрецы. В начале 60-х годов усиленно обсуждался вопрос о предоставлении женщинам возможности получить высшее образование и связанные с ним права и преимущества. Неоднократно писали, в частности, о высшем медицинском образовании женщин, причем многие представители медицины резко высказывались против женщин-врачей, видя в них своих конкурентов. Как известно, путь к высшему образованию был еще долго закрыт для женщин. Имя одного из действующих лиц сценки, Бомбастуса, связано с именем швейцарского врача и естествоиспытателя Т.-А. Парацельза Бомбаста фон Гогенгейма (1493—1541). Парацельзу принадлежит ряд научных открытий и догадок, основанных на опытном изучении природы, но в своих теоретических взглядах он оставался в плену антинаучных, мистических предрассудков. Возможно, впрочем, что Курочкин имел в виду и английское слово «bombast» — напыщенность, высокопарность, в том числе напыщенная и высокопарная речь; с таким значением это слово вошло позже и в немецкий язык. *Капище* — языческий храм; в переносном смысле — место служения чему-нибудь вообще: ка-

пище наук и пр. *Эскулап* (римск. миф.) — бог врачевания. *Столпник* — религиозный фанатик-отшельник, молившийся, стоя на небольшом столпе (столбе) или затворившийся в маленькой башенной келье; возможно, впрочем, что слово «столпники» употреблено здесь вместо «столпы» — выдающиеся люди, являющиеся опорой чего-нибудь. *Сонм* — собрание, множество. *Гален* (131 — ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель, до конца Средних веков непререкаемый авторитет в области медицины. *Фалес* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий философ. *Дракон* (VII в. до н. э.) — древнейший афинский законодатель; законы Дракона за их суровость вошли в поговорку. *Гельмонт* И.-Б. (1577—1644) — голландский врач и естествоиспытатель, у которого наряду с здоровыми идеями и ценными научными открытиями было много мистико-теологических предрассудков и представлений.

Утешение в разлуке. Отклик на судебную реформу, основные положения которой были опубликованы в сентябре 1862 г. В «Утешении в разлуке» пародийно использовано стихотворение поэта, прозаика и драматурга 30-х годов, эпигона романтизма А. В. Тимофеева (1812—1883) «Разлука». На слова этого стихотворения композитор А. Е. Варламов (1801—1848) написал романс «Пловцы».

Из цикла «Парижские оды». «Парижские оды» написаны во время заграничного

путешествия Курочкина и передают его непосредственные впечатления от пребывания в Париже в 1863 г. Центральное место в этих впечатлениях занимал огромный полицейско-бюрократический аппарат Наполеона III, господство произвола и насилия, обеспечивавшие «буржуазный порядок» и душившие все живое в стране. Эпиграф — неточная цитата из стих. В. Гюго о Наполеоне I «Lui» (сб. «Les orientales», 1829). *Зуава ли на улице встречаю.* Упоминание о зуаве (алжирский стрелок, солдат военных частей, комплектовавшихся главным образом из жителей Алжира) намекает на захватническую колониальную политику Наполеона III. Алжир уже был в то время французской колонией, но в нем то и дело вспыхивали восстания, которые жестоко подавлялись французским правительством. *Дивляюся ли бульваров широте.* В 50—60-х годах префект Парижа Э.-Ж. Осман осуществил перепланировку французской столицы — многие улицы были расширены, были разбиты новые бульвары и сады, причем одной из главных причин этой перепланировки было стремление правительства, напуганного событиями 1848 г., сделать более затруднительным устройство баррикад и ведение уличного боя. *Жан Вальжан* — главный герой романа В. Гюго «Отверженные» (1862), преследуемый инспектором полиции Жавером (Курочкин по ошибке называет его Шеваром). «*Жители планет*» — статья Н. Н. Страхова, напечатанная в 1861 г. *Где после дважды черни страстный крик...* О революциях

1830 и 1848 гг. *Аквилон* — северный ветер. *Шальной поэт* — Гюго, живший в это время в изгнании в Лондоне. *Давно Скарятин доказал статьями...* В своих корреспонденциях из Парижа и других статьях о Франции, написанных еще в годы его относительного либерализма, В. Д. Скарятин (см. о нем также на с. 698) резко отзывался как о революционном прошлом Франции, так и о революционных силах тех лет. Всю вину за острые социальные противоречия и произвол, царивший при Наполеоне III, он возлагал не на истинных виновников, а на «беспрерывные революции». *Его держал своим корреспондентом.* Корреспонденции Скарятинна из Парижа и Лондона печатались в 1861—1862 гг. в «Современной летописи» — приложении к «Русскому вестнику» М. Н. Каткова; о Каткове см. на с. 728.

В ресторане. В 1867—1868 гг. в России был голод, но официальная печать, по прямому указанию правительства, старалась приуменьшить размеры бедствия и предпочитала говорить не о голоде, а о «неурожае», «недостатке хлеба» и пр. Стихотворение высмеивает эти писания реакционных газет.

«Честным я прожил певцом...». Стихотворение выбито на могильной плите В. С. Курочкина. *Гроб мой украсьте венком!* — строка из стих. «Гроза» Беранже в переводе В. С. Курочкина.

Некрасов. Первые четыре строки — из стих. Некрасова «Умру я скоро. Жалкое наследство. . .». Оттуда же — ст. 11 и (в измененном виде) ст. 12.

К музе. Перевод стих. «Муза». *Феб* (греч. миф.) — Аполлон, бог солнца и света, покровитель искусства, предводитель муз. *Зоренька* — звездочка (украинизм).

Ископаемый человек. Джустини Д. (1809—1850) — итальянский поэт-сатирик. Вольный перевод стих. «Un fossile». *Пикет* — карточная игра.

Г. Н. ЖУЛЕВ

Карьера. *Амплуа* — роль.

Незабудка. *Камелия* — женщина легкого поведения, кокетка. *Крестовский* — Крестовский остров в Петербурге. *Блонды* — шелковые кружева.

Литературные староверы. Стихотворение направлено против реакционной газеты «Северная пчела» и близких к ней писателей — «булгаринских времен хилых фигурантов», но имеет и более широкий смысл. Оно наносило удар всем врагам демократического и реалистического искусства, сочувственного и правдивого изображения народа в литературе. *Что теперь уже молчит Старая газета.* «Северная пчела» была основана в 1825 г. продажным журналистом и беллетристом,

агентом III Отделения Ф. В. Булгариным. Это было самое распространенное периодическое издание в годы царствования Николая I, игравшее роль правительственного органа и травившее передовую общественную мысль и литературу. С 1860 г. газета перешла к журналисту П. С. Усову, и в связи с этим наиболее реакционные сотрудники прекратили сотрудничество в ней. *Главная пчела* — Булгарин, умерший в 1859 г. *Куплетист он и актер...* По-видимому, речь идет о драматическом артисте и водевилисте П. А. Каратыгине (1805—1879). *Был еще тут драматург...* По-видимому, Н. В. Кукольник (1809—1868), произведения которого отличались ходульными героями, напыщенным языком, монархическими и националистическими тенденциями. *И младенцы в эту ночь...* Ср. конец «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто ехал впереди» В. А. Жуковского: «Лишь, внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон Младенцы вздрагивали в страхе».

Сон. Пародия на стих. П. А. Кускова «Тревожное сновидение» (см. с. 504), которое является вариацией на мотивы молодого Г. Гейне. В этом смысле и нужно понимать слова Жулева: «Читали Гейне мы, но в лучшем переводе».

Отставной майор и «ландышка». *Жукова сквозь нос*. Трубочный табак фабрики В. Жукова. См. также с. 725. *Штоссик* — азартная карточная игра штосс.

Т о в а р и щ у. *Мизерабли* (франц. misérables) — несчастные. В 1862 г. вышел и был переведен роман В. Гюго «Les misérables», из которого Жулев и перенес в русский язык это слово. *Сюпрем* (франц. suprême) — блюдо из лучших частей птицы под соусом. *Потаж* (франц. potage) — суп. *Сарра* — модная портновская фирма в Петербурге 60-х годов. *Тайлёр* (франц. tailleur) — портной. *Несем подальше к мосту!* — т. е. вносим проценты по ссудам, полученным под залог вещей, в отделение петербургского ломбарда возле Банковского моста. *Сенная* — Сенная площадь, где был рынок. *Фельдшера Обуховской больницы*. В Обуховской больнице кончала свои дни преимущественно петербургская беднота.

Ч и ж и к. *Презент* — подарок, приношение. *Коломня* — Коломна, район Петербурга; в те годы — место жительства бедноты, мелкого чиновничества и мещанства. *Несессер* — коробка с мелкими туалетными принадлежностями.

П е т р у ш к а. *Разовые* — поспектакльная оплата актеров. *Квартальный* — квартальный надзиратель, полицейский, под надзором которого находилась известная часть города (квартал).

«Л и р а м о я , л и р а . . .». В этом стихотворении имеются отзвуки стих. Ю. В. Жадовской «Нива моя, нива, Нива золотая! . .».

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Негордый человек. *Мне дали раз отличный перстень...* Намек на нашумевший в свое время скандальный случай. Председатель Театрально-литературного комитета С. П. Жихарев пытался присвоить бриллиантовый перстень, пожалованный члену комитета А. В. Дружинину. *Как птица божия, не сею...* Ироническое использование евангельского текста (от Матфея, гл. 6, ст. 26).

Взгляд на природу. *Горний* — небесный. *Мне милее Станиславы...* — т. е. ордена св. Станислава, св. Владимира и св. Анны. *Камергер* — придворное звание. Знаком камергерского звания был золотой ключ; его носили с бантом из голубой ленты на пуговице при заднем кармане мундира.

Элегия. О женском медицинском образовании в 60-х годах см. примеч. к сценке Н. Курочкина «Дева и жрецы», с. 688. Интересно сопоставить «Элегию» со следующим отрывком из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». «Я, нисколько не совестясь, уж очень много компрометировал Веру Павловну со стороны поэтичности, — иронически писал Чернышевский, — например, не скрывал того, что она каждый день обедала, и вообще с аппетитом, а кроме того, по два раза в день пила чай. Но теперь я дошел до такого обстоятельства, что, при всей бесстыдной низости моих понятий, на меня нападает робость, и думаю я: „Не лучше ли было бы скрыть эту

вещь? Что подумают о женщине, которая в состоянии заниматься медициною? Какие грубые нервы должны быть у нее, какая черствая душа“» (гл. 4, XI). На ту же тему через полвека после «Элегии» написано стихотворение Саши Черного «Городская сказка».

Веселая песенка. Вейнберг, как и другие шестидесятники, слово «гласность» нередко употреблял иронически, потому что, во-первых, подлинная гласность была неосуществима в царской России, во-вторых, одной гласности было недостаточно для существенных изменений социального строя и, наконец, потому, что громкие фразы либералов о гласности находились нередко в резком противоречии с их практической деятельностью и журнальной борьбой против демократического лагеря. *Как случилось в Твери, например.* В Твери жену капельмейстера, дирижировавшего оркестром, попросили удалиться с гимназического вечера.

Из цикла «Песни сумасшедшего акционер а». Главное общество российских железных дорог, о котором идет речь в стихотворении, было основано в 1857 г. при ближайшем участии иностранных банкиров. Ему была предоставлена концессия на постройку четырех железнодорожных линий, в том числе Московско-Феодосийской. Все высшие должности занимали французские инженеры и техники; главным директором был французский инженер Ш.-Э. Колиншон

(1802—1885). В 1861 г. в Обществе обнаружались огромные злоупотребления и растраты, и оно было реорганизовано. Южная дорога, потребность в которой остро чувствовалась в эти годы, была построена лишь в следующее десятилетие. Стихотворение — «перепев» песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Н. А. Полевого.¹

Колыбельная песня. «Редактор знаменитый», к которому обращено стихотворение, — Н. Ф. Павлов (1805—1864). Сначала Павлов принадлежал к либеральному лагерю; в 30-х годах прославился несколькими антикрепостническими повестями, вызвавшими негодование Николая I; в 50-х годах поместил несколько острых критических и публицистических статей в тогда еще либеральном «Русском вестнике»; в 1860—1863 гг. — редактор-издатель субсидировавшейся правительством реакционной газеты «Наше время»; строка

¹ Слово «перепев» употреблено и здесь, и дальше не в обычном смысле, т. е. не в смысле подражания, а для отличия от пародии. Пародия всегда связана с дискредитацией идейного смысла произведения или поэтической системы писателя. В «перепеве» могут быть иногда элементы пародии, но основная его направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, а неожиданность такого применения, разрушающая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является известность используемого источника. Но смех направлен не против этого литературного источника «перепева», а против объекта сатиры.

«Видишь, может наше время» имеет поэтому двойной смысл. Стихотворение написано под влиянием «Колыбельной песни» Некрасова.

Стрекоза и муравей. Работы по устройству водопровода в Петербурге были начаты в 1859 г. Через три года на собрании акционеров Общества с.-петербургских водопроводов выяснилось, что капитал полностью истрачен, долги очень велики, а все произведенные работы необходимо переделать. Решено было обратиться в Городскую думу с просьбой о поручительстве для получения из казны новой большой ссуды. Однако Дума отвергла эту просьбу. «Стрекоза и муравей» — «перепев» одноименной басни Крылова. *Палибин П. И.* (1811—1881) — инженер, директор правления Общества с.-петербургских водопроводов, автор неудачного проекта водоснабжения Петербурга. *Пелль А. Х.*, архитектор, *Овсянников С. Т.*, купец, торговец хлебом, *Крон А. И.*, владелец пивоваренного завода, — члены правления Общества.

Утешение. Публицист В. Д. Скарятин до возникновения газеты «Весть» (1863—1870), редактором которой он стал, и перехода на открыто крепостнические позиции сотрудничал в умеренно либеральных органах печати. Стихотворение вызвано его верноподданническими статьями в газете «С.-Петербургские ведомости». Европа ошибается, заявлял он, полагая, будто прокламации вроде «Молодой России» и Герцен выражают взгляды русского народа. Революция в России, по

его словам, невозможна, но, с другой стороны, неправы, мол, и те, кто считает, что наступила реакция. Скарятин с ложным пафосом писал о «великой пользе союза либеральной партии с властью», подобострастно прославлял Александра II и с казенным оптимизмом рисовал блестящее состояние России, утверждая, в частности, что «крестьянский вопрос устраивается». *Только дайте до второго...* Празднование тысячелетия России в 1862 г. имело официозный характер, и демократический лагерь отнесся к нему иронически. В Новгороде был открыт памятник тысячелетию России по проекту скульптора М. О. Микешина (1836—1896).

Доктрина. Первые восемь строк — перевод двух строф стих. Г. Гейне «Doktrin», пользовавшегося большой популярностью в демократических кругах 60-х годов (см., например, эпиграф к статье Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»). *Маркигантка* — торговка, следующая за войсками во время похода. *Я, тезка великого Гейне.* Стихотворение было напечатано под обычным псевдонимом Вейнберга «Гейне из Тамбова».

В. П. БУРЕНИН

Из цикла «Парижский альбом». Пародия на цикл стихотворений А. Н. Майкова «Неаполитанский альбом». Подстрочное примечание к заглавию пародирует аналогичное примеча-

ние Майкова. *Всё пишу о нигилистах...* После выхода «Отцов и детей» искровцы, как и многие другие представители передовой интеллигенции тех лет, считали, что Тургенев сознательно искажил образ демократа 60-х годов и что все его симпатии — на стороне «отцов». *Вот Некрасов пишет мне...* Некрасов тяжело переживал разрыв с Тургеневым. 15 января 1861 г. он писал Тургеневу: «Я в сию минуту хлопочу не о «Современнике» и не из желания достать для него твою повесть (т. е. «Отцы и дети») — это как ты хочешь, — я хочу некоторого света относительно самого себя и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне». Тургенев использовал это личное письмо в борьбе с «Современником». Он сослался на него, к тому же извратив его смысл, в «Письме к издателю» «Северной пчелы». «Весною 1861 года тот же г. Некрасов писал мне в Париж письмо, в котором с чувством, жалуясь на мое охлаждение, возобновлял свои лестные предложения и между прочим доводил до моего сведения, что видит меня почти каждую ночь во сне. Я тогда же отвечал г. Некрасову положительным отказом, сообщив ему мое твердое решение не участвовать более в „Современнике“». «*Вестник*» — журнал «Русский вестник», в котором Тургенев после разрыва с «Современником» в течение нескольких лет активно сотрудничал. *Lamartine* — Ламартин А.-М.-Л. (1790—1869), французский поэт романтического направления, историк и либе-

рально-буржуазный политический деятель; в 1848 г. фактически возглавлял временное правительство; «человек красивых слов и гнусных дел», по определению К. Маркса. Называя Ламартина «автором разных медитаций», Буренин имеет в виду сборники его стихотворений «Méditations poétiques» и «Nouvelles méditations poétiques» («Поэтические размышления» и «Новые поэтические размышления»).

Драматические сцены по поводу выхода «Современника». В июне 1862 г. «Современник» был приостановлен правительством на восемь месяцев. Во время вынужденного молчания журнала ходили слухи, что он изменит свое направление. Однако в феврале 1863 г. вышла двойная (за январь и февраль) книжка «Современника», которая решительно опровергла их. Начиная серию статей «Наша общественная жизнь», М. Е. Салтыков-Щедрин дал полную яда характеристику «благонамеренного» (т. е. придерживающегося официального образа мыслей) человека. Действующими лицами сцены «В Москве» и являются два таких «благонамеренных». В магазине книгопродавца И. В. Базунова находилась московская контора «Современника»; здесь производилась подписка на журнал и выдавались очередные его книжки. *Ну, ему все «даже»...* В «Отцах и детях», в главе, где описывается спор Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым, есть такое место: «— Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, — промолвил Базаров. —

В теперешнее время полезнее всего отрицание, — мы отрицаем. — Всѣ? — Всѣ. — Как? не только искусство, поэзию, но и... страшно вымолвить... — Всѣ, — с невыразимым спокойствием повторил Базаров». В статье Щедрина приведенный отрывок пересказан следующим образом: «— Вы не верите ни во что... даже? — вопрошает Базарова один из старичков Кирсановых. — Даже, — отвечает Базаров, вовсе не заботясь о том, что... гость обязан говорить хозяевам лишь приятные и угодные вещи. Не верит в «даже», а верит в лягушек!» Это «даже» попало из статьи Щедрина в сатиру Буренина. *Поголовно обругал!* О «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев», автором которого является М. А. Антонович. *Им хвалы слагает он!* О статье Щедрина. Слово «мальчишки», пущенное Катковым, обозначало в лексиконе реакционной журналистики то же, что «нигилисты», революционеры. «Свисток» — сатирическое приложение к «Современнику» в 1859—1863 гг.

Сцена «В Петербурге» вызвана следующими фактами. В ноябрьской книжке «Отечественных записок» журналист С. С. Громека выразил сожаление по поводу того, что «литературное направление, известное последнее время под общим названием нигилизма, устранено вовсе из печати». Но это заявление вовсе не свидетельствовало о сочувственном отношении к «Современнику» и одновременно с ним приостановленному «Русскому слову». Репрессивные меры, утверждал Громека, приведут к тому, что нигилизм будет загнан в

подполье и преследуемые мнения будут вознесены «на ступень мученичества». Между тем, сетовал он на цензуру, уже приближался момент, когда нигилизм был бы окончательно развенчан, и приостановление журналов только усилило его. Резкую отповедь получил публицист «Отечественных записок» в названном выше обзоре Антоновича. Он высмеял Громеку, отметив, что его «ходатайство» за «Современник» появилось уже тогда, когда стало известно о возобновлении журнала, и раскрыв подлинный смысл этого «ходатайства». Тут же говорится об отсутствии у Громеки серьезно продуманных взглядов. Антонович сравнил его со «школьником, который накануне собрал кой-какие сведения о факте и завтра станет проповедовать об нем публике». Этим и объясняется ярость Громеки в сцене Буренина: «Что? невежда я и школьник?!» и т. д. С несколькими страницами того же обзора связана реплика М. М. Достоевского: «А меня на «почве» милой Оскардалили!» *Достоевский* М. М. (1820—1864) — беллетрист, переводчик и журналист, брат Ф. М. Достоевского; издавал вместе с ним журналы «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865). Идейная концепция славянофильского типа, развивавшаяся в журналах М. и Ф. Достоевских, носила название почвенничества. *Федор* — Ф. М. Достоевский. *Косица* — псевдоним ближайшего сотрудника журналов Достоевских, философа-идеалиста, критика и публициста Н. Н. Страхова (1828—1896). *Краевский* А. А. (1810—1889) — журналист капиталистического типа, по своим

политическим взглядам — умеренный либерал; редактор-издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884). Краевский, как журнальный предприниматель, в первую очередь поражен необычайной толщиной «Современника» (в № 1—2 за 1863 г. свыше тысячи страниц).

После первого чтения г. Юркевича по «философии». *Юркевич П. Д.* (1827—1874) — философ-идеалист, профессор Киевской духовной академии, а затем Московского университета, сотрудник «Русского вестника» Каткова; неоднократно выступал со статьями и лекциями, направленными против материализма, в частности против Чернышевского. Стихотворение вызвано циклом его публичных лекций, прочитанных в начале 1863 г. *Бюхнер Ф.-Л.* (1824—1899) — немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма. Его главный труд — «Сила и материя» — был переведен и литографирован в 1860 г. московским революционным кружком П. Зайчневского и П. Аргиропуло. *Молешотт Я.* (1822—1893) — физиолог, родом из Голландии, по своим философским взглядам — также вульгарный материалист. *Бокль* — см. с. 720. Бюхнер, Молешотт и Бокль, так же как и Л. Фейербах, пользовались большой популярностью в радикальных кругах 60-х годов. — Эпиграф — начало пословицы: «Гром не из тучи, а из навозной кучи».

Главы из «Благонамеренной поэмы». Эпиграф — из стих. *Конрада Лилиеншваге*

ра (Н. А. Добролюбова), направленного против мелочного либерального обличительства, которое получило широкое распространение во второй половине 50-х годов. *Катковым, лорд-мэром*. Насмешка над англоманством Каткова (см. о нем на с. 728) в пору его либерализма. *Павлов* — см. с. 697. *И скакал Розенгейм пионером*. О Розенгейме см. на с. 579. Употребив в стих. «Прогресс» слово «пионеры», Розенгейм сделал к нему примечание: «передовые люди». *Калиновский Д. И.* — редактор журнала «Светоч» (1860—1862), поставившего перед собою задачу примирить западничество и славянофильство. *Чичерин Б. Н.* (1828—1904) — юрист, историк и публицист умеренно либерального направления, профессор государственного права Московского университета, враг революционного движения и революционной мысли 60-х годов. *Князь Черкасский с березовой ветвью шел*. Черкасский В. А. (1824—1878) — общественный и государственный деятель, примыкавший к славянофилам; принимал участие в подготовке крестьянской реформы. Имеется в виду статья Черкасского 1858 г., в которой он высказывался за временное сохранение телесных наказаний для крестьянства. *Заливался Скарятин, как мерин*. О Скарятине см. на с. 698. Эта насмешка связана со статьей Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» (1862) и стих. В. Курочкина «Конский дифирамб». Рассказав несколько анекдотов, характеризующих якобы несамостоятельность мысли русского человека, Скарятин переходит в своей

статье к более существенным рассуждениям: «Почему крестьянин не подписывает уставную грамоту и не идет на оброк? Почему он верит прохожему богомольцу, который уверяет, что у помещиков землю возьмут даром? Почему, наконец, когда пройдет срок полюбовной сделки, придут чиновники, напишут грамоты, введут их, и тот же крестьянин подчинится тому, чего прежде сам не захотел устроить. Не печально ли это?» Иначе говоря, почему крестьяне добровольно не санкционируют своего ограбления, если их все равно заставят это сделать? *Плювьёз* (pluviose) — пятый месяц республиканского календаря, введенного во время французской революции XVIII в. Месяцы делились на декады. *Ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки* — обозрения «Современная хроника России», которые умеренно либеральный публицист С. С. Громека (1823—1877) помещал в «Отечественных записках» Краевского. По поводу одного из этих обозрений «Искра» писала, что Громека, приведя цитату из «Истории революции 1848 года» Гарнье-Пажеса, тем самым «приравнивает состояние нашего общества к состоянию описываемого Гарнье-Пажесом общества французского». *Деревья свободы* — один из символов французской революции XVIII в. Насаждение «деревьев свободы» обставлялось очень торжественно. Вокруг них в дни революционных праздников устраивались пляски и пелись революционные песни. *Будка* — караульная будка для стоящего на посту полицейского. «*Почты*» редактор *Иван Гончаров*. В 1862—1863 гг. И. А. Гон-

чаров редактировал газету министерства внутренних дел «Северная почта». *Кохановская* — псевдоним писательницы Н. С. Соханской (1825—1884), во многом близкой к славянофилам. *Roland* (Ролан М.) (1754—1793) — политическая деятельница эпохи французской революции XVIII в.; в ее салоне собирались вожди жирондистов. «*Предварение*» вместе с «*караием*» слить. В 1862 г. комиссия по пересмотру цензурного законодательства обсуждала вопрос о частичном переходе от предварительной цензуры к административно-карательным мерам воздействия на печать. Работа комиссии не дала никаких результатов. *Исправляет Юркевич публично*. О лекциях Юркевича см. на с. 704.

(Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского). В стихотворении описан обряд «гражданской казни» над Н. Г. Чернышевским накануне его отправки в Сибирь. Это было 19 мая 1864 г. в Петербурге на Мытнинской площади. Буренин был на площади и довольно точно описал виденное.

Песнь о Педефиле и Педемахе. Педефил (детолюб) и Педемах (детоборец) — М. Н. Катков и П. М. Леонтьев (1822—1875), профессор римской литературы Московского университета, реакционный публицист, ближайший единомышленник Каткова и его помощник по редактированию журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». *От полярных хладных*

льдов... Ср. со стих. Пушкина «Клеветникам России»: «От финских хладных скал До пламенной Колхиды». *Ликейский храм воздвигнув в наши дни*... Катков и Леонтьев были фанатическими приверженцами классической системы образования. В 1868 г. они открыли в Москве классический лицей и принимали активное участие в выработке реакционного устава гимназий 1871 г., согласно которому классическая система получила полное преобладание. В условиях общественно-политической борьбы 60—70-х годов классическая система образования, изучение древних языков рассматривались правительственными кругами как «противоядие» против естественных наук и материалистической философии, подрывавших устои религиозного мировоззрения, против идей коренного социального переустройства и революции.

Общественное мнение. Стихотворение написано непосредственно после окончания нечаевского дела и высмеивает реакционную печать, в первую очередь «Московские ведомости» Каткова, высказывавшую недовольство чересчур вежливым и терпеливым отношением председателя суда и защитников к подсудимым, слишком мягким приговором и т. п.

Собачий пир. *Барбье* О. (1805—1882) — выдающийся французский поэт, выступивший после революции 1830 г., воспевавший борьбу народа и клеймивший предательство буржуазии. «Собачий пир» — перевод стих. «*La cigée*». *Бастилия* —

крепость и тюрьма в Париже, преимущественно для политических заключенных. Была разрушена 14 июля 1789 г. в результате народного восстания, положившего начало французской революции XVIII в. *Фригийский колпак*. Здесь имеется в виду шапочка, которую носили якобинцы; с тех пор — символ свободы. *Маркидантка* — см. с. 699. *Капра-ла в двадцать лет* — т. е. Наполеона Бонапарта.

Н. Л. ЛОМАН

Перед Милютинными лавками. Пародия на стих. Ф. И. Тютчева:

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой... и т. д.

Милютинны лавки — роскошные гастрономические магазины в Петербурге. *Вьюшин* — владелец фруктового магазина в Петербурге. *Дуля* — сорт груш. *Гомар* — омар.

Утешение. Пародия на стих. Ф. И. Тютчева «Успокоение». Цитаты из него, местами, впрочем, значительно измененные, Ломан выделил курсивом.

На кладбище. Пародия на одноименное стихотворение К. К. Случевского. «И какие удивительные люди поэты, подобные г-ну Случевско-

му! — иронически писал Ломан. — Сейчас видно, что у них в голове что-то не так, как у других людей. Если мы с вами, г-н редактор, вздумаем пойти на кладбище да улечься на могильную плиту, — что из этого будет? Бока заболят, комары искусают лицо — и только. Пошел г-н Случевский, прилег — и видит, как грибы растут, и слышит, как мертвые говорят. Удивительный слух и удивительное зрение! Мертвец очень деликатно просил г-на Случевского полежать за него час-другой в гробу, пока он совершит свою прогулку по белому свету. Но г-н Случевский не согласился — и умно сделал. Не писать бы ему больше элегий, а нам бы не читать их. Содержание элегии, рассказанное мною, довольно неправдоподобно, но в этом самом я и вижу торжество таланта г-на Случевского и совершенное понимание им законов искусства». *Матлот* — танец. *Содружество идей* — выражение А. А. Григорьева, восторженно отозвавшегося о поэзии Случевского. *Вспомнил случай я...* Намек на непристойные стишки «На кладбище ветер свищет...»

Коварство и любовь. Пародия на стих. К. К. Случевского «Мемфисский жрец». Заглавие взято из драмы Ф. Шиллера «Коварство и любовь». Ломан довольно точно воспроизвел сюжетную схему стихотворения Случевского, но вместо жреца, причисленного к лику богов, и первой жрицы в пародии фигурируют квартальный надзиратель (см. с. 694) и некая женщина, пришедшая к нему по делу о денежном взыскании. *Вмале* —

вскоре. *Фрейя* — в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты. *Петрополь* — Петербург. *Денница* — утренняя заря. *Насчет билета сочиненье...* Речь идет о так называемом желтом билете — паспорте, выдававшемся в до-революционное время проституткам.

«Давно любовь в обоих нас остыла...». Пародия на стих. К. К. Случевского «Давным-давно тебя похоронил я...». Вот его содержание. Поэт, обращаясь к женщине, которую он когда-то любил и которая уже умерла, говорит, что давным-давно на душу его «живительное время Спустило то тревожное забвенье, С которым мысль о прошлом горе легче». Но вдруг он узнает, что, умирая, она ему изменила: «Как будто Смерть, щеки твоей касаясь, Проклятый поцелуй на ней оледенила». Мысли поэта устремляются «в какое-то чудесное пространство, В пространство дальше без времени и места», и он отправляется на поиски возлюбленной. В пути он видит, как «На неподвижной и сквозной лазури Всплывали месяцы и снова потухали, Леса сосновые качали головами» и т. п. Наконец он находит ее в некоей «храмине». Она лежит на пышном ложе, «тысячи лампад Горели и дымилась, а со сводов Смотрели чьи-то выцветшие лики, Горя окладами и яркой позолотой». Долго вглядывается поэт в ее лицо. Румянец на ее щеках так свеж, от нее веет «Такою светлою, спокойною весною, Что грешной мысли зла и преступленья Перед тобой родиться не могло». Но вдруг она поднимает веки, и вме-

сто глаз поэт видит две глубокие налитые кровью впадины: «И понял я, кто обольстил тебя, И для кого ты другу изменила... И стал я звать таинственную Смерть, Как заклятого, кровного врага, На грозный бой...» Смерть не появилась, но своды храмины зашевелились, «лики заморгали», тревожно вспыхнули лампы, поэт почувствовал свое ничтожество и бессилие. «И мне казалось, будто подо мной Земля и небо быстро укатились; А на обломках мира восседал Какой-то грозный, неподвижный призрак В венце из звезд кровавых и комет, Осыпанный иссохшими костями И освещаемый порой зловещим блеском Из бездны ночи — мрачной и пустой!» Все это высмеяно Ломаном как бред помешанного. Он использовал в пародии и ряд других стихотворений Случевского. Строка «И наконец печатно повестил» и след. — намек на стих. «Мои желанья»; строка «Вся даль была в светящихся руках» — намек на стих. «Снега»; строка «По призракам Ночь важно восходила» и след. — на стих. «Вечер на Лемане»; строка «И слышно стало, как росла былинка» и след. — на стих. «Статуя». *Юм* — американский спирт, приехавший в Россию в конце 50-х годов. *Десница* — правая рука и вообще рука. *Ферт* — самодовольный, развязный, наглый человек. *Карсель* — старинная лампа с насосом, подававшим с помощью часового механизма масло из резервуара к светильне.

«Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь...». Пародия на стих. В. В. Кре-

стовского «А весна, как струна, занывает в груди...» из цикла «Весенние ночи» (см. с. 530). В первоначальной редакции стих. Крестовского было еще одно (последнее) четверостишие. Оно кончается следующими строками:

И уж бог весть куда забредем без следа,
Нацелуемся с ней до рассвета
И забудемся вновь так истомно тогда
Над весенней страницей Фета...

Упомянув Л. А. Мея и Н. М. Языкова, Ломан имеет в виду их эротические стихотворения. В пародии использовано также другое стихотворение Крестовского из того же цикла — «Но боже! как забыть...» (строка «Вся ночь — один аккорд, один безмолвный хор!»). Курсивом выделены слова Крестовского.

«Ах, взгляните: закрывает тучкой боязливо...». Пародия на стих. В. В. Крестовского «О, взгляни ты: голубые звезды робко блещут...» из того же цикла (см. с. 531). «Замечаете ли? — читаем в фельетоне Ломана, — все в природе притихло, все робеет и дичится оттого, что нерешительна милая поэта; но открой она окошко, «отгони прочь детскую робость» — тогда совершится превращение и с самой природой. Мысль богатая! Варьируя ее, я попробовал изобразить природу в оба момента: и до взгляда милой, и после взгляда». Слова «боязливо», «тайком», «украдкой» и пр. не являются цитатами, но

воспроизводят основной мотив стихотворения Крестовского. Последняя строка — цитата из этого стихотворения.

«Появилась головка в окне...». Пародия на стих. В. В. Крестовского «И в саду тишина...» из того же цикла (см. с. 530). *Ланиты* — щеки.

Résumé весенних стихотворений г. Крестовского. Пародия на цикл «Весенние ночи» в целом. *Клубника* — «клубничка», нечто нескромное, скабрезное, эротическое.

(Г. Пр. Преображенскому). Пр. Преображенский — псевдоним Н. С. Курочкина, под которым появилось его «Послание к Н. Л. Гнуту» (см. с. 128). Ответ Ломана на «Послание» является вместе с тем и пародией на стих. Л. А. Мея «Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилось...». Пародия связана со стих. Н. А. Некрасова «Мне жаль, что нет теперь поэтов...», также направленным против эпигонской поэзии. Последние строки этого стихотворения таковы:

Что нет Туманских и Трилунных,
Не пишет больше Бороздна
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна. . .

Ершов П. П. (1815—1869) — поэт 30-х годов, автор сказки «Конек-горбунок». Здесь, очевидно, имеется в виду не столько «Конек-горбунок»,

сколько лирика и поэмы Ершова в духе эпигонского романтизма 30-х годов. *Трилунный* — псевдоним мелкого поэта 30—40-х годов Д. Ю. Струйского (1806—1856).

«Душе становится легко хоть на мгновенье...». Пародия на перевод П. Сонины «Из А. Шенье» («Душе становится легко хотя на миг...»).

«В самом деле, шли бы вы на взморье...». Пародия на стих. В. В. Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря...» (см. с. 536).

«Ох, время тяжкое настало!...». Автору приснился страшный сон. Поэты сговорились будто бы не печатать больше своих стихов, и искровцы лишились материала для пародий. «Ох, время тяжкое настало!...» — жалобная песня, с которой они решили обратиться к замолкнувшим поэтам. Ломан проснулся в грустном настроении. Но оказалось, что опасения были совершенно напрасны: в литературе не произошло никаких изменений и пародистам не угрожает безработица. *Гений небывалый*. Насмешка над высокой оценкой поэзии К. К. Случевского Ап. Григорьевым. «*Молчанье строгое хранит*» — несколько измененная строка из стих. Случевского «Он не любил еще...». *Не слышно страстных песен Кроля*. О Кроле см. на с. 453. *Тур З. В.* — мелкий поэт 50—60-х годов. *Когда кометою мохнатой*. Намек на стих. Н. Н. Страхова (см. о нем на с. 703) «Комета», напечатанное в «Русском вестнике» в 1860 г. *Кре-*

стовский наш ушел на взморье. Имеется в виду стих. «Я б ушел от вас на берег моря...», которое высмеяно в предыдущей пародии Ломана.

Стихотворения в гейневском духе. Пародия на русских подражателей Г. Гейне. «Попробуется наш поэтик перевести какую-нибудь из гейневских песен, — пишет Ломан, — не сможет, бедняжка, совладать с причудливой ее формой: та черта плохо передается, другая в размер стиха не укладывается, для третьей рифмы не прибрать — вот он и рассказывает содержание своим и словами, называя это «подражанием». Говорят, что при таком способе передачи чужого произведения удерживается дух подлинника... Мне очень хотелось бы представить на ваш суд несколько таких подражаний; но боюсь, что это займет очень много места... Чтоб как-нибудь помочь горю, все стихотворения à la Гейне, написанные нашими поэтиками, я разделю на три категории и в своих вариациях попробую воссоздать дух каждой из них».

А. П. СНИТКИН

Из цикла «Антологические стихотворения». Поездка в Парголово. *Парголово* — дачная местность под Петербургом. *Редерер* — марка шампанского.

Из цикла «Мелодии». Пародии на стих. А. А. Фета из отдела «Мелодии»: «Я долго стоял неподвижно...» и «Шумела полночная вьюга...».

Из цикла «Элегии». В Павловске. Пародия на стих. Фета «Постой! здесь хорошо! Зубчатой и широкой...» (в сб. Фета «Стихотворения» 1856 г. — в разделе «Элегии»). *Штраус* И. (1825—1899) — австрийский композитор и дирижер; в течение нескольких лет дирижировал оркестром в Павловске (под Петербургом).

Солнечный свет. Пародия на стих. Я. П. Полонского «Лунный свет». Вот конец этого стихотворения, проникнутого меланхолически-элегическим настроением:

Отчего ж былого счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего ж бывая радость
Безотраднa, как печаль,
Отчего печаль бывая
Так свежа и так ярка? —
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

Угнетенная невинность, или Новая Одиссея. В основу этого стихотворения легли следующие факты. В 1859 г. писатель и фольклорист П. И. Якушкин (1820—1872) был командирован в Новгородскую и Псковскую губернии для изучения крестьянского быта, собирания народных песен, преданий и пр. В Новгородской губернии все обошлось благополучно, а в Псковской его трижды арестовывали как подозрительного субъекта. Вернувшись в Москву, Якушкин рассказал

о своих приключениях в статье «Проницательность и усердие губернской полиции», на которую ответил псковский полицмейстер В. Э. Гемпель. Вокруг этого дела завязалась оживленная журнальная и газетная полемика. Одним из таких откликов является и стихотворение Сниткина. Уже в 80-х годах Д. Д. Минаев опубликовал в своих воспоминаниях о Якушкине другую редакцию стихотворения Сниткина, в которой названо имя Якушкина, указано место действия и пр. В стихотворении, озаглавленном «Новейшая Одиссея», очень мало строк, полностью совпадающих с текстом, напечатанным в 1860 г., при жизни Сниткина. Из журнала заседаний С.-Петербургского цензурного комитета от 21 января 1860 г. известно, что «Угнетенная невинность» была разрешена в том виде, в каком была представлена, не подвергшись цензурным изменениям. Сопоставление двух редакций дает основание думать, что «Новейшая Одиссея» — не первоначальная редакция стихотворения Сниткина, исправленная самим автором для печати из цензурных соображений, а скорее позднейшая переделка Минаева. Вместе с тем вполне вероятно, что в отдельных строках Минаев устранил следы автоцензуры. *Циклоп* (греч. миф.) — великан с глазом посередине лба. *Гипербореи* — в древнегреческой мифологии народы, жившие на крайнем севере. *Чресла* — поясница, бедра. *Ременка* — кнут, кучерская плеть. *Вид* — т. е. вид на жительство, паспорт, удостоверение личности. *Гуня* — ветхий полушубок или армяк, рубище. *Мормоны* — североамериканская

секта, учение которой является смесью язычества и христианства. *Мормоны* были сторонниками многоженства. *Читал в «Библиотеке» я.* Речь идет о статье Н. Краснова «Секта мормонов» в журнале «Библиотека для чтения». *Клеврет* — сторонник, приспешник. *Сибирка* — арестантское помещение. *Фемида* (греч. миф.) — богиня правосудия. *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник, начальник стана (административно-полицейское подразделение уезда в царской России). *Бюргермейстер* (нем. *Bürgermeister*) — буквально бургомистр, мэ; здесь речь идет о полицмейстере, начальнике городской полиции.

Для многих. Ответ на одно из программных стихотворений Полонского «Для немногих»; каждая строфа этого стихотворения кончается словами: «Для немногих я поэт» (см. также с. 272). *Сонм* — множество. *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Квартальный* — см. стр. 694.

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

В грозу. *О, приходи же ты, грозная, дикая...* Ср. со стих. Добролюбова «О, погоди еще, желанная, святая...», также обращенным к революции и незадолго до этого опубликованным.

Отца м. *Глагол* — слово.

Когда же? Четверостишие, взятое для эпиграфа, — одно из последних стихотворений Т. Шевченко.

XIX век. В рукописном сборнике, составленном отцом поэта на основании бывших в его распоряжении автографов, озаглавлено «Силы XIX века».

К родине. *Хоть и не сладок мне, о родина, твой дым.* Как бы ответ на стих из «Горя от ума» Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен».

Критянка в море. Летом 1866 г. на Крите вспыхнуло восстание греческого населения, добивавшегося присоединения острова к Греции. Борьба велась с большим упорством, греки одержали над турецкими войсками ряд побед. Демократические круги России с большим сочувствием следили за восстанием. Уже после опубликования стих. Гольц-Миллера Турция предъявила Греции ультиматум, требуя прекращения помощи восставшим и угрожая войной, а собравшаяся в Париже конференция великих держав признала эти требования справедливыми. Греции пришлось уступить, и критское восстание было таким образом окончательно задушено.

По прочтении книги Бокля «История цивилизации». В рукописном сборнике озаглавлено «Старая и новая Европа. По прочтении книги Бокля „История цивилизации“». Бокль Г.-Т. (1821—1862) — английский историк и социолог, автор «Истории цивилизации в Англии», пользовавшейся в 60-х годах большой популярностью

и не раз издававшейся в русском переводе. *Содом* — город в южной Палестине, жители которого, по библейской легенде, навлекли на себя божий гнев своими пороками и развратом; Содом был сожжен огненным дождем и провалился в бездну. *Перуны* — громы и молнии (от имени древнеславянского бога грома и молнии Перуна).

«Дай руку мне, любовь моя...». В рукописном сборнике озаглавлено «Ритурнель».

Мой дом. Своеобразный разночинский вариант стих. Пушкина «Городок». *Кто носит всё свое с собой*. Перефразировка латинской поговорки: *Omnia mea mecum porto* (Все мое ношу с собой). *Платон* (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) и *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческие философы. *Макьявель* — Макиавелли Н. (1469—1527) — итальянский политический мыслитель и писатель эпохи Возрождения. *Конт О.* (1798—1857) — французский философ и социолог, основатель позитивизма. *Бокль* — см. с. 720. *Риттер* — по-видимому, К. Риттер (1779—1859), известный немецкий географ. *Риль* — по-видимому, В. Риль (1823—1897), немецкий социолог, этнограф, историк искусства и писатель. *Бентам И.* (1748—1832) — английский правовед и философ-моралист. *Милль* — см. с. 731. *Прудон* — см. с. 725. *Смит А.* (1723—1790) — английский экономист и философ, основатель классической школы буржуазной политической экономии. *Лассаль Ф.* (1825—1864) — немецкий социалист, положил начало реформист-

скому течению (лассальянству), основатель Всеобщего германского рабочего союза. Многие произведения упомянутых политических деятелей, мыслителей и ученых были изданы в 60-х годах в русском переводе и — иногда по-своему переосмысленные — пользовались большой популярностью у демократической интеллигенции того времени.

Л. И. ПАЛЬМИН

Requiem. Стихотворение стало впоследствии революционной песней.

Свидание. В 1865 г., когда стихотворение было напечатано, окончилась гражданская война между северными и южными штатами США. Передовые русские люди с большим интересом следили за американскими событиями. Но борьба за освобождение негров от рабства всегда вызывала в их сознании и наиболее близкие им мысли о борьбе с российским крепостничеством и самодержавием. Недаром помещики часто именовались в демократической литературе и публицистике плантаторами. Снабжая стихотворение подзаголовком «Мотив из североамериканского поэта», Пальмин тем самым указывал читателям, что речь идет в нем именно о гражданской войне. В 1878 г. в сб. «Сны наяву» поэт снял подзаголовок — отчасти, по-видимому, потому, что американские события 1861—1865 гг. отошли в прошлое, отчасти желая приспособить стихотворение к другому злободневному факту — окончанию русско-турецкой войны.

Гуманный проект. *На строки катковских статей.* О Каткове см. на с. 728.

Вечное бытие. *Гус Я.* (1369—1415) — вождь чешского национально-освободительного движения; по приговору католической церкви был сожжен на костре как еретик. *Тать* — вор, разбойник.

Ворон на колокольне. *Угодник* — христианский святой. *Налой* — аналой, высокий столик с покатым верхом, принадлежность церковного обихода; перед аналоем, в частности, происходит обряд бракосочетания. *Двенадцатый год* — Отечественная война 1812 года. *Иоанн* — Иван IV Грозный. *Слободка* — поселок у самого города.

Опозоренный храм. *Алтарь* — главная часть церкви, отделенная от общего помещения иконостасом; в древности — жертвенник; в переносном смысле «принести на алтарь чего-нибудь» — пожертвовать во имя чего-нибудь. *Клир* — духовенство какой-нибудь церкви. *Фарисей* — ханжа, лицемер. *Елей* — оливковое масло, употреблявшееся в церковной службе. В переносном смысле — о чем-то успокаивающем, приторном.

Дураки. *Сократ* (469—399 до н. э.) и *Платон* (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческие философы. *Пифагор* (ок. 580 — 500 до н. э.) — древнегреческий математик и философ. *Фрина* — здесь: женщина легкого поведения (от имени гре-

ческой гетеры, прославившейся тем, что была натурщицей знаменитого скульптора Праксителя и художника Апеллеса).

П. В. ШУМАХЕР

Последний из могикан. В стихотворении нарисован портрет помещика-крепостника накануне крестьянской реформы 1861 г. *Комитет* — губернский комитет из выборных от дворянства; губернским комитетам было поручено составить проекты освобождения крестьян от крепостной зависимости, на основании которых Главный комитет по крестьянскому делу (в другой редакции последней строфы он назван «петербургским комитетом») должен был выработать общие положения крестьянской реформы. Депутаты от губернских комитетов вызывались в Петербург. *Пчелка* — реакционная газета «Северная пчела».

Свежо предание... *Решает* — отменяет, упраздняет. *Откуп* — право взимания каких-нибудь государственных доходов, предоставлявшееся за определенную плату частному лицу, откупщику. В России до 1861 г. широко практиковалась система питейных откупов, согласно которой откупщик приобретал у государства монопольное право продажи водки в известном районе.

Российский турист. *И черт занес меня в Европу...* — «перепев», яснее ощущавшийся в журнальном тексте («Занес же черт меня в Ев-

ропу»), двух строк из «Гусара» Пушкина. «Русский вестник» — журнал, выходящий с 1856 г. под редакцией М. Н. Каткова; в первые годы своего существования умеренно либеральный орган, не раз с похвалой отзывавшийся об английском социально-политическом строе; впоследствии — орган дворянской реакции. *Я не купец, — я дворянин* и т. п. — «перепев» строк из «Моей родословной» Пушкина: «Не офицер я, не ассессор, Я по кресту не дворянин, Не академик, не профессор; Я просто русский мещанин». *Бутенопы* Н и П. — владельцы завода сельскохозяйственных орудий и машин. *Буфы* (от франц. bouffe, bouffon) — шутники, балагуры. *Комильфы* (от франц. comme il faut) — как должно, т. е. вполне благовоспитанны, отвечают правилам светского приличия. *Прудон* П.-Ж. (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист. *Мусьё* (франц. monsieur) — господин, сударь, милостивый государь. *Моншер* (франц. mon cher) — мой милый, любезный. *Как жаль, что задали ей трёпу!* Речь идет о войне Франции и Сардинии против Австрии (1859), закончившейся объединением Северной Италии. *Лудовик* — Наполеон III.

В а с и л и й Ж у к о в. Трубочные табачи фабрики Жукова пользовались большой популярностью у курильщиков 20—50-х годов, но в пореформенной России трубка выходит из обихода и делается принадлежностью только людей «старого закала». *Как дым отечества, был сладок и приятен* и др. В рефрене перефразированы слова

из «Горя от ума» Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен», в свою очередь восходящие к стих. Державина «Арфа». *Пал Севера колосс* — о поражении России в Крымской войне. *Незабвенный* — Николай I. «Незабвенным нашим родителем» Николай I был назван в манифесте Александра II по поводу его смерти и своего вступления на престол. Это выражение, иронически переосмысленное, было подхвачено Герценом и Огаревым, и по их почину насмешливое словечко, содержащее оценку всего николаевского царствования, вошло в обиход.

Кто она? Стихотворение является откликом на крестьянскую реформу; оно полемически направлено против сусального стихотворения А. Н. Майкова «Картинка (После манифеста 19-го февраля 1861 г.)», в котором говорится о том, с какой радостью и удовлетворением приняли якобы реформу мужички. Впоследствии Шумахер печатал стихотворение без подзаголовка, из-за чего его политический смысл был несколько затушеван.

Песнь каторжного. В позднейшей редакции, в связи с новыми историческими условиями, Шумахер затушевал антикрепостническую направленность стихотворения: строка 16-я вместо «С нашим барином слюбилася» — «С целовальником слюбилася».

К памятнику Крылова. Речь идет о памятнике работы П. К. Клодта в Летнем саду в Петербурге.

Малоярославецкие политики. «Малый Ярославец» — петербургский ресторан. *Камелия* — женщина легкого поведения, кокетка. *Богемцы* — чехи.

Четыре поры. *Долу* — книзу, к земле.

В Новый год. *Шлафор* — шлафрок, домашний халат. *На этот день — лакеем*. Имеются в виду деньги, получавшиеся обычно слугами в виде награды к празднику.

Война. Отклик на франко-прусскую войну 1871 г. *Столица света* — Париж.

«У Цепного моста...». У Цепного моста (теперь мост Пестеля) в Петербурге помещалось Третье отделение. Стихотворение было опубликовано в «Русском архиве» 1908 г. без указания автора со следующим пояснительным примечанием: «По поводу лекций, читанных П. Н. Рыбниковым в Третьем отделении собственной е.и.в. канцелярии, о порядке производства следствий (март 1872)».

Бывало. *Тезоименитство* — именины (обычно это слово употреблялось применительно к именинам какого-нибудь важного лица, например члена царской фамилии).

В. Р. ЩИГЛЕВ

Современные вопли. Много безвинных студентов засело. Об участниках студенческого движения в Петербурге осенью 1861 г. *Паткуль А. В.* (1817—1877) — генерал, петербургский обер-полицмейстер. *Игнатъев П. Н.* (1797—1879) — петербургский военный губернатор. *Пуятин Е. В.* (1803—1883) — адмирал, министр народного просвещения. Все трое активно содействовали «усмирению» студенчества. *Михайлов М. Л.* (1829—1865) — поэт, переводчик, публицист и революционер. В конце 1861 г. был приговорен к шести годам каторги за составление и распространение прокламации «К молодому поколению». Умер на Кадаинском руднике. *Жертву одну мы еще проводили* — Н. А. Добролюбова, умершего в ноябре 1861 г.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...». Стихотворение вызвано шовинистическими настроениями, которые усилились в связи с польским восстанием 1863 г. и искусственно раздувались правительственными кругами. «Перепев» стих. М. Ю. Лермонтова «Бородино». *Отвсюду адреса стремятся.* Речь идет о вакханалии приветственных телеграмм и адресов с выражением верноподданнических чувств Александру II и восторгов по поводу «подвигов» М. Н. *Муравьева* (1790—1866); Муравьев был назначен генерал-губернатором северо-западных губерний и жестоко подавил польское восстание. *Катков М. Н.* (1818—1887) — редактор журнала «Русский вестник» (с 1856 г.) и

газеты «Московские ведомости» (с 1863 г.). Сначала человек умеренно либеральных взглядов, Катков, в начале 60-х годов становится апологетом самодержавия и крупнейшим публицистом дворянской реакции. *Марсовски* — воинственно (от имени бога войны Марса). *Не будет ли война?* По-видимому, имеются в виду дипломатические ноты западноевропейских держав. Заинтересованные в ослаблении международного положения России, они, однако, не оказали Гольше никакой реальной поддержки. Поскольку царское правительство скоро начало брать верх над восставшими, ноты были в резкой форме отклонены министром иностранных дел А. М. Горчаковым (1798—1883) как вмешательство во внутренние дела России. *Берг* Ф. Ф. (1793—1874) — генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского. *Онопrienko* — поручик русских войск в Польше, подписавший верноподданническое заявление в ответ на письмо революционного офицера, опубликованное в «Колоколе» Герцена. *Бастилия* — см. с. 703. Родной Бастилией названа Петропавловская крепость, сооруженная при Петре I. Уже с 1717 г. она стала тюрьмой для политических преступников. *От аудиторий прочь*. Высшее образование было еще долго недоступно для женщин, но в начале 60-х годов они некоторое время допускались на университетские лекции.

Совет. *Общее дело*. В публицистике и литературе демократического лагеря слова эти нередко обозначали революцию.

Современный чародей. «Современный чародей», как и ряд других стихотворений Щиглева, включенных в настоящий сборник, был в свое время запрещен цензурой. «В стихотворении этом, — читаем в протоколе заседания С.-Петербургского цензурного комитета, — под именем чародея выставлена наша администрация, мешающая всем благим начинаниям граждан». *Тут на лекции ходить*. По-видимому, речь идет об университетских лекциях; см. также с. 729. «*Не прелюбы сотвори!*» — т. е. не прелюбодействуй (одна из десяти библейских заповедей). *Ричмонд* — главный город штата Восточная Виргиния США; в годы гражданской войны (1861—1865) — столица южных штатов и последний опорный пункт южан-рабовладельцев; был взят в апреле 1865 г., после чего они капитулировали. *И у нас проект открылся...* Речь идет о воскресных школах, возникших в конце 50-х годов и закрытых правительством в 1862 г.

«Нет, не о Ницце я думаю...». *Колизей* — грандиозный амфитеатр в Риме, построенный в I в.; предназначался для боев гладиаторов и цирковых зрелищ. *Умные люди встречаются...* Как известно, в дореволюционные времена Сибирь была местом ссылки и каторжных работ революционеров.

Еще одна. Строки «Петропавловская крепость» в стихотворении нет; однако она явственно

напрашивается и его общим смыслом, и рифмовкой, и ритмом. Щиглев рассчитывал на догадливость читателей, но цензор запретил стихотворение, и оно было впервые напечатано лишь в 1933 г.

Два голубка. *В акцизы* — т. е. в учреждение, ведающее акцизными сборами (так назывались косвенные налоги на некоторые предметы потребления — соль, крепкие напитки, табак и пр.). «*Весть*» — см. с. 683.

«Фрол Фомич, помещик с весом...». Жалобы на пореформенные порядки, нередко раздававшиеся со страниц крепостнической «*Вести*», высмеяны и в других стихотворениях искровцев.

В Летнем саду. *Наполеон* — Наполеон III.

Храбрец нашего времени. *Бляха с номером* — городской, полицейский.

Двенадцать часов. *Милль Д.-С.* (1806—1873) — английский либеральный экономист и публицист, автор статей по женскому вопросу, в которых отстаивал равноправие женщин.

На крестинах. Через полтора года Щиглев написал стих. «2-го мая 1889 г.» — в день похорон Салтыкова. В стих. «На крестинах» использована композиционная схема песни Беранже, из которой взят эпиграф. *С Станиславой на груди* —

т. е. с орденом св. Станислава. *Эзон* (VI в. до н. э.) — древнегреческий баснописец. *А растет Вольтеров скоп* — скопление, число вольтерьянцев, т. е. вольнодумцев. *Франмасон* (от франц. franc maçon, вольный каменщик) — последователь масонства, религиозно-политического движения, возникшего в XVIII в. в форме тайной международной организации, которая ставила своей целью нравственное совершенствование; член масонской организации. В устах обывателей — тоже вольнодумец. *Дыба, Разуваев, Топтыгин* — герои произведений Щедрина: Дыба — циклов «За рубежом» и «Письма к тетеньке», Разуваев — цикла «Убежище Монрепо» и др., Топтыгин — сказки «Медведь на воеводстве».

И. Л. ПУШКАРЕВ

Под звездным небом. Эпиграф — из стих. Е. А. Баратынского «На смерть Гете». *Дитя больного века*. Ср. с «Поэтом и гражданином» Некрасова: «Ты — сын больной больного века».

Песня о песне. Эпиграф — из «Размышления у парадного подъезда» Некрасова.

В. В. СТАРОДУБСКИЙ

И з б а в и б о г ! *Выя* — шея.

А. Н. ИВОЛГИН

Деятель. *Шиньон* — женская прическа, обычно из чужих волос. *Лишних три страницы «Дыма»*. . . Роман Тургенева «Дѣмъ» был напечатан в 1867 г. *Желудкова в Яссах встретил*. . . В. П. Иванов-Желудков — псевдоним В. И. Кельсиева (1835—1872), под которым он печатал статьи и корреспонденции в русских газетах и журналах. С 1859 г. эмигрант и близкий сотрудник Герцена, Кельсиев через несколько лет разошелся с ним; в ноябре 1866 г. приехал в Яссы, а в мае 1867 г. в Скулянах добровольно отдался в руки русским властям, написал свою «Исповедь», был прощен правительством и стал сотрудничать в умеренно либеральной и консервативной прессе. *И Крестовскому заметил*. . . Писатель Вс. Крестовский (подробнее о нем. см. на с. 525) в 1868 г. поступил юнкером в уланский полк. *Свет Шандора* — см. с. 678.

Кулак. *Батый* — см. с. 741.

И. П. МОЖАЙСКИЙ

Плотнику Науму. *Синюшка* — синенькая; пятирублевая ассигнация.

Н. П. КРОЛЬ

Муза. *Чумаков* Ф. П. (1823—1899) — живописец, академик Академии художеств. *Весталка* — в Древнем Риме жрица в храме богини домашнего очага Весты. *Вакханалии* — в античном мире

празднества, связанные с культом бога растительности, покровителя виноградарства и виноделия Вакха. Вакханки — спутницы Вакха. *Ланиты* — щеки. *Киприда* (греч. миф.) — одно из прозвищ древнегреческой богини любви и красоты Афродиты (остров Кипр был одним из главных центров ее культа). *Гетера* — в античном мире незамужняя женщина, обычно с артистическими способностями, живущая самостоятельно и ведущая свободный образ жизни.

Венеция. *Риальто* — знаменитый мост в Венеции через Большой канал. *Я слышал звук цепей...* До 1866 г. Венецианская область находилась под владычеством Австрии. *Тезей* (греч. миф.) — герой древнегреческих сказаний, убивший Минотавра (чудовище — полубык-получеловек) в Критском лабиринте. Здесь под минотавром имеется в виду Австрия.

Н. П. ГРЕКОВ

15-го января. М. Ф. Кин посвящены и многие другие стихотворения Грекова.

Желание. *Император* — Наполеон I. Речь идет об острове св. Елены.

П. А. КУСКОВ

Лес. *Нимфы* (греч. миф.) — богини, олицетворяющие силы природы. *Дриады* (греч. миф.) — нимфы, покровительницы деревьев. *Сатиры* (греч.

миф.) — ленивые и похотливые лесные божества, составлявшие свиту Вакха (см. с. 734). *Наяды* (греч. миф.) — нимфы вод.

Петр. Речь идет об известном памятнике Петру I работы французского скульптора Э.-М. Фальконе.

Тревожное сновидение. См. пародию Г. Жулева на это стихотворение и примеч. к ней (с. 162 и 693).

Апрель 1860. Война 1859 г. за освобождение итальянских государств от австрийского владычества и их объединение не осуществила полностью этих целей. В апреле 1860 г. в Турине открылся парламент объединенного итальянского государства. Но Венецианская область, оставшаяся под властью Австрии, вошла в его состав лишь в 1866 г.

Кельнский собор. Кельнский собор строился в течение нескольких столетий (XII—XIX), с большими перерывами. В связи с этим возникло немало легенд, одна из которых легла в основу стих. Кускова. См., например, «Rheinlandsagen, Geschichten und Legenden», herausgegeben von A. Reumont, Köln und Aachen, 1837, S. 50—60; «Des Rheinlands Sagenbuch», von G. Schnorrenberg, Köln, 1896, S. 12—23; «Sagen aus dem Rheinlande, nacherzählt von P. Kreuzberg», Düsseldorf, <1912>, S. 46—49. *Вавилонская баш-*

ня — по библейскому преданию, башня, которая должна была достичь неба. Разгневанный бог разрушил ее и смешал языки строителей, которые перестали понимать друг друга.

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

В л а д и м и р к а. Владимирка — дорога, по которой отправлялись в Сибирь партии закованных в цепи каторжан и ссыльных. *Соловки* — старинный Соловецкий монастырь на одном из Соловецких островов в Белом море. *Угодничек* — угодник, христианский святой.

Из цикла «Весенние ночи». См. пародии на них Н. Л. Ломана, с. 260—262.

П а р и ж, и ю л ь 1 8 4 8. Подвиг французских революционных борцов, павших на парижских баррикадах в 1848 г., освящается в стихотворении фигурой Христа. Существует предположение, что стихотворение Крестовского оказало известное влияние на фигуру Христа в поэме А. Блока «Двенадцать». Ст. 18 печатается с исправлением, сделанным Крестовским в экземпляре, который он подарил художнику М. О. Микешину (Библиотека Пушкинского дома). В хрестоматии «Русские поэты в биографиях и образцах», составленной Н. В. Гербелем (СПб., 1873), напечатана другая редакция стихотворения под заглавием «Последняя баррикада», но восходит ли она к авторскому тексту — неизвестно.

Из цикла «Хандра». *Куртины* — клумбы. «*Дважды два — четыре, А не стеариновая свечка!*» — перефразированные слова Пигасова из романа Тургенева «Рудин», гл. 2.

Из цикла «Испанские мотивы». *Auto da fe*. Филипп III (1578—1621) — испанский король с 1598 г. Фактическим правителем был его фаворит, герцог Лерма. Духовенство, служители духовных орденов (особенно иезуиты) были в оппозиции к Филиппу III и герцогу Лерме. Внешним поводом для разногласий послужило намерение Лермы отменить ограничительные законы против португальских евреев (Португалия находилась в это время под владычеством Испании) и предоставить им равные с христианами права. Вероятно, в связи с этим возникла легенда, которая легла в основу стихотворения Крестовского. О ней историк инквизиции Х.-А. Льюренте пишет следующее: «Не стану также повторять басню об эпитимии, наложенной на Филиппа III за то, что он проявил жалость к одному осужденному во время аутодафе. Я слишком осторожен, чтобы принимать на веру рассказы, которые позволили себе выдумать некоторые путешественники, и анекдоты, которые они опубликовали, чтобы потешить своих читателей». *Гранд* — испанский дворянин, принадлежавший к высшей придворной знати. *Синклит* — в Древней Греции собрание высших сановников; вообще собрание, сборище. *Верховный альгвазил* — судеб-

ный пристав в верховном совете инквизиции.
Зане — потому что, так как.

F a n d a n g o. Fandango — фанданго, испанский народный танец. Источник эпитафии не установлен. *Сенора* (исп. señoга) — сеньора, госпожа.

С а н - Я г о. Сан-Яго — святой Иаков.

А н д а л у з я н к а. Эпитафия — из стих. А. Н. Майкова «Исповедь королевы». *Гидальго* — испанский дворянин. *Францисканец* — монах, принадлежащий к католическому ордену, основанному Франциском Ассизским в XIII в.

П о л о с а. *Владимирка* — см. с. 736.

Цыганке. «*Ивушка*» — народная песня «Ивушка, ивушка зеленая моя...».

Памяти пятерых. Речь идет о повешенных декабристах. *Богатырь-голова*. Вероятно, имеется в виду А. И. Герцен, не раз писавший о подвиге декабристов и много сделавший, вместе с Н. П. Огаревым, для ознакомления русского общества с их идеями и произведениями.

Ф. Н. БЕРГ

Из стихотворения «*Деревня*». Этот отрывок из большого стихотворения или поэмы «*Деревня*» (она не была закончена, или полный текст ее до нас не дошел) сам Берг опубликовал

отдельно. Стихотворение посвящено некой Н. Н. Оленинской.

С м е р т ь. М. Н. Коптева, которой посвящено стихотворение, принадлежала к кругам демократически настроенной молодежи тех лет; в 1863—1864 гг. она была участницей организованной В. А. Слепцовым Знаменской коммуны.

З а й к а. В стихотворении идеализируется крестьянская реформа 1861 года.

Из стихотворения «В тюрьме». Этот отрывок из большого стихотворения (или цикла стихотворений) сам Берг опубликовал отдельно.

Л е с н а я п у с т ы н я. *Как сын библейский.* Имеется в виду евангельская притча о блудном сыне (Евангелие от Луки, гл. 15, ст. 11 и след.).

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

К н и г а. *Темные Василии.* Василий II Васильевич Темный (1415—1462) — великий князь Московский. Годы его княжения ознаменованы жестокой междоусобной феодальной борьбой. Темным его прозвали потому, что он был ослеплен своим двоюродным братом Димитрием Шемякой (как до этого сам ослепил брата Димитрия, Василия Косого). *Бирон Э.-И.* (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны, глава немец-

кой партии при русском дворе и фактический правитель России.

Из цикла «Русские элегии». Эпиграф — заключительные строки стих. Лермонтова «А. О. Смирновой» («В простосердечии невежды...»). *И оставят тебя в подозреньи.* «Подозрение» — термин старого уголовного суда. Подсудимый приговаривался к «оставлению в подозрении», когда не имелось достаточных доказательств его виновности, но вместе с тем и оснований для полного оправдания. *Катон* М.-П. Младший или Утический (95—46 до н. э.) — римский политический деятель и философ, убежденный республиканец, боровшийся с разложением нравов. В литературе имя Катона стало символом гражданской доблести и неподкупности.

Последняя элегия. Стихотворение некоторое время приписывалось Некрасову. *Тамарин* — герой одноименного романа М. В. Авдеева.

Смешная фигура. *Роспуски* — повозка без кузова, дроги для перевозки бревен, досок, воды и т. п.

Б. Н. АЛМАЗОВ

Кофей. Пародия на стих. Некрасова «Буря» (его первоначальную редакцию 1850 г.).

Недовольный. «Перепев» стих. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный. . .» *Сложный выкуп туман*. О выкупе крестьянами своего земельного надела после отмены крепостного права.

Турист. *Ком-иль-фо* — см. с. 725. *Сиделец* — лавочник, торгующий от хозяина, по доверенности купца; приказчик. *Цеховой* — ремесленник. *Баль-мабиль* — танцевальный зал в Париже, привлекавший публику роскошным помещением и садом, выступлениями лучших профессиональных танцоров и танцовщиц, а также атмосферой буйного веселья и свободных нравов. *Лоретка* — женщина легкого поведения.

Неизбежный. *Квартальный* — см. с. 694. Об эпитафие см. на с. 690.

Женихи. «Перепев» стих. Пушкина, первые строки которого взяты в качестве эпитафа. *Шармер* — петербургский модный портной. *Батый* (ум. 1255) — хан Золотой орды. *Геральдика* — гербоведение, описание и история гербов. *Яма* — долговая яма, тюрьма, куда сажали за неуплату долгов. *Иверские ворота* — у Иверской часовни в Москве. *Колосс Родосский* — огромная бронзовая статуя бога солнца Гелиоса, изваянная в III в. до н. э.; находилась в Родосской гавани в Эгейском море.

Похороны «Русской речи». . . Журнал «Русская речь» издавался в Москве в 1861 г. и

прекратился на № 1 за 1862 г. из-за недостатка средств. Он был основан писательницей Е. Тур (псевдоним Е. В. Салиас де Турнемир, 1815—1892) после того, как она порвала с Катковым и прекратила сотрудничество в «Русском вестнике». Поводом для разрыва послужила опубликованная в «Русском вестнике» статья Е. Тур «Госпожа Свечина»; печатая эту статью, Катков сопроводил ее полемическими редакционными примечаниями («делал дерзко примечания святотатственной рукой»). «Русская речь» выходила под редакцией Е. Тур и Е. М. Феоктистова (1829—1898), либерального журналиста и историка, впоследствии крайнего реакционера, начальника Главного управления по делам печати. Одним из сотрудников «Русской речи» был упомянутый в стихотворении историк и публицист, профессор всеобщей истории Московского университета, автор книги об английской историке Маколее Г. В. Вызинский (1834—1879), поляк по происхождению, впоследствии участник польского восстания 1863 г. и видный деятель польской эмиграции. «Похороны «Русской речи»...» — «перепев» баллады Ф. Шиллера «Торжество победителей» в переводе В. А. Жуковского, откуда взят и эпитафия. *Паллада* (греч. миф.) — Афина, богиня мудрости. *Леонтьев* — см. с. 707. *Пифон* (греч. миф.) — чудовищный змей, убитый богом света и солнца Аполлоном. *Базунов* И. В. (1785—1866) — московский книгопродавец. *Корши* — см. с. 745. *Ах, когда б на деле знала...* — «перепев» песни И. И. Дмитриева «Ах, когда б я прежде знала...». *С ним, как Сталь с*

Наполеоном... Французская писательница Сталь (псевдоним Жермены Неккер, 1766—1817) враждебно относилась к Наполеону и должна была эмигрировать из Франции; она вернулась на родину только после падения Наполеона. *Кетчер* — см. с. 745; в эпиграмме Тургенева назван «другом шипучих вин». *Ниобея* (греч. миф.) — жена фиванского царя Амфиона. За оскорбление богини Латоны, матери Аполлона, все ее дети были умерщвлены, а сама Ниобея от горя превратилась в скалу, источающую слезы. *Солдатенков* К. Т. (1818—1901) — богатый купец и московский меценат-издатель; он издал первое собрание сочинений Белинского, сборник стихотворений Некрасова, много переводных сочинений по истории. *«Атеней»* — журнал, выходивший в Москве в 1858—1859 гг. под редакцией Е. Ф. Корша; прекратился, как и «Русская речь», из-за недостатка средств. *Жбан эпохи допетровской*. Намек на славянофильские симпатии известного артиста Малого театра П. М. Садовского (псевдоним П. М. Ермилова, 1818—1872). *Аскоченский* В. И. (1813—1879) — реакционный писатель и публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа», прославлявшего православие и самодержавие и критиковавшего с этой точки зрения малейшие проявления освободительных идей, все значительные произведения искусства и достижения науки. *Миша-книжник* — библиограф и исследователь русской литературы М. Н. Лонгинов (1823—1875). *Сушков* Н. В. (1796—1871) — третьестепенный поэт. *Колошин* С. П. (1822—1869) — писатель и

фельетонист, редактор журнала «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», выходившего в Москве с конца 1861 до середины 1863 г. Алмазов был одним из его сотрудников. *Катилина* (108—62 до н. э.) — римский государственный деятель, глава военного заговора против сената. Катилиной Колошин назван в шутку. «*Наше время*» — см. с. 697. *Чичерин, публицист и дворянин*. О Чичерине см. на с. 705. Имеются в виду его статьи о русском дворянстве и современном положении России, напечатанные в начале 1862 г. в «Нашем времени». В этих статьях он отстаивал необходимость сохранения «сословных перегородок», сословных преимуществ дворянства и его первого места в государстве. В статье «Что такое среднее сословие?» Чичерин возражал тем публицистам, которые «находят вредными горизонтальные, то есть сословные разделения народа, и безвредными — вертикальные, то есть разделения на партии». *Медуза* (греч. миф.) — демоническое существо, чудовище, взгляд которого всех смотревших на него обращал в камень; на голове у Медузы вместо волос извивались змеи.

Успокоение. Первоначально было напечатано с подзаголовком «Подражание Китсу». Д. Китс (1795—1821) — английский поэт-романтик. *Юдоль* — в церковном языке: земной мир горя, забот и сует.

Художник. *Скифы* — собирательное название племен, населявших северное Причерноморье

и прилегающие к нему области с VIII в. до н. э. до III в. н. э. *Диана* (римск. миф.) — богиня луны, покровительница охоты, синоним неприступной девственности. *Фидий* (V в. до н. э.) — замечательный греческий скульптор.

Григорьев. «Перепев» стих. Пушкина «Лук звенит, стрела трепещет...». Эпиграмма на поэта и литературного критика А. А. Григорьева (1822—1864). Алмазов хорошо знал Григорьева с начала 50-х годов, когда тот стоял во главе «молодой редакции» «Москвитянина». В 60-е годы был главным критиком журналов «Время» и «Эпоха», редакторами и издателями которых были Ф. М. и М. М. Достоевские.

Чичерин. «Перепев» стих. Пушкина «Дориде» («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...»). Подзаголовок «Из А. Шенье» является мистификацией. О Чичерине см. на с. 705.

Корш. «Перепев» стих. Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел...»). Эпиграмма на либерального журналиста В. Ф. Корша (1828—1893); с 1863 г. в его руки перешла газета «С.-Петербургские ведомости», которую он издавал и редактировал до 1874 г. Его старший брат, Е. Ф. Корш (1810—1897), также либеральный журналист и переводчик. *Краевский* — см. с. 703. *Кетчер* Н. Х. (1806—1886) — врач по образованию, переводчик Шекспира; как и Е. Ф. Корш, в 40-е годы был другом Белинского, Герцена и Гранов-

ского. После смерти Белинского и эмиграции Герцена оба резко поправились, осуждали революционную деятельность Герцена и порвали с ним личные отношения. *Щепкин* Н. М. (1820—1886) — сын известного драматического артиста М. С. Щепкина, издатель.

А. Н. АММОСОВ

Элегия. *Тавро* — клеймо, выжигаемое на коже лошадей и служащее отличительным знаком. *Ямман-Су* — горная река на Северном Кавказе.

Серенада. Пародия на многочисленные «испанские романсы» русских поэтов, насмешка над увлечением испанской экзотикой.

А. А. НАВРОЦКИЙ

Утес Стеньки Разина. *То теперь решено*. По-видимому, речь идет об отмене крепостного права. Эта строфа впервые появилась в изд. 1906 г.

«Было времечко, время давнее...». Песня из пятой картины драматической хроники «Стенька Разин». Ее поет казак Кирилка; он «берет несколько аккордов на торбанае, затем начинает говорком». Три раза повторяющееся «Жги!» подхватывают все. *Юрьев день* — 26 ноября. В XIV—XVI вв. за неделю до Юрьева дня или в течение недели после него крестьяне могли пе-

рейти от одного помещика к другому. В конце XVI в. это право было отменено. *Есаул* — помощник атамана, адъютант.

Ермак. *Ловитва* — лов, охота.

Д. П. ДАВЫДОВ

Амулет. *Шаман* — у некоторых сибирских народов колдун, знахарь.

Моя юрта. *Чувал* — «очаг с очельем, камин, камелек, огнище, шесток с колпаком и дымволоком у татар, башкиров, остяков, якутов, горских народов». *Рожень* — «острый торчок, тычок, рог, но более не в отвесном или стоячем, а в наклонном или уровненном положении, например вертел» (В. И. Даль).

Думы беглеца на Байкале. *В норах Акатуя* — в Акатуйской каторжной тюрьме при Акатуйском руднике. Здесь провели долгие годы и многие революционеры. *Дресва* — крупный наносный песок.

Сибирский поэт. Ответ на стих. И. П. Бочарова (ум. в 1892 г.) «Сибирскому поэту», обращенное к Давыдову. *И в Думе и в боях* — т. е. в Боярской думе, при обсуждении государственных дел, и на войне. *Фиал* — чаша, кубок. *Мангазея* — первый русский город в Восточной Сибири, торговый центр. После опустошительных пожаров

1619 и 1642 гг. пришел в запустение, и жители его переселились в Туруханск, который до 1780 г. также назывался Мангазеей. *Парнас* — гора в Греции; по мифологии — местопребывание бога Аполлона и муз; в переносном смысле — поэзия, литература с ее наиболее значительными представителями. *Таз*, *Инбак*, *Мая*, *Алдан* — реки в Восточной Сибири. *Ленские столбы* — живописные скалы на берегу Лены. *Авача* — Авач-гора, вечно дымящийся вулкан на Камчатке. *Талинка* — тальник, небольшая кустарниковая ива. *Хамар-Дабан* — горная цепь на юг от озера Байкал. *Кучум-хан* (XVI в.) — сибирский хан. *Sibirische Reise* — Reise in den äußersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844...

Т у н г у с. *Сошка* — подставка с развилкой для ружья, приделанная к нему или отдельная, употребляемая при стрельбе с упора. *Сохатый* — лось. *Рожень* — см. с. 747.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Русская поэзия 1860-х годов. <i>Вступительная статья И. Ямпольского</i>	5
---	---

В. И. БОГДАНОВ

<i>Биографическая справка</i>	85
Беседа с музой	93 678
Притча	95
Проезжим	96
Наш пролетарий	97 679
Дубинушка	99 679
Иммеры	101 679
Французы в Суэце, как видно...»	103 679
Красный принц в стенах Стамбула...»	104 680
Erriug si tuove!	104 681
«Очень грозен горизонт...»	106 682

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Свой идеал	108 686
«Орел французский встарь вносил...»	111 686
Три сына	112 686
«У министров буржуазных...»	113 686
Мы — особь статья!	113 686
<Диалог версальского и парижского хора>	116 686
<Тьеру>	118 686

Н. С. КУРОЧКИН

<i>Биографическая справка</i>	121
Послание к Н. Л. Гнуту	128 687
Дурные вести	129
Дева и жрецы	130 688
Утешение в разлуке	134 689
Из цикла «Парижские оды»	
1. Ода на «Него»	136 689
2. Ода на современное состояние Франции	138 689
В ресторане	139 691
«Честным я прожил певцом...»	141 691
Некрасов	142 692
К музе <Из Т. Шевченко>	143 692
Ископаемый человек <Из Д. Джюсти>	145 692

Г. Н. ЖУЛЕВ

<i>Биографическая справка</i>	149
У кухни	154

Карьера	155	692
Незабудка	158	692
Литературные староверы	159	692
Сон	162	693
Отставной майор и «ландышка»	163	693
Товарищу	165	694
Чижик	167	694
Петрушка	169	694
«Ли́ра моя, ли́ра...»	170	694

П. И. ВЕЙНБЕРГ

<i>Биографическая справка</i>	175	
«Ах ты, плут-мальчишка...»	181	
«Он был титулярный советник...»	182	
Негордый человек	183	695
Тростник и спина	185	
Двое похорон	186	
Взгляд на природу	188	695
Элегия	189	695
Веселая песенка	190	696
Из цикла «Песни сумасшедшего акционе- ра»	191	696
Колыбельная песня	193	697
Стрекоза и муравей	194	698
Утешение	196	698
Доктрина	198	699
«Бесконечной пеленою...»	200	
<Монолог Отелло из I-го действия тра- гедии В. Шекспира>	201	

В. П. БУРЕНИН

<i>Биографическая справка</i>	207
Из цикла «Парижский альбом»	
1. «В русской церкви за обедней...»	214 699
2. «Я любил за чашкой кофе...»	215 699
3. «Diable m'emporte! Гулять я вы- шел...»	216 699
Драматические сцены по поводу выхода «Современника»	217 701
После первого чтения г. Юркевича по «философии»	222 704
Главы из «Благонамеренной поэмы»	223 704
<Гражданская казнь Н. Г. Чернышев- ского>	229 707
Из поэмы «Прерванные главы»	231
Песнь о Педефиле и Педемахе	234 707
Общественное мнение	239 708
Собачий пир (<i>Из О. Барбье</i>)	240 708

Н. Л. ЛОМАН

<i>Биографическая справка</i>	247
Перед Милютиными лавками	250 709
Утешение	251 709
На кладбище	252 709
Коварство и любовь	253 710
«Давно любовь в обоих нас остыла...»	255 711
«Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь...»	260 712

«Ах, взгляните: закрывает тучкой боязливо...»	260	713
«Появилась головка в окне...»	261	714
Résumé весенних стихотворений г. Кре- стовского	262	714
(Г. Пр. Преображенскому)	262	714
«Душе становится легко хоть на мгновенье...»	263	715
«В самом деле, шли бы вы на взморье...»	263	715
«Ох, время тяжкое настало!..»	264	715
Стихотворения в гейневском духе	266	716

А. П. СНИТКИН

<i>Биографическая справка</i>	269	
Из цикла «Антологические стихотворения»		
1. Непонятый вопрос	274	
2. Поездка в Парголово	275	716
Из цикла «Мелодии»		
1. «Я мрачно сидел за бутылкой...»	276	716
2. «И ветер и дождик шумели...»	276	716
Из цикла «Элегии»		
В Павловске	277	717
Солнечный свет	278	717
Угнетенная невинность, или Новая Одиссея	278	717
Для многих	282	719

И. И. ГОЛЬЦ-МИДЛЕР

<i>Биографическая справка</i>	287
Другу	292
Чем не гражданин?	293
В грозу	294 719
Мертвая тишь	295
Отцам	296 719
Когда же?	297 719
«Слу-шай!»	297
К моей песне	299
«Родина-мать! твой широкий простор...»	300
«Путь мой лежит средь безбрежных рав- нин...»	301
XIX век	302 720
К родине	302 720
Критянка в море	303 720
По прочтении книги Бокля «История ци- вильзации»	305 720
«Дай руку мне, любовь моя...»	307 721
Мой дом	308 721

Л. И. НАЛЬМИН

<i>Биографическая справка</i>	313
«Пускай идет и гений и наука...»	318
Эхо	319
Requiem	319 722
Свидание	320 722
«Волшебные звуки таинственных струн...»	322

Из тюремных мотивов	323
Тетушка полночь	325
Гуманный проект	327 723
Вечное бытие	328 723
Ворон на колокольне	331 723
Опозоренный храм	334 723
Дураки	337 723
Михей и филантропы	338

П. В. ШУМАХЕР

<i>Биографическая справка</i>	343
Последний из мёгикан	346 724
Свежо предание...	347 724
Элегия	348
Российский турист	349 724
Василий Жуков	351 725
Кто она?	353 726
Песнь каторжного	353 726
К памятнику Крылова	354 726
Малоярославецкие политики	355 727
Прогресс	356
Четыре поры	358 727
В Новый год	359 727
Война	359 727
«У Цепного моста...»	361 727
Осень	361
Бывало	362 727
Горькое одиночество	364
«Какой я, Машенька, поэт?..»	365

В. Р. ЩИГЛЕВ

<i>Биографическая справка</i>	369
Современные вопли	375 728
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» . . .	376 728
Старый знакомый	379
Совет	380 729
Современный чародей	381 730
«Нет, не о Нице я думаю...»	383 730
Дети	384
Последнее блюдо	385
Еще одна	388 730
Два голубка	389 731
«Фрол Фомич, помещик с весом...» . . .	390 731
В Летнем саду	391 731
Храбрец нашего времени	392 731
Двенадцать часов	393 731
«Я всю ночь просижу у окна...»	394
Кариатиды	394
На крестинах	396 731

Н. Л. ПУШКАРЕВ

<i>Биографическая справка</i>	404
Освобожденный рыцарь	407
Под звездным небом	410 732
С натуры	412
Где?	414
Песня о песне	415 732

В. В. СТАРОДУБСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	421
Избави бог!	423 732
Покоящийся прогрессист	425

А. Н. ИВОЛГИН

<i>Биографическая справка</i>	429
Ветер	430
Ночная песня	431
Сон	432
Волшебная страна	434
Деятель	436 733
Кулак	438 733

И. П. МОЖАЙСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	443
Умеренный человек	445
Провинциальный прогрессист	447
Плотнику Науму	448 733

Н. И. КРОЛЬ

<i>Биографическая справка</i>	453
«Они бывали часто вместе; но их взоры...»	456
Муза	457 733

Венеция	459	734
Брамин	461	
Слепец	462	
Эпистола светской дамы к степной подруге	463	

Н. П. ГРЕКОВ

<i>Биографическая справка</i>	469	
Приметы осени	473	
«Когда нежданная утрата...»	474	
Цыганка	475	
«Мы здесь одни... Кругом тенистый сад...»	476	
Свидание	477	
На рассвете	478	
Озеро	480	
«О, не забуду я тех дней очарованья...»	480	
15-го января	481	734
«Нет, полно! — Не пойду к ней с головой покорной...»	482	
«Оделся сад зеленым листом...»	483	
«Всё спало вокруг... Мы открыли окно...»	484	
Письма	485	
Посвящено памяти К. Н. Гр — вой	486	
«Звучала гитара вдали...»	488	
Желание	489	734
У гроба	490	

И. А. БУСКОВ

<i>Биографическая справка</i>	495
Река	498
Последняя просьба	498
Лес	499 734
Поцелуй	500
Петр	501 735
Уединение	502
Старичок	503
Тревожное сновидение	504 735
После бури	504
Апрель 1860	505 735
Муха	505
Весна	506
Кельнский собор	507 735
Арагва	515
Она	516
Байдарские ворота	517
Враги	517
Заботы	518
Хмель	520
Цветы	521

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	525
Владимирка	529 736

Из цикла «Весенние ночи»	
«...А весна, как струна, занывает в груди...»	530 736
«...И в саду тишина...»	530 736
«О, взгляни ты: голубые звезды робко блещут...»	531 736
«Что за воздух!.. что за ночь!.. Чего ж бояться?..»	531 736
«...Но боже! как забыть...»	532 736
Перед весной	533
Париж, июль 1848	533 736
Из цикла «Хандра»	
«Хандра... опять хандра!.. Уж близ- ко к полуночи...»	535
«Осень... спят седые тучи...»	535 737
«Я б ушел от вас на берег моря...»	536 737
«Проклятая!.. И нет ни в чем ис- хода...»	537
Из цикла «Испанские мотивы»	
Auto da fe	538 737
Fandango	542 738
Сан-Яго	543 738
Андалузьянка	544 738
Полоса	547 738
Цыганке	548 738
Памяти пятерых	549 738

Ф. Н. БЕРГ

<i>Биографическая справка</i>	553
Больной	556

Заря	557	
Из стихотворения «Деревня»	557	738
Пророк	559	
Зимой	560	
В поле	561	
Смерть	563	739
«И плеск, и блеск речной волны...»	564	
Зайка	565	739
Золотой дождик	567	
Из стихотворения «В тюрьме»	567	739
Грезы и песни	568	
Лесная пустыня	569	739
Годовщина	571	
Полдень в глуши	572	
Успокоение	573	

М. И. РОЗЕНГЕЙМ

<i>Биографическая справка</i>	579	
«Она, пела, и чудные звуки...» *	585	
Книга	586	739
Из цикла «Русские элегии»		
«Я подавлен, убит, разорен, пора- жен!..»	588	740
Последняя элегия	591	740
Смешная фигура	595	740
«Пахнуло теплым ветерком...»	597	

Б. Н. АЛМАЗОВ

<i>Биографическая справка</i>	601
Кофей	604 740
Недовольный	606 740
Турист	607 741
Неизбежный	608 741
Женихи	609 741
Похороны «Русской речи», скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни	612 741
Успокоение	617 744
Художник	619 744
Григорьев	620 745
Чичерин	620 745
Корш	621 745

А. Н. АММОСОВ

<i>Биографическая справка</i>	625
Элегия	627 746
Серенада	630 746
«Не позабудь меня вдали...»	631
Колокольчик	631

А. А. НАВРОЦКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	635
Утес Стеньки Разина	637 746

«Было времечко, время давнее...» . . .	639 746
Ермак	642 747

Д. П. ДАВЫДОВ

<i>Биографическая справка</i>	649
Амулет	655 747
Моя юрта	661 747
Думы беглеца на Байкале	663 747
Сибирский поэт	666 747
Тунгус	670 748
Примечания	675

ПОЭТЫ 1860-х ГОДОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1968 г.
764 стр. Тем. план вып. 1968 г. № 379

Редактор *И. В. Исакович*
Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Э. И. Панова*

Сдано в набор 7/VIII 1967 г. Подписано
в печать 17/I 1968 г. Бумага 84 × 108^{1/64}.
№ 2. Печ. л. 11^{15/16} (20,05). Уч.-изд. л. 23,50.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 1170. Цена
87 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
Красная ул., 1/3

